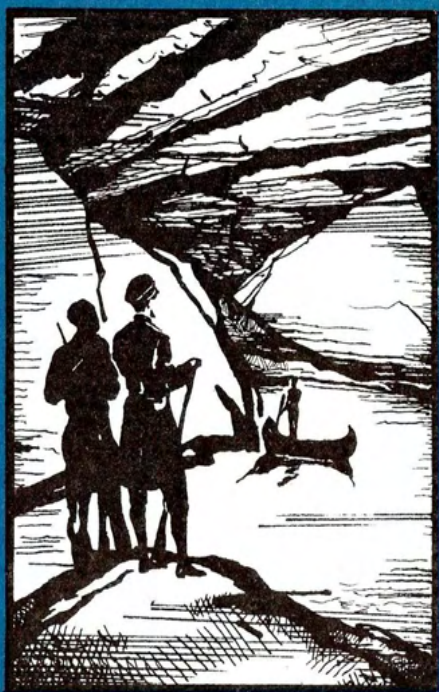

Г. ЭМАР

І.ЭМАР

Scan Kreyder - 27.11.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1994

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том четырнадцатый

Сурикэ

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1994

ББК 84.4Фр.
Э54

Оформление художника
В. Чемякиной

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОС»

Эмар Г.
Э54 Собрание сочинений: В 25 т. Т. 14: Сурикэ; Роман / Пер. с фр. — М.: ТЕРРА, 1994. — 448 с.

ISBN 5-85255-648-3 (т. 14)
ISBN 5-85255-092-2

В настоящий том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошел роман «Сурикэ».

Э $\frac{4703010100 - 250}{A30(03) - 94}$ Подписное

ББК 84.4Фр.

ISBN 5-85255-648-3 (т. 14)
ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр
«ТЕРРА», 1994

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Читатель знакомится с некоторыми из главных действующих лиц этой правдивой истории

Река Св. Лаврентия в первый раз была исследована от устья до верховья в 1535 году Жаком Картье.

Туземцы называли эту реку *Хохелега*, а упомянутый мореплаватель дал ей имя реки Св. Лаврентия, которое она носит до сих пор.

Эта величественная река, что бы там ни говорили, может, без сомнения, считаться частью огромного бассейна, который начинается маленькой речкой Св. Людовика, впадающей в озеро Верхнее с самой западной стороны, и непрерывно тянется до Атлантического океана, обнимая собой большие озера и небольшие реки с многочисленными водопадами, на пространстве трех тысяч километров или 750-ти миль.

Некоторые географы полагают, но без достаточного основания, что река Св. Лаврентия берет начало в озере Онтарио; как бы то ни было, эта река несколько раз меняет название на всем своем длинном протяжении; от впадения в залив Св. Лаврентия под $46^{\circ} 52'$ северной широты и $59^{\circ} 69'$ восточной долготы до города Монреаля она называется рекой Св. Лаврентия; от этого места, до озера Онтарио или Фронтенак — *Катарикуйи*, или рекой Ирокезов; между Онтарио и Эри — Ниагарой; наконец, между озером Эри, через которое она протекает, и озером Сен-Клер — рекою Пролива.

Ее наружный вид от устья до Монреаля не имеет ниче-

го подобного ни в Старом, ни в Новом Свете; выше Монреаля быстрое течение и водопады делают плавание невозможным для каких бы то ни было судов, кроме легких пирог, направляемых опытными рулевыми из туземцев, или из *бегунов по лесам*.

Берега реки Св. Лаврентия представляют живописные и грандиозные пейзажи; она пересекается многочисленными, эффектнейшими водопадами; взору представляется множество извилистых бухт, гордо выдающихся мысов и величественных притоков, из которых одни впадают в главную реку бесшумно, а другие стремительно вливают в нее свои волны, с яростным ревом пролагая себе дорогу через многочисленные острова и скалы, стойко выдерживающие прибой.

Наконец, на каком бы пункте этой реки мы ни встали, везде она представляет такую необыкновенную, удивительную перспективу, какую мог бы показать разве самый волшебный калейдоскоп.

Одно из самых красивых мест реки на всем ее течении есть, бесспорно, узкий канал между мысом Паленым и мысом Мучений, недалеко от Квебека, в том самом месте, где пресная вода реки сливается с горько-соленой водой залива.

Этого места очень боятся моряки по причине массы огромных известковых скал, окружающих берег, и малой глубины реки: корабли решаются входить в этот канал только во время прилива, да и то беспрестанно сверяясь с показаниями лота.

Начало нашего рассказа относится к 25 июля 1756 года; в этот день, как раз около описанного места и в расстоянии нескольких выстрелов из ружья от мыса Мучений, стояли на берегу двое мужчин, опираясь руками на дула своих длинных карабинов, поставленных прикладами на землю, и пристально смотря на реку.

По-видимому, оба они уже давно были на этом месте, где и основали, должно быть, свое временное пребывание, как то показывал наполовину потухший, но раздуваемый крепким северо-западным ветром огонь и остатки скромного ужина.

Ночь была прекрасная, теплая; луна в первой четверти светила, как днем, и позволяла различать на далеком расстоянии разные подробности пейзажа; ветер усиленно свистел сквозь густолиственные ветки столетних деревь-

ев-великанов огромного девственного леса и вспенивал бурливые волны реки, нагоняя их на прибрежные скалы, о которые они разбивались с глухим роптанием.

Первый из указанных мною мужчин был лет тридцати пяти или сорока; его рост был несколько выше среднего и доходил до пяти футов и трех дюймов; он был коренаст и крепок, одет в военный мундир с унтер-офицерскими нашивками, который сидел на нем с несколько преувеличенной ловкостью; у него было длинное костлявое лицо с круглыми глазами навывкате, с ястребиным носом и сине-вато-черными, густо нафабранными усами, убийственно закрученными кверху, что придавало его физиономии задорный, насмешливый вид, в то время, впрочем, свойственный почти всем старым солдатам, давно привыкшим тянуть свою лямку и смотревшим на всех невоенных сверху вниз с горделивой и пренебрежительной снисходительностью.

Этот почтенный сержант носил благозвучное имя *Ларутин* и приехал в Канаду всего месяца два тому назад, хотя и воображал, что знает всю Америку лучше кого бы то ни было.

Товарищ его составлял с ним полнейшую противоположность.

Это был высокий молодец, шести футов четырех дюймов ростом и неимоверной худобы; его кожа, огрубевшая от солнца, ветра, дождя, холода и жары, приняла кирпичный цвет и буквально присохла к его мускулам, твердым как железо и натянутым как веревки.

По-видимому, этот человек был еще молод, в возрасте от 25-ти до 30-ти лет самое большее. Его черты напоминали нормандский тип во всей чистоте, его маленькие, словно буравчиком просверленные глазки, глубоко скрытые под дугообразным навесом бровей, блестели умом и честностью; у него была изжелта-белокурая борода, волосы которой местами перепутались с красновато-рыжими беспорядочными прядями волос на голове, и этот рыжий цвет придавал его чертам выражение упорной энергии и могучей воли, которое так резко обозначено на морде льва.

Этого человека звали Жак Берже, но он почти забыл это имя; он больше был известен под прозвищем *Бесследный*, данным ему ирокезами за легкость походки и за неподражаемое умение скрывать свои следы, проходя степью. Этим славным титулом он немало гордился.

Бесследный, которого мы так и будем называть, был канадец, родом из города Трех Рек, родители же его были нормандцы, уроженцы маленького прелестного городка Флер-де-Лориса; он считался искуснейшим охотником, хитрейшим разведчиком, а главное — опытейшим из бегунов по лесам во всей Новой Франции.

Генерал Монкальм, незадолго до того приехавший в Америку, чтобы принять начальство над армией вместо несчастного Диеско, отменно уважал канадского охотника; он оказывал ему всегда полнейшее доверие.

Костюм, усвоенный Бесследным, не оставлял никакого сомнения насчет его занятий; этот замшевый костюм представлял странную смесь индейской и европейской моды.

Кроме длинного ружья, у него был еще топор вроде томагавка гурунов или ирокезов, ножик или, скорее, клинок с лезвием в 23 дюйма длины и 5 дюймов ширины, мешок для пуль, пороховница из буйволового рога и ягдташ из кожи карибу, наполненный провизией и несколькими ценными вещами, составляющими все его богатство.

История этого человека не длинна, но ужасна.

Ему было не более семи лет, когда все его семейство, состоявшее из отца, матери, пяти братьев и четырех сестер, было захвачено шайкой ирокезов, подвергнуто гнуснейшим мучениям, скальпировано и наконец убито с неслыханной, утонченной жестокостью.

Жак Берже каким-то чудом спасся от этой ужасной бойни; он сам не умел хорошенько рассказывать, как это случилось, он помнил только, что ему удалось с величайшим трудом и после множества лишений, руководствуясь одним инстинктом, добраться до *Мехиллимакмака*, где бедный сиротка, умирающий от голода и усталости, был принят сострадательными гурунами.

С тех пор Жак Берже остался навсегда в племени своих спасителей, любя и уважая их, как своих.

С возрастом ненависть его к убийцам своих родных перешла в какое-то хроническое бешенство; возмужав, он стал думать только об одном: как бы отомстить ирокезам да придумать месть самую ужасную, чтобы нанести им как можно больше зла; он всюду выслеживал их один, он объявил им войну не на жизнь, а на смерть. Встречаясь с ними, он без колебаний нападал всякий раз на них, каково бы ни было их число.

Вскоре он нанес им такие чувствительные потери, ни разу не попавшись ни в одну из устроенных ему засад, что ирокезы начали чувствовать к нему суеверный страх; одно его имя нагоняло на них трепет, тем более что, сколько ни пытались они застичь его врасплох, всякий раз не они его, а он их настигал неожиданно и избивая без жалости.

Таковы были двое мужчин, стоявших 25-го июля на берегу реки Св. Лаврентия и присматривавшихся к ее течению.

В ту минуту, когда мы их встретили, они оживленно разговаривали.

— С вашего позволения, Бесследный, — говорил сержант, возражая, должно быть, на какое-нибудь замечание охотника, — не в обиду будь вам сказано, если бы вы не были чем-то вроде дикого, то вы поняли бы, что некая середина между человеком и обезьяной, именуемая гурон, отправившаяся из Квебека четыре часа спустя после нас, не может никоим образом проплыть по реке две мили выше того места, где мы в настоящий момент обретаемся, и вернуться назад сюда, чтобы взять нас в лодку в назначенный вами час. Что вы на это скажете, милый человек?

— Я? — сказал канадец, пожимая плечами. — Да ничего.

— То-то! — заликовал сержант. — Сознайтесь, что вы существенно обремизились!

— Что такое? Что это вы говорите, сержант?

— Я говорю, что вы существенно обремизились; это самое, так сказать, отборное выражение, — сказал солдат, насмешливо крутя усы. — Впрочем, — прибавил он снисходительно, — вы — канадец и наполовину гурон, и поэтому немудрено, что вы не слышали отборные выражения; за это винить вас нельзя.

— Говорите-то вы хорошо, сержант, — ответил Бесследный насмешливым тоном, — да, лиха беда та, что вас иной раз и понять-то трудно.

— Не всякому, дружище, — отвечал, подтягиваясь, сержант, — удастся получить такое образование, как мне; я ведь — шутка сказать! — два года служил в Версальском гарнизоне. Но вы мне вот что скажите лучше: неужели вы серьезно доверяете гуронам?

— А почему бы мне им не доверять, сержант?

— Не в обиду будь вам сказано — да вы и сами с этим согласитесь, конечно, по секрету, — но ведь эти гуроны — сущие чудачки, а мундиры их еще чуднее.

— Одежда ничего не значит, сержант; важно знать человека; *Тареа* — вождь; его отец и дед были *сагаморы*; хотя Тареа еще очень молод, но слава его велика; он прославился на войне, и его сиятельство маркиз де Монкальм, ваш новый генерал, лично его знает; он ценит его и вполне доверяет его мудрости.

— Я питаю отменное уважение к господину маркизу де Монкальму, который есть мой главнокомандующий, — отвечал сержант с высокомерным видом, — но я так понимаю, что и при всем том я имею право иметь свое собственное обстоятельственное рассуждение.

— Кто вам мешает, имейте *рассуждений* сколько хотите, — отвечал, улыбаясь, охотник. — А если это вам нетрудно, то сделайте мне одолжение, взгляните вот в эту сторону.

И он протянул руку по направлению к реке.

— В какую сторону?

— Вот сюда, направо, к этим двум островкам.

— Вижу, а потом что?

— Вы ничего не замечаете?

— Постойте-ка; действительно, как будто лодка.

— Не лодка, сержант, а пирога.

— Пирога? А разве не все равно, что лодка, что пирога?

— Уж не знаю, сержант, но дело в том, что вы видите именно пирогу, а не что-нибудь иное.

— Ну, быть по-вашему, а дальше что?

— А дальше то, что в этой пироге плывет человек, которого мы ждем.

— Гурон?

— Да, Тареа.

— Невозможно!

— Через пять минут вы убедитесь сами.

И действительно, через пять минут пирога, ловко направляемая стоявшим в ней человеком, причалила к мысу; человек выпрыгнул на берег, вытащил легкую лодочку на песок, спрятал ее в кусты и подошел к разговаривающим.

Новоприбывший был Тареа, гуронский вождь.

Он кинул быстрый взгляд на двух белых людей, потом

перекинул ружье на спину, скрестил руки на груди и остановился неподвижно и молча.

Тареа был молод, ему было сейчас только двадцать пять; его черты были красивы, выражение лица умное и благородное. Он был высок ростом и строен, его движения были скромны и грациозны; татуировка придавала его лицу свирепое выражение, еще более усиливавшееся от магнетического блеска глаз.

Хотя время года стояло довольно холодное, но верхняя часть его тела была защищена от холода лишь легкой шерстяной накидкой; орлиное перо, воткнутое в торчащий кверху пук волос на голове, означало звание вождя; его оружие, за исключением ружья, было обыкновенное оружие краснокожих, но только богаче и лучше сработанное; ружье — подарок генерал Монкальма — было очень дорогое, отделанное серебром, и было куплено у лучшего парижского оружейника.

Прошло минуты две или три, а между тем никто из троих не проронил еще ни одного слова.

Сержант, по характеру и по привычке, никогда не в чем не затруднялся; он решил нарушить молчание, которое тяготило его.

— Добро пожаловать, гурон, — сказал он индейцу тоном превосходства, — однако, собственно говоря, вас бы нужно упрекнуть, а не приветствовать.

Из глаз вождя сверкнула молния, он нахмурил брови, но почти в ту же минуту недовольное выражение исчезло с его лица, он улыбнулся и обратился к сержанту.

— Что хочет сказать Кривоногий? — кротко возразил он. — Тареа его не понял.

Краснокожим очень трудно выговаривать европейские имена, и потому они предпочитают давать им прозвище собственного изделия, смотря по нравственным качествам или физическим недостаткам каждого.

Сержант Ларутин долго служил в военном флоте матросом; он гораздо лучше умел ходить по палубе корабля, чем по земле, и потому никак не мог отстать от привычки расставлять на ходу ноги, сгибая обручем руки, и выпячивать грудь вперед, как приходится делать на борту корабля, чтобы сохранить равновесие во время килевой или бортовой качки; эта особенность не ускользнула от внимания туземцев: они сию же минуту, со свойственным им природным остроумием, дали сержанту вышеупомянутую кличку.

В похвалу сержанту Ларутину скажем, что эта кличка не оскорбляла его, а, напротив, льстила его самолюбию: этим самым он признавался за настоящего моряка.

— Я хочу сказать, — самодовольно произнес сержант, продолжая крутить усы, — что не может быть, чтобы вы исполнили поручение генерала Монкальма.

— Онондио — отец Тареа; когда Онондио приказывает, сын повинует; если бы поручение не было выполнено, то разве Тареа был бы здесь?

Имя «Онондио», которое туземцы дали губернатору колонии, а также и генералу Монкальму, часто будет упоминаться в нашем рассказе, и поэтому мы в двух словах объясним его происхождение.

Одним из первых губернаторов Канады был некто по имени де Монмани; так как это имя было трудно выговаривать краснокожим, то миссионеры-францисканцы переименовали его согласно латинскому корню «*монс магнус*» и сделали из него Большую Гору, после чего индейцы буквально перевели его — Онондио, что имеет то самое значение; с тех пор это имя присваивалось туземцами всем без различия губернаторам и главнокомандующим в Новой Франции.

— Как! Вы действительно исполнили данное вам поручение? — вскричал удивленный сержант.

— Тареа — вождь, — отвечал, выпрямляясь, индеец, — язык у него не раздвоен; ложь никогда не выходит из его уст.

Опешивший сержант повернулся к охотнику, который следил за этим разговором, насмешливо улыбаясь, но не выказывая ни малейшего намерения вмешиваться.

— Я вам говорил ведь, — сказал канадец, отвечая на вопросительный, недоумевающий взгляд сержанта, — вы еще новичок в колонии, господин Ларутин, вы не знаете индейцев; потерпите немножко; если вас за это время не оскальпируют, то вы научитесь здесь таким вещам, какие вам и не снились никогда по ту сторону океана.

— Оскальпировать! — вскричал сержант, инстинктивно хватаясь за голову. — Неужели же эти рассказы спрavedливы? Неужели дикие и вправду скальпируют врагов? Неужели у них есть такой страшный обычай?

— Конечно есть, и хорошо еще, если они сжигают врагов живьем, не подвергнув их предварительно истязаниям в течение нескольких дней.

— Ах, черт возьми! Знаете что, Бесследный, после ваших слов я начинаю сильно сожалеть о Франции.

— Подождите, через несколько дней вы будете жалеть о ней еще больше, — сказал охотник насмешливо. — Но нечего терять время, не будем заранее тревожиться и болтать, как старухи, вместо того чтобы делать дело. Как же нам быть, вождь? Вы никого с собой не взяли?

— Нет. Тареа обо всем подумал: волок слишком труден, большая потеря времени, мои бледные братья дойдут до Ориньяля, там ждет пирога; переехать в ней можно, если она не слишком нагружена.

— Черт возьми! Ваша ведь правда, вождь, я и не подумал об этом, ступайте, мы пойдем за вами; только я должен вас предупредить, что недалеко отсюда я заметил очень подозрительный свет.

— Бесследный обладает орлиным взором, от которого ничто не ускользает, — любезно заметил вождь. — Тареа заметил их; ирокезы слишком сильно любят огненную воду, от пьянства шаги бывают тяжелые, и следы бывает трудно заглазить.

— Так это ирокезы? Я тоже думал.

— Да, это бродячие собаки, «мадуас», но мы все трое — воины, нам они не страшны; наши друзья ждут по ту сторону медвежьего волока.

— Верно, вождь, не следует заставлять их слишком долго ждать, не будем больше медлить, идем. Ну, господин Ларутин, — прибавил канадец, дружески хлопнув по плечу сержанта, — вы слышали, что сказал вождь?

— Слышать-то слышал, но вот, хоть убей, ничего не понял из этой тарабарщины.

— Это правда, язык гуронов не похож на наш. Я вам сейчас объясню все; дело в том, что нам предстоит прелестная прогулка при свете луны, причем за нами по пятам будут гнаться быстроногие ирокезы, так что каждую минуту нам будет угрожать нападение, поэтому, господин Ларутин, если вы не хотите, чтобы с вас сняли скальп, то держитесь крепче.

— О, неужели все это правда? — сказал сержант, не особенно довольный перспективой, которую рисовал ему охотник.

— Истинная правда, я вас предупредил. Так как вы не привыкли ходить по лесам, то идите позади вождя, а я пойду в арьергарде. Идем.

Все трое выстроились гуськом, по-индейски, крупно зашагали по направлению к лесу и решительно углубились в чащу деревьев, корни которых достигали почти самых берегов реки.

Повыше деревни по названию *Триречье*, куда шли напрямик наши знакомцы, река Св. Лаврентия изобилует водопадами, которые совершенно прекращают судоходство иной раз мили на две и даже на три.

Чтобы облегчить по возможности это неудобство, индейцы и, следуя их примеру, канадцы, доплыв до такого водопада, имеют обыкновение выходить на берег, разгружать свои пироги и переносить их на плечах через водопад.

Это называется *волоком*.

Пироги, употребляемые индейцами и охотниками, строятся из березовой коры и обшиваются с внутренней стороны досками из какого-нибудь гибкого дерева толщиной в мизинец; таким способом построенная и способная вместить от восьми до десяти человек пирога легко может быть перенесена на руках одним человеком на расстояние нескольких миль.

Между тем наши три авантюриста шли молча и настолько быстро, насколько позволяла местность и почва. Все трое были настороже и держали ружья наготове.

Лес был совершенно чист от валежника; деревья достигали чудовищной высоты, образуя над головами путешественников огромный зеленый свод, сквозь который и днем-то солнечные лучи едва-едва проникали; а теперь, в этот поздний час, воздух под сводом был тяжелый, темнота была почти полная и тишина глубочайшая; лишь по временам до слуха доносился чуть слышный ропот отдаленного водопада, либо треск сухой ветки, падающей с дерева.

Этот суровый пейзаж действовал на воображение и заставлял трепетать сердце в груди.

Сержант Ларутин, несмотря на все превосходство, которое он себе приписывал, несмотря на свою бесспорную храбрость, невольно поддался влиянию этой могучей природы, с которой до сих пор еще не имел случая познакомиться так близко.

Они шли таким образом более четырех часов, не обменявшись ни словом. Обыкновенно насмешливое лицо сержанта было серьезно и брови нахмурены; видно было, что ему сильно не по себе, что он чувствовал бы себя гораздо

лучше в Квебеке или Монреале, чем здесь, в этом непроходимом лесу.

Вдруг вождь остановился, подался вперед всем телом и, казалось, прислушался. Через несколько секунд он протянул руку к беспорядочной группе скал, возвышавшихся недалеко от тропинки, и, быстро кинувшись вперед, исчез за утесами.

Ларутин, непривычный к подобным выходкам, остановился в немом изумлении, словно его ноги вдруг приросли к земле, но, по счастью, охотник наблюдал за ним.

Не дав ему опомниться, он, обхватив сержанта левой рукой за талию, поднял его, как ребенка, и через несколько секунд очутился возле индейца вместе с этой странной ношей.

Недоумевающий сержант раскрыл было рот, чтобы спросить, что все это значит, но охотник грубо закрыл ему рот рукой и сказал ему на ухо чуть слышно:

— Молчите! Макасы!

Этих двух слов было достаточно, чтобы сержант отложил свои вопросы до более благоприятной минуты.

Тонкий слух гуронского вождя не обманул его.

Через десять минут, после того как наши спутники успели засесть за утесы, они увидели сквозь деревья неясные силуэты нескольких индейцев.

Индейцы продвигались вперед не гуськом, а в линию, с ружьями впереди, точно застрельщики, вскоре они подошли настолько, что их можно было рассмотреть.

Это были ирокезы, человек пятнадцать.

Несколько позади их линии смутно виднелась группа из четырех или пяти лиц, в числе которых пронизательный глаз охотника различил как будто женщин; эти лица были, должно быть, пленники.

В эту минуту Тареа нагнулся к уху Бесследного и прошептал:

— Нигамон!

Канадец задрожал.

Нигамон был ирокезский вождь, дерзость, мужество и хитрость которого сделали его имя страшным для всех колонистов Новой Франции.

Было очевидно, что этот вождь, совершив какое-нибудь насилие над застигнутыми врасплох жителями, пользовался темнотой, чтобы совершить отступление в свою деревню, уводя своих пленников.

Бесследный шепотом обменялся несколькими словами с Тареа; вождь улыбнулся, сделав знак согласия, и, улегшись на землю, уполз прочь, как змея.

Скоро он исчез в темноте.

Между тем ирокезы подходили все ближе и ближе, вскоре они были от утесов на расстоянии не более одного пистолетного выстрела; по знаку своего вождя они остановились и спрятались за деревья.

Не спрятался один Нигамон; он откинул ружье назад и с улыбкой на губах сделал несколько шагов вперед.

Ничто в его походке, ни в выражении лица не показывало, что он подозревает устроенную ему так близко засаду. Всякий, мало знакомый с индейскими нравами, был бы введен в обман этим наружным спокойствием, но Бесследный был старый бегун по лесам и поэтому обмануть себя не дал. Он удвоил осторожность, шепнул на ухо сержанту, чтобы он делал то же. Он боялся какой-нибудь индейской пакости со стороны хитрого ирокеза.

И он был прав.

Подойдя шагов на двенадцать или на пятнадцать к утесам, Нигамон остановился и, сделав рукой грациозный жест, сказал вкрадчивым голосом:

— Приветствую моих братьев под покровом леса; для чего же они, вместо того чтобы идти по тропинке, как мирные путники, прячутся в засаде с длинными своими ружьями? Пусть мои братья выйдут; Нигамон вождь известный и примет их хорошо.

Произнеся эти слова, Нигамон замолчал, ожидая ответа; но ответа не последовало.

Охотник и сержант не пошевелились.

— А! — заговорил опять через минуту ирокезский вождь. — Я ошибся; темнота помешала мне хорошенько разглядеть замеченный мною след; я думал, что передо мною воины, а оказывается, что это делаварские женщины, такие трусливые, что даже не смеют взглянуть в лицо Нигамону.

Отпустивши этот оскорбительный сарказм, вождь вторично замолчал, но и на этот раз тщетно ждал ответа.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Это даже не делаварские женщины, это трусливые карибу или подлые французские собаки; я дам приказ своим людям, чтобы они обыскали скалы и выгнали их оттуда палками; тогда эти собаки побегут от ирокезских волков, воя от страха.

Едва он произнес это оскорбление, как заметил, что на его грудь прямо направлено дуло ружья; в ту же минуту несмешливый голос прокричал:

— Нигамон — собака! Бесследный презирает его, плюет ему в лицо; *он держит его на конце своего ружья*; пусть только болтливый шакал сделает движение — и он убит.

Лицо вождя оставалось бесстрастно.

Почти незаметным движением он схватился за свое ружье и, сделав вдруг чудовищный скачок назад, укрылся за деревом, испустив свой воинственный клич и говоря своим товарищам:

— Бей французских собак! Бей их!

Но как ни быстро совершенно было это отступление, Бесследный, не сводивший глаз с индейца, выказал еще большую быстроту. Выстрел раздался: ирокезский вождь сделал огромный скачок вперед, перевернулся и упал к подножию утеса, точно дуб, сломленный бурей.

Второй выстрел, сделанный сержантом, повалил другого индейца.

Ожесточенные смертью вождя, ирокезы забыли всяческую осторожность и, выскочив из-за деревьев, с воем кинулись на невидимых врагов; они пытались взобраться на природную ограду, за которой скрывались сержант и Бесследный.

— Ну, сержант, — кричал Бесследный, хватая свое ружье за дуло, — вам нужно защищать свой скальп или сейчас, или никогда.

— Хорошо! Эти красные черти теперь мне даже и не страшны, — ответил сержант, храбро бросаясь вперед с криком: — Да здравствует Франция!

В эту минуту Нигамон, которого считали убитым, вскочил с воинственным криком, потрясая своим томагавком; ирокезы, наэлектризованные таким чудесным воскрешением, сделали такой прыжок, что разом очутились на вершине утеса, и завязался ужасный бой рукопашную.

— О, черт возьми! — вскричал Бесследный. — Я думал, что убил его! Постой же!

И он кинулся, держа ружье прикладом кверху, на ирокезского вождя.

Но усилие, сделанное Нигамоном, было выше его сил, рана его была слишком тяжела, и потому он не мог устоять против канадца. Один из ирокезских воинов, видя, что его вождь нетвердо стоит на ногах, поднял его на свои

мускулистые руки и исчез, унося раненого в скрытое место, между тем как остальные воины делали героические усилия, чтобы прикрыть отступление вождя.

Ружья краснокожих были разряжены, пришлось биться холодным оружием; охотник и сержант держались крепко, не отступая ни на шаг, благодаря своей позиции; однако им бы все-таки невозможно было устоять против численного превосходства, если бы вдруг не раздался военный клич гурунов, за которым последовал ужасный залп, убивший пятерых ирокезов.

В то же время появился Тареа, размахивая томагавком, в сопровождении двух десятков гуронских воинов.

Ирокезы, захваченные с тыла, лишены вождя, потерявшие лучших своих товарищей, поняли, что погибли; не продолжая битвы, исход которой мог быть для них только гибельным, они разбежались в разные стороны, бросив на произвол судьбы своих раненых и даже не думая о пленниках, оставшихся позади.

Сержант Ларутин, несмотря на храбрость, выказанную им в битве, вскрикнул от радости, когда увидел бегство свирепых врагов.

— Да здравствует король! — вскричал он, бешено потрясая своей шляпой.

Он даже кинулся было преследовать беглецов, но охотник его удержал.

— Пусть они бегут, сержант, мы еще их найдем, ночью в лесу не очень удобно, когда сила не на нашей стороне.

— Ваша правда, Бесследный, я чуть было не сделал ужасной глупости. Но вот и Тареа; он — храбрый гурон, я с удовольствием признаю это.

И он протянул вождю широкую руку, которую тот крепко пожал, причем торжествующая улыбка озарила его энергические черты.

Первой заботой Тареа было скальпировать убитых и убрать раненых, после чего он подошел к охотнику и сержанту, которые встретили его самым дружеским образом.

— Ооах! — сказал он. — Мои белые братья — великие храбрецы, они отлично поработали. Разве Бесследный ничего не имеет сказать своему другу?

— Да, вождь, — с жаром ответил охотник, — я вам скажу, что вы пришли как раз вовремя, мы уже выбивались из сил, эти черти довели нас до крайности, вы спасли наши скальпы.

— Это вне всякого сомнения, — подтвердил сержант.

— Мои братья смеются. Хорошо. А что сделалось с Нигамоном?

— Мой первый выстрел попал в него, но эта гадина, хотя и тяжело раненная, ускользнула, как трусливая старуха.

— Нигамон убежал в лес, как олень, но ему не долго удастся скрываться от безошибочного глаза моего брата.

— Надеюсь, вождь, — сказал мстительный охотник, хмуря брови, — на этот раз он только попробовал моего свинца, а скоро я его угощу вдоволь; до его селений далеко.

— И мои воины идут по его следам! Вот скальпы собак-ирокезов, — прибавил вождь, подавая охотнику кровавые трофеи, — они по праву принадлежат моему брату; он повесит их в своей хижине; Ононтий похвалит его за храбрость.

— Господин де Монкальм меня знает и так, — отвечал охотник, гордо поднимая голову и отстраняя от себя отвратительный подарок. — Нет, вождь, оставьте у себя эти скальпы, они скорее ваши, чем мои; только благодаря вам *макасы* обратились в бегство. К тому же, вождь, ведь я — не краснокожий, в моих жилах нет индейской крови, хоть я и горжусь быть приемным сыном вашего племени. Вам известно, что воины моего цвета не имеют привычки скальпировать своих врагов.

— Хорошо сказано, Бесследный! — вскричал сержант. — Француз убивает врага, но после смерти прощает ему. На иное он не способен.

— Хорошо! — сказал, улыбаясь, вождь. — Тареа благодарит своего брата, он принимает скальпы. Что теперь желает делать Бесследный?

— Я думаю, вождь, что нам следует прежде всего заняться бедными пленниками, которых вы так чудесно спасли.

— Мой брат молод, но исполнен мудрости. Будет сделано по его желанию.

— Повинуюсь с удовольствием и с охотой, — сказал сержант, все-таки заряжая ружье.

Тареа с двумя белыми направился к месту, где находились в тоске и страхе несчастные пленники, покинутые ирокезами во время их поспешного бегства.

Профиль нашего героя

Открытие Америки, создав широкий горизонт всевозможным вожделениям, которые не находили удовлетворения в Старом Свете, было громовым ударом, пробудившим от лихорадочного сна страсти авантюристов и неудачников, которыми кишела в то время Европа и которые привыкли жить за счет ближнего, добывая себе шпагой лены и поместья.

Инстинкты грабежа и хищения, достигшие широкого развития благодаря постоянным войнам, наполнявшим собой средние века, нашли в этом открытии давно искомый выход и средство удовлетворить себя за счет новых, до той поры неизвестных народов; предполагалось, на основании рассказов путешественников, что эти народы обладают несметными богатствами, всей громадности которых сами не сознают и не знают, что с ними делать.

Умы взволновались, все взгляды обратились на таинственный горизонт, столь неожиданно открывшийся для всех обманутых надежд; и, к великому удивлению Европы, все неудачники цивилизации начали эмигрировать массами; из самых отдаленных стран, точно стаи голодных волков, хлынули люди в это новооткрытое Эльдorado по ту сторону Атлантики.

Позднее религиозные войны выбросили на северный берег Америки толпу людей, преследуемых на их родине за религиозные убеждения; они явились туда, ища, где лучше, и поселились в этой дикой стране, чтобы на свободе поклоняться Богу, как верует сердце, не страшась постоянных преследований.

Испанцы, португальцы, англичане, голландцы, датчане, почти все народы Европы распределили между собой — худо ли, хорошо ли — новый материк, где и основали колонии, благосостояние которых было более или менее сносно.

Одни французы, за малыми исключениями, остались в стороне от этого движения в Новый Свет. Тщетно правительство, сознавая выгоду заморских владений, пыталось освоить колонии; население не отвечало на призыв и было глухо ко всем заманчивым обещаниям.

Французский характер составлен из самых странных противоречий; француз в одно и то же время — домосед, рутинер, делец, авантюрист, скептик, верующий, легковверный, насмешник и беспечный; но главное — он привязан к родной почве; француз любит родину больше всего; уезжая, он постоянно думает о возвращении, хотя бы только для того, чтобы умереть.

Такова внешняя причина неспособности к колонизации, в которой, как принято говорить, сделали такие успехи испанцы и англичане; но ведь испанцы одним ударом лишились всех своих колоний, а англичане были позорно выгнаны из богатейших своих владений и держатся в остальных только посредством всевозможных уступок или посредством устрашения; нечего и говорить, что система эта скверна и рухнет при первом серьезном толчке.

Вследствие всего этого было довольно трудно найти честных и трудолюбивых людей, которые бы согласились переселиться в Америку.

Но правительство все-таки настояло на своем; за неимением людей честных оно принялось за плутов, начало отправлять в Америку игроков, публичных женщин, прокутившихся сынков из зажиточных семейств, банкротов, убийц, жуликов и пр. Всякий годился, потому что из отделившихся лиц составлялась масса.

Так именно поступали в то время, к которому относится наш рассказ, т.е. в 1756 г., в несчастливое царствование Людовика XV, который сам себя прозвал «Возлюбленным».

В главных городах королевства, как-то: в Париже, Лионе, Руане, Марселе, Нанте, Гавре, Ла-Рошели были устроены так называемые «fours» (печи). Малошепетильные агенты этих «fours» посредством ложных обещаний, а

отчасти угроз и даже насилия, завербовывали в эмиграцию бродяг обоого пола, всевозможных неудачников, которыми кишат грязные улицы густонаселенных центров. Затем эти агенты набивали ими как попало фургоны или даже сковывали их цепями, как преступников, и отправляли их по этапу, партиями человек в двести и более за раз, в разные порты Атлантического океана, откуда немедленно пересылали их в Америку, несмотря ни на какие слезы и мольбы.

Высадившись в Канаде, эти несчастные не знали за что взяться; они селились где и как могли. Единственная уступка, какая им давалась, состояла в полнейшей свободе выбирать себе местожительство; это было крупной ошибкой, которая сделалась впоследствии одной из причин утраты колоний.

Новые поселенцы, не желая селиться в городах, в то время очень немногочисленных, забирались как можно дальше в глубь страны. Охваченные воздухом свободы, который, по выражению отца Шорльвуа, они вдыхали полной грудью и почти что против воли, они, вступив на почву Новой Франции, разбивали свои плантации на значительном расстоянии, желая только одного: уединиться, жить отдельно подальше от своих соотечественников.

Результатом такой системы было то, что европейское население Канады, в последние годы нашего владычества там едва достигшее количества 82 000 душ, оказалось разбросанным на пространстве, в пять раз превышающем территорию Франции; на таком пространстве легко могли бы благоденствовать или, по крайней мере, очень сносно существовать 40 000 000 душ.

Отсюда постоянные опасности, которым подвергались жители, удаленные от больших центров, в стране, лишенной путей сообщения; отсюда беззащитность их от постоянных набегов ирокезов и англичан. Одна Нью-Йоркская колония, недавно приобретенная у голландцев, заключала на сравнительно большом пространстве более 80 000 европейцев.

Ко всему этому, если не считать канадскую милицию, очень храброе войско, но с плохой дисциплиной, регулярная сила страны состояла из 28-ми рот береговой стражи, по 75 человек в роте, что на всю Канаду давало совершенно недостаточную цифру в 2100 человек; в последние годы это войско было увеличено на 5000 человек, взятых

из разных полков, что составило 7000 человек для защиты территории, простирающейся от Гудзонова залива до Миссисипи, т.е. пространства, в пять раз превосходившего Европейскую Францию.

Однако с этими силами Канада в течение целого века боролась против Англии.

Милях в десяти-двенадцати от города Трех Рек существовала великолепная плантация, устроенная на барскую ногу и принадлежавшая одному французскому дворянину, предок которого был одним из первых колонистов Канады.

Эта обширная плантация имела почти вид деревни благодаря многочисленным хижинам, которые принадлежали охотникам и другим служащим на плантации и переходили от отца к сыну в течение многих лет. Обитатели этих хижин все были преданы владельцу плантации и считали себя как бы принадлежащими его семейству.

Эта плантация называлась «Бобровое поле», потому что была построена на том месте, где прежде был пруд с бобрами, теперь высохший.

Владелец плантации, граф Меренвиль, купил Бобровое поле у гуронов, заплатив за него всевозможными товарами: ножами, ножницами, плащами, ружьями, порохом, свинцом, зеркалами и пр., и пр., что на французские деньги составляло 1700 ливров. Это было задаром; купчая была засвидетельствована канадским правительством; новый собственник тотчас же вступил во владения и решительно принялся за дело с помощью работников, нанятых во Франции еще тогда, когда он только собирался ехать в Америку, чтобы там поселиться. Эти работники остались при хозяине, никто из них не захотел уехать от него; их дети были сравнительно богаты; каждый владел на правах полной собственности домом и при нем садом, что ограждало от нужды все грядущее потомство первых работников, приехавших со своим хозяином из Франции.

Бобровое поле стоило в 1756 году более 700 000 экю; г-н де Меренвиль считался если не самым богатым, то одним из самых богатых лиц в Канаде, потому что, кроме Бобрового поля, у него были еще две богатые плантации в Луизиане, по своей стоимости, по крайней мере, равные Бобровому полю.

Скажем теперь, кто был сам г-н де Меренвиль.

Его фамилия была одна из самых аристократических в провинции Руэрг, он носил титул граф де Меренвиль-

Шалюс и был родственником семейства де Монкальм, с которым его семейство поддерживало тесные и дружеские отношения.

Теперешний граф де Меренвиль был свежий, прекрасно сохранившийся мужчина лет пятидесяти; в молодости он, должно быть, был очень красив, это был человек высокого ума, благородного характера и испытанной энергии; он был полковником милиции, женившись рано на женщине, которую боготворил, и имел от нее пятерых детей — трех сыновей и двух дочерей; супружество графа было самое счастливое, какое только можно себе представить, а семья его — самая патриархальная.

Его сыновья Оливье, Люсьен и Октав — все трое уехали в армию, первые двое были капитанами в испанском полку, а младший, Октав, имевший всего двадцать два года от роду, был лейтенантом в руссильонском имени его величества полку; это был прелестный юноша, с виду робкий, но храбрый как лев, чувствительный до нежности, умный, трудолюбивый, образованный — словом, один из самых блестящих офицеров армии. Генерал Монкальм привез его с собой из Франции, он очень его любил и оставил при себе адъютантом.

Дочерей господина де Меренвиля звали Клара и Жанна; первой было 19 лет, второй — 17, обе были белокурые, с черными глазами и бровями, красота их была несколько странная, но симпатичная, они никогда не расставались с матерью, которую ужасно любили, и на вид казались скорее ее сестрами — до такой степени графиня сохранила свою красоту.

Со времени приезда генерала Монкальма в Канаду граф с семейством переселился в прелестную виллу милях в шести от Квебека; дом был несколько уединенный, но граф, полагаясь на большое число окружавших его слуг, считал себя в безопасности от ирокезов.

Накануне того дня, с которого начинается наш рассказ, все семейство Меренвиль уехало из *Бельвю*, как называлась вилла, в Квебек, куда было приглашено дня на два или на три в гости генералом Монкальмом.

Это приглашение было одним из тех, от которого граф не мог отказаться.

Семейство уехало, поручив дом мадемуазель де Прэль и г-же Сален, бывшей чем-то вроде экономки, обязанной надзирать за слугами и вести все хозяйство в доме.

Г-же Сален было лет тридцать пять-тридцать шесть; это была превосходная женщина, деятельная, толковая и преданная своим господам, которые очень ее уважали; она была вдовой канадского охотника, за два года перед тем убитого в стычке с ирокезами; тогда граф взял ее к себе в дом, сделав доброе дело, потому что бедная женщина осталась после мужа без всяких средств.

М-ль Марта де Прэль была прелестная девушка 18-ти лет, стройная брюнетка, с несколько гордой красотой, которую она умела смягчать очаровательным взглядом, мечтательным, вдумчивым и даже несколько пытливым.

Марта де Прэль была воспитана вместе с Кларой и Жанной, дочерьми графа, она училась вместе с ними, граф и графиня любили ее и не делали разницы между ней и своими детьми.

Молодая девушка не помнила, чтобы жила где-нибудь в другом месте, кроме семейства Меренвиль; она считала себя сиротой; ни граф, ни графиня никогда не говорили ей про ее родителей, словно сговорились. Ее звали Марта де Прэль, вот и все, что она знала, будучи счастлива в настоящем и не имея особенных забот о будущем, и не желала больше ничего знать, полагая, что время рано или поздно разъяснит тайну, какова бы она ни была.

В ту минуту, когда семейство Меренвиль готовилось сесть в пирог, чтобы плыть в Квебек, молодая девушка вдруг почувствовала себя нездоровой; несмотря на все желание ехать вместе со всеми, она уступила настояниям своих сестер — так называла она девиц Меренвиль — и осталась в Бельвю на попечении г-жи Сален. Девушки Меренвиль поцеловали ее на прощание и пообещали вернуться как можно скорее.

Итак, Марта де Прэль осталась.

Но ей было очень скучно, она беспокоилась, сердце у нее сжималось — она сама не знала почему, у нее было предчувствие чего-то недоброго.

Однако мало-помалу она успокоилась, убедила себя доводами рассудка, что нет никакой причины тревожиться; она упрекнула себя за химеры, за детский страх, недостойный взрослой девушки.

Но когда наступила ночь и окутала покровом мрака природу, то сердце молодой девушки снова сжалось тоской, беспокойство ее стало еще напряженнее, она пожелала сама посмотреть, крепко ли будут заперты двери, и

настойчиво требовала, чтобы слуги хорошенько караулили.

Всех слуг было двенадцать человек: десять мужчин и две женщины; первые были по преимуществу все прежние охотники, храбрые и преданные; они обещали караулить как можно лучше.

В числе их был один молодой охотник лет двадцати семи или восьми, высокий, стройный, красивый малый, шесть лет тому назад приехавший в колонию, о чем мы будем говорить впоследствии; у него был приятный голос и изящные манеры; его речь была самая изысканная, он был утонченно вежлив и очень молчалив, с виду это был человек, привыкший к лучшему обществу, а никак не грубый, невежественный охотник, каким он был на самом деле.

Он считался человеком непомерной силы, умевшим биться всяким оружием, а главное — человеком храбрым до безумия; прочие канадские охотники дали ему странное прозвище *Сурикэ* (мышонок), потому ли, что он был очень подвижен и жив, ходил скоро и вместе с тем беззвучно, или потому, что у него был несколько наивный и как бы удивленный взгляд, вечно бегающий, вечно остерегающийся.

Шарль Лебо — это было его настоящее имя — принял прозвище *Сурикэ* не протестуя и так к нему привык, что откликался на него, словно всю жизнь не имел другого имени.

Ночь была спокойная; с восходом солнца, когда ворота открылись, молодой охотник ушел из Бельвю, куда вернулся незадолго до восхода луны; казалось, он был чем-то озабочен. Он открыл подозрительные следы на расстоянии около мили от дома, эти следы шли вокруг плантации, но не приближались к ней, потом слились в один след и направлялись к реке, где и кончились, не появляясь вновь.

Вечером слуги удвоили предосторожности: убедившись, что двери и окна крепко заперты, они приготовились, не смыкая глаз всю ночь, караулить и обходить пустые комнаты в доме.

М-ль де Прэль, несколько успокоенная этой мерой, ушла в свою комнату и часов около девяти легла спать.

Молодая девушка спала довольно долго, когда была внезапно разбужена выстрелами и страшным военным кличем краснокожих.

Обезумев от ужаса, м-ль де Прэль соскочила с кровати, наскоро оделась, бросилась к двери своей комнаты, отворила ее, но сию же минуту отступила назад с криком ужаса и отчаяния.

Перед дверью Сурикэ и один из слуг отчаянно отбивались от шестерых или семерых индейцев. Три трупа с разможенными черепами лежали около на полу в луже крови.

— Ради Бога, сударыня, закройте дверь! — вскричал Сурикэ, ударяя прикладом ирокеза, который повалился на пол, как сноп.

Но м-ль де Прэль не была в состоянии ни понять, ни даже слышать того, что кричал ей молодой охотник; она опустилась на колени посреди комнаты, сложила руки и подняла глаза к небу; она молилась, даже не сознавая, что около нее делается, — до того все чувства были уничтожены страхом.

Вдруг индейцы испустили дикий крик: слуга был убит; оставался один Сурикэ, обессиленный и подавляемый численным превосходством; в одну минуту он был повален и связан неумолимыми врагами, но, прежде чем упасть, он, по крайней мере, отомстил за свой плен, собственноручно убив шесть ирокезов.

Тогда индейцы ворвались в комнату, вход в которую был теперь беззащитен; они бросились с диким рычанием на молодую девушку, завернули ее в плащ, и один из них взвалил ее на плечи и вынес из дома.

К счастью, несчастная ничего не видела и не чувствовала: она потеряла сознание...

Вот как было дело.

Знаменитый вождь ирокезов, сторонник англичан и поэтому лютей враг французов, оставил свои селения и выступил в поход, надеясь поживиться добычей и захватить пленников на канадской территории.

Этот вождь по имени *Нигамон* уже с месяц бродил по стране, но до сих пор безуспешно; он потерял несколько воинов и захватил самую ничтожную добычу, так что начал наконец подумывать о возвращении восвояси; но он так на шумел заранее о своем походе, так много нахвастал перед соседними вождями, что боялся насмешек в случае возвращения с пустыми руками. Поэтому он решился сделать еще одну последнюю попытку, прежде чем окончательно ретироваться: вернулся в Канаду по прежним сво-

им следам и простер свою дерзость даже до того, что стал бродить вокруг города Трех Рек.

Кроме кошачьей хитрости, свойственной в такой высокой степени краснокожим, Нигамон имел еще при себе двадцать семь избранных воинов, испытанных храбрецов, что доказывали украшавшие их многочисленные волчьи хвосты; с такими людьми вождь имел почти полную вероятность успеха.

Нигамон и его воины прокрались, как змеи, в густые леса, окаймлявшие реку, и, пользуясь малейшим просветом между деревьями, тщательно высмотрели все подробности местоположения.

Успех вознаградил их неистощимое терпение: почти на самом берегу реки Св. Лаврентия они открыли совершенно уединенную дачу между Квебеком и Триречьем.

Нигамон пожелал произвести рекогносцировку лично: оставив воинов в лесу, он подошел к дому и обошел вокруг него; ему удалось даже проникнуть внутрь и удостовериться в двух весьма важных для него обстоятельствах: в том, что в доме имеется всего дюжина защитников, и в том, что там бездна разных сокровищ.

Нигамон был ранен пулей охотника, но не вскрикнул и даже не пошевелился; мужество и присутствие духа спасли его: несколько минут спустя он возвратился к своим и, смеясь, рассказал о приключении.

Темной ночью, предполагая, что все в доме спят, ирокезы осторожно вышли из засады и отправились к дому, на который хотели неожиданно напасть, — и действительно напали врасплох.

Верные слуги г-на де Меренвиля сражались храбро, хотя нападение и было неожиданным; отпор, который они дали нападающим, чуть было не обескуражил индейцев; была минута, когда защитники виллы сочли себя победителями, но ирокезы были очень многочисленны и потому упорны. Они удвоили усилия, и вскоре защитники дома были частью убиты, частью взяты в плен, а индейцы, овладев домом, начали грабить его. Однако поджечь дом они не решились из боязни, что зарево, видное издали, может поднять тревогу и привлечь помощь осажденным.

Успех обошелся Нигамону дорого: девять храбрейших воинов его были убиты, четверо воинов тяжело ранены, и в числе последних — он сам.

Все свершилось быстро и окончилось менее чем за час;

немедленно после того они удалились, уводя пленников, которых намеревались по возвращении домой сжечь живыми, предварительно подвергнув их продолжительным пыткам.

Пленниками были: м-ль де Прэль, г-жа Сален, Сурикэ и двое слуг; две служанки и остальные слуги были убиты и скальпированы, их окровавленные скальпы висели у поясов ирокезов, которые, сверх того, захватили большую добычу золотом, серебром и дорогими мехами.

Но от скупости лопается мешок, как говорят соотечественники Санчо Пансы; предприятие Нигамона имело полный успех, он приобрел славу и богатство — чего еще ему было нужно? Ему оставалось вернуться домой по прямой и кратчайшей дороге, но он этого не захотел — и поплатился за это.

По странному случаю дорога, избранная грабителями, пересекалась с той, по которой накануне прошел Бесследный со своим спутником.

Благодаря широким следам, которые оставлял за собой сержант, не умевший ходить по лесам, оба путника были открыты ирокезами; они невидимо присутствовали при приходе Тареа, хотя и не слышали разговора, потому что были слишком далеко.

Когда пришел Тареа, то Нигамон, как опытный вождь, понял, что у *волока*, через который он сам намеревался пройти, охотников дожидались их товарищи и что подстерегаемые им люди не преминут углубиться в лес, чтобы присоединиться к своим друзьям.

Ирокезский вождь принял меры для преграждения пути вождю гуронскому; он отошел немного в сторону от тропинки, чтобы не быть замеченным, прошел вперед и засел в чаще леса, надеясь напасть врасплох на врагов и присоединить еще три скальпа к тем, которые уже украшали его пояс.

Однако эта благоразумная предосторожность помешала Нигамону разглядеть утесы, за которыми так ловко спрятался Тареа.

Чтобы не быть стесненным в своих движениях, Нигамон велел свалить всю добычу в одно место, покрепче связать пленных и поручил двум воинам стеречь и то и другое.

Все меры были приняты бесподобно и совершенно по правилам войны, усвоенным индейцами.

К несчастью для вождя ирокезов, он имел на этот раз дело с самыми знаменитыми канадскими бегунами; его следы были открыты Бесследным и Тареа, так что они стали остерегаться и шли, по испанскому выражению, *положивши бороду на плечо*.

Этот поход был любопытен тем, что обе стороны преследовали друг друга, не подозревая взаимности преследования. Однако Бесследный и Тареа остерегались весьма тщательно и при первом подозрительном шуме немедленно приняли свои меры.

Мы уже рассказали, как все произошло.

Бесследный чрезвычайно удивился, когда увидел пленников, которые показались ему знакомыми.

Всех пленников, как мы уже говорили, было пять — трое мужчин, крепко связанных и лежащих на земле, и две женщины, богатые платья которых указывали на принадлежность к высшему канадскому обществу; каждая из женщин была привязана за пояс к дереву; они горько плакали, закрыв руками лица, и слезы капали сквозь пальцы.

Ужасный крик гуронов, когда те бросились на ирокезов, только увеличил их ужас; они думали, что это новые враги, быть может, еще более лютые, чем прежние.

Два воина, которым Нигамон велел стеречь пленников, обратились в бегство вместе с прочими ирокезами, так что когда Бесследный и Тареа подошли к пленникам, то нашли их одних.

Все сказанное относится, разумеется, только к женщинам; что же касается мужчин, то они сохраняли полное хладнокровие и мужество, как люди, привыкшие к опасности; они тотчас же поняли значение всех перипетий битвы и с радостью встретили новоприбывших, уверенные, что те несут им свободу и надежду на скорую месть.

Радость женщин дошла до предела, когда они узнали мундир достойного сержанта Ларутина; что же касается Бесследного, то его костюм был такой смешанный, что нетрудно было ошибиться.

Охотник и его друг поспешили разрезать узлы, связывающие пленников, и затем занялись дамами, состояние которых внушало беспокойство.

Г-жа Сален пришла в себя через несколько минут; при жизни мужа она часто подвергалась опасности и несколько раз видела в лицо смерть; она скоро оправилась от потрясения и занялась своей спутницей.

М-ль де Прэль находилась в горячечном состоянии; ее нервы были совершенно разбиты — неизбежное следствие страха и дурного обращения, которому она подвергалась от ирокезов, тащивших ее за собой по едва протоптанным тропинкам, причем она спотыкалась и падала чуть не на каждом шагу.

Необходимо было перенести ее как можно скорее в какой-нибудь дом, где ей можно было бы оказать первую помощь.

Ближайшем жилищем была вилла Бельвю, отстоявшая не более как на две мили — расстояние сравнительно небольшое. Бесследный решил отправиться туда; у него была пирога, которая могла вместить человек двадцать, пройти до пироги предстояло с четверть мили — это было почти ничего.

Сначала охотник велел перенести в лодку багаж, то есть награбленное ирокезами добро; когда пирога была нагружена, Бесследный, видя, что м-ль де Прэль заснула глубоким и спокойным сном благодаря нескольким каплям опиума, данным ей госпожою Сален, старательно завернул молодую девушку в одеяло, поднял на свои сильные руки, как ребенка, и отнес в лодку, где уложил ее на груду мягких меховых одежд.

— Теперь пойдемте, — сказал охотник, — времени мало, а мы его много потеряли.

Краснокожие и канадцы повиновались.

Г-жа Сален уселась на меховых одеждах возле м-ль де Прэль, чтобы лучше следить за больной девушкой.

На берегу остался лишь один из охотников, задумчиво опершись на свое ружье.

— Идите же, Сурикэ, милый друг, дело только за вами, — сказал ему ласково Бесследный.

Молодой человек тихо покачал головой.

— Извините, господин Берже, — сказал он, — я не могу ехать с вами.

— Какого же черта вы здесь будете делать один? Ирокезы далеко, они знай себе удирают, — возразил, смеясь, охотник, — разве не знаете поговорку: ирокез идет вперед, как лисица, сражается, как лев, а убегает, как птица? Я сильно подозреваю, что каналы сами изобрели эту поговорку.

— Я в эту минуту и не думаю об ирокезах, господин Берже, — кротко отвечал молодой человек.

— Ну, так о чем же вы думаете? О луне, что ли?

— Я думаю, что господина де Меренвиля следует известить как можно скорее обо всем происшедшем в Бельвю; кроме того, я думаю, что необходимо как можно скорее привести доктора к м-ль де Прэль, состояние которой мне кажется очень серьезным; я намереваюсь исполнить эти два дела со всей быстротой, на какую я способен.

— Вы это сделаете? — вскричал Бесследный взволнованным голосом.

— Да, с Божьей помощью; я спрятал здесь в тростнике пирогу, менее чем за час я буду в Квебеке, а часа через два с половиной господин де Меренвиль возвратится домой в сопровождении доктора Жильбера, которого я извещу.

— Хорошо, Сурикэ, превосходно! Сделайте это, мой друг, и вы окажете большую услугу м-ль де Прэль и всему семейству Меренвиль.

— А я скажу, что я глубоко уважаю вас, Сурикэ, несмотря на ваше смешное имя, — сказал сержант Ларутин с искренним волнением.

— Прощайте, желаю вам успеха, друг Сурикэ, — крикнул ему Бесследный и оттолкнул пирогу от берега.

— Благодарю, — отвечал молодой человек.

Он отвернулся и пошел к тростнику.

Вскоре он появился снова, неся на плечах легкую пирогу и держа под мышками весла.

Молодой человек прыгнул в пирогу, положил ружье на дно и, взяв весла, поплыл по течению, которое понесло его с быстротой, обещавшей непродолжительный переезд.

Пирога не замедлила обогнать более тяжелую лодку, в которой Бесследный и его друзья плыли по реке наискось, направляясь в Бельвю.

— Вот наш друг, — сказал охотник, кланяясь мимоходом молодому человеку, — он едет скоро и скоро придет.

— Дурное известие для господина Меренвиля, — сказал сержант.

— Оно могло быть хуже.

— Это как?

— Да конечно! Ирокезы ограбили дом, это правда, но они его не сожгли, что тоже что-нибудь значит, кроме того, мы отняли у них все награбленное и дали им, как мне кажется, хороший урок.

— Да, пожалуй, что вы и правы. За исключением уби-

тых слуг и больной барышни, все еще окончилось довольно благополучно; могло быть и хуже, действительно.

— Вы видите, что я прав.

— Неоспоримо правы.

И сержант Ларутин философски умолк.

Через час приехали в Бельвю, где и высадились.

Все было так, как оставили там ирокезы, когда уходили.

Спящую м-ль де Прэль перенесли в ее комнату и оставили на попечение г-жи Сален.

Канадцы немедленно занялись приведением всего в порядок, чтобы по возможности сгладить следы посещения ирокезов; трупы были убраны, кровавые пятна смыты; все, что захватили ирокезы, было поставлено и положено на место; не только все было в целости, но даже оказалось лишнее, а именно: добыча Нигамона в предшествующей экспедиции, ценность которой была довольно высока.

Менее чем за час все было окончено; в общей сложности убытки и повреждения были незначительными. Ирокезы торопились, опасаясь прибытия помощи; они разбили лишь несколько дверей и окон; им хотелось, главным образом, грабить и набрать побольше скальпов.

Бесследный был в затруднении. Генерал Монкальм дал ему поручение, не терпящее отлагательства; рассказанные нами события уже и без того заставили его потерять много времени, а между тем он не решался оставить м-ль де Прэль под охраной только двух слуг в доме, где не существовало больше дверей; он не знал, что ему делать, как вдруг явился Сурикэ и выручил его.

Молодой охотник сделал свое дело с полным успехом, он поспешил вперед, чтобы сообщить в Бельвю приятное известие, что господин де Меренвиль со всем семейством едет вслед за ним в сопровождении доктора Жильбера.

Бесследному нечего было больше делать в Бельвю, его присутствие не было необходимым; он поспешно простился с молодым человеком и пустился в путь, уведя с собой всех бывших с ним индейцев и канадцев.

Спустя три четверти часа в Бельвю приехал господин де Меренвиль и с ним все его семейство.

«Lettre de cachet»

Антим Лебо, родом из Молона во Фрайбургском кантоне, капитан швейцарской сотни его христианнейшего величества короля Людовика XV, женился в молодых годах на одной своей дальней родственнице, от которой имел четверых сыновей. Всем им он дал превосходное, солидное воспитание, первый был архитектором, третий священником, четвертый умер в раннем возрасте.

Второй, о котором идет речь в нашем рассказе, был любимцем матери; мать спускала ему с рук решительно все и часто давала возможность спастись от наказаний, которым хотел его не раз подвергнуть отец.

Капитан Лебо был человек холодный, мрачный, говорил мало, но всегда грубым и решительным тоном; однако детей своих он любил и не жалел никаких средств, когда дело шло об удовлетворении их действительных потребностей; хотя он предназначал своего сына Шарля к адвокатуре, однако, заметив в нем склонность к военным упражнениям, вручил ему в девятилетнем возрасте рапиру, а через несколько лет стал посылать его в фехтовальные залы и в академии; но владеть швейцарским карабином он хотел учить своего сына сам.

Капитан Лебо в молодости был одним из самых ловких охотников, верность его взгляда и прицела вошла чуть ли не в поговорку.

Но по силе, хладнокровию и ловкости его сын Шарль оставил отца далеко позади.

Когда ему было только двадцать лет, самые опасные фехтовальщики Парижа признавали его ловчее себя и от-

казывались с ним драться; ружьем, карабином и пистолетом молодой человек владел еще лучше и попадал в самые трудные цели. Он выигрывал самые невероятные пари, метко всаживая пулю во всякую указанную ему цель. Отец удивлялся такой ловкости сына и с гордостью говорил о нем своим друзьям.

Шарль, по тогдашнему выражению, служил и Фемиде, и Беллоне; его успехи в юриспруденции шли вровень с успехами и в искусстве владеть оружием; он блистательно сдал экзамены и был принят адвокатом в парижский парламент.

Разумеется, никто не предполагал, а Шарль еще менее, чем кто-либо, что скоро ему придется привыкать к суровой жизни дикаря среди полудивилизованных колонистов Новой Франции.

Как и все молодые люди его возраста, Шарль Лебо был адвокатом без дел и состоял при прокуроре с крючковатыми локтями, которому Лебо-отец платил за сына ежемесячное вознаграждение.

Жизнь молодого адвоката была довольно печальная, отец закрыл для него свой кошелек; ему часто приходилось бы сидеть на пище св. Антония, если бы мать не помогала ему время от времени.

К несчастью, эта добрая женщина вскоре заболела и умерла после непродолжительной болезни; ее смерть была первым горем молодого человека, и горем самым большим, потому что оно испортило всю его карьеру и совершенно изменило его будущее.

Капитан Лебо боготворил жену; от горя после ее смерти он сделался еще мрачнее прежнего, отдалился от семьи, не хотел видеть никого из своих детей; последние оказались предоставленными самим себе в таком возрасте, когда им необходимо было иметь надежного руководителя на трудной жизненной стезе, всех терний которой они еще не знали.

Шарлю было тогда 21 год; он был еще совершенно неопытный в жизни мальчик, несмотря на его ум, толковость и даже некоторую природную хитрость, и он был до того наивен, что сначала его готовы были принять за дурачка.

Он был высок, строен и необыкновенно силен, черты его лица были красивы, привлекательны, манеры чрезвычайно приличны, но все это, к несчастью, портилось странным выражением его взгляда.

Его почти небесного цвета голубые глаза были велики и широко раскрыты, но были постоянно в движении, никогда не останавливались на одной точке, и это вечное движение придавало им какую-то удивленность, глуповатость и — скажем прямо — ошеломленность, вследствие чего он казался ужасно смешон, и никто не относился к нему серьезно; самая умная вещь, сказанная им, казалась глупостью, если на него взглянуть в это время; лишь тогда, когда он сердился — что было очень редко — или когда он был очень взволнован, его взгляд совершенно изменялся, но тогда он делался страшен, его глаза делались почти совершенно черными, и из них исходил невыносимый магнетический ток.

Молодой человек отлично сознавал свою мускульную силу и умение владеть всяким оружием, он знал, что как боец не имеет себе равных; эта уверенность в своем превосходстве обуславливала собою эту кротость и то терпение, которые он обнаруживал при всяком случае, когда требовалось избежать ссоры; но на самом деле молодой человек был тверд и стоек, хотя эта твердость и стойкость смягчалась наружной слабостью характера, происходившей от склонности к мечтаньям и созерцанию; он был ленив, но выказывал энергию и деятельность, когда того требовали обстоятельства, был серьезен и молчалив, но легко сочувствовал чужому действительному горю, вообще характер молодого человека еще не сформировался окончательно, вследствие чего представлял странную смесь контрастов; для того, чтобы он окончательно определился, недоставало сильного горя, тяжелого испытания.

Когда Шарль был предоставлен самому себе и оставлен почти без всяких средств, потому что отец стал давать ему денег все меньше и меньше и наконец перестал его совсем принимать у себя, то случилось то, чего надо было ожидать: молодой человек попал в дурную компанию.

Так как богатство его отца было всем известно, то Шарль без труда доставал деньги не только для насущных потребностей, но и для удовольствий; денег он нашел даже слишком много, потому что вскоре совершенно запутался в долгах, которые не знал, чем заплатить; кредиторы обращались к капитану; тот гнал их из своего дома палкой и не хотел ничего слышать.

Наконец дела дошли до того, что молодой человек в одно прекрасное утро проснулся на соломе и без копейки

денег, голодный, не евший двое суток. Он раздумывал о том, какой избрать род смерти: или сейчас с собой покончить, или прозаически умереть от голода, что не замедлило бы последовать в самом скором времени, или броситься в Сену — с камнем на шее, потому что он имел несчастье плавать как угорь, или повеситься на первой перекладине — кстати, на одной из них как раз был крючок, через который очень удобно было перекинуть веревку.

Шарль склонялся к повешению, потому что при его лениности это был самый удобный способ: все у него было под руками, ему не приходилось себя тревожить; он уже рассчитывал, на какой высоте от пола находится перекладина, как вдруг дверь комнаты распахнулась настежь, и какой-то господин с улыбкой на лице вошел в комнату и приветствовал Шарля, как знакомый.

Этот господин был не более и не менее как друг капитана Лебо.

Молодой человек поклонился, нахмурившись, и указал посетителю на хромой табурет, вместе с соломенной подстилкой составлявший всю мебель жалкой конуры.

— Извините... извините... — сказал вошедший, продолжая улыбаться, и, обернувшись к двери, прибавил: — Войдите... ничего.

Вошли два человека в одежде рабочих, один нес стол и два стула, другой сгибался под тяжестью огромного чемодана.

Они поставили принесенное, поклонились и ушли.

— Что все это значит? — спросил Шарль, удивленный таким непонятным вторжением.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — отвечал вошедший, делая рукою жест. — Ну же, идите, — прибавил он кому-то.

Вошли двое других мужчин — очевидно, трактирные служители; у них в руках были корзины; в одну минуту они накрыли стол на два прибора, сняли крышки с блюд, от которых пошел аппетитный запах, и разместили на столе дюжину бутылок чрезвычайно внушительного вида.

Покуда трактирные служители накрывали на стол, работник уставлял в комнате письменный стол с бумагой, перьями, чернилами, сургучом и пр., потом, когда удивленный молодой человек вскочил со своей соломенной подстилки и заходил, недоумевая, по комнате, тот же самый работник быстро выкинул подстилку в окно, сию же

минуту заменив ее скромной, но удобной кроватью, приставил к ней ночной столик, повесил на стену зеркало и ушел с поклоном.

От изумления Шарль стоял неподвижно посреди комнаты, скрестив на груди руки; ему казалось, что все это — ужасный кошмар; он боялся проснуться и увидеть, как исчезнут все эти хорошие вещи, в которых он так нуждался.

Наконец он не выдержал:

— Ах, господин Лефериль, объясните ли вы мне все это?

Друг капитана носил имя Лефериль.

— Объясню все, что вам угодно, милое дитя мое, — добродушно отвечал тот, — но сначала усядемся лучше за стол: я еще не завтракал, мне до смерти есть хочется... А вам?

Это «а вам» показалось великолепным молодому человеку, не евшему двое суток; он пожал плечами, сел за стол и напустился на еду.

Завтрак был сытный, кушанья хорошо выбраны; оба принялись есть взапуски. В продолжение добрых двадцати минут слышалось только движение челюстей, стук вилок, звон стаканов и время от времени замечания, вроде следующих:

— Еще немножко — вот этого рагу; передайте мне жаркое из дичи; вот превосходные котлеты; эта форель бесподобна; вот отличное вино и т.п.

Но как бы ни был велик аппетит, в конце концов можно все-таки наесться по горло, когда нельзя больше проглотить ни одного кусочка; сотрапезники наши не замедлили до этого дойти, и им пришлось остановиться.

— Ах, — сказал Шарль, бросая презрительный взгляд на крючок, вбитый в балку, и ставя на стол пустой стакан, — давно уже я так не завтракал.

— Тем лучше, — отвечал, улыбаясь, г-н Лефериль, ловко занимавшийся приготовлением кофе. — Я про себя скажу то же самое, дитя мое; посмотрите-ка на наше поле битвы: все съедено до костей.

— Не считая восьми бутылок, в которых не осталось ни капли вина, — сказал, смеясь, молодой человек.

— Ну что ж, за едой хорошо немножко выпить, — отвечал Лефериль, наливая в чашки горячий кофе.

Господин Лефериль был маленький, кругленький тол-

стяк с одутловатым и красноватым лицом; его серые, глубоко ушедшие в орбиты глаза светились хитростью и коварством, а толстые красные губы постоянно улыбались умильной улыбкой.

Он был дружен с капитаном Лебо уже лет тридцать, и Шарль знал, что он имеет на него очень большое влияние; г-н Лефериль служил несколько лет в Пуатуском полку и совершил несколько походов с капитаном Лебо; ему было за шестьдесят, и он имел хорошее состояние, происхождения которого, впрочем, никто не знал.

— Не пора ли начать беседу? — спросил Шарль с блаженной улыбкой.

— Погодите минуточку, — отвечал отставной капитан, — дайте мне закурить трубку; нет ничего лучше для пищеварения, как курить за кофе.

— Да, это правда, — сказал молодой человек, которому теперь, после плотного завтрака, все представлялось в розовом свете, — я тоже курю — отец приучил, к несчастью...

— У вас нет ни трубки, ни табаку, так, что ли?

— Именно так.

— Позвольте вам предложить на выбор, — грациозно сказал г-н Лефериль, кладя на стол несколько трубок и наполненный табаком кисет.

— Ну что же, я возьму, — весело сказал молодой человек, беря и набивая первую попавшуюся трубку.

Вскоре оба собеседника были окружены облаками дыма.

— Вы не ожидали меня сегодня, разумеется? — спросил отставной капитан между двумя затяжками.

— Признаюсь... я знаю, как вы дружны с моим отцом...

— Дитя мое, вы очень наивны, и вот почему вы должны были меня ждать.

— Гм! Может быть, но я вас не понимаю.

— А между тем это очень просто; возьмите же немножко коньяку, это очень хорошо с кофе.

Молодой человек налил себе коньяку, а Лефериль продолжал:

— Я не только друг вашего отца, но я был и другом вашей матери и поклялся ей присматривать за вами.

— Как! Вы?

— Да, милый друг, и я надеюсь, что честно исполнил поручение вашей матери, которое она сделала мне перед

смертью; я ни на минуту не выпускал вас из виду; вы напроказили, очень напроказили.

— Но мой отец...

— Ваш отец — старый солдат; он человек цельный, у него есть определенные, неизменные убеждения, он признает одну только дисциплину; он не понимает, что в молодости нужно же пошалить, но он человек светский с ног до головы.

— Я знаю, сударь, и первый готов утверждать это; часто мне хотелось с ним повидаться, поговорить, признаться ему в своих ошибках; он постоянно меня отталкивал, упорно не хотел меня выслушать.

— Это — несчастье, большое несчастье; выкушайте-ка еще коньяку — отлично помогает пищеварению; но то, чего вам не удалось сделать, сделал я: я хотел вывести вас на широкую дорогу и спасти вас от вас самих.

— Вы! — вскричал Шарль с радостным изумлением.

— Я самый; слушайте: я добился от капитана уплаты ваших долгов, вы теперь не должны ни единой душе.

— Может ли быть? Вы этого добились?

— Вот вам, — сказал он, бросая на стол сверток бумаг, — возьмите, тут все ваши оплаченные обязательства.

— Правда! — вскричал молодой человек, окидывая взглядом бумаги. — Наконец-то я свободен!

— Свободен как воздух; знаете, пришлось заплатить 7700 ливров, кроме неустоек.

— О, как я вам обязан! — вскричал Шарль, протягивая Леферилю руку.

— Вы мне ничем не обязаны, милое дитя, — отвечал тот, крепко пожимая протянутую руку, — напротив, я вам обязан тем, что вы дали мне случай оказать вам услугу; выпейте немножко рому, этот напиток очень полезен после кофе. Ну, так слушайте.

— Я весь — внимание.

— Вы натворили много глупостей...

— Это правда, — перебил молодой человек, наливая себе рому, — но за это я жестоко наказан: клянусь вам, я теперь исправился.

— Надеюсь, дитя мое, но во всяком случае оставаться в Париже теперь для вас невозможно, по крайней мере, в течение нескольких лет; нужно, чтобы о вас позабыли.

— Совершенная правда, я понимаю, что мне следует уехать как можно скорее. Если бы это зависело только от

меня, то я уже давно бы уехал, но ведь вы знаете, что у меня совершенно не было средств.

— В добрый час, я очень рад от вас это слышать; теперь я вижу, что имел основание поручиться за вас перед вашим отцом.

— Я вас не понимаю, сударь.

— Ваш отец долго упирался, прежде чем согласился на то, что я от него требовал, но наконец я добился от него одной вещи, поручившись, что вы примете известные условия. Он не хотел верить вашему исправлению.

— О!

— Что же делать, уж такой он человек.

— Но какие же условия? Я принимаю их, честное слово.

— Очень хорошо, я этого от вас и ожидал; но успокойтесь, условия не тяжелы.

— Я уже вам сказал, что приму всякие.

— В добрый час; прежде всего, ваш отец платит все ваши долги, возобновляет весь ваш гардероб, наконец, он дает вам 500 луидоров, которые вы найдете в этом чемодане, вот и ключи от него.

И, указывая жестом на чемодан, г-н Лефериль подал Шарлю связку ключей.

— Как вы добились этого от моего отца? — сказал удивленный молодой человек.

— Как видите, — добродушно отвечал отставной капитан.

— Чего же он требует от меня взамен?

— Пустяков, дитя мое, судите сами.

— Говорите же, мне так хочется знать.

— Рассказывать не долго, — отвечал г-н Лефериль, выколачивая трубку об стол, — прежде всего, я должен вам сказать, что один из моих старинных друзей, господин Окар, это имя вы, быть может, слышали...

— Действительно, я помню это имя.

— Очень хорошо. Так вот, этот Окар служит главным крис-комиссаром флота в Ла-Рошели, я с ним поддерживаю постоянные сношения; недавно я получил от него письмо, в котором он просит найти ему секретаря.

— И вы подумали обо мне.

— Боже мой, ну да. Я сказал себе, что путешествие в Ла-Рошель ничего не значит для молодого человека; если Шарлю место не понравится, то он преспокойно может

вернуться в Париж; во время же его отсутствия я постараюсь примирить с ним заочно отца, и все будет улажено.

— Вы — превосходный человек, сударь, вы действительно спасаете меня от самого себя, как вы выразились.

— Ну что толковать об этом! Я очень люблю своих друзей, вот и все, я рад для них сделать, что могу, — отвечал отставной капитан с улыбкой, которая могла бы навести молодого человека на размышления, если бы он ее заметил.

— Когда же нужно ехать?

— Да когда угодно, хоть завтра, если вас ничего не удерживает.

— О, решительно ничего, мне бы только поскорее уехать. Я уеду завтра.

— Итак, решено. Я вам дам рекомендательное письмо к господину Окару, вы отдайте его ему самому в руки; когда он прочтет его, он уже вас не выпустит.

И г-н Лефериль вторично улыбнулся такой же загадочной улыбкой, как и в первый раз.

Но Шарль опять не обратил на нее внимания.

Г-н Лефериль встал из-за обеденного стола и пересел к письменному, чтобы написать рекомендательное письмо.

— Ну, слава Богу, все сделано, — сказал он, вставая, когда написал письмо, — только не думайте, что я даю вам письмо Беллерофонта: я запечатал его потому, что написал также о некоторых секретных делах.

И он в третий раз улыбнулся странной улыбкой.

— О, что вы, помилуйте! — вскричал молодой человек.

— Я должен вас предупредить, — опять заговорил отставной капитан, — не беспокойтесь о своих делах, я беру на себя переслать вам чемодан в Ла-Рошель; вы найдете его уже там, когда приедете. Кстати, ваш отец дарит вам одну из своих лошадей, чтобы доехать до места назначения; там вы ее продадите, это тоже выгода. Сегодня вечером ее приведут к вам на постоянный двор под вывеской «Оловянное блюдо». Так вы рассчитываете завтра выехать?

— Завтра в семь часов утра я буду в седле.

— Ну, так счастливого пути, мое милое дитя, храни вас Бог!

Господин Лефериль в последний раз пожал руку Шарлю и ушел, повторив свой совет насчет лошади, чемодана и письма.

На другой день, согласно обещанию, Шарль Лебо выезжал из Парижа в семь часов утра.

Какой-то человек, спрятавшись в углублении двери, внимательно наблюдал за постоянным двором под вывеской «Оловянное блюдо», где Шарль садился на лошадь.

Когда этот человек увидел, что Шарль выезжает верхом из ворот постоянного двора, то вышел из своего угла и, потирая руки, сказал с дьявольским смехом:

— Отличная развязка! Мы развязались с ним, и надеюсь, что навсегда. Оттуда возврата нет.

Этот человек был господин Лефериль, интимный друг капитана Лебо.

Между тем молодой человек весело продолжал свой путь, не подозревая, какую штуку с ним сыграли.

У него был туго набитый кошелек, он сидел верхом на хорошей лошади, перед ним простиралась дорога, он был сам себе господин — что же было ему нужно?

Он был счастлив, прошлые страдания были позади; он строил прекрасные планы на будущее, не переставая восхищаться видами, мимо которых проезжал. Все, что он видел, казалось ему превосходным; молодой человек был настоящий парижанин: так как он никогда не выезжал из города, то все для него было ново и интересно.

Во время путешествия с ним не случилось ничего необыкновенного, ехал он потихоньку, не спеша, словно прогуливаясь; он полагал, что и без того рано приедет в Ла-Рошель, где его никто не ждал.

Несколько миль не доезжая до Орлеана, он встретил десятка два молодых парижан, по-видимому, из хороших семейств. Эти молодые люди были прикованы друг к другу цепями, кто за ноги, кто за шею, и с трудом брели под многочисленным конвоем объездчиков.

Шарль Лебо остановился на том же постоялом дворе, где и эти несчастные, роздал им денег и заказал для них хорошую закуску, потому что они, казалось, умирали от голода.

Молодой человек осведомился у конвойных, куда ведут этих людей, какое преступление они совершили и к какому наказанию приговорены.

Конвойные насилу решились ответить на вопросы Шарля; ему удалось выведать от них только то, что у них есть приказ довести партию до Ла-Рошели, откуда она будет отправлена прямо в Канаду.

Бедные молодые люди возбудили в Шарле сострадание,

но он не мог для них сделать больше того, что сделал; дав им еще немного денег, он поспешно проехал вперед, чтобы не иметь перед глазами такого грустного зрелища. Он думал, что больше никогда не увидит несчастных юношей — и сильно ошибался: ему скоро предстояло увидеть их в условиях, для него весьма неприятных.

Десять дней спустя, в пятницу, после полудня, он приехал в Ла-Рошель, остановился в гостинице и продал свою лошадь с седлом барышнику за 280 пистолей, так как она больше не была ему нужна. Устроив эту продажу, он пустился фланировать по городу и побывал на пристани, где увидел огромное количество кораблей, возбуждивших его любопытство.

На другой день, отдохнув немного с дороги, Шарль осведомился у хозяина гостиницы, где живет господин Окар, на что трактирщик отвечал, что господина Окара в настоящее время, наверное, можно найти на корабле «Слон», отправляющемся в Канаду, потому что г-н Окар заведует снабжением этого корабля припасами.

Молодой человек еще никогда не бывал на корабле; ему очень хотелось там побывать; случай казался весьма удобным, и он поспешил им воспользоваться; он отправился в гавань, нанял лодку и явился на борт «Слона».

Какой-то офицер с трубкой во рту прохаживался по шканцам; увидев Шарля, он подошел к нему и спросил, что ему угодно.

— Я приехал из Парижа с рекомендательным письмом к г-ну Окару, — отвечал молодой человек, — я должен передать письмо ему лично.

— Очень хорошо, мой юный друг, — отвечал офицер, — только г-на Окара в настоящее время здесь нет.

— Тогда я приду после.

— Как угодно, — отвечал офицер, внимательно вглядываясь в молодого человека.

Шарль поклонился и хотел уйти.

— Извините, — сказал офицер, удерживая его, — но скажите, пожалуйста, вы не г-н Шарль Лебо?

— Да, это мое имя, действительно, — отвечал Шарль с удивлением, — только я не понимаю...

— О, Боже мой, в этом нет ничего необыкновенного; г-н Окар был предуведомлен о вашем приезде, он торопился вас увидеть; вы даже запоздали немного, вас ждали раньше.

— Это правда, сударь, но я не торопился; я ехал полегоньку.

— Вам бы лучше и совсем не приезжать, — сказал офицер насмешливо.

— Что вы хотите сказать, сударь?

— Ничего, это просто мое соображение.

— Так г-на Окара нет?

— Нет, но он скоро будет; вы бы лучше подождали.

— Что ж, пожалуй, если это не очень долго.

— Он явится дня через три, к снятию с якоря.

— Господи помилуй! Нет, уж я лучше сойду на землю.

— К несчастью, бедный мой мальчик, этого сделать нельзя, насчет вас нам даны самые точные инструкции; вы не сойдете на землю ранее, чем прибудете в Канаду; страна прелестная, там вы будете очень счастливы, если сумеете.

— О, пожалуйста, перестаньте шутить! — вскричал молодой человек в отчаянии. — Это — ужасная шутка.

— В том-то и дело, что это вовсе не шутка; повторяю вам, у нас есть приказ вас задержать, так зачем же вы так глупо попались в капкан?

— Какое ужасное предательство! — вскричал молодой человек, заливаясь слезами и опускаясь на кучу веревок, и зарыдал, закрывши лицо руками.

— Шутка в самом деле скверная, — сказал офицер. — Бедняга парижанин!

И он продолжал свою прогулку, пожав плечами.

Вскоре молодой человек успокоился, отер слезы и подошел к офицеру.

— Можно вам сказать одно слово, сударь? — спросил его Шарль.

— Говорите, — отвечал офицер, останавливаясь и смотря на него почти с состраданием. — Вы меня интересуете, право.

— Я хочу вас попросить об одной вещи.

— Говорите; я сделаю по-вашему, если то, о чем вы попросите, зависит от меня.

— Благодарю вас, — отвечал с волнением молодой человек, — вы очень добры; мне нужно запастись одеждой и разными другими вещами, необходимыми для такого длинного путешествия.

— На ваше имя присланы два тяжелых чемодана дня три тому назад; они спрятаны в трюме, и вы их получите по приезде в Канаду.

— Два чемодана? У меня был только один при выезде из Парижа.

— Ваши родители сочли, должно быть, нужным прибавить к нему другой; но вы можете располагать их содержимым не ранее, как по приезде в Квебек, потому что они, как я уже сказал, запрятаны в трюме.

— Это ничего не значит, у меня есть деньги; если вы согласитесь, то мне будет очень легко запасть всем необходимым.

— Это как?

— Когда уходит корабль?

— Да дня через три и уж самое позднее — через четыре.

— Я остановился в Сент-Элуа; позвольте мне сойти на берег, даю вам слово, что я буду в вашем распоряжении и явлюсь на корабль в плен по первому вашему слову.

— Гм! — сказал офицер, бросая на него взгляд, который, казалось, хотел проникнуть в самую глубину его сердца. — А если я вас отпущу, кто же мне за вас поручится?

— Мое слово, которому я еще никогда не изменял, — гордо отвечал молодой человек.

Офицер с минуту внимательно поглядел на него, отвернулся, прошелся раза два по палубе, потом опять остановился перед Шарлем.

— Все это непонятно, — сказал он. — Очевидно, вы — жертва какой-то гнусной махинации, вы кажетесь мне человеком светским и порядочным. Люди, которых мне обыкновенно присылают, совершенно не похожи на вас. Слушайте. Я — помощник капитана этого корабля и, следовательно, имею право позволять вам то, о чем вы просите, но, сделав это, я рискую попасть под разжалование, если вы не исполните своего слова. Я — младший в семье и не имею ничего, кроме жалования, присвоенного мне по должности и по чину. Могу ли я вам верить?

— Клянусь честью, сударь.

— Так и быть, возвращайтесь на берег. Я вам дам знать, когда нужно будет приезжать обратно на корабль. Я — ше-валье Гастон де Гандель; не забудьте моего имени.

— Я свято буду его помнить, как имя человека, доброта которого спасла меня от отчаяния.

— Хорошо, хорошо! Ступайте и помните свое обещание.

Потом, обращаясь к боцману, офицер крикнул:

— Пропустите этого господина.

И, знаком простившись с молодым человеком, помощник капитана спустился в междудечное пространство.

Шарль поспешил воспользоваться полученным позволением; его лодка еще не отъезжала, он уселся в нее и поплыл к набережной.

Он решился.

Он принимал то положение, в которое его поставила ненависть отца; но он написал ему и его слащавому другу г-ну Лефериллю.

Он не хотел, чтобы они воображали, будто им удалось его провести; эти письма должны были сильно подействовать на них обоих: описывая свое путешествие от Парижа до Ла-Рошели, Шарль прибавлял, что он, возвратясь назад, сам расскажет им конец своих приключений, и выражал надежду, что его возвращение наступит, может быть, скорее, чем они думают.

Отправив письма, Шарль занялся покупкой необходимых для дороги вещей; относительно покупки он посоветовался с хозяином гостиницы и очень хорошо сделал. Последний до тонкости знал все, касающееся кораблей, совершающих рейсы между Францией и Канадой, и действовал соответственно. Впоследствии Шарль был очень рад, что дал ему свободу действовать по своему усмотрению: покупок было сделано на большую сумму — на 396 пистолей, но трактирщик утверждал, что все необходимое было куплено, и это была правда.

Освободившись от забот и несколько выросши в собственных глазах, благодаря доверию, которое оказал ему шевалье де Гандель, молодой человек употребил оставшее время на осмотр города и на выбор книг, которые хотел взять с собой на дорогу.

Так прошло пять дней; на шестой день, когда Шарль только что проснулся, в комнату к нему вошел матрос и подал письмо; оно было от Ганделя; офицер писал, что «Слон» в 12 часов дня снимается с якоря и что Шарлю Лебо необходимо явиться как можно скорее на борт.

Молодой человек рассчитался с хозяином гостиницы, велел вынести свои чемоданы и объявил матросу, что он готов за ним следовать.

Покуда багаж нагружался в лодку, трактирщик, рассыпаясь в пожеланиях благополучного пути, сунул Шарлю в руку бумажку и сказал с грубоватым смехом:

— Когда придете на корабль, отдайте это корабельному повару, вы не пожалеете об этом.

Шарль поблагодарил и вошел в лодку, где очутился только вдвоем с лодочником; матрос исчез: вероятно, у него были еще другие поручения.

Взойдя на борт, молодой человек поспешил к шевалье де Ганделю, который прохаживался по палубе с каким-то другим офицером.

— Благодарю вас, сударь, за доброту, — сказал Шарль, кланяясь, — я явился и отдаюсь в ваше распоряжение.

Шевалье де Гандель улыбнулся и сказал, обращаясь к другому офицеру:

— Что я вам говорил, капитан? Разве я был не прав?

— Молодой человек поступил честно, и я его поздравляю, — отвечал капитан самым учтивым тоном, — я ему припомню этот честный поступок; да, сударь, я о вас позабочусь. Милый шевалье, — прибавил он, — у вас рука счастливая, не все наши пассажиры ходят на этого господина.

Молодой человек поклонился и скромно отошел в сторону.

Капитан «Слона» был человек лет сорока, довольно красивый, с мягким характером и приятным обращением; он был младшим братом генерал-губернатора Новой Франции, его имя было барон де Водрейль.

«Слон» составлял часть транспорта, состоявшего из 15 судов с войсками и припасами для Канады, под начальством адмирала Биенкура. Вскоре после полудня на адмиральском корабле был дан сигнал к отплытию, и весь транспорт тронулся, распустив паруса.

Опершись на борт, Шарль Лебо печально глядел на берег Франции, которую он покинул, быть может, навеки; очертания берега становились все туманнее и наконец слились с облаками, исчезли на горизонте; тогда молодой человек вздохнул, уронил голову на грудь и заплакал.

Свершилось: непроходимое пространство отделило его от всего, что он любил; он остался один-одинешенек, без цели в будущем, осужденный на ужасное изгнание, на жизнь среди людей, принадлежащих к другой расе, людей диких и свирепых.

В эту минуту позвали «*Letters de cachet*»; так назывались несчастные, силою отторгнутые от домашнего очага,

от семьи и против их желания перевозимые в Канаду на плачевное прозябание и на жалкую смерть.

В числе несчастных, судьбу которых он разделял, Шарль узнал молодых людей, которых он встретил около Орлеана и которым так великодушно помог; они приняли его самым радушным образом и заявили ему живейшую признательность.

Господин де Водрейль обратился к ним с увещеванием, убеждая их вести себя хорошо, и обещал смотреть за ними и хорошо с ними обращаться.

Большинство их было в самом жалком положении, у них не было решительно ничего, некоторые даже не имели сколько-нибудь приличного платья.

Барон де Водрейль обратился к Шарлю отдельно и сказал, что желает иметь его своим секретарем на время переезда через океан, что для молодого человека было большой милостью, потому что этим он освобождался от тяжелых работ на борту корабля и мог почти совершенно свободно располагать своим временем.

Положение Шарля на борту «Слона» сделалось, таким образом, очень приятным; у него была маленькая отдельная каютка, он не бывал в карауле и, благодаря письму трактирщика, получал от повара за умеренную плату в 120 ливров за весь переезд офицерский стол, а не ту пищу, которой кормили матросов и «Lettres de cachet». В то время переезд из Ла-Рошели в Канаду вообще продолжался около двух с половиной месяцев, а «Слону» пришлось быть в пути почти четыре месяца по причине дурной погоды, противных ветров и — главное — очень медленного хода всего транспорта, в котором почти все корабли были плохие ходоки.

Длинный переезд, бесивший и экипаж, и пассажиров транспорта, доставил Шарлю большое удовольствие. Он прилежно изучал всю премудрость морской службы и мог бы теперь быть отличным матросом, а по нужде так даже и весьма сносным офицером. Все удивлялись, как скоро досталась Шарлю эта мудрость, а сам Шарль дивился больше всех; он считал морское дело таким трудным...

5 мая 1748 года Шарль Лебо причалил в первый раз к берегам Новой Франции и высадился в Квебеке.

Немедленно после высадки «Lettres de cachet» были выведены отрядом солдат на показ генерал-губернатору. Шарль был избавлен от этой унижительной меры, он от-

правился представляться вместе с командиром и офицерами корабля.

Губернатор ждал их, имея при себе епископа Квебекского и главнейших офицеров колонии.

Когда он увидел этих несчастных людей, худых, тощих, еле держащихся на ногах, то почувствовал к ним сильную жалость и не мог удержаться, чтобы не сказать одному из своих адъютантов, г-ну Доскэ:

— Родители этих несчастных совершенно потеряли здравый смысл, ну как можно было посылать их в таком виде в такую страну!

Потом губернатор обратился к «Lettres de cachet» и спросил у одного из них, чем он думает заняться; спрошенным оказался шевалье де Курбюиссон; он ответил губернатору за всех и ответил очень остроумно. Он даже в шутку стал оправдывать родителей, говоря, что они были очень добры, отправивши их к такому любезному начальнику; губернатора и всех, кто тут был, это очень насмешило.

Тогда всех «Lettres de cachet» распустили на все четыре стороны; двое из них записались в армию, другие предпочли рассеяться по городам и селам в качестве народных учителей, что им было позволено; что касается Шарля Лебо, то его взял к себе в секретари г-н Дорель, кригс-комиссар в Канаде, с жалованьем в 200 ливров наградных.

Шарль тут же нанял себе приличное помещение в нескольких шагах от канцелярии г-на Дорея; он велел перенести на новую квартиру свой багаж и устроился очень *комфортабельно*, как говорят нынче.

Первым делом его было открыть чемоданы; их было четыре: два он сам купил в Ла-Рошели, они содержали в себе всевозможную одежду, приспособленную к климатическим и иным условиям страны, в которой ему предстояло жить. Он очень этому обрадовался, тем более что в одном из чемоданов, присланных из Парижа, было очень хорошее платье, но совершенно негодное для Канады, где зимой страшно свирепствует холод.

Он мысленно поблагодарил ла-рошельского трактирщика за добросовестный выбор платья. В чемодане было более 450 луидоров, несколько книг и много белья, чему Шарль очень обрадовался. Тогда он перешел к четвертому чемодану: он особенно возбуждал его любопытство, потому что был очень тяжел. Шарль никак не мог приду-

мать, что бы такое в нем было. Он открыл крышку и был ужасно удивлен, увидавши на зеленом люстрине, которым было прикрыто содержимое чемодана, открытый лист бумаги, исписанный весь почерком отца.

Вот что прочел он с радостью и удивлением, которые даже и не пробовал побороть:

«Милый мой сын, прощаю тебя за дурное поведение и надеюсь, что суровое наказание, которому я тебя подверг, тебя образумит и исправит; в стране, где ты будешь жить, человек значит что-нибудь только сам по себе; говорят, что там законом служит сила; сила у тебя есть, ты храбр, смел, предприимчив, ловок и искусен во всем; это — качества, необходимые для тебя в том положении, в которое ты поставлен, с ними ты можешь достичь всего, и я от души тебе этого желаю.

В Канаде, как мне говорили люди бывалые, хорошее оружие очень дорого, и его почти невозможно достать. Так как тебе необходимо — ты впоследствии узнаешь почему, — иметь на всякий случай хорошее оружие, то я сам выбрал тебе его в Париже у лучших фабрикантов и сам попробовал; посылаю его тебе, ручаюсь за превосходное качество; я не сомневаюсь, что ты, при своем искусстве, употребишь его с пользой. Только советую употреблять его лишь при серьезных обстоятельствах и в случае законной обороны.

Остаюсь любящий тебя отец, и любящий больше, чем ты предполагаешь: скоро ты получишь доказательство этому.

Арман-Луи Лебо,
капитан швейцарской сотни Е. К. В.».

Молодой человек два раза перечитал это странное письмо, почтительно поцеловал его и спрятал на груди, вытирая глаза, омоченные слезами.

Он был сильно заинтригован подчеркнутыми в две черты местами письма, но это было для него загадкой, которую могло разрешить только время.

— Подождем, — сказал он, слегка хмуря брови.

И он приступил к осмотру чемодана — быть может, для перемены занятия.

Он приподнял люстриновую крышку и увидел настоящий арсенал; от удивления он забыл про все.

Тут было, прежде всего, длинное ружье, потом швейцарский карабин; за ним следовали две пары пистолетов,

одна карманная, другая седельная; потом две шпаги, превосходные, с широким лезвием, потом два охотничьих ножа, две отточенные рапиры и, наконец, два пистолета для стрельбы в цель, положенные в эбеновый ящик, после того были еще коробки для пуль, штык для карабина, нагрудник, две каски, перчатки, сандалии, наконец, все инструменты и приборы для чистки и чинки оружия и сафьяновые для него же чехлы.

Шарль был в восторге: подарок отца имел для него огромную ценность.

Мы не очень удивим читателя, если скажем, что молодой человек со свойственным молодому возрасту ребячеством сейчас сделал из всего своего оружия великолепный трофей.

Потом он пересчитал свои деньги; их было для него очень много, если взять в расчет положение, в котором он находился накануне отъезда из Парижа.

Прежде всего — 450 луидоров, спрятанных в чемодан после визита г-на Лефериля, потом — 100 луидоров, которые заставил взять его господин де Водрейль за то, что Шарль был у него секретарем во время плавания, и, наконец, 140 луидоров, бывших в его в кармане, — остаток от пятидесяти, взятых прежде из подаренных ему отцом 500, и от денег, вырученных за лошадь.

Все вместе составляло 690 луидоров, то есть 16 560 ливров, не считая места при г-не Дореле. Это было бы очень хорошо в какой угодно стране, а в Канаде, стране новой и бедной, где материальная жизнь почти ничего не стоила, это было почти богатством, тем более что содержание обходилось Шарлю самое большое 900 ливров в год.

Авантюрист поневоле

Уже год и два месяца Шарль Лебо был секретарем у господина Дореля; кригс-комиссар был им очень доволен; он оказывал молодому человеку большое уважение во всех обстоятельствах.

Чопорное общество Квебека приняло молодого человека в свою среду; все его хвалили, для него были открыты двери лучших домов; если бы он не был так робок и — сказать по правде — наивен, то он легко бы мог, как сделали бы многие другие на его месте, изобразить из себя важную фигуру в колонии, тем более что никто не знал о способе его прибытия в Канаду. Известно было, что ему сильно протезирует барон де Водрейль, брат генерал-губернатора, а сам он был так скромен, умен и образован, поведение его было так безупречно, что везде его принимали с большим удовольствием.

Но Шарль Лебо был чистокровный парижанин; он обладал в высокой степени всеми достоинствами и недостатками уроженца большого города. В то время, к которому относится наш рассказ, парижанин был совсем особенное существо, странный фантастический характер которого представлял смесь всевозможных контрастов: легковерия, хвастовства, гордости, тщеславия, презрения и неведения всего, что не относится к городу, наивности, граничившей с глупостью, и к довершению всего крайней насмешливостью или, скорее, балагурством.

Все, что было в Париже или из Парижа, было хорошо и прекрасно, остальное все было вздор; вне Парижа не было спасения, весь мир вращался около этого величай-

шего солнца, грелся его лучами; парижанин никогда не решался выехать далее Сен-Клу, да вдобавок еще, принимая этот дальний вояж, принимал такие предосторожности, словно ехал в Америку. Он не имел никакого понятия о дереве, о зелени; как только он выезжал за заставу, все казалось ему странным и нелогичным; словом, парижанин того времени был настоящим типом беотийца; его можно было уверить в какой угодно нелепости, причем он, несмотря на природную хитрость, и не подозревал, что над ним смеются. В настоящее время характер парижан изменился, но сущность осталась прежняя.

Повторяем, Шарль Лебо был чистокровный парижанин. Со времени своей высадки в Квебеке он пребывал в постоянном удивлении, не понимая ничего, что вокруг него делалось, считая туземцев, которые ему встречались на улицах города, существами, лишенными всех благ и наслаждений в жизни, принадлежащими к низшей расе, умственные способности которой были только инстинктом, более или менее развитым; он считал их несчастными и глубоко жалел их.

Но когда молодой человек попадал в привычную для него среду, то снова делался человеком избранным, предназначенным по своему уму и образованию занять высокое место в свете, как только с него спадет парижский налет, налет густой и упорный, иногда скрывавший его лучшие качества и низводивший его до уровня самых безнадешных простаков.

Положение нашего героя становилось все приятнее и приятнее, когда несчастный случай еще раз выбил его из колеи и разрушил все его надежды.

Однажды в губернаторском доме был большой бал в честь дня рождения его величества короля Людовика XV.

Самые знатные семейства не только Квебека, но также Триречья и Монреалья были приглашены на этот бал. Аристократия колонии, морские и сухопутные офицеры толкались в блистательно освещенных залах, наполненных хорошенькими женщинами — уроженки Канады очень красивы; франты — офицеры и чиновники всех отраслей гражданского и военного управления — так и летали от одной группы к другой.

Разумеется, граф де Меренвиль-Шалюс, графиня и ее прелестные дочери, а также и Марта де Прэль присутствовали на балу.

Шарль Лебо был немного знаком с графом, которому его представил господин Дорель; он несколько раз встречался с ним, и граф всегда относился к нему приветливо.

Бал был в самом разгаре, танцевали почти во всех залах; Шарль направился в ту, где находилась Марта де Прэль вместе с графиней и ее дочерьми, как вдруг услышал, что она говорит какому-то офицеру, пригласившему ее на танец:

— Извините, сударь, я приглашена, и вот мой кавалер.

Морской офицер выпрямился, кусая губы, презрительно взглянул на молодого человека и сказал сквозь зубы, уходя и даже не кланяясь:

— Ну, конечно, рыбак рыбака видит издалека; маленькая бастардка непременно должна была предпочесть этого прощелыгу человеку с именем и гербом.

Как ни тихо было сказано это кровное и незаслуженное оскорбление, однако м-ль де Прэль услышала и была поражена в самое сердце; она побледнела, глухо вскрикнула от стыда и гнева и без чувств упала на руки графини де Меренвиль.

К счастью, никто не догадался о причине обморока; его приписали жаре и духоте, царившей в залах; молодую девушку отнесли в комнату г-на де Водрейля, и бал продолжался.

Шарль Лебо тоже слышал слова, сказанные морским офицером, и, кроме того, заметил кинутый им на него презрительный взгляд. Убедившись, что Меренвили ушли и увели девицу де Прэль, он твердым шагом направился к офицеру, смеявшемуся и шутившему в группе молодых флотских и пехотных офицеров, и слегка дотронулся до его плеча.

— Это что еще значит? — спросил высокомерно офицер, оборачиваясь назад.

— Это значит, сударь, — отвечал Шарль, — что я не прощелыга, а вы нечестный человек.

— Что этот дурак говорит? — сказал офицер. — Хочет он, что ли, чтобы я велел его наказать своим лакеям?

— Не кричите так громко, сударь, — холодно и резко возразил молодой человек, — меня нельзя велеть наказывать слугам, а вот я так накажу вас сам, если вы не извинитесь за свой поступок; вы сейчас поступили, как негодяй, вы меня понимаете, конечно?

Офицер побледнел от злости и поднял было руку, но молодой человек схватил ее и сжал, как в тисках.

— Считаю пощечину полученною, — сказал он глухим, угрожающим голосом, — теперь я к вашим услугам.

— Пожалуй, хоть сейчас! — вскричал офицер, вне себя от злости. — Хоть сейчас!

— Пойдемте, — холодно сказал молодой человек.

При этой сцене присутствовало несколько офицеров; они поспешили вмешаться и предложили обоим уйти с бала, чтобы избежать скандала в доме губернатора колонии.

Офицеры и оба противника вышли незамеченными.

Ночь была прекрасная, хотя и холодная; луна ярко освещала довольно прозаический вид города; улицы были пусты, только довольно густая толпа упрямо-любопытных лиц толпилась перед домом губернатора: жители Квебека обыкновенно возвращались домой к тушению огней и сейчас же ложились спать; одним словом, во всем городе не было ни одного освещенного окна.

Противники и свидетели прошли наудачу несколько шагов, повернули направо и по странному случаю остановились как раз перед домом, где была квартира Шарля Лебо.

— Господа, — сказал капитан Руссильонского полка, пытливо озираясь кругом, — это место кажется мне удобным, как вы думаете?

Все остановились: их было человек двенадцать, сколько моряков, столько же и армейцев; выбрали место и беспристрастно сделали все приготовления к дуэли.

— Господа, позвольте мне сказать одно слово, — сказал морской офицер.

— Говорите, сударь, — отвечал за всех капитан.

— Господа, вы, разумеется, не сомневаетесь, что я горю нетерпением отомстить за нанесенное мне оскорбление, но я, во всяком случае, не могу драться с первым встречным, которому вздумается меня оскорбить; вы знаете, что я — граф Рене де Витре, капитан королевского фрегата «Слава», стоящего теперь на якоре в Монреале. Я должен знать, с кем предстоит мне скрестить шпагу и не унижит ли меня дуэль с человеком, который меня вызвал; привилегии дворянства на этот счет несомненны.

— Это правда; таково право дворянства, — довольно сухо отвечал старый капитан Шампанского полка, —

привилегии вам благоприятны, хотя, по-моему, вам бы не следовало быть слишком разборчивым, потому что ваша честь слишком серьезно задета.

— Из-за этого дело остановиться не может, — гордо сказал молодой человек, делая шаг вперед, — хотя многие из вас меня знают отчасти, но я все-таки скажу, кто я. Меня зовут Шарль Лебо, я адвокат при парижском парламенте, состою секретарем при г-не Дореле, крискомиссаре Новой Франции; наконец, мой отец — капитан швейцарской сотни его величества короля Людовика XV, да хранит его Господь!

— Этих званий совершенно достаточно, — сказал старый капитан, — пусть господа флотские офицеры перейдут на сторону господина де Витре, а мы, армейцы, станем на сторону господина Шарля Лебо.

— Благодарю вас, господа, за любезность, но у меня нет шпаги, — сказал, улыбаясь, молодой человек.

— Возьмите мою, я с удовольствием дам вам ее, — сказал старый капитан, вынимая шпагу из ножен и подавая Шарлю. — Это хороший испанский клинок, но вы, может быть, не умеете обращаться с такими игрушками? — прибавил он, улыбаясь.

— Будьте покойны, постараюсь биться как можно лучше, — сказал молодой человек.

— Подьячий! — пробормотал насмешливо граф де Витре. — Нет большой славы и убить-то его!

— Может быть, сударь, — отвечал Шарль Лебо, продолжая улыбаться, — но ради вас самих советую вам быть внимательнее и осторожнее.

Граф презрительно пожал плечами.

Граф де Витре принадлежал к старинной и знатной бретонской фамилии, ему было тогда 35 лет, это был элегантный и гордый дворянин, молодость которого прошла бурно; хотя в Версале у него были сильные связи и большая протекция, но репутация его была нехорошая; товарищи его не любили, у него было множество дуэлей, из которых он всегда выходил победителем; про него говорили, что у него тяжелая рука; но на этот раз у него был сильный противник.

Противники сняли верхнее платье, и оба стали в позицию с удивительной ловкостью и изяществом.

— Сходитесь, господа, — сказал старый капитан Шампанского полка.

Шпаги скрестились со зловещим лязгом.

Граф был вынужден отступить.

При втором ударе его шпага, выбитая у него из рук, отлетела шагов на двадцать; удар был блистательный.

— Ловко! — сказал старый капитан, который в молодости был большим дуэлистом. — Этот адвокат владеет шпагой лучше многих знакомых мне учителей фехтования.

— Вы согласны извиниться, сударь? — холодно спросил молодой человек, когда его противник снова стал в позицию.

— Извиниться... мне! — вскричал граф, скрежеща зубами. И он сделал нападение.

— Берегитесь, сударь, вы теряете хладнокровие, это опасно для вас.

Он отпарировал и напал в свою очередь.

— Ранен! — вскричали свидетели.

— Пустяки, господа, царапина! — вскричал граф.

Шарль Лебо сделал шаг назад и спросил, опираясь шпагой о кончик сапога:

— Согласны ли вы извиниться не передо мной, а перед особой, которую вы так низко оскорбили?

— Никогда! Негодный подьячий! — злобно вскричал граф.

И он неожиданно напал на своего противника, но тот отпарировал удар, не сходя с места и так ловко, что секунданты удивились.

— Когда так, сударь, — сказал молодой человек ледяным тоном, — вы, значит, сами этого хотели; тем хуже для вас; я клянусь, что убью вас.

— Попробуй, хвостун! Попробуй! — вскричал граф, задыхаясь от бешенства.

И он снова завязал битву, слышен был только лязг оружия, удары сыпались с быстротой молнии; вдруг шпага графа выскользнула у него из рук, а шпага его противника до рукоятки вошла в его грудь.

— Кончено, — сказал молодой человек насмешливым голосом.

В ту же минуту граф упал навзничь с насквозь проколотой грудью; шпага Шарля осталась в ране.

— Вот так удар! — вскричал капитан. — От души поздравляю вас! Вот это значит обработать человека. Теперь его брат — богатый человек.

— Господа, — сказал Шарль, кланяясь свидетелям, — по чести ли я действовал?

— Лучше действовать нельзя, сударь, если понадобится, мы это засвидетельствуем, — отвечали офицеры, кланяясь ему с уважением.

Граф де Витре упал, как чурбан, без слов, без крика; его лицо посинело, глаза померкли, и только нервная дрожь во всем теле говорила о присутствии жизни; двое из его товарищей пошли искать хирурга, другие подняли раненого на руки и перенесли в дом одного из них, находившийся неподалеку от места дуэли; там ему оказали первую помощь.

— Милостивый государь, — сказал старый капитан, с философским спокойствием вытирая шпагу и пряча в ножны, — советую вам как можно скорей позаботиться о своей безопасности. Законы о дуэли очень строги, предупреждаю вас, граф де Витре имеет сильную протекцию и пользуется большим уважением у губернатора.

— Я вам очень обязан, сударь, за совет, — отвечал молодой человек, — я воспользуюсь им нынешней же ночью.

— И хорошо сделаете; граф — человек гадкий; на его счет ходят нехорошие слухи; если он выздоровеет — что очень возможно, хоть рана и тяжела, — то вам нужно ждать от него всего дурного; до свиданья, желаю вам успеха.

Другие офицеры тоже простились с Шарлем и, дружески пожав ему руку, ушли по направлению к дому губернатора, намереваясь, без сомнения, снова вернуться на бал, чтобы отвлечь подозрение.

Шарль Лебо остался один со своими размышлениями, которые, должно быть, были не очень приятны; что ни говорите, а видеть собственноручно пролитую кровь человека нелегко, тем более в первый раз.

Дом, где жил Шарль, принадлежал старому бегуну по лесам, Мишелю Белюмеру, тяжелые раны которого и, главное, большое семейство заставило его отказаться от жизни на вольном воздухе; он неожиданно получил маленькое наследство из Нормандии, откуда был родом, и мог жить безбедно, охотясь только для собственного удовольствия.

Мишель Белюмер питал глубокое уважение к своему квартиранту, и вот по каким причинам. Во-первых, моло-

дой человек был кроток, вежлив и невзыскателен, никогда не делал замечаний и всегда был всем доволен; во-вторых, молодой человек был адвокат, а какой же нормандец не уважает адвокатов? Наконец, у Шарля было великолепное оружие, и старый бегун любовался им каждый день по три раза.

Достойный муж ложился спать с курами, т.е. сразу после захода солнца. В этот день он спал очень крепко, как вдруг его разбудил стук оружия.

Белюмер сел на кровать, протер глаза и прислушался; вскоре он уже не сомневался в значении слышанного им стука; на улице, перед его домом, происходила дуэль.

Охотник наскоро оделся, зажег фонарь, приотворил ставень и выглянул на улицу: все оказалось так, как он предполагал; два человека дрались на шпагах; но он чуть не вывалился из окна от удивления, когда увидел, что один из сражающихся — его жилец; впрочем, он пришел в восторг от искусства, с каким молодой человек владел шпагой.

— Ишь ты как! — бормотал он сквозь зубы. — А ведь мой жилец — молодчина, клянусь честью Белюмера; право я его ужасно люблю.

Сказавши это, нормандец затворил ставень, сошел тихонько вниз и тихо приотворил дверь.

Когда офицеры ушли и Шарль задумчиво остался посреди улицы, словно не зная, что делать, тогда канадец решительно подошел к нему.

— А, сударь мой, что вы тут делаете? — сказал он, ударяя Шарля по плечу. — Дождитесь, что ли, конной стражи, чтобы она арестовала вас? Да ну же, пошевелитесь немного, ведь не вправду же вам хочется быть арестованным? Пойдемте-ка сюда.

И он тихо толкнул его к двери.

Молодой человек машинально повиновался, и, когда они переступили порог, канадец крепко запер дверь.

— Так. Ну, поговорим? Что вы намерены делать?

— Не знаю, — отвечал Шарль, качая головой.

Канадец пожал плечами.

Он был человек деятельный и не стал терять времени на бесполезные утешения. В нескольких словах он объяснил молодому человеку, что необходимо бежать и как можно скорее; убедив в этом своего квартиранта и удостоверившись, что тот не желает сидеть в тюрьме, канадец продолжал:

— В добрый час, вы опять сделались мужчиной. Да, г-н Шарль, никогда не следует поддаваться аресту; вы лучше всего докажете свою невиновность, когда убежите, и это мы сделаем сию же минуту.

Когда бегство было решено, канадец разбудил свою хозяйку, как называл он свою жену; Шарль, заплатив за 4 года вперед за квартиру, поручил ей все свое имущество, потом написал письмо г-ну Дорелю с изложением всего происшедшего, но без упоминания о девице де Прэль; затем он переоделся, надел полный костюм канадского охотника, вооружился ружьем, парой пистолетов, охотничьим ножом и взял с собой сумку с провизией, с бумагой, перьями, карандашом и прочими мелочами, словом, совершенно снарядился в дальнюю дорогу.

Тогда Белюмер объявил, что желает его проводить; молодой человек хотел было отговорить его от этого, но напрасно. На все его замечания канадец отвечал коротким и сухим *нет*. Тогда Шарль, принимая в соображение пользу, которую мог ему принести такой опытный бегун по лесам, как Белюмер, согласился взять его с собой и, выразив ему свою благодарность, вооружил его своим швейцарским карабином, пистолетами и охотничьим ножом, чем несказанно обрадовал старого канадца.

— Ну, сударь, — сказал он, — несдобровать тому, кто попытается нас схватить за шиворот!

И они ушли из дома по направлению к реке, где нашли индейскую пирогу, в которую и сели; они поплыли против течения, налегая на весла, направляясь к городу Трех Рек.

Было пять часов утра, бал в доме губернатора подходил к концу, блистательно освещенные окна сверкали в темноте, точно маяки. Проезжая мимо, молодой человек кинул на эти окна грустный взгляд и подавил вздох, который готов был вырваться у него из груди.

— Прощай! — прошептал он так тихо, что спутник его не слышал.

Вскоре пирога исчезла в излучинах реки.

К девяти часам утра ночная дуэль сделалась известна; против Шарля Лебо были изданы строжайшие приказы; производились деятельные поиски.

Странная дуэль по неизвестному поводу наделала в городе много шума, изобретались самые фантастические вариации, но истинная причина так и осталась тайной;

никто не догадался — дело было проведено так быстро и таинственно.

Граф де Витре несколько месяцев находился между жизнью и смертью; наконец крепость его телосложения взяла верх, и он стал выздоравливать, но поправился окончательно лишь через полтора года; несколько дней спустя после выздоровления он отплыл во Францию, потому что доктора предписали ему долечиваться климатом родины.

Странное дело — все симпатии были на стороне Шарля Лебо, все негодование было обращено на графа. У общественного мнения всегда бывает очень верное чутье.

После отъезда графа г-н Дорель и граф де Меренвиль-Шалюс, принимавшие участие в несчастном беглеце, удвоили усилия, чтобы добиться для него помилования, представляя все дело в самом благоприятном для него свете, ручаясь за его честность, между тем как его противник оставил после себя в стране далеко не приятные воспоминания, не делающие особенно чести дворянину и офицеру.

Долго все попытки друзей Шарля были безрезультатны. Наконец они обратились к такой сильной протекции у всемогущей тогда госпожи Помпадур, что помилование было получено и королевская грамота о нем была привезена в Канаду не кем иным, как бароном де Водрейлем, командиром «Слона». Такова случайность.

Преследование немедленно прекратилось. Шарль Лебо мог без страха показываться всюду, но не показался; после бегства из Квебека никто не имел известий ни о нем, ни о Мишеле Белюмере, старом канадском охотнике, который отправился провожать беглеца.

В то время как друзья деятельно занимались его судьбой, молодой человек вел самую ненадежную жизнь среди краснокожих. Ему приходилось присутствовать при ужасных сценах и самому не раз подвергаться опасности быть замученным и убитым ирокезами; по своей наивности, он был предметом постоянных насмешек со стороны индейцев.

И действительно, вообразите себе парижанина того времени, никогда не выезжавшего из Парижа, вообразите его среди диких народов и дикой природы; есть от чего сойти с ума. Но Шарль не сошел с ума, хотя и был недалек от этого; все, что он тут видел, казалось ему верхом

бессмыслия и несообразности, прямым противоречием с природой человека и вообще общественным устройством.

Если бы не почти отеческая преданность Белюмера, то молодой человек умер бы от горя среди таких невыносимых для него условий; но, благодаря канадскому охотнику, в уме юноши произошла реакция; он забыл прошедшее, покорился настоящему и, сам того не замечая, стал входить во вкус свободной жизни на чистом воздухе. Парижский адвокат сделался ловким охотником и даже знаменитостью прерий; его стали уважать, потому что он был с этого времени в некотором роде сила.

Это лечение продолжалось около восьми месяцев, и Белюмер с удовольствием видел, что оно успешно. Метаморфоза в юноше была полная; он остался прежним Шарлем Лебо только в одном отношении: он сохранил прежнюю привычку марать листы бумаги, покрывая их рисунками и чертежами; Шарль Лебо считал это воспроизведением разных видов той местности, где они были, а Белюмер смотрел на это занятие, как на невинную забаву.

— Пусть его забавляется, — говорил старый охотник, — это ничему не может мешать.

Рисуя, охотясь и сражаясь с ирокезами без всякой жалости, Шарль прошел почти всю Канаду, проник до Луизианы и даже познакомился с некоторыми охотниками на бизонов, причем с ним случилось несколько приключений, о которых мы расскажем.

В числе охотников был некто по имени *Мрачный взгляд*, называемый другими *Серый Медведь*, человек молчаливый, необщительный; краснокожие боялись его ужасно, боялись даже канадские бегуны по лесам, считая, что у него дурной глаз.

Однажды вечером, после долгого скитания, Шарль и Белюмер сделали привал на берегу озера Верхнего; оба деятельно занимались приготовлением ужина, как вдруг услышали шум, словно от падения в воду тяжелого тела.

Оба встали; в пустыне нужно держаться всегда настороже; они схватили свои ружья и кинулись к воде. Спрятавшись в тростнике, они увидали с трудом плывущего по озеру бизона, по-видимому, раненого, а на нем — связанного человека, неподвижного, как труп.

Белюмер и Шарль долго охотились на мексиканской границе; у них, как у настоящих *ранчери*, были *лассо*,

которые они носили постоянно обернутыми вокруг пояса. Шарль смерил глазами расстояние, вынул лассо и так ловко закинул его в озеро, что поймал бизона за рога. Охотники без труда вытащили бизона на берег, где он сейчас же издох; животное было буквально покрыто ранами.

Охотники поспешили отвязать человека, который не подавал признаков жизни. Шарль понес его к костру. Бельюмер, с практичностью старого бегуна, принялся вырезать мясо из хребта животного, чтобы сделать вкусное прибавление к их скудному ужину.

Неизвестный был жив, но у него были две, по-видимому, довольно сильные раны, обморок причинила потеря крови; охотники перевязали раны и привели его в чувство.

Это был человек атлетического сложения, с мрачной и надменной физиономией, обнаруживавшей необыкновенную силу.

Через несколько минут он открыл глаза и осмотрелся, словно желая узнать, где он и кто около него. Тогда взгляд его прояснился, он улыбнулся и сказал по-французски:

— Спасибо.

Выпив добрую порцию рома, которую подал ему Шарль, он опять закрыл глаза и, казалось, заснул.

Охотники не расспрашивали его, понимая, что ему нужно отдохнуть, а так как им самим до смерти хотелось есть, то они принялись за свой ужин с осторожностью людей, привыкших к постоянной опасности.

Почти вся ночь прошла благополучно; кончив ужин и закулив трубки, охотники подложили в огонь сухих дров, чтобы не дать костру погаснуть, и, убедившись, что незнакомец спит, сами протянули ноги к огню и заснули.

Охотники крепко спали, когда на плечо Шарля легла вдруг чья-то рука и чей-то слабый голос проговорил ему на ухо:

— Проворней!.. Краснокожие!..

Охотники в одну секунду вскочили и схватили ружья.

— Тише! Слушайте! — сказал неизвестный.

Это он разбудил их.

Охотники прислушались и вскоре признали, что незнакомец был прав: краснокожие подкрадывались к привалу, их было восемь человек.

Индейцы подходили медленно и чрезвычайно осторожно, прислушиваясь и приглядываясь к кустам.

Место, где был привал, было совершенно открытое; дойдя до него, краснокожие неминуемо должны были обнаружить себя; охотники ждали этого момента, но индейцы тоже чуяли опасность и обдумывали, что им делать.

Так прошло более двадцати минут, в течение которых обе стороны, казалось, обнюхивали следы друг друга, словно гончие собаки на охоте.

Наконец охотники увидели, что четверо незаметно направились в их сторону.

Охотники не подавали признаков жизни, и приближающиеся остановились на некотором расстоянии.

В эту минуту Белюмер слегка толкнул Шарля локтем, незнакомец сделал то же самое, поскольку и он увидел.

Остальные четверо индейцев влезли на деревья и спрятались в листве, полагая, что их никто не видит. Их бы и не заметили, если бы им не пришлось немного выставиться, чтобы прицелиться из ружья.

То, что далее последовало, совершилось с ужасной быстротой: раздались четыре выстрела охотников, и затем охотники кинулись на индейцев, застывших в кустах. Произошла ужасная битва врукопашную, после которой на земле осталось восемь трупов; их потом сбросили в озеро.

Восьмерых краснокожих как не бывало.

Неизвестный поднял ружье, порох, пули, ягдташ, топор и нож для скальпирования — это были отнятые у него ранее вещи.

— Спасибо, — сердечно сказал он, пожимая руки двум охотникам. — Я вам обязан жизнью и не забуду этого: я француз, как и вы, меня зовут *Мрачный Взгляд*, или *Серый медведь*; может быть, мне когда-нибудь и удастся вам отплатить добром за добро.

После того им еще раз два раза случалось встречаться с Мрачным Взглядом; Шарль опять спас ему жизнь, один раз освободивши его от столба пыток, к которому его привязали ирокезы, а другой раз — убивши индейца, который хотел его оскальпировать.

На этот раз Мрачный Взгляд, как видно, изменил своему обычному безмолвию, потому что он имел с Шарлем продолжительный разговор с глазу на глаз; разговор, должно быть, был очень интересен, потому что оба они расстались сильно взволнованные.

Жизнь авантюриста принесла Шарлю большую поль-

зу; его характер определился, окреп, наивность и ребячество исчезли. Теперь он был гордый, пылкий, решительный человек с безошибочным суждением, с широкими, возвышенными взглядами. Опыт жизни сделал его благо-разумным и придал ему большую цену в глазах всех.

Канадские охотники прозвали его *Сурикэ* (мышонок) за то, что у него был беспокойный, вечно остерегающийся взгляд. Краснокожим он был известен под характерным именем *Звездная буря*, по причине его мужества и хладнокровия даже в самых критических обстоятельствах. Он пользовался репутацией лучшего бегуна по лесам и пластуна среди индейских племен и даже на английской границе.

Однажды, возвращаясь из Фронтенака, с ним лицом к лицу встретился граф де Меренвиль. Встреча была самая сердечная, поговорили по душам; графу удалось увезти его с собой во внутреннюю часть колонии.

Но тщетны были усилия г-на Дореля заставить его принять важное место в колониальной администрации, на которое он имел все права по своим признанным всеми талантам; молодой человек не согласился ни на что; он полюбил жизнь в пустыне, эта широкая, свободная жизнь манила его к себе.

Все, чего мог от него добиться граф Меренвиль, было только то, что он будет жить в окрестностях Бельвю и не будет уходить на охоту далее 60 миль, не сказавшись графу. Не будучи в состоянии сделать для него ничего больше, граф назначил его главным пластуном милиции, в которой сам был генералом.

Молодой человек принял это звание больше для того, чтобы не обидеть графа, который сделал ему так много добра.

А может быть, у Шарля были и другие причины остаться вблизи семейства Меренвиль; но если они и были, то Шарль хранил их в глубокой тайне.

В похвалу молодому человеку скажем, что в течение первых же шести месяцев после его назначения главным пластуном милиции он оказал колонии большие услуги.

Приехавши в Канаду, генерал Монкальм не раз слышал странную историю про адвоката при парижском парламенте, сделавшегося американским охотником; после возвращения Шарля в колонию в Квебеке только о нем и говорили, сперва генерал этому не верил, самый факт

казался ему слишком уж странным, но его положительно уверили, что все это правда, и его любопытство было возбуждено.

Генерал Монкальм был человек ученый. Он сам говорил, что ему хочется по возвращении во Францию сделаться членом французской Академии надписей и изящной литературы. Предполагая, что такой человек, как Шарль Лебо, будучи поставлен в исключительное положение, должен был узнать много нового и интересного, генерал признался своему другу и родственнику, графу Меренвилю, в желании познакомиться и поговорить с молодым человеком.

Граф Меренвиль тонко улыбнулся, но, радуясь возможности оказать услугу главнокомандующему, обещал ему доставить случай самому судить о достоинствах главного пластуна милиции.

Несколько дней спустя граф де Меренвиль устроил за столом в Бельвю встречу двух человек, генерал-аншефа канадской армии и Шарля Лебо, или Сурикэ, или Звездной бури; последний не знал, да и не интересовался совсем, кто был тот господин, с которым он обедал.

Но это инкогнито раскрылось, когда перед обедом граф представил их друг другу; в Америке человек ценится только по личным своим качествам, социальные различия там неизвестны, поэтому взаимное представление Монкальма и Шарля никому не показалось странным, особенно Сурикэ, который был слишком скромен, чтобы хоть на минуту подумать, что обед дан именно ради него.

Встреча была любопытная и очень интересная.

Естественно, разговорились прежде всего об охоте; Шарль выказал глубокое знание Канады, ее топографии, истории индейских племен, ее населяющих, знание их нравов, их политики, их языков, на которых он свободно говорил; знание канадской флоры и фауны, ее природных богатств, о которых никто и не подозревал; он указал на сильные и удобные в военном отношении позиции, которые легко можно укрепить, указал несколько действенных способов остановить вторжение англичан и помешать нападению индейцев, которых англичане подкупали.

Генерал Монкальм не скрывал своего удивления; он совершенно поддался очарованию твердой, точной и живописной речи.

Тема разговора была ловко переменена, и речь зашла

об астрономии, гидрографии, баллистике и пр., и пр., и пр.; охотник отвечал на все вопросы как человек, глубоко знакомый с предметом, затем перешли к религии, к литературе, к юриспруденции, к древним языкам: латинскому и греческому, и молодой человек ни в чем не выказал затруднения, оставаясь скромным и светским.

С этой минуты генерал Монкальм почувствовал большое уважение к Шарлю Лебо; он стал часто обращаться к нему за советом и не раз давал ему опасные поручения, которые молодой человек исполнял всегда с большим успехом.

— Сурикэ, Бесследный и Тареа, — говорил генерал-аншеф, — для защиты колонии важнее десяти тысяч обыкновенных солдат.

Таково было положение действующих лиц в то время, с которого начинается наш рассказ; характеры их определятся яснее из дальнейших событий.

Глава несколько серьезная, но прочитать ее необходимо для ура- зумения последующих событий

Две недели прошло после нападения ирокезов, так дурно для них кончившегося.

М-ль де Прэль почти совершенно оправилась от ужасного потрясения; доктор объявил, что молодая девушка выздоравливает, что никакой опасности нет, что у нее осталась только слабость, которая скоро пройдет благодаря предписанному ей укрепляющему режиму.

Доктор Жильбер, простившись с больною и со всем семейством Меренвиль, возвратился в Квебек, объявив, что ему незачем больше ездить в Бельвю.

Во время болезни молодой девушки Сурикэ, во избежание нового нападения, окружил дом бдительной стражей; двери и окна были приведены в такое состояние, что могли бы устоять против топора и даже огня; для окончательного успокоения дам Сурикэ поместил постоянный караул из охотников и милиционеров в небольшом домике, находящемся на расстоянии пистолетного выстрела от жилища. Охотники наблюдали за окрестностями, между тем как милиционеры делали ночью беспрестанные обходы; кроме того, с дюжину преданных и храбрых слуг спали с оружием в головах и были готовы стрелять при первом поданном знаке. Но ирокезы потерпели такое сильное поражение, что, казалось, забыли даже дорогу в Бельвю: не было обнаружено никакого подозрительного следа.

Сурикэ, вполне успокоенный, простился с г-ном Меренвилем и отправился к главнокомандующему, призывавшему его в Квебек. Напомнив своим друзьям, охотникам и милиционерам о необходимости крайней бдительности, молодой человек сел в свою пирогу и пустил ее по течению.

Было несколько позже полудня, когда охотник прибыл в отель главнокомандующего; доверенный слуга Монкальма, знавший молодого человека, встретил его как друга дома и попросил подождать минуту, так как г-н маркиз был занят важным разговором с г-ном Водрейлем, генерал-губернатором колонии.

Охотник отвечал, что подождет, и просил не заботиться о нем; он сел, поставил ружье между ног и зажег свою трубочку.

Слуга попросил извинения, что не останется с ним — он был очень занят, — и, поклонившись, ушел.

Оставшись наедине, молодой человек предался своим мыслям; но вдруг он вздрогнул и быстро поднял голову; вероятно, дверь отворилась, и сквозь портьеру донесся разговор из соседней комнаты.

Это был голос Монкальма, который говорил громко и, по-видимому, сильно сердился.

— Согласитесь сами, милостивый государь, — говорил генерал, — что это непростительная небрежность.

— Я не спорю с вами, и мне это так же прискорбно, как вам, — отвечал не так громко Водрейль, голос которого Шарль узнал, — никто не хочет повиноваться: г-н Биго, интендант Канады, всемогущий. Варен, его помощник Брекар, флотский контролер, и все смотрители магазинов — мошенники.

— Что делать? Англичане грозят нам серьезной войной, у нас нет ничего — ни провианта, ни запасов, ни снарядов.

— К несчастью, это правда, крадут и тащат среди белого дня, так все уверены в безнаказанности.

— Но все же, мне кажется...

— Я испытал все средства; я посылал рапорт за рапортом и высказывал в них всю правду.

— Ну и что же?

— Мне ответили, что мои жалобы смешны, что там известно гораздо лучше, чем мне, в каком положении дела; мне сказали, что все обстоит благополучно, и я враг г-на Биго и его чиновников.

— Это вам написал военный министр?

— Да, и его письмо сопровождалось грозным посланием от маркизы Помпадур.

— Ох, уж эти королевские фаворитки! Ну, так как помочь здесь нельзя, оставим это; посмотрим, что можно сделать в другом отношении.

— Трудно будет сделать что-нибудь.

— Между тем это необходимо; я, как вам известно, недавно приехал из Франции, и страна мне совершенно неизвестна; военный министр сказал мне, что вы доставите мне все необходимые карты, без которых я не могу обойтись.

— Подобных карт никогда не существовало.

— Как?.. Министр?..

— Был обманут и в этом, как во всем остальном; он приказал, г-н Биго отвечал, что не имеет денег на бесполезные расходы и королевские войска не нуждаются в картах в стране почти пустынной.

— Негодяй! Как же нам защищаться без карт?

— Еще раз повторяю вам, генерал, все идет так в этой несчастной стране.

Шарль услышал шаги.

— Вы уходите? — спросил генерал.

— Что же мне остается делать здесь? Может быть, я буду вам более полезен издали, чем вблизи. Какая польза горевать; это нас не подвинет ни на шаг вперед.

Портьера приподнялась, и в дверях показался г-н Водрейль.

— Вы правы, мы попусту теряем время, — отвечал г-н Монкальм, не выходя из комнаты.

— А! — воскликнул с удивлением губернатор. — В нашем составе нас было трое.

— Что там еще такое? — спросил генерал, появляясь.

— Взгляните сюда, — сказал г-н Водрейль, указывая рукой на охотника.

— А! Это Шарль Лебо, — сказал генерал, улыбаясь. — Здравствуйте, друг мой, вы слышали?..

— Только конец вашего разговора, генерал.

— Черт возьми! — вскричал Водрейль. — И этого достаточно.

Шарль улыбнулся:

— Если вам угодно будет вспомнить, что я больше года был секретарем г-на Дореля, честнейшего из людей, ко-

торых я знаю, если вы припомните также, что мне уже давно известно все сказанное сейчас в соседней комнате и что я никогда ни единым словом не проговорился об этом...

— Это правда, — заметил губернатор, — г-н Дорель вполне доверял вам, и часто мы с ним говорили совершенно откровенно в вашем присутствии.

— Часто даже говорилось гораздо больше, чем было сказано сегодня.

— В таком случае, я обладаю особенной способностью забывать тотчас все слышанное, если оно не касается меня.

— В таком случае, вы человек умный и, кроме того, преданный и надежный.

— Предоставляю судить об этом г-ну Дорелю.

— Извините меня, г-н Лебо; я виноват и охотно признаюсь в этом, не сердитесь на меня, прошу вас; наше положение так затруднительно, что мы теряем веру в людей, а по временам и в самих себя, — прибавил он со смехом.

Пожав руку молодому человеку и простясь с генералом, губернатор ушел.

— Итак, вы слышали? — сказал генерал, переходя в гостиную и тщательно запирая дверь.

— Почти все, — отвечал Шарль.

— Что вы скажете на это?

— Печально...

— Счастье, что нас не слышал никто, кроме вас.

— Конечно.

— Что меня печалит в данном случае, это не недостаток денег, оружия и солдат — в крайности, можно бы достать все это, — но меня приводит в отчаяние...

— Что же такое, генерал? — живо перебил его молодой человек.

— Недостаток карт, друг мой; я здесь чужой, страна неизвестна мне, как же я буду вести войну без этих проклятых карт? Меня уверяли, что я найду их здесь, а вы слышали, что сказал г-н Водрейль; он, без сомнения, личность, но его слабость губит нас. К несчастью, его неспособность повлечет за собой ужасную катастрофу; он не такой человек, какой нам нужен в настоящих обстоятельствах; я бы предпочел умного плута; с ним была бы возможность столкнуться, но де Водрейль!.. Это дурак,

который всего боится, которого громко сказанное слово приводит в дрожь, который хочет всем угодить и наживает себе только врагов! Дурак, имеющий лучшие намерения... О, если бы мне только достать карты! — воскликнул он, ударяя кулаком по столу. — Мы были бы в состоянии защищаться, а в случае неудачи могли бы, по крайней мере, наглядно представить наше положение.

— О, генерал! Неужели и вы отчаиваетесь?

Наступило краткое молчание, голова генерала склонилась на грудь.

— Вы посылали за мной? — заговорил молодой человек.

— Да, это правда, друг мой, я думал... предполагал, что за недостатком этих несчастных карт...

— Я мог бы дать вам указания.

— Именно так.

— Но как бы точны ни были указания...

— Они не могут заменить карт, не так ли?

— Да, на безрыбье и рак рыба, — с грустной улыбкой отвечал генерал.

— Не печальтесь более, генерал, покушаем и рыбки.

— Как это? — воскликнул, вздрогнув, генерал.

— Да, — смеясь, отвечал Шарль.

— Вы не стали бы обманывать меня, это было бы слишком тяжело.

— О, генерал, как вы могли подумать!

— Извините меня, друг мой, но у меня голова идет кругом в эту минуту. Скажите откровенно, у вас есть карты?

— Да, генерал, у меня есть карты...

— Восемь или, может быть, десять? Но нечего делать, надо довольствоваться тем, что есть. У вас их, вероятно, столько...

— Нет, генерал.

— Меньше того?

— У меня больше двухсот.

— Вы не обманываете меня! — воскликнул Монкальм в восторге. — Во всяком случае, я спасен!

— Надеюсь, генерал. Я пришел к вам, чтобы предложить свои карты. Вероятно, у меня было предчувствие.

— Где вы их достали?

— Достать их было не трудно, мне стоило только сделать их.

- Как? Двести карт!
- Еще больше...
- Расскажите же мне, как вы их сделали, это должно быть любопытно.
- Напротив, совершенно просто.
- Все равно расскажите.
- Я к вашим услугам.
- Говорите, я слушаю.
- Когда я уехал из Квебека после своей дуэли с г-ном де Витре...
- С негодяем, не стоит о нем вспоминать.
- Сначала мне трудно было свыкнуться с жизнью в пустыне; я не знал, куда девать время, и подумал, что, может быть, будет полезно заняться топографией и гидрографией страны. Я приобрел все необходимое для составления планов; мой товарищ Белюмер смеялся, глядя на мою работу; он думал, что я сошел с ума, так как он сам не понимал ничего в этом деле.
- Весьма естественно, — перебил генерал, улыбаясь.
- Впоследствии, сделавшись охотником, я продолжил начатый труд, находя его полезным.
- Конечно, и доказательство вам налицо!
- Таким образом, я снял всю Луизиану, всю Канаду, почти всю колонию Нью-Йорк; я обозначил все реки и речки, пруды и озера — большие и малые; меня не останавливали ни трудности, ни даже насмешки моего прекрасного друга Белюмера, который считал меня жертвой помешательства, и действительно, у меня был один пункт помешательства — желание оказать услугу своей родине. Вы видите, что я не терял времени в изгнании; без сомнения, позднее будут карты гораздо лучше моих, но чтобы они могли быть точнее, в этом я сомневаюсь.
- Ваш поступок достоин похвалы, друг мой, вы оказали большую услугу нашему отечеству, вы отомстили за незаслуженное изгнание, одарив Францию добросовестным и неоспоримо полезным трудом.
- Благодарю вас, генерал, эти слова, сказанные вами, вознаграждают меня за все мои труды.
- Когда вы доставите мне карты?
- Когда вам будет угодно.
- В таком случае я желал бы получить их сейчас.
- Извольте, я схожу за ними, — сказал Шарль, вставая.

— Куда же вы?

— К себе, я живу в десяти шагах отсюда, у моего друга Белюмера.

— Хорошо! И я пойду с вами.

— Как вам будет угодно.

— Пока они не в моих руках, я не спокоен.

— Чего же вы боитесь? — смеясь, спросил Шарль.

— Право, не знаю; боюсь, чтобы они каким-нибудь волшебством не превратились в сухие листья.

Молодой человек засмеялся.

— Вы, вероятно, считаете это ребячеством с моей стороны? Но всю свою жизнь я был таков, еще ребенком я требовал немедленно ту вещь, которую желал получить.

— Если так, то я не стану противоречить вам, пойдемте вместе, отсюда всего несколько шагов.

— Тем скорее достигнем цели, — отвечал генерал, взяв шляпу и надев плащ.

Они вышли, к великому удивлению генеральского камердинера, не верившего собственным глазам.

До квартиры Белюмера было всего минут пять ходьбы, как и сказал Шарль. Старый охотник удивился еще более, чем слуга генерала, увидав Монкальма, входившего в его скромное жилище.

Генерал поздоровался с ним, улыбаясь, и прошел за Шарлем в его комнату, прилично меблированную и содержащуюся в полном порядке, благодаря заботам старого охотника, вернувшегося с некоторого времени к семейному очагу. Сурикэ, не нуждаясь в нем, отпустил его, но было условлено, что по первому призыву своего друга Белюмер вернется к нему.

Шарль поставил стол и кресло у камина; усадив генерала, он открыл стенной шкаф, вынул оттуда большую папку и положил ее на стол, говоря:

— Взгляните, генерал.

Монкальм, не дожидаясь приглашения, уже принялся за дело.

Старый охотник не понимал ничего из происходившего, он часто смеялся над ним на что не похожими рисунками друга, и вдруг теперь генерал рассматривал эти рисунки с самым сосредоточенным вниманием.

Иногда даже у Монкальма вырывались выражения вроде:

— Отлично, превосходно... ничто не упущено из виду;

это совершенство, можно найти дорогу, закрыв глаза... снимок Верхнего озера очень искусно сделан и т.п.

Это продолжалось почти весь день; было не двести, но двести пятьдесят две карты, и все, с первой до последней, сделаны одинаково тщательно; это был истинно гигантский труд, великолепное произведение, работа, выполненная не только терпеливо, но добросовестно и изящно.

Белюмер совершенно растерялся; наконец он понял, как ошибался; он видел, что работа, которую он считал пунктом помешательства, оказалась вещью полезной, даже необходимой генералу, который несколько раз высказывал это и благодарил Шарля Лебо за великолепный подарок.

Старый охотник, спотыкаясь на ступенях лестницы, спустился вниз к своей хозяйке не только для того, чтобы сообщить ей о визите генерала к своему жильцу, но главным образом, чтобы передать, как гость восхищался рисунками, которые он считал такими безобразными.

Оставшись наедине с молодым человеком, генерал поднял голову и, отодвинув немного кресло, сказал:

— Потолкуем теперь, мой друг.

— Это большая честь для меня, вы, вероятно, желаете, чтобы я объяснил вам некоторые планы, которые кажутся вам недостаточно ясными; я вполне к вашим услугам и готов исполнить всякое ваше желание.

Монкальм улыбнулся.

— Вы умный молодой человек, дорогой г-н Лебо, разговор с вами — удовольствие, вы схватываете мысль на полуслове.

— Хотя мне и очень приятно слышать от вас подобную любезность, генерал, но, право, я вовсе не понимаю, на что вы намекаете.

— Ну вот! Вы делаете мне подарок, достойный королевской особы, и не назначаете за него никакой цены. Конечно, я недостаточно богат, чтобы заплатить вам как следует, но вы поймете меня: оставаясь вам обязанным, я не хочу оставаться вашим должником и желаю всегда быть вашим искреннейшим другом.

— О, генерал, зачем вы говорите о деньгах? Разве я купец в ваших глазах? Вы глубоко огорчаете меня, а я так радовался, что эти несколько листов бумаги, полезные для вас — но имеющие мало цены для меня, — помогут мне вывести вас из затруднения!

— Я не намеревался платить вам деньги! Если я оскорбил вас, то сожалею об этом; это случилось не преднамеренно. Но вы ужасный человек, — прибавил он, улыбаясь, — когда говоришь с вами, надо выражаться прямо и не допускать никаких намеков из боязни не быть понятым.

Молодой человек тонко улыбнулся.

— А! Значит, я прав.

— Может быть.

— Так слушайте меня.

— Слушаю, генерал.

— Я самое влиятельное лицо в колонии, я принужден сказать вам это сам, но вы желали этого.

— Вы сказали только совершенную истину, генерал.

— Положим; при подобных обстоятельствах я могу сделать все или почти все.

— Это правда.

— Конечно, это касается всего хорошего.

— О, генерал.

— Это относилось не к вам, вы сами знаете; я говорю о некоторых людях, известных и мне, и вам: им, если Бог продлит дни мои, придется за многое ответить, вспомните мое слово...

— Поступив так, вы спасете колонию...

— Я знаю это. Но теперь дело не в этих людях, оставим их пока в стороне и вернемся к нашему разговору. При всей вашей рассеянности, забывчивости и беспечности, вы — человек, и, в глубине вашего сердца, быть может, неведомо для вас, скрывается уязвленное место вашего панциря, не так ли?

— Я такой же человек, как и другие, ведь у каждого из нас есть слабая сторона, коснувшись которой можно забрать нас в руки и управлять нами.

— Вот отлично! Так говорят откровенные и мужественные люди! Мы, кажется, скоро столкнемся.

— Думаю, что да. Вы угадываете или, скорее, понимаете все.

— Потому, что я много страдал, а опытность приобретается не легко.

— Да, и я уже отчасти испытал это, — сказал молодой человек, подавляя вздох.

— Просите у меня чего хотите в известном вам деле, и, даю вам честное слово дворянина и главнокомандующего,

что по окончании войны я сделаю все, что вы у меня попросите, как бы трудно это ни было и каковы бы ни были последствия.

— Мне нечего просить у вас, генерал...

— Как, после всего вы отказываетесь от моих услуг! — воскликнул генерал, хмурясь. — Я не ожидал от вас подобного ответа.

— Вы ошибаетесь, клянусь вам. Вы, по своей обычной живости, прервали меня на полуслове.

— То есть как?

— То есть я хотел вам сказать следующее: мне нечего просить у вас в настоящую минуту, но я предвижу время, и, может быть, оно ближе, чем я предполагаю, когда мне нужен будет могущественный друг, на которого я мог бы вполне положиться. Вот что я хотел сказать вам, когда вы перебили меня.

— В таком случае дело совершенно меняется. Когда настанет время, о котором вы говорите, приходите прямо ко мне: помните, что я дал вам слово.

— Я сохраню это дорогое воспоминание.

— Вы увидите, как я сумею сдержать свое обещание.

— Я нисколько не сомневаюсь в этом, будьте уверены.

— Благодарю вас. Теперь эти карты моя собственность?

— Полная и неотъемлемая, — улыбаясь, отвечал молодой человек.

— Мне хотелось бы поскорее доставить их в отель; если бы прошел мимо какой-нибудь солдат, я бы взвалил ему на плечи папку; но, как нарочно, когда нужны эти дураки, их и не видать!

— О, об этом не беспокойтесь, я отнесу карты за вами.

— Нет, это было бы неловко.

— Не забывайте, что я простой охотник.

— Правда, но, вместе с тем, парижский адвокат.

— Неужели вы думаете, что там еще помнят меня?

— Кто знает, друг мой? Что касается меня, то, слушая вас, я совершенно забываю, что вы охотник; ваша одежда дикаря кажется мне маскарадным костюмом; я никак не могу серьезно увериться; вы для меня будете всегда светским человеком, несколько озлобленным, может быть, но простым охотником — никогда!

В эту минуту вошел Белюмер.

— Вот, генерал, если бы вы видели Сурикэ в пустыне,

то вы признали бы его искусство в охоте, — сказал канадец.

— Ну, хорошо, верю, старый ворчун, — смеясь, отвечал генерал.

— Да нечего верить, генерал, вы походите, поспросите у ирокезов и англичан, которых он убил, увидите, что скажут о нем.

Оба слушателя захохотали при этой оригинальной выходке старого охотника.

— Согласен с тобой, старина, — сказал генерал, все еще не переставая смеяться, — а теперь возьми-ка этот портфель и снеси его ко мне.

— Я нарочно взошел наверх, генерал. В самом деле эти картины так хороши? Вот смех! А я все думал, что они годны только на подтопку.

— Не удивляюсь. Ну, ты готов?

— Сию минуту.

— Пойдем, — сказал Монкальм.

Они вышли из дома и через несколько минут были в квартире главнокомандующего. Старый охотник поклонился и направился к двери.

— Постой, — сказал генерал, — вот тебе. — И он положил в руку старика десяток золотых.

— Гм! — сказал охотник. — Но мне было бы лучше, если бы вы мне пожали руку.

— Ты прав, таких людей, как ты, нельзя благодарить деньгами. Ну, я пожму тебе руку, а золото оставь себе.

— Благодарю вас, генерал, — отвечал старик, тронутый. — Если вам понадобится человек, который был бы готов за вас в огонь и в воду, вспомните обо мне!

Он вышел счастливый: выиграв главный выигрыш в лотерее, он не мог бы быть довольнее, чем теперь.

— Ивон, — сказал генерал слуге, — меня нет дома ни для кого, кроме г-на Леви; г-н Лебо будет обедать у меня; поставь прибор для него.

— Слушаю.

— И еще заметь себе: я принимаю всех бродяг, охотников, праздоношатающихся, когда бы они ни приходили, днем или ночью, сплю ли я, занят ли с кем, все равно — я всегда готов видаться с ними. Так слышишь же?

— Ваше сиятельство уже раз приказывали мне это, и я не забуду; ваше сиятельство изволите знать, как я стараюсь угодить вам.

— Я знаю, что ты верно служишь мне много лет, и вполне доверяю; но забыть может всякий, при теперешних обстоятельствах рассеянность или ошибка могут иметь важные последствия.

— Вашему сиятельству не придется сердиться на меня.

— Надеюсь. Теперь ступай.

Слуга поклонился и вышел.

— Мне необходимо было отдать это приказание, — сказал генерал, оставшись наедине с Шарлем Лебо. — Главнокомандующий все должен видеть сам, особенно когда он такой новичок в стране, как я, и когда ему надо столько узнать.

— Я вполне разделяю ваше мнение, особенно в таком случае, когда не на кого положиться.

— Прибавьте еще: когда все окружающие относятся враждебно; но к черту все это, не стоит горевать! — прибавил он, смеясь. — Я вам скажу теперь, почему я так настаивал, чтобы вы остались при мне.

— Вы знаете, генерал, что я вполне предан вам.

— Ах, Боже мой! Число моих друзей не так велико, чтобы я мог ошибиться или забыть одного из них, следовательно...

В эту минуту дверь отворилась, и камердинер доложил:

— Шевалье Леви.

Монкальм быстро встал и ласково протянул руку вошедшему офицеру.

— Вы отобедаете со мной, не правда ли? — спросил он.

— Конечно, генерал, нам надо серьезно поговорить.

— Отлично; я только что собирался сам сказать вам это.

— Да, как нельзя больше.

— Ивон, подавай кушать.

— Следовательно, по редкой случайности, мой приход кстати...

— Пожалуйста в столовую, ваше сиятельство, кушанье подано, — отвечал Ивон, кланяясь.

Когда у генерала бывали деловые обеды, как он называл их, то даже его адъютанты обедали отдельно; все слуги удалялись из столовой, и прислуживал только Ивон, от которого у генерала не было секретов; это не мешало обеду быть превосходным и утонченным; генерал был известный гастроном.

Обед начался; у всех троих собеседников был прекрас-

ный аппетит, и несколько минут прошло в совершенном молчании, так как все проголодались.

Мы воспользуемся этим временем, чтобы познакомиться с шевалье Леви, который играет некоторую роль в этом рассказе.

Франсуа Гастон, шевалье Леви, впоследствии французский маршал и граф Леви, родился в Аяке, в Норбонском округе, 20 августа 1719 г.; в 1735 году, шестнадцати лет от роду, он вступил прапорщиком во флот, в 1737 был произведен в полковники, а в 1756 — в бригадиры. При его отправлении в Канаду, куда его просил прислать Монкальм, весьма желавший иметь его близ себя, главнокомандующий писал про него в депеше к военному министру: «Шевалье Леви выдающийся офицер; он много знает, он решителен, неутомим, храбр и опытен».

Потомство оценило эту заслуженную похвалу.

В это время шевалье Леви было сорок лет, но на вид он казался гораздо моложе; он был роста выше среднего и прекрасно сложен; во всех его движениях сказывалось необыкновенное изящество; черты лица его были мужественны, тонки, но определены; глаза горели, и во всей фигуре выделялась воинственность безо всякой аффектации.

Это был вполне солдат, в таком смысле, как это слово понималось в среде современного дворянства: т.е. человек, на которого даже убийственная гарнизонная жизнь не имела влияния; такие люди всегда оставались людьми лучшего общества; чванство и самохвальство были чужды им; мундир не довлел на них, в салоне они не переставали быть на своем месте.

Ореол славы, окружавший Монкальма, ослепил нас вначале, и мы забыли напомнить в кратких словах его биографию; постараемся исправить эту ошибку, за которую читатель не мог бы извинить нас.

Луи Жозеф де Монкальм Гозон, маркиз Сент-Веран, барон де Габрик, родился в 1712 году, в замке Кандик, близ Нима; он принадлежал к одному из знатнейших семейств Руэрга.

Он получил блестящее воспитание и приобрел серьезные знания в науках и языках: он был одарен необыкновенной памятью и сохранил любовь к наукам и в военном звании.

Тринадцати лет Монкальм вступил в полк Эно, в котором отец его был подполковником. Его военная карьера

была блестящей; он получил несколько ран и при отъезде в Канаду был произведен в генералы. В 1758 году, получив этот чин, он вскоре стал кавалером ордена св. Людовика.

По прошествии нескольких минут, прежде чем разговор завязался окончательно, гости начали обмениваться незначущими фразами; шевалье Леви познакомился с Шарлем Лебо вскоре после своего приезда в Новую Францию; он искренне уважал молодого человека и поэтому не остерегался его; генерал Леви находил вполне естественным присутствие молодого охотника за столом главнокомандующего; он знал привычку Монкальма приглашать к обеду искателей приключений, которых он уважал; таким образом эти люди переставали стесняться, в большинстве случаев ему удавалось заставить их разговариваться, и он получал от них сведения, которых они не сообщили бы ему при более натянутой обстановке. На этот раз цель главнокомандующего была совершенно иная.

— Мне говорили, генерал, — сказал Леви, протягивая свой стакан Ивону, — что г-н Водрейль, наш губернатор, долго пробыл у вас сегодня.

— Вас не обманули, он пробыл у меня больше двух часов.

— Что вы думаете об этом визите?

Монкальм тонко улыбнулся и отвечал, барабана вилкой марш на своей тарелке:

— То же самое, что и вы.

— Это весьма вероятно, — сказал бригадир, улыбаясь, — но я был бы весьма рад, если бы вы высказались с вашей обычной прямою и откровенно признались, какое впечатление вы вынесли из этого продолжительного разговора.

— Вы наступаете на меня, дело щекотливое.

— Что же такое? Вы знаете, что разговор наш останется между нами, я и г-н Лебо люди надежные.

— Конечно; поэтому я и не стараюсь обмануть вас. Дорель был прав: маркиз ведет двойную игру; Дорель его хорошо знает; Водрейлю хотелось бы, чтоб и волки были сыты, и овцы целы; он до смерти боится Биго и его товарищей, которыми он окружен; он на все мои просьбы отвечал решительностью, почти оскорбительной для меня; в этом я вижу дело рук Биго.

— А! Следовательно, я был прав!

— Совершенно правы во всем.

— Не случись чуда, эти негодяи будут причиной потери колонии.

— Версальское правительство давно извещено о происходящем: министр прекрасно знает положение дел. Но маркиза Помпадур ослеплена взятками — надо называть вещи их настоящими именами, — которые Биго пересылает ей через своего проклятого Витре. Разве вам неизвестна эта постыдная система?

— В Версале мне говорили об этом кое-что шепотом — никому не желательно попасть в Бастилию, — но я и не подозревал того, что увидел здесь собственными глазами.

— А что касается маркиза де Водрейля, какого вы мнения о нем лично?

— Водрейль играет значительную роль во всех этих неблагоприятных историях; губернатор и *tutti quanti* — пираты, грабители, у которых нет ни чести, ни патриотизма; они погубили свою страну — вот мое откровенное мнение; что касается Водрейля, он боится, потому что не обманывается касательно положения дел; он пробовал заставить меня говорить и сам попался самым жестоким образом; теперь он меня боится, потому что далеко не глуп; через две недели он будет моим смертельным врагом, так как знает, что я никогда не сделаюсь его сообщником и что я во что бы то ни стало исполню свой долг до конца.

— В добрый час! Я ожидал от вас этого, генерал; у нас есть еще несколько офицеров, преданных своему отечеству, и мы сумеем сделать все. Если мы падем, то падем с честью.

— Я еще не знаю, как они намереваются действовать; но что бы ни случилось, наша военная честь должна остаться неприкосновенной и без малейшего пятна.

— Мы будем помогать вам во всем, чтобы достигнуть этого. Верьте в меня так же, как я верю в вас, и все пойдет хорошо.

В эту минуту дверь столовой отворилась и вошел Бесследный.

Главнокомандующий вскрикнул от радости, увидев его.

— Наконец-то вы явились! — сказал он канадцу. — Что вы делали все это время?

— Очень многое, генерал, — невозмутимо отвечал охотник, — вы, конечно, помните, что мы с Тареа опоздали почти на целые сутки по причине нападения ирокезов на Белью.

— Я знаю о случившемся; вы и в этом случае, как всегда, впрочем, показали себя храбрецом. Мне остается только похвалить вас... Когда вы явились в нашу страну?

— Сию минуту, генерал; я предполагал, что вы желаете поскорее узнать новости, и прямо пришел в Квебек.

— Отлично. Садитесь. Ивон, дай прибор.

— Благодарю вас, вы оказываете мне много чести; мне ничего не надо, я недавно перекусил и, если позволите, попрошу стакан вина, чтобы выпить его за ваше здоровье.

— Как хотите. Ивон, вина!

Генерал знал умеренность охотников; они довольствовались весьма малым и не умели церемониться; когда они бывали голодны или хотели пить, они принимали все, что им предлагали. Поэтому Монкальм не считал нужным настаивать и только велел пододвинуть бутылку поближе к охотнику.

По окончании обеда Ивон подал кофе, и Бесследный взял также чашку; затем были положены на стол трубки и табак. Кофе уже давно был во всеобщем употреблении в Америке, так что даже самые бедные пили его ежедневно, между тем как в Европе он считался еще роскошью.

Краснокожие и охотники никогда не рассуждают о важных делах, не закулив трубки; главнокомандующий курил не столько по привычке, сколько по необходимости и из нежелания нарушить привычки канадцев; благодаря подобной уступке обычаям страны индейцы и охотники обожали Монкальма.

— Значит, есть что-нибудь новенькое, друг Бесследный? — спросил генерал, когда трубки были закурены и гости почти исчезли в густых облаках дыма.

— Да, очень много.

— Сообщите же мне, что знаете, мы здесь собрались на совет и готовы выслушать вас.

— К вашим услугам, генерал. — И, поднимая свой стакан, полный до краев, он продолжал: — Имею честь выпить за ваше здоровье, генерал! — Он осушил стакан одним залпом и опрокинул его, чтобы показать, что в нем нет ничего.

— За ваше здоровье, Бесследный.

Охотник поклонился, затянулся несколько раз и начал:

— Все ваши приказания выполнены, и наш успех был полный; присоединившись к отряду, ожидавшему нас, мы — Тареа со своими краснокожими и я со своими охотниками — разделились на две части и, после совета, на котором условились обо всем, оба отряда устремились с двух различных мест в Новую Англию; произошла страшная резня; более тысячи английских переселенцев были убиты и скальпированы; наше вторжение было так неожиданно, что англичане, растерявшись от страха, бросили все: мебель, скот — и сами ушли миль за сорок; они бежали массами и спасались в больших приморских городах.

— Этот успех с избытком вознаграждал нас за поражение Диеско у форта Вильяма-Генриха! — воскликнул Монкальм.

— Да, генерал, несмотря на свою победу, англичане не осмелились идти на форт Фредерик. Они оставили гарнизон в форте Эдуард и вернулись в Новую Англию.

— Вы уверены в этом?

— Я шел по их следу до английской границы.

— Слава Богу! Вот богатые новости!

— Нигамон послужил приманной птицей в охоте на его друзей: Тареа пошел за ними и преследовал их в самую глубь Виргинии и Каролины.

— А где были вы?

— Я был с Тареа в сорока милях от Нью-Йорка.

— Так близко от виргинской столицы?

— Да, генерал.

— Это неблагоприятно, мой друг!

— Я не спорю, но что же делать? Мне хотелось доставить вам положительные известия. Я уже так близко подошел к столице, что пожелал наверное знать, чего мне держаться.

— Вы были в Нью-Йорке?

— Да, прожил там пять дней.

— Это непростительное неблагоприятие.

— Я очень хорошо знаю это; но, не рискуя, ничего не достигнешь.

— А если б вас открыли?

— Да кто меня знает там? Вы послушайте! Я говорю на собачьем наречии этих еретиков, как будто родился в их

стране, да к тому же меня никто не знает; они привыкли к охотникам, никто не обращал на меня внимания.

— По крайней мере, вы узнали что-нибудь интересное?

— Как же! Послушайте, что я узнал, и увидите, стоило ли из-за этого рисковать. Английский главнокомандующий по имени граф Лондона решил принять план 1755 года; главные силы армии будут направлены в форт Сен-Фредерик, чтобы, заняв эту позицию, открыть себе путь на Монреаль через озеро Чамплен; второй корпус направится к Ниагаре, чтобы прервать сношения с долиной Огио; третий должен действовать против форта Дюкена; наконец, последний корпус должен действовать против Квебека; он отправится по рекам Кеннебек и Шодьер и совершит диверсию в этой стороне.

— Черт возьми! Громадный замысел, но, по-моему, трудно выполнимый, — сказал Монкальм, улыбаясь. — От кого вы добыли эти драгоценные сведения?

— Об этом говорят вслух в Нью-Йорке. Город переполнен войсками; нет других разговоров; я получил подтверждение собранных мною слухов от одного охотника, пробравшегося в город с таким же намерением, как я; следовательно, сомневаться невозможно.

— Я и не сомневаюсь в вашей правдивости; вы, конечно, хорошо знакомы с этим охотником?

— Вовсе нет; я часто встречал его, как и в этот раз, но никогда не разговаривал с ним; он вышел из Нью-Йорка вместе со мной; я прибавлю, что даже старался избегнуть его.

— Почему же? — спросил генерал. — Разве это ненадежный человек?

— Вовсе нет; я не знаю ничего дурного о нем; но говорят, что у него глаз дурен, и вы понимаете...

— Да, вполне понимаю, — улыбаясь, отвечал Монкальм.

— Впрочем, Сурикэ хорошо знает его, — продолжал канадец, — я даже получил от него поручение к нашему гостю.

— Как зовут этого человека? — спросил Шарль Лебо.

— Мрачный Взгляд.

— Я действительно знаю этого человека, и он мне очень нравится; сказанное им должно быть правдой, я вам ручаюсь головой за этого охотника, — горячо вступился Шарль.

— Этого достаточно; человек, сторону которого вы так горячо принимаете, не может быть негодяем.

— Вы увидите сами, генерал, так как я намереваюсь представить его вам.

— Хорошо; и ему не придется жаловаться на меня.

— Благодарю вас заранее! — И, обращаясь к канадцу, молодой человек прибавил:— Какое же поручение Мрачный Взгляд дал вам ко мне?

— Оно не длинно, — отвечал канадец. — Мрачный Взгляд будет ожидать вас в час утра в третий день будущего новолуния у лосиного брода.

— Я буду там. Благодарю вас.

— Не за что; я всегда готов к вашим услугам. Теперь, генерал, позвольте мне уйти.

— Как хотите; вам надо отдохнуть; но не забудьте зайти ко мне завтра в двенадцать часов, я буду ждать вас.

— Хорошо. Итак, до завтра.

— А пока примите эти два пистолета; это хорошее оружие, и мне будет приятно видеть его на вас!

Генерал снял со стены пару великолепных пистолетов и подал Бесследному.

— О, генерал! — радостно воскликнул канадец. — Я никогда не расстанусь с ними!

И он заткнул их за пояс.

Бесследный поклонился и вышел.

Трое собеседников остались одни.

Где снова является граф Рене де Витре и засыпает против воли

По утрехтскому миру Франция сохранила остров Кап-Бретон, или Королевский, лежавший у входа в залив Св. Лаврентия, между Акадией и Ньюфаундлендом; положение этого острова давало отчасти возможность господствовать над путем в Канаду.

В 1720 году на восточном берегу острова был основан город Луисбург, который намеревались превратить в большую крепость, но укрепления так и не были доведены до конца, потому что для этого потребовались бы слишком значительные издержки.

Новый город заселялся кем попало и служил убежищем всем, имевшим, по той или другой причине, несогласия с правосудием. Приезжали также переселенцы с Ньюфаундленда; но из них весьма немногие поселились в городе; они предпочитали порт Тулузу, Дофин и другие места на Королевском острове.

Когда город был уже построен, заметили, что остров не производит ничего и что все необходимое привозится из Квебека; в случае осады его можно было бы взять за несколько дней, так как у него не было бы провианта.

В 1747 году там сложилось исключительное положение вещей. Содаты должны были получать жалованье от казны, но Биго, в то время интендант Луисбурга, наотрез отказался платить этим беднякам; они восстали. В то же время англичане неожиданно появились перед городом; он был в состоянии защищаться и имел гарнизон в 1600 человек.

При приближении англичан Дюшамбон, комендант, старался оживить патриотизм в своих войсках; восставшие покорились, но между солдатами и начальником осталось недоверие, которое помешало защите; комендант был принужден отдать город пятистам милиционерам, которые обратились бы в бегство при всяком намеке на серьезную защиту.

Луисбург был снова возвращен Франции по ахенскому миру; Биго — единственный виновник потери города — получил поздравление и повышение. Видя, что его система находит одобрение, взяточник продолжал свой образ действия, но уже действовал открыто, и никто не смел жаловаться.

Таким образом, Биго подготовлял потерю колонии, доходы с которой целиком шли в его карман.

Как все крепости того времени, Луисбург представлял невообразимый хаос: всюду грязь и нечистоты, улицы узкие, дома плохо выстроенные; это была настоящая помойная яма, особенно нижние кварталы — настоящие разбойничьи притоны; туда никто не отваживался вступить позднее известного времени; даже среди бела дня все предпочитали делать большой круг, чем проходить по некоторым улицам; эти улицы с зараженными домами все были пропитаны пороком и нищетой; здесь жил всякий сброд. День и ночь раздавалось пение или, скорее, вой в кабаках, помещавшихся во всех домах, где порок выставлялся наружу с полной безнаказанностью, так как полиция, вместо того чтобы сдерживать разврат, напротив, казалось, потворствовала ему; надо сказать, что Луисбург был исключением, грязным пятном Канады, которая славилась своим утонченным образом жизни и которую упрекали в излишней чопорности.

В тот самый вечер, когда у Монкальма происходило собрание, на котором присутствовал читатель, человек высокого роста и внушительной наружности, закутанный в плащ, в шляпе с полями, низко спущенными на лицо, шел от гавани и направлялся в нижние кварталы города, которые, казалось, были ему хорошо известны. Ночь была темная, дождливая и холодная; все спало в городе, или, по крайней мере, казалось, что спит, хотя еще не было и девяти часов; все вокруг незнакомца было погружено во мрак, но скоро декорация внезапно переменилась, послышалось пение и вой в кабаках и тавернах, свет в которых казался

пламенем пожара; с трудом было возможно пробраться в этом лабиринте вонючих лачуг, грязи и притонов разврата; но незнакомец, казалось, привык к окружающему; он шел, не ускоряя и не замедляя своих мерных, твердых шагов.

Но, перейдя через перекресток, еще более, чем остальные улицы, освещенный и шумный от множества таверн, которыми он был наполнен, незнакомец остановился, бросил вокруг себя пытливый взгляд и после секундного колебания, казалось, припомнил забытые подробности; повернувшись на каблуках, он решительно вошел в кабак не только с подслеповатыми окнами, но вовсе без окон; вокруг столов сидели солдаты и матросы, совершенно пьяные, с отвратительными женщинами, не менее пьяными, чем их собеседники; все эти посетители пели, смеялись, ревели, плакали, спорили, даже дрались, и никто не пытался сдержать их; шум был такой, что не было бы слышно даже громового удара пушки.

Незнакомец с минуту, казалось, с любопытством рассматривал это странное общество; два матроса вцепились друг другу в волосы и покатались на грязный пол, награждая друг друга ударами кулаков, способными свалить с ног быка; пользуясь, что стол дерущихся освободился, новый гость сел без дальнейших околичностей; нечего было и думать о том, чтобы позвать кабатчика — он не услышал бы зова среди этого гама; незнакомец и не пытался звать, кабатчик постоянно ходил между столами, присматривая за своими более чем подозрительными гостями; когда он подошел на пять или на шесть шагов к незнакомцу, этот последний взял табурет и швырнул его хозяину под ноги.

Кабатчик обернулся в бешенстве, потирая себе икры; незнакомец сделал ему знак, который он, вероятно, понял, потому что выражение его лица, напоминавшего морду дога, внезапно изменилось и он поспешно подбежал к незнакомцу и, вопреки своей обычной невежливости, снял свой засаленный колпак.

Если бы посетители были в состоянии заниматься происходившим вокруг них, они могли бы подумать, что кабатчик вдруг сошел с ума; но каждый был занят только самим собою. Это нарушение обычных привычек хозяина прошло, по счастью, незамеченным.

— Я Вольтижер, — сказал незнакомец сдержанным голосом.

— Стало быть, сумеете поднять парус на фок-мачту.
— И спустить блиндзелль, — отвечал тотчас незнакомец.
— Я к услугам вашего сиятельства, — отвечал кабатчик, почтительно кланяясь.

— Без титула, помните это! — быстро перебил его незнакомец.

— Буду помнить, сударь.

— Хорошо; вы получили мое письмо из Ла-Рошели?

— Да, сударь, оно пришло десять дней тому назад.

— Комната готова, огонь зажжен, стол накрыт? Все готово?

— Стол на два прибора? Да, сударь!

— А кушанье?

— Будет достойно вашего с...

— Моего гостя еще нет?

— Нет еще; но по чему же мне узнать его?

— По тому же паролю, которым мы обменялись. Проводите меня в приготовленную для меня комнату.

— Пожалуйста.

— Пойдемте.

Кабатчик провел незнакомца через всю залу и, приказав прислужнику заменить себя, отворил дверь, прошел целый двор, отворил еще дверь и снова затворил ее, впус- тив своего гостя.

Они очутились в удобной передней, освещенной фона- рем, спускавшимся с потолка.

Этот дом стоял совершенно особняком от кабака; меб- лировка была необыкновенно роскошная и изобличала вкус, которого никак нельзя было ожидать встретить в подобном месте; все помещение занимало один этаж, дру- гого этажа не было; здесь была целая квартира, и не было забыто ничего, что мог бы потребовать человек, принад- лежащий к лучшему обществу.

Стол был накрыт в прелестной спальне; среди комнаты стояли два кресла и два маленьких столика, большого же стола не было.

— Отлично, — сказал незнакомец, — ты понял меня, Кайман. — Он бросил ему кошелек, полный золота, и прибавил: — Это только задаток, если ты уладишь мне дело, я награжу тебя по-царски.

— Будете довольны.

— Помни, что никто, не исключая тебя, не должен входить сюда без моего зова.

— Везде есть звонки, сударь, я приду только в том случае, если вы позовете меня.

Незнакомец сбросил плащ и снял шляпу. Если кабатчик ждал этой минуты, чтобы увидеть лицо своего жильца, надежда его оказалась совершенно обманутой: на лице незнакомца была черная бархатная маска.

— Ступай теперь, а когда мой гость придет, проводи его; он не заставит себя долго ждать, — прибавил он, смотря на великолепные часы, осыпанные алмазами, — еще недостает десяти минут до условленного часа.

— Побегу встретить его.

— Да, иди.

Кабатчик почтительно поклонился и ушел.

«Гм, — подумал Кайман, — должно быть, напал на такого, которого нелегко поймать; какие предосторожности! Ну, да это его дело: он щедр, не жалеет денег. Я не выдам его: когда хорошо платишь, можешь делать что хочешь; Бог с ним! Будь у меня четыре таких постояльца, как он, я бы в один месяц составил себе состояние».

Когда кабатчик ушел, незнакомец уселся на одном из кресел в гостиной близ камина, взял первую попавшуюся книгу с хорошенького столика и открыл ее на половине.

Но он не читал ее; он думал, и, по-видимому, думы его были не совсем веселыми.

— Лишь бы этот человек, которого я жду, был именно таким, каким мне его представляли! Гм! Дело щекотливое, надо быть опытным, чтобы понять меня; мне его очень рекомендовали, он, должно быть, падок на деньги и легко справляется с совестью; увидим; я в минуту узнаю его; но, мне кажется, он очень опоздал.

В ту же минуту он услышал, как отворилась первая дверь.

Он улыбнулся.

— Не успел и высказать желания, как оно исполнилось, как будто в сказке; начало хорошее, посмотрим, что будет дальше; черт, помоги! — С этим возгласом неверующего он встал и пошел навстречу своему гостю, которого еще не знал.

Дверь в гостиную отворилась, портьера приподнялась, и Кайман доложил:

— Господин Матье.

Сняв маску с новоприбывшего, державшегося несколько в стороне, кабатчик поклонился и, по праву первого

посетителя, спустив портьеру, затворил за собою дверь и ушел из домика.

— Гм! — ворчал он, возвращаясь в свой кабак, где шум, казалось, еще более усилился. — Эти молодцы с невозможными фамилиями слишком стараются подражать мещанам, потому что, вероятно, принадлежат к аристократии. Ну, впрочем, что мне за дело? Что там такое? — воскликнул он, прислушиваясь к гаму в кабаке. — Что, эти черти подрались, что ли? Пойти посмотреть.

Кайман любил монологи. Когда шаги кабатчика замолкли, первый посетитель, назвавшийся Вольтижером, поклонился новоприбывшему, приглашая его снять плащ и расположиться поудобнее.

Матье молча поклонился, бросил плащ на кресло и снял шляпу.

Так же, как на наезднике, и на нем была бархатная полумаска.

— Ого! — пробормотал Вольтижер. — Это ученая птица! Мне кажется, нелегко будет справиться с ним.

Оба эти человека походили друг на друга и ростом, и манерами, как два родные брата, только у пришедшего позднее манеры не носили отпечатка аффектации, которой отличались манеры версальских придворных; он был богатырски сложен и обладал, по-видимому, громадной физической силой; вообще же с первого взгляда в нем можно было узнать человека лучшего общества.

По знаку Вольтижера Матье поместился в кресле у камина, напротив своего хозяина.

Пока мы сохраним за этими людьми имена, которыми они себя называли.

Наступило молчание; собеседники рассматривали друг друга исподтишка и размышляли про себя.

Спустя минуту Матье снял свою шпагу и положил ее на стол вместе с двумя пистолетами, которые были у него за поясом.

Вольтижер улыбнулся и, подражая тотчас примеру своего гостя, также снял свое оружие.

— Вы получили письмо несколько дней тому назад? — спросил Вольтижер, видимо, для того, чтобы нарушить молчание, становившееся ему в тягость, и чтобы начать разговор.

— Я действительно получил письмо, но не несколько дней, а шесть недель тому назад; оно было передано

мне... — Тут он спохватился: — Мне кажется излишним произносить имя того, кто передал мне письмо, тем более что письмо со мной.

Вынув письмо из куртки, он подал его Вольтижеру, но тот отказался принять его, грациозно поклонившись.

— Это излишне, — сказал он, — я узнал почерк.

Матье поклонился в свою очередь и снова спрятал письмо.

— Нам многое надо передать друг другу, — заговорил Вольтижер, — по-моему, разговор вполне вяжется только за столом; вы разделяете мое мнение?

— Вполне, — отвечал Матье.

— В таком случае, пойдемте садиться за стол.

— Я к вашим услугам.

Они прошли в столовую.

Вольтижер два раза сильно топнул.

Столики исчезли, и через минуту откуда-то снизу появился стол, уставленный кушаньями, а также два столика с бутылками и тарелками.

— Таким образом, — сказал Вольтижер, — не будет лишних ушей.

— Прекрасная предосторожность, когда предстоит серьезный разговор.

— Прошу вас садиться; я ужасно голоден, а вы?

— И я также, — отвечал Матье, улыбаясь.

— В таком случае примемся за кушанье и покушаем; это нам только поможет говорить о делах.

— Совершенно справедливо: слуги, стоящие за вашим стулом, — шпионы, не пропускающие ни слова и пользующиеся слышанным, если им это выгодно.

— Глубокая истина, — отвечал, смеясь, Вольтижер, — поэтому-то я желал избежать этого неудобства.

— Вы предупредительны, и это необходимо, если желаешь успеха в своем предприятии.

— Вы, мне кажется, тоже предусмотрительны.

— Я думаю, что вам это не неприятно, — сказал Матье с тонкой улыбкой.

— Напротив, мне представили вас как человека, на которого можно вполне положиться.

— Дело в том, что немного найдется такого, перед чем я отступил бы, если условия почтенны.

— Вот это значит говорить прямо; я думаю, что мы легко столкнемся.

— От души желаю: в настоящую минуту нуждаюсь в хорошем деле.

— Вы нуждаетесь в деньгах?

— Да, у меня столько нужд.

— Я не стану от вас утаивать.

— Я тоже не желаю этого, я не люблю торговаться. Скажите мне цифру; я, таким образом, увижу, могу ли иметь дело с вами: я люблю знать все вперед, по сумме заключаешь о важности дела.

— Совершенно верно: за это дело дают десять тысяч луидоров, — сказал Вольтижер, глаза которого сверкали сквозь отверстия маски.

При назначении такой громадной цифры Матье остался совершенно равнодушным; Вольтижер, предполагавший с некоторою справедливостью, что его собеседник будет ослеплен, почувствовал в душе досаду.

— Или эта цифра не кажется вам достаточно высокой? — спросил Вольтижер.

— Я не говорю этого; вас, вероятно, предупредили, что мне платят вперед.

— Да, действительно, но этим я не затрудняюсь; сначала мы должны только передать друг другу все подробности и прийти к соглашению.

— Само собой разумеется; но, чем бы ни кончились переговоры, я во всяком случае буду вам очень благодарен за прекрасный обед, — сказал Матье несколько принужденным тоном, казавшимся привычным ему. — Кушанье прекрасно приготовлено, я никогда не думал, чтобы можно было так хорошо пообедать в такой трущобе, как Луисбург.

— Вам нравится мой обед?

— Меня пришлось бы назвать чересчур разборчивым, если бы я остался недоволен им. Теперь мы дошли до десерта; не потолковать ли нам о нашем дельце между грушей и сыром.

— Отлично; только меня удивляет, что вы называете дельцем дело, которое дает вам 24000 ливров; ведь для многих это было бы целым состоянием.

— Да, для других, но не для меня; впрочем, все относительно; я обделываю дела и более важные. Вы видите, я говорю прямо, но я не могу еще ответить на ваше предложение, как великолепно оно вам ни кажется. Может случиться, что я спрошу с вас меньшую сумму, а может быть, потребую и больше; это зависит от того, каково дело.

— Мне действительно говорили, что вы человек совестливый.

— Хорошо; предположим, что некоторая личность должна умереть.

— Наверное, должны умереть несколько, по крайней мере, двое.

— Отлично; может быть, вы прибавите, что это девушка, женщина или дитя; это стоит очень дорого, особенно, если при этом надо нападать с вооруженной силой, грабить, поджечь дом.

— Может быть, и придется прибегнуть к таким мерам, но только в крайнем случае.

— Да я и предполагаю, что так, — сказал Матье хихикая, — это вне цены.

— Вы отказываетесь?

— Я никогда не отказываюсь, но желаю только указаний со всеми подробностями, чтобы избежать всякого недоразумения, которое может стоить жизни; к тому же жизнь некоторых лиц, смотря по их положению или знатности, стоит дороже жизни простых бедняков, вы понимаете это?

— Какие затруднения! — с досадой воскликнул Вольтижер.

— Вовсе нет; напротив, все окажется очень просто, когда вы мне прямо скажете, в чем дело; тогда я могу отвечать вам уверенно, вы увидите, что нам легко будет прийти к соглашению, если только вы не передумаете воспользоваться моими услугами, что, откровенно говоря, было бы мне весьма неприятно, так как несколько сот тысяч ливров пришлось бы мне весьма кстати.

— Пожалуй, слушайте.

— Не забудьте описать мне людей, с которыми я буду иметь дело; главное, назовите их имена и положение.

— А если вы откажетесь служить мне после того, как я скажу вам все?

— Это трудно предположить; но потрудитесь сказать мне, какую помощь я могу оказать вам, если не буду знать ничего и если вы не скажете мне имен.

Вольтижер, казалось, погрузился на несколько минут в размышления; затем он снова заговорил с легкой дрожью в голосе, происходившей, вероятно, от сильного волнения, которое он старался подавить.

— Действительно, вам необходимо знать имена лиц, с

которыми я вас познакомлю, — сказал он. — Но берегитесь; когда я произнесу эти имена, вы будете волей-неволей связаны со мной.

— Я не разделяю вашего мнения; произнесение этих имен вызвано только необходимостью знать ваши условия: не называя имен, нельзя сообщать и подробностей.

— Вы точно прокурор.

— Я только логичен; вот все; этому вы не можете помешать, если вам не угодно, не говорите ничего, я вам откланяюсь, и делу конец.

— Нет, — сказал Вольтижер поспешно, — я вам сделал слишком много намеков для того, чтобы остановиться, лучше кончить.

— Как вам будет угодно; мне все равно.

— Выслушайте меня, это не долго.

— Пожалуй.

— Вы знаете Канаду?

— Я живу здесь более двадцати лет и знаю вдоль и поперек не только Канаду, но и Луизиану.

— Прекрасно; вы, вероятно, слышали о некоем Шарле Лебо?..

— Парижском адвокате, довольно долгое время бывшем секретарем г-на Дореля.

— Да, о нем; что он делает теперь?

— Не знаю, я уже давно потерял его из виду.

— Как это?

— Вследствие дуэли с одним флотским офицером, имя которого я забыл, губернатор колонии приказал его арестовать; он бежал и с тех пор не появлялся более; известно только, что он бежал в саванны.

— Он, может быть, умер?

— Не думаю; я встречался с ним несколько раз на земле краснокожих, но очень может быть, что он уже убит в какой-нибудь схватке с индейцами.

— Разве нет возможности узнать что-нибудь о нем?

— Напротив, это очень легко, понадобится месяц, чтобы узнать, жив он или нет. А если он жив?..

— То его надо убить.

— Очень хорошо, перейдем к другим.

— В окрестностях Трех Рек, в двух выстрелах оттуда, есть дача, называемая Бельвю.

— Прелестный дом, принадлежащий Меренвиллю, одному из самых богатых плантаторов Канады и Луизианы.

— Это возможно; мне нет дела до его состояния; но в руках господ Меренвиль находится ужасная тайна, которую мне необходимо отнять во что бы то ни стало...

— Без сомнения, это возможно, убив их, — глухим голосом сказал Матье.

В несколько минут этот человек вдруг совершенно изменился; крупные капли холодного пота выступили у него на висках, им овладело ужасное волнение; но он с неимоверным усилием подавлял его и старался сохранить беззаботный вид, который имел в минуту своего прихода.

Вольтижер был взволнован не менее своего гостя; он почти ужасался того, что должен был открыть этому невозмутимому человеку в маске, казавшемуся дьяволом, вышедшим из ада; он не замечал волнения Матье и говорил отрывистым, глухим голосом, вследствие чего его было весьма трудно понять.

— Да, они оба должны умереть.

— Это все? — холодно спросил Матье.

— Нет, есть еще женщина и девушка.

— Кто эта женщина?

— Вы бывали у индейцев?

— У гуронов или ирокезов? Я знаю их всех; я несколько месяцев провел с племенем одних индейцев, у которых жила белая женщина, француженка.

— А! — воскликнул Вольтижер, задыхаясь.

— Эта женщина скрывалась, и я никогда не мог узнать ее настоящего имени; у индейцев она известна только под прозвищем, которое они сами дали ей; ее звали...

— *Свет Лесов*, — проговорил Вольтижер сдавленным голосом.

— Да, именно Свет Лесов; вы, стало быть, знаете ее?

— Да, — отвечал Вольтижер так тихо, что Матье с трудом расслышал его.

— И эта женщина должна умереть?

— Непременно.

— Эта молодая женщина по временам, кажется, бывает не совсем в своем уме: жаль несчастную.

— Тем лучше; окажем ей услугу, избавив ее от жизни, которая ей, должно быть, уже давно в тягость.

— Как хотите. Это все?

— А вы забыли молодую девушку?

— В самом деле, — сказал Матье, выпивая залпом стакан воды. — Гм... если не ошибаюсь, вы осуждаете на

смерть пять человек: двух мужчин и трех женщин; из них молодой девушке лет шестнадцать или семнадцать?

— Восемнадцать.

— А зовут ее?..

— Марта де Прэль.

— Но, говорят, она найденыш, принята из милости Меренвилем.

— Все равно она должна умереть.

— Хорошую бойню вы собираетесь произвести! Впрочем, это касается вас; мне нечего задумываться — это ваше дело.

— Вы отказываетесь? — с угрозой в голосе спросил Вольтижер. — Уж не вздумаете ли вы отступить после того, как я выдал вам свою тайну?

— Вовсе нет.

— Знайте, что я заставлю вас раскаяться, если вы обманете мое доверие; я не кто-нибудь, я слишком могуществен, чтобы бояться вас.

— Да что вы? Вы сражаетесь с ветряными мельницами. Ваша тайна останется известной только мне одному даже в том случае, если бы я отказался служить орудием вашей мести. Ведь это месть, не так ли?

— Одна из самых знатных французских фамилий заинтересована в том, чтобы эта ужасная тайна сошла в могилу вместе с теми людьми, которые ею обладают. Могут ли рассчитывать на вас?

— Более чем когда-нибудь; только это будет вам стоить дорого.

— Все равно, лишь бы уничтожить ненавистную тайну! Это дамоклов меч, непрестанно висящий у меня над головой! Подобное существование убивает меня; пора положить конец! Если бы мне пришлось заплатить миллион, я отдал бы его с радостью, чтобы освободиться наконец от всех своих опасений.

— Если так, то по рукам! Я намеревался взять по 200 тысяч ливров за труп, вы назначаете мне именно всю сумму, которую я собирался потребовать; вы предлагаете ее мне, я принимаю; через два месяца все будет кончено, и кончено прекрасно, клянусь вам.

— Вы согласны?

— Да.

— Я готов отсчитать вам требуемую сумму.

— Хорошо, но я не возьму ассигновок на Биго: он загребает деньги со всех сторон, но не платит никогда.

— Это не послужит препятствием, у меня есть текущий счет в Виргинии.

— Это, по-моему, лучше. Кто ваш банкир в Нью-Йорке?

— Мои банкиры не в Нью-Йорке, а в Бостоне.

— Еще лучше, это ближе. Кто же банкиры?

— Гросслостен и Компания.

— Солидная фирма. Почему вы отдали свои деньги массачусетскому банкиру?

— Я предвидел, что вы откажетесь иметь дело с Биго.

— Я думаю. Кто же другой банкир?

— Сулливан и сын.

— Знаю; также прекрасная фирма.

— В таком случае, вы принимаете чек в 500 000 ливров на каждого из этих банкиров?

— Без возражений.

Вольтижер вынул из-под платья довольно большой и туго набитый бумажник, открыл его, взял два чека и передал Матье. Последний внимательно рассмотрел их, сложил и спрятал с видимым удовольствием.

— Теперь, когда мы условились, — сказал Вольтижер, — я надеюсь, мы можем снять маски; нам нужно знать друг друга в лицо.

— Или узнать друг друга, — сказал, смеясь, Матье.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего; я разделяю ваше мнение, но берегитесь, у вас из бумажника выпала какая-то бумажка.

— Вы думаете?

— Посмотрите-ка.

— В самом деле?

Вольтижер быстро нагнулся. Матье воспользовался этой минутой; он влил киршу в стакан Вольтижера, до половины наполненный мальвазией.

Вольтижер, искавший несуществующую бумажку, не заметил движения своего гостя.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

— Вероятно, я ошибся, — отвечал Матье, — выпьем за успех нашего дела, вы должны желать его.

— Еще бы! Выпьем до дна.

— Отлично! — воскликнул Матье, смеясь.

Они залпом осушили свои стаканы.

— А теперь долой маски, — сказал Вольтижер хриплым голосом.

Обе маски упали в одно время.

— Я не ошибся! — воскликнул Матье. — Я узнал вас по голосу; но что с вами, граф Витре, вам, кажется, дурно.

— Да я не знаю... у меня голова вся в огне...

— Вы узнали меня?

— Кажется, но... Боже, как я страдаю!

— Я помогу вашей памяти: я тот дворянин, у которого вы украли миллион в игорном доме улицы Сен-Оноре, но это было уже так давно, что вы, должно быть, забыли; теперь вы мне отдали ваш долг; благодарю вас; это дело между нами кончено; вы не должны мне ничего, но нам останется свести другие счета; будьте покойны, со временем все выяснится.

В эту минуту граф выпрямился во весь рост, лицо его посинело, глаза дико вращались.

— Подлец!.. — проговорил он невнятным голосом. — Ты хотел убить меня! О, если я не умру... я отомщу тебе!

Витре пошатнулся, попытался было машинально удержаться за кресло, но упал навзничь и не шевельнулся больше: он спал.

— Он проспит по крайней мере двое суток, а проснувшись, не будет помнить ничего. На здоровье; я мог бы убить его, но этот негодяй должен умереть другою смертью.

Матье поднял графа, раздел его и положил на постель; повесив платье его на спинку кресла, он зажег свечу и поставил ее на ночной столик. После этого Матье взял бумажник графа; в бумажнике было денежных бумаг на сумму вдвое большую, чем выплаченная четверть часа тому назад; Матье бережно уложил деньги в бумажник, но вынул все бумаги, находившиеся в секретных отделениях; сделав это, он спрятал бумажник графу под подушку, а на столик положил открытую книгу. Надев свое ружье и маску, он тщательно завернулся в плащ, надвинул шляпу с широкими полями, задул свечу, притворил наполовину дверь спальни и прошел в столовую; здесь он выпил стакан мальвазии, щелкнул языком и наконец вышел из домика.

Было около четырех часов утра; обычные посетители, напившись подмешанного вина, по большей части спали, одни — лежа где попало на столах, другие — просто на полу; кабатчик курил трубку перед дверью.

— Покойной ночи, Кайман, — сказал незнакомец, давая ему несколько золотых, — ваше прекрасное вино подействовало на Вольтижера; он просил меня сказать вам, что хочет спать, и приказал не входить в нему, пока не позвонит.

— Он уже приказывал мне то же самое; пусть себе спит хоть две недели, я не подумаю беспокоить его; пожалуйста сюда, сударь.

Он провел посетителя другой дверью, минуя кабак.

Матье направился прямо к гавани; у моста его ожидала индейская пирога с четырьмя гребцами-канадцами. Они узнали хозяина, и он вошел в лодку.

— Дружно, ребята! — сказал он, садясь на корме. — Надо спешить.

Десять минут спустя пирога скрылась между островами Св. Лаврентия.

— Приятные сны, должно быть, снятся графу де Витре, — проговорил Матье с усмешкой, — если он еще может видеть во сне и помнить что-нибудь. Только, вероятно, этого не будет. Бумаги его должны быть интересны, я их тщательно рассмотрю.

Французская армия отправляется разыскивать английские силы

Бельвю — это прелестное поместье, так дорогое графу Меренвилю, создавшему его, принял свой обычный, веселый и мирный вид; не оставалось и следа убийств и грабежа, чуть было не имевших последствием страшных несчастий.

В этот день необычное движение и волнение господствовали в доме, особенно в его окрестностях на целую полумилю в окружности; но поспешим прибавить, что в этом необычном движении и волнении не было ничего тревожного для жителей Бельвю.

Слуги под надзором мадам Сален, проворной и ловкой, как двадцатилетняя девушка, накрывали в столовой огромный стол, вокруг которого могли бы уместиться по крайней мере сорок человек; дело было, по-видимому, спешное, и экономка очень боялась, чтобы гости ее господина не застали ее врасплох; она кричала на слуг и торопила их, укоряя за медлительность; они в свою очередь выходили из себя.

На дворе было совершенно иное; здесь представлялось оживленное и живописное зрелище; на всем пространстве, которое мог охватывать глаз, река Св. Лаврентия была покрыта пирогами, полными солдат всех возможных родов оружия с их багажом: здесь были и пехотинцы, и моряки, и милиционеры и т.д.; по обоим берегам форсированным маршем двигались с песнями солдаты; по мере того как отряды приходили в окрестности Бельвю — ко-

торый был, вероятно, назначен местом отдыха, — квартирмейстеры, во избежание беспорядка и тесноты, указывали войскам места, назначенные для их стоянки; они становились бивуаком. Все горели воинственным пылом, и на них было весело смотреть...

Правее, несколько поодаль, расположился сильный отряд краснокожих, союзников французов, татуированных по-военному.

С восхода солнца пришло уже много отрядов, другие, такие же оживленные и веселые, как первые, подходили беспрестанно.

В нескольких шагах от дома стояли две кучки людей, часто сходявшиеся и обменивавшиеся мимолетными замечаниями.

Первая группа состояла из Меренвиля, его семейства и Марты де Прэль, вполне поправившейся и еще более похорошевшей и посвежевшей. На графе был мундир канадского милиционера. Меренвиль держал подзорную трубу, в которую часто оглядывал отдаленные точки горизонта.

Во второй группе стояли Бесследный, сержант Ларутин, Тареа и Мишель Белюмер, преданный друг Шарля Лебо; последнего же не было.

— Сколько ни смотрю, я ничего не вижу, — сказал граф, — я никак не могу понять причины такого замедления. — Он взглянул на часы и продолжал: — Главнокомандующий должен был прибыть ровно в 11 часов, теперь без десяти минут одиннадцать, а его еще нет.

— У главнокомандующего, вероятно, чрезвычайно много дела, — сказала Марта своим мягким голосом, — не удивительно, если он опоздает немного.

— Да, вероятно, его что-нибудь задержало в последнюю минуту; я не знаю человека аккуратнее генерала.

— Должно быть, ему что-нибудь помешало, он не нарочно заставляет ждать себя, — сказала, улыбаясь, девушка.

— Где стеклянным глазам сравняться с глазами воина, — проговорил наставительно Тареа.

— Что ты хочешь сказать этим, вождь? — живо спросил граф. — Разве ты видишь главнокомандующего?

— Тареа видит Ононтийо уже десять, двадцать, пять минут.

— Ты видишь его? — воскликнул граф, не обращая внимания на странную систему счета индейца. — Ты уверен, что это он?

— Вполне уверен; Тареа видит его; он близехонько.

— Где же?

— Там! — невозмутимо отвечал краснокожий, показывая рукой на реку.

— И я его вижу уже давно, — сказал Бесследный.

— И ни ты, ни вождь не предупредили меня?

— Воин никогда не должен говорить, что у него в груди, не посоветовавшись с главным вождем, — отвечал Тареа за себя и за друга.

— Тареа говорит правду, — прибавил Бесследный, Граф пожал слегка плечами и направил свою трубу в сторону, указанную индейцем; он увидел несколько пирог с офицерами различных рангов и между ними Монкальма в полной парадной форме.

— Это правда, — проговорил граф, — у этих индейцев зрение орлиное: ничто не ускользнет от них; генерал сейчас высадится на берег, пойдемте встретим его при входе в наши владения.

Обе группы слились и двинулись навстречу генералу, уже подъезжавшему к пристани, выстроенной владельцем против дома для собственного удобства, так как иначе дамам было слишком неудобно, даже опасно садиться в лодку.

Главнокомандующий казался озабоченным; когда он ступил на землю, солдаты с неимоверным восторгом наперебой приветствовали его; главнокомандующий улыбнулся, снял шляпу и несколько раз поклонился.

Затем генерал направился к дому; но, говоря с дамами о пустяках, он в то же время постоянно оглядывался, как будто отыскивал кого-то; его тревога стала наконец так очевидна, что граф не мог не спросить, кого он ищет с таким беспокойством.

Этот вопрос, казалось, не понравился генералу, но, несмотря на это, он тотчас же ответил:

— Вы не видели Сурикэ? Я назначил ему свидание здесь, но не вижу его.

— Он не появлялся, но его друг Мишель Белюмер пришел в Бельвю с час тому назад; может быть, он сообщит вам что-нибудь. У Шарля Лебо нет тайн от своего друга, — сказал Меренвиль.

— В самом деле? Благодарю вас, граф; вы не знаете, где этот человек? Мне надо бы поговорить с ним как можно скорее.

— Я пошлю за ним.

— Сделайте одолжение, отыщите его, если можно.

— Меня не надо искать, я сам здесь, генерал, — раздался чей-то голос.

И Белюмер, вежливо протиснувшись между офицерами, в толпу которых он вмешался, остановился против главнокомандующего.

— А! — сказал генерал. — Ты здесь?

— Что прикажете, генерал?

Монкальм жестом удалил офицеров и, отойдя несколько в сторону, продолжал разговор:

— Почему твоего друга нет здесь?

— Какого друга? — спросил охотник, как настоящий нормандец.

— Да Сурикэ, черт возьми! Разве у тебя так много друзей? Во всяком случае, ты очень счастлив, особенно, если это друзья истинные.

— У меня только один друг, генерал.

— Скажи же, почему он не пришел на свидание, которое я назначил ему?

— Это было невозможно.

— По какой причине?

— Не знаю, генерал, но, должно быть, причина была важная, так что он решился послать к вам меня.

— Гм! Зачем?

— Чтобы сказать вам слов двадцать.

— Говори, да поскорей!

— То же самое мне сказал Сурикэ, когда я заметил ему...

— Да скажешь ли ты наконец в чем дело?! — закричал генерал, топая ногой и хмурия брови.

— Сейчас, генерал, не извольте так сердиться...

— Дурак! Скажешь ты наконец?! — гневно крикнул генерал.

— Вот сию минуту. Зачем же сердиться?

Генерал сделал угрожающее движение. Белюмер тотчас продолжал:

— Вот что он приказал передать вам: ты скажешь генералу, чтобы он пробыл в Бельвю никак не больше двух часов, а если можно, то менее; войска должны идти прямо, не останавливаясь; времени терять нельзя; надо занять дорогу; посоветуй генералу от меня пустить краснокожих вперед, чтобы служили разведчиками; я присое-

динюсь к генералу часа в два или три пополудни; пусть он только спешит и, что бы ни случилось, не отклоняется от пути, по которому должен идти. Уф! Вот все, генерал.

— Все?

— Все, генерал.

— И ты не знаешь ничего?

— Ничего; Сурикэ не показывался целых три дня; я не знаю ни где он был, ни что делал; сегодня ночью он вернулся, велел передать вам то, что я сказал, и опять ушел, не прибавив ничего. Я же поспешил сюда.

— Прекрасно, возьми это! — И Монкальм протянул ему горсть золотых.

— Вы знаете, генерал, я воюю не за золото, а ради удовольствия.

— Правда, знаю, но я желаю, чтобы ты взял деньги.

— Это другое дело; я обязан повиноваться вам.

И Белюмер без дальнейших рассуждений положил золотые в карман.

— Что прикажете мне делать теперь? — спросил он.

— Ты приятель краснокожих?

— Закадычный друг.

— Так ступай вперед с дикарями, а когда придет Сурикэ, приведи его ко мне. Так? Понял?

— Не беспокойтесь, генерал; направо кругом, марш, — все будет исполнено.

— Да, смотри, молчи.

— Не бойтесь, я не из болтливых.

— Ступай.

Белюмер поклонился и ушел, весьма довольный своим разговором с главнокомандующим; он не был жаден, но, как все нормандцы, любил деньги, заработанные честным путем; впрочем, каждый раз, как ему давали деньги, он для успокоения совести отказывался принять их.

Монкальм снова присоединился к своему генеральному штабу, состоявшему из офицеров армии, милиции и даже чиновников местной администрации; поэтому его сопровождал также Дорель и некоторые другие.

Когда вошли в столовую, главнокомандующий, перед тем как садиться за стол, обратился присутствующим:

— Милостивые государи, важные известия, полученные мною сейчас, принуждают меня поторопиться с за-

втраком; у нас всего один час времени. Капитан де Меренвиль...

— Что прикажете? — отвечал прелестный молодой человек, старший сын графа, состоявший адъютантом при главнокомандующем.

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы солдат накормили супом и чтобы они были готовы к выступлению через час.

— Слушаю, — отвечал молодой офицер, кланяясь, и тотчас вышел.

— Прошу извинений у дам, что мы так скоро изменим им; но долг принуждает нас отказаться, к нашему сожалению, от их приятного общества.

— При вашем возвращении мы будем приветствовать вас, как следует приветствовать победителя, а вы наверняка вернетесь победителями, — сказала графиня, председательствовавшая за столом.

— Благодарю вас, графиня, надеюсь, вы принесете нам счастье: такой прелестный ротик не может ошибиться.

Сели за стол, и все спешили есть поскорее; знали, что главнокомандующий не изменит раз данного приказа и поэтому не теряли времени; несмотря на то, что несколько торопились, завтрак прошел очень весело; все молодые люди знали, что идут на врага, и шли с искренней радостью; смех и шутки не мешали офицерам отдавать должную дань кушаньям и вину.

Пока наливали кофе, генерал подозвал сержанта Ларутину, стоявшего у дверей в ожидании приказаний.

Сержант тотчас подошел и затем вышел из столовой; через пять минут он снова вернулся в сопровождении Тареа, вождя гуронов.

Генерал тотчас встал, отвел вождя в сторону и приказал ему двинуться вперед и служить проводником армии; объяснив ему в кратких словах, что он должен делать, главнокомандующий пожал ему руку и отпустил его.

Монкальм давно уже знал молодого вождя, он знал, что может рассчитывать на него и что его приказания будут исполнены умно и точно.

— Господин Леви, — сказал генерал, — будьте любезны, прикажите войскам выступать, пока я откланяюсь дамам.

— Слушаю, генерал, — сказал Леви и, тотчас встав, вышел из столовой.

Приказание, отданное генералом, заставило подняться

всех офицеров, которые, поклонившись дамам, поспешили встать во главе своих частей.

Вне дома все было в движении: барабанщики били сбор, а солдаты поспешно строились в роты.

Гуроны и их союзники уже скрылись в лесу.

Видимый беспорядок, неизбежный при выступлении, скоро улегся, и войска весело двинулись в путь.

Монкальм тепло простился с дамами и обещал им, смеясь, что Меренвиль, сопровождавший армию в качестве полковника милиции, вернется здоров и невредим.

— Генерал, — обратилась Марта несколько взволнованным голосом к главнокомандующему, — разве г-н Лебо не участвует в вашей экспедиции?

— Извините его, что он не явился в Бельвю, — отвечал генерал, — он послан мною вперед с весьма важным поручением.

— Мне казалось, — продолжала девушка, — но я ошиблась... Вы знаете, какую услугу он оказал мне?..

— И вы благодарны ему... — перебил генерал, улыбаясь. — Это весьма похвально.

— Он мне очень нравится, — сказала она, краснея.

— Это весьма естественно; Шарль Лебо — человек необыкновенный; я очень люблю его, вполне доверяю ему; он сделал мне подарок, за который я буду ему всегда благодарен.

— О! Все любят его, — сказала Марта с обворожительной улыбкой.

— Он заслуживает еще большего; мы так обязаны молодому человеку, что никогда не будем в состоянии отплатить ему.

— Меня радует, что вы говорите это.

— Рассчитывайте на меня во всем, что может способствовать его счастью, — сказал генерал с ударением.

— Как вы добры, генерал, благодарю вас.

— Да, клянусь вам, он будет счастлив, если только не станет пытаться мешать мне.

— Почему ему мешать вам? — спросила девушка с особенным выражением. — Но я не хочу вас больше задерживать, извините, что я так остановила вас, ведь у вас так много серьезных дел; болтовня глупой девушки не должна отвлекать вас от важного дела.

— Поверьте, я не забуду ничего из сказанного вами. Шарль узнает, что вы не неблагодарная.

— Генерал!.. — воскликнула она, вся вспыхнув.

— Я с грустью отрываюсь от приятного разговора; когда я вернусь, мы будем продолжать его, — прибавил он с доброй улыбкой.

Смущенная девушка поклонилась и ушла, не находя слов для ответа.

Монкальм был не только искусный генерал, но он был также светский человек; он часто бывал в обществе женщин и имел большую опытность в сердечных делах; короткого, отрывочного разговора с Мартой было достаточно, чтобы он мог читать на ее сердце лучше, чем она сама.

Его расположение к Шарлю Лебо было искреннее и глубокое; Монкальму хотелось доказать Шарлю Лебо благодарность за оказанное им одолжение.

— Надо бы заняться этим, — проговорил он, следя глазами за девушкой, — если он любит, то переверну небо и землю, чтобы устроить свадьбу и счастье этих детей; какая из нее выйдет прелестная жена! Но любит ли он ее? Вот это трудно узнать, от моего друга Шарля нелегко добиться исповеди; посмотрим, я добьюсь правды, хотя бы мне и пришлось, ради его блага, поссориться с ним.

Он засмеялся, потирая руки.

— Но где этот Меренвиль, или жена и дочери не отпускают его? Очень возможно, посмотрим.

Генерал вернулся в дом, там происходило именно то, что он предполагал: жена и дочери Меренвиля плакали и слышать не хотели о его отъезде. Меренвиль не знал, как избавиться от нежности членов своего семейства; генерал тотчас понял, в чем дело, и решил положить конец этой сцене.

— Да что вы здесь делаете, граф? — спросил он прямо по своей привычке. — Войска ушли уже с полчаса тому назад, мы с вами последние; прощайтесь скорее! Долг не позволяет нам долее оставаться здесь; поцелуйте по одному разу каждую и пойдемте; и так мы замешкались.

Очарование, сдерживавшее графа, было нарушено; дамы поняли, что не они играют главную роль, и покорились; обняв жену и дочь, граф поспешно удалился.

— Видите, я не обманул вас, — сказал главнокомандующий, показывая на опустевший бивуак.

— Вы, право, оказали мне величайшую услугу, выручив меня; будь я один, я не знаю, хватило ли бы у меня мужества оставить их.

— Я именно сомневался в этом, поэтому и пришел к вам на помощь.

— Еще раз благодарю вас.

— Хорошо; оставим это и поговорим о другом.

— Прекрасно, вы получили важные депеши?

— Весьма важные.

— Разве...

— Я наверное ничего не знаю, — прервал генерал. — Шарль Лебо прислал ко мне своего друга Белюмера с таким запутанным поручением, что я ровно ничего не понимаю; зная его, как я знаю, это беспокоит меня, я подозреваю, что английская армия начала наступление, но еще раз повторяю вам: наверное ничего не знаю; к счастью, он вернется к нам часа через два, и тогда мы узнаем в чем дело; во всяком случае, положение весьма натянутое: Шарль Лебо советует мне быть как можно осмотрительнее; вероятно, произошло что-нибудь!

— Да, его нелегко испугать, вероятно, есть что-нибудь важное, это доказывают его советы.

— Вот почему я так тревожусь.

— Я вполне понимаю вас, не может быть ничего ужаснее, как не знать, куда ступить, боясь каждую минуту попасть в капкан.

— Вот именно в таком положении я нахожусь в настоящее время, тем более что англичане делали громадные приготовления: меня уверяли, что в их войске более пятнадцати тысяч человек.

— Ого! Нам нелегко будет справиться с ними, наши силы далеко не так значительны.

— Численность не беспокоит меня, я желал бы только одного: прибыть достаточно рано, чтобы успеть принять все предосторожности в ожидании врага. Большие армии не всегда выходят победительницами, успех зависит от Бога, который всемогущ, и от благоразумных мер, которые надо суметь принять; к тому же мы должны примириться с мыслью, что численность никогда не будет на нашей стороне, надо победить во что бы то ни стало, даже с ограниченными средствами, находящимися в нашем распоряжении.

Разговаривая так, генерал и его спутник догнали армию и спешили скорее достигнуть места битвы.

Меренвиль тотчас отправился к своим милиционерам и, пожав руку генералу, стал во главе канадцев; они радостно приветствовали любимого начальника.

Никто не мог сравниться с графом в умении вести войну в лесу и перелеске — единственный способ войны, возможный в этой стране. Люди, вообще плохо дисциплинированные, тотчас с увлечением стали повиноваться своему вождю, как только убедились в его искусстве; к тому же он был всегда впереди; в несколько месяцев канадцы дисциплинировались так, что стали следовать примеру регулярного войска, между тем как при прежнем начальнике, место которого занял граф, милиционеры до известной степени были недругами солдат.

Время же все шло, а Шарль не появлялся; он передал главнокомандующему через своего друга, что присоединится к армии не позже трех часов; теперь уже было более пяти, а охотник не появлялся.

Генерал сильно тревожился; отсутствие Шарля совершенно лишало его возможности действовать, тем более что ему в первый раз приходилось, выйдя из Канады, углубляться внутрь страны и оперировать против неприятеля.

Монкальм никак не предвидел положения, в котором очутился; французское правительство послало его в Канаду, чтобы предотвратить ужасную катастрофу — неминуемое следствие поражения Диеско в битве при Сант-Сакремане. Генерал покинул пост, занимаемый им в германской армии, и отправился в Канаду; плохие условия, которые он нашел, становились еще хуже от беспорядка, господствовавшего в администрации; следуя примеру Биго, все чиновники крали взапуски, без стыда, среди бела дня; они чувствовали за собой поддержку маркизы Помпадур, далеко не пренебрегавшей взятками, которые Биго и компания посылали ей в Версаль, где она получала их, так сказать, на глазах у короля; к довершению несчастья, во время прибытия генерала страшный голод свирепствовал в Квебеке и других городах.

Таким образом, ему необходимо было тотчас же приняться за дело, т.е. закупить провиант и водворить хотя бы некоторый порядок в администрации; но когда Монкальм хотел действовать, ему пришлось убедиться, что зло непоправимо: все чиновники, начиная от самых высокопоставленных до самых незначительных, все, за весьма немногими исключениями, участвовали в этом постыдном заговоре, кто из трусости, кто из страсти к легкой наживе.

Биго, интендант Канады, маркиз де Водрейль, генерал-губернатор колонии, стояли, как было известно всем, во главе заговора, целью которого было погубить Новую Францию, чтобы, пользуясь катастрофой, избежать заслуженного наказания.

К счастью, Монкальм привез в Канаду 1 300 000 ливров и не передал их этим хищникам. Он прямо приступил к делу; эта сумма, в сущности весьма незначительная, позволила ему хотя бы несколько улучшить положение дел и дать на довольно долгое время хлеба тем, у кого его не было.

Этот способ действия и решительность, выдаваемая генералом во всем, — явление, совершенно непривычное в Новой Франции, — принесли Монкальму популярность, и все честные люди, чувствуя его поддержку, собрались вокруг него и сделались не только друзьями, но, так сказать, его пособниками. Мы не преувеличиваем, говоря, что менее чем в два месяца генерала стали обожать все те люди, которых он спас от голодной смерти.

Краснокожие союзники Франции страдали не менее белых; эти отважные люди, довольствующиеся столь малым, стали преданными друзьями нового Ононтио.

Приезду генерала в Канаду предшествовала блестящая военная слава; новому главнокомандующему надо было во что бы то ни стало одержать решительную победу, которая выказала бы его в настоящем свете.

Генерал знал все это и потому сильно тревожился; условия, при которых он начинал кампанию, не походили ни на что виденное им до сих пор; он привык командовать большими массами в знакомой местности, привык иметь дело с опытными войсками; он передвигал их, как шашки, по знакомому полю; зная пути сообщения, реки, мосты, броды, нетрудно было составить план кампании.

В Канаде условия были совершенно иные; здесь не было путей сообщения, навигация была почти невозможна, на каждом шагу встречались быстрины; приходилось переходить через широкие реки, девственные леса, пустыни, где нельзя было найти провианта; война совершенно преображалась; необходимо было точное знание местности, а именно этого и недоставало генералу; таким образом, ему приходилось идти наудачу, полагаться на указания, часто ошибочные, которые давали лесные охотники иногда нарочно, а иногда по глупости; война была рядом

неожиданностей и мелких стычек, следовавших непрерывно одна за другой, пока решительный удар не закончит вдруг кампанию.

Эти невозможные условия, не похожие ни на что, делавшееся в Европе, сильно затруднили генерала, затруднили его более, чем он сам решался признать.

Ему необходимо было победить во что бы то ни стало; он знал это; его враги исподтишка радовались; они с нетерпением ожидали такого же поражения, какое потерпел барон Диеско, чтобы обвинить его и призвать обратно во Францию. Они работали во мраке, создавая препятствия на его пути; они не отступали даже перед изменой, лишь бы низвергнуть главнокомандующего, потому что решительная победа генерала повлекла бы за собой их гибель; их страх был велик; победив, генерал стал бы всемогущ; их грабительство обнаружилось бы, и они не избежали бы наказания.

Следовательно, представлялось два исхода: гибель Монкальма — в случае поражения, и его полновластие — в случае победы; интенданту и его сообщникам не оставалось никакой надежды. Таковы были разнообразные причины, заставлявшие главнокомандующего тревожиться об отсутствии Шарля Лебо, единственного из всех охотников, которому он вполне доверял.

Монкальм уже перестал надеяться на возвращение молодого человека; он думал, что тот умер или попал в плен, так как мысль об измене ни на минуту не приходила ему в голову; вдруг, в ту минуту, когда генерал ожидал всего менее, он, к своему несказанному удовольствию, увидал Шарля возле себя.

— Наконец-то! — воскликнул генерал с радостью.

— Ничего, генерал, время терпит, нам некуда спешить.

— Вы уверены в этом?

— Даю вам честное слово.

— Это хорошо, — возразил генерал, — но вы знаете индейскую поговорку, что у деревьев есть уши, а у листьев — глаза?

— Знаю, генерал.

— Хотите, я остановлю войска? Вокруг нас слишком много людей, мы не можем разговаривать свободно!

— Это правда, генерал, но лучше несколько стесниться, чем остановить движение колонны; нам еще остается пройти добрых две мили, и надо прийти вовремя.

— Пожалуй, будем говорить как придется; но мне кажется, я нашел средство... — сказал генерал, смеясь, так как вся его веселость вернулась к нему.

— Какое средство?

— Средство говорить, не стесняясь.

— Гм! Какое же это средство? — спросил Шарль, окидывая взглядом толпу, теснившуюся вокруг них.

— Средство весьма простое: нам стоит только говорить по-латыни, и наши спутники, правда, услышат нас, но не поймут ничего.

Охотник засмеялся:

— Ей-богу, генерал, превосходный способ; никто, кроме вас, не в состоянии выдумать чего-либо подобного.

— Вы лстец! — И он продолжал на языке Цицерона: — Теперь сообщите мне в подробности все происшедшее и особенно причины, задержавшие вас; я очень беспокоился и уже начал думать, что вы умерли или попали в плен.

— Право, генерал, вы сами виноваты немного, что я опоздал, — отвечал Шарль тоже по-латыни.

— Как это? Я пока еще не вижу...

— Позвольте мне объясниться, генерал.

— Говорите, я слушаю.

— Вы не знаете страны, где вам предстоит маневрировать.

— Это правда, — сказал Монкальм, вздыхая, — между всеми картами, так любезно доставленными вами, нет ни одного снимка с этой местности.

— Именно этот пробел я и хотел пополнить во что бы то ни стало.

— То есть как? — спросил генерал с напряжением.

— Так как карты не было, то оставался один способ добыть ее.

— Снять ее! — воскликнул генерал.

— И я сделал это.

— Как, вы сделали эту карту?! — в радостном удивлении вскричал Монкальм.

— Да, генерал; признаюсь, это было нелегкое дело.

— Вполне верю, — сказал Монкальм, сильно пожимая руку молодого охотника.

— Это потому, что карта, которую я сделал сегодня, не походит на другие карты.

— Как так?

— Вы сейчас поймете меня.

— Говорите, говорите, я не пророню ни слова.

— Карты, которые я имел удовольствие поднести вам, были сделаны для офицеров, весьма мало знакомых с местностью или вовсе незнакомых с ней.

— Я заметил, но это не умаляет их цены.

— Позвольте, генерал, в данном случае было совершенно иное дело; вы вовсе не знаете Канады?..

— К несчастью, это правда, но я надеюсь...

— Вот что я сделал: дело было серьезное, потому что вам приходилось маневрировать в местах, вам совершенно незнакомых; я решил снять подробный план со всей страны на десять миль в окружности; все отмечено с величайшим тщанием, я не забыл ни скалы, ни дерева; когда мы дойдем до озера, то изучим местность с картою в руках, и через четверть часа вы будете знать ваше поле действия так же хорошо, как я сам.

— На этот раз вы спасете мне честь, друг мой; без вас я бы погиб сегодня.

— Может быть; я не хочу, чтобы ваши друзья могли смеяться над нами.

— Благодарю, милый Шарль, — сказал генерал, тронутый.

— Еще одно слово, я вам сейчас доскажу все.

— Да, это самое лучшее, тогда я буду в состоянии судить сам.

— Отлично! Я хотел только сказать вам, что доставил охотника, который служит проводником английской армии, это дает нам возможность сделать все приготовления.

— Это жестокая шутка, — сказал Монкальм, — но на войне всякий старается пользоваться тем, что ему выгодно.

— И я думал так; этот охотник мой друг, и я позволяю себе просить вашей благосклонности для него.

— С этой минуты он может рассчитывать на меня, мой милый Шарль; где план?

— У меня в ягдташе, — отвечал охотник, улыбаясь.

— Хорошо, я думаю, что пока мы оставим этот разговор; гренадеры встрепнулись, лучше помолчим.

— Да, не дадим им возможности делать всегда неприятные догадки; пойдемте вперед.

— Видишь ли, *Золотая Пуговица*, — говорит один гренадер, — главнокомандующий говорит с Сурикэ на его родном языке.

— И все-таки ты ничего не понимаешь, — отвечал его товарищ, крутя ус, — я понял, что генерал говорит по-марсельски; кажется, большие господа в Версале не говорят ни на каком другом языке.

Солдаты расхохотались, и разговор на том и кончился.

Где положение становится затруднительным

Флибустьеры черепаших островов говорили, что за демаркационной линией не существует мира с испанцами, и поэтому нападали на них всюду, где могли.

Англичане приняли такую же систему относительно французов в Канаде; таким образом, война никогда не прекращалась; ни договоры, ни капитуляции не имели значения для них, разве только их собственная выгода требовала исполнения поставленных условий. Границы не существовали для англичан, они вторгались на французскую территорию, строили форты среди французских колоний и в случае нужды убивали французских парламентаров, посылаемых к ним для того, чтобы убедить их уважать французские границы.

Они действовали как настоящие флибустьеры, убивали мирных жителей Новой Франции и сжигали их жилища.

Дурная администрация колонии помогала англичанам насколько могла и всеми средствами.

Способ, которым набирались переселенцы в Новую Францию в царствование Людовика XV, делал американскую войну непопулярной, между тем как в Англии война встречалась всеми с сочувствием.

Вольтер даже не боялся писать, что целое столетие война идет в Канаде из-за нескольких акров льда.

Теперь стало известно, чего стоят эти несколько акров покрытые снегом и какие несметные сокровища в них заключаются.

Но англичане, мечтавшие о создании могущественного государства, равного по величине Индии, менее чем через двадцать лет после уступки Канады были жестоко наказаны за свое вероломство и грабительство.

Американцы ненавидели англичан, которых они знали лучше, чем кто-либо другой, так как были с ними одного и того же племени.

«Долг платежом красен»: американцы стремились к свободе, они не хотели переносить ни французского, ни английского ига, не чувствуя в себе достаточно силы, чтобы бороться со своей прежней родиной, они вели двойную игру; они заставили англичан вынимать каштаны из огня, и с их помощью освободились от французов, на которых смотрели как на непрошенных пришельцев.

Когда французы были изгнаны из Канады, американцы, не теряя времени, начали воздвигать батареи против англичан; они вступили в союз с Францией и с ее помощью принудили англичан признать независимость Новой Англии и постыдно сдаться.

Таким образом, американцы воспользовались помощью англичан, чтобы прогнать французов, а потом помощью Франции, чтобы прогнать англичан и остаться хозяевами громадной территории.

Игра была ведена тонко; много времени прошло, прежде чем все поняли эту маккиавеллиевскую интригу, — так искусно американцы умели лгать и притворяться. Несомненно, американцы любят только самих себя; теперь покрывало снято, и девиз Монро — «Америка — американцам» не оставляет более сомнения; но все-таки есть еще много людей с некоторым весом, которые, не зная ничего об Америке и ее политике, продолжают верить в дружбу Соединенных Штатов и говорят об их преданности Франции.

В предыдущей главе мы изложили план кампании, выработанный английским генералом, графом Лондона, который намеревался напасть на французов с четырех сторон.

Монкальм стремился не допустить исполнения этого плана.

Наступление французских войск велось так хорошо, что английская армия, еще не вышедшая с места своей стоянки, даже не знала о нем.

Все английские шпионы, заходившие за французскую

оборонительную линию, попадали в руки Тареа, воины которого беспощадно скальпировали и убивали их.

Между тем Монкальм в сопровождении одного только Шарля обогнал армию, с трудом пролагавшую себе дорогу по лесу, почти непроходимому, и болоту, куда ноги уходили по колено.

Главкомандующий направлялся к фронту *Карильон*, называемому англичанами *Тикондерога*, и прибыл туда без приключений; в Карильоне его вовсе не ожидали, но комендант весьма обрадовался его прибытию, так как его начинало тревожить одинокое положение, в котором он находился.

Не теряя ни минуты, генерал — все еще в сопровождении Шарля — отправился с картой в руках осматривать места, с которыми ему было необходимо познакомиться; не прошло и пяти дней, как Монкальм знал все окрестности как свои пять пальцев; карта, доставленная ему Шарлем, была сделана с замечательным старанием и терпением; на ней, как сказал охотник, было обозначено каждое дерево, каждая скала.

— Кончено! — воскликнул главнокомандующий на пятый день около семи часов вечера, опускаясь с наслаждением в мягкое кресло.

Генерал не щадил себя все это время, он все желал видеть сам, хотел во всем убедиться, так сказать, осязательно.

В военных делах нельзя забывать ничего, малейшее нерадение часто влечет за собой страшное несчастье; генерал знал это очень хорошо, поэтому он не решался ни на что, не приняв должных предосторожностей, часто слишком мелочных, но не мог наткнуться на неожиданность; у него, по его словам, лекарство всегда было готово.

Война без шпионов и разведчиков невозможна, генерал всегда должен знать, где неприятель и что он делает; битва, в сущности, не более как игра в шахматы; надо уметь пользоваться предоставляющимся удобным случаем; поэтому Монкальм, оставляя армию, имел секретное совещание с Бесследным, Белюмером и Тареа; он отправил их в разные стороны с приказанием приходить в Карильон, если будут новости, которые ему нужно знать.

— Теперь можно отдохнуть, — сказал генерал. — Работа кончена.

— Уже, генерал?

— Конечно, ваша карта сберегла мне много труда; слава Богу, мой план атаки готов. Когда прибудет армия, я созову военный совет, и мы двинемся вперед.

— Ого! Вы не теряете времени, генерал.

— Ничего не может быть выгоднее неожиданности; неприятель думает, что я еще в Квебеке. Явившись как снег на голову, я докажу ему противное; кстати, есть ли брод между фортом Освего и фортом Онтарио?

— Есть в начале лета, но теперь, в августе, вода по шею.

— Хорошо, все-таки перейдем; в случае нужды я пойду первым, главнокомандующий должен служить примером для солдат.

— Я не спору, но...

— Обед подан; пойдемте кушать, вы голодны, друг мой Шарль?

— Да, порядочно.

— Я умираю с голоду.

— Если так, пойдемте.

— Где сержант Ларутин?

— Сержант пошел обедать, — отвечал прислуживавший солдат.

— Спасительное занятие! — сказал генерал, смеясь. — Последуем и мы примеру сержанта; скажи ему, чтобы он тотчас привел ко мне охотника, как только тот придет, хотя бы то было ночью.

— Слушаюсь.

Генерал и Шарль с аппетитом принялись за обед.

— Кстати, — сказал генерал, любивший это выражение, — мне говорили о вас, друг мой Шарль.

— Обо мне, генерал?

— Да, и отзывались о вас весьма лестно.

— Это что-то фантастическое, — смеясь, отвечал молодой человек.

— Это говорила особа, принимающая в вас живейшее участие.

— Вы шутите?

— Нет, честное слово, я говорю совершенно серьезно.

— Кто же это, генерал?

— Угадайте.

— Я не знаю никого; вероятно, какой-нибудь охотник вроде меня.

- Вовсе нет, это была дама.
- Дама?..
- Да.
- Я знаю только одну даму: хозяйку Белюмера, и не думаю, чтобы вы говорили о ней.
- Вы скрытничаете со мной, вашим другом; это нехорошо.
- Уверяю вас, генерал...
- Не божитесь, попадетесь.
- Я?!
- Да; я имел разговор о вас в день выступления из Бельвю.
- Из Бельвю? — спросил Шарль, краснея.
- Генерал сделал вид, что не замечает.
- Я не понимаю, что вы хотите сказать, генерал.
- Будто бы?
- В самом деле.
- Одна прелестная особа; она, по ее словам, вам многим обязана.
- Я не знаю, кто это; разве только мадемуазель Марта де Прэль, придающая слишком большое значение пустячной услуге, которую мне удалось оказать ей; это сделал бы всякий на моем месте, и, может быть, еще больше...
- Я припоминаю, что, придя один раз в Квебек, вы были очень взволнованы и сообщили моему родственнику Меренвилю, что на его дом напали ирокезы и что мадемуазель де Прэль очень больна вследствие всего, что ей пришлось перенести.
- Да, совершенно так.
- Вот мы и добрались, — заметил генерал, улыбаясь.
- Нет, генерал, вы напрасно так предполагаете, после этого происшествия я видел эту девушку только издали и никогда не говорил с ней.
- Это странно.
- Почему?
- Потому что, говоря о вас...
- Что такого особенного она могла сказать обо мне?
- Ничего, но тон музыку делает, мой любезнейший друг.
- Я не понимаю...
- Право, от вас не скоро добьешься исповеди.
- Разве меня надо исповедовать? — спросил Шарль с несколько натянутой улыбкой.

— Лучше я повторю вам, что она сказала.

— Как вам будет угодно.

— Так вот как вы относитесь к дамам, беспокоящимся о вас!

— Я не понимаю, как могла беспокоиться обо мне эта дама, зная которую я не имею чести?

— А между тем это так; она остановила меня в минуту моего выступления из Бельвю и спросила, почему вас нет со мной.

— Весьма странно!

— Вовсе не так странно, как вам кажется. Я отвечал, что вы заняты исполнением данного вам поручения, и это успокоило ее; тогда она, краснея и запинаясь, сказала мне, что многим вам обязана, что вы спасли ей жизнь...

— Я?

— Я повторяю ее слова; она прибавила, что принимает в вас большое участие и будет радоваться...

— Я уже слышал это, генерал.

— И будет радоваться каждой вашей удаче, так как теперь вы не на своем месте...

— Я очень благодарен мадемуазель Марте...

— Подождите до конца, что еще будет.

— Слушаю...

— Я сказал ей, то есть этой барышне...

— Да.

— Я сказал ей, что повторю вам все, что слышал от нее; она отвечала мне, а сама покраснела — совершенно как вы в настоящую минуту...

— Я покраснел, генерал?

— Как рак, говоря попросту,

— И что же?

— А! Вы начинаете интересоваться?

— Мы с вами болтаем; не все ли равно в таком случае, о чем разговаривать.

— Гм! — улыбаясь, произнес генерал. — Тогда эта барышня сказала мне, что ей будет приятно, если я передам вам ее слова.

— Весьма любезно с ее стороны, что она вспомнила обо мне.

— Отлично, но, как я уже сказал вам, тон музыку делает.

— Это правда...

— Если бы вы слышали ее взволнованный голос, если

бы вы видели ее полные слез глаза, румянец на ее щеках, вы, конечно, убедились бы так же, как и я...

— В чем же, генерал?

— Ах, Боже мой! Да в том, что она вас любит! Вот наконец роковое слово произнесено.

Шарль Лебо страшно побледнел и нервно затрясся всем телом.

— Что с вами? Вам дурно? Или это от радости? Вы по-синели.

— Нет, это ничего, генерал, — отвечал Шарль прерывающимся голосом, осушая залпом стакан воды.

— Что было с вами, друг мой?

— Ничего, ровно ничего; я чуть было не умер.

— Чуть было не умерли?

— Да, генерал, вы нанесли мне страшный удар; сердце у меня так забилося, что я до сих пор еще не могу оправиться.

— Простите меня, я не имел дурного намерения.

— Я не обвиняю вас; я вполне верю в ваше расположение ко мне.

— Еще раз повторяю: я думал обрадовать вас, а вместо этого так огорчил... Вы, следовательно, любите другую?

— Я еще никогда не говорил о любви ни одной женщине.

— Но эта девушка вас любит, я уверен в этом, я понял это с первых ее слов; как вы могли остаться равнодушным?

— Я вовсе не равнодушен; может быть, несмотря на все мои усилия...

— Вы любите ее?

— Если бы так, то к чему может привести такая любовь?

— К вашему счастью, друг мой.

— Подобное счастье невозможно; я мечтал, создавал безумные планы, но осознал, хотя, к несчастью, поздно, что для меня нет надежды.

— Почему же, друг мой?

— По тысяче причин, генерал.

— Скажите хоть одну, серьезную.

— Это нетрудно; вместо счастья, которое вы сулите мне, я вижу в будущем только одно вечное несчастье.

— Вы заблуждаетесь.

— Я заблуждался слишком долго, но теперь стал умнее

и покорился; я родился под роковой звездой; я всегда страдал, всегда был несчастлив и теперь притерпелся.

— Это не причина, друг мой.

— Что я могу вам сказать? Я сам себя не понимаю. Что я такое? Охотник, праздношатающийся, одним словом, Сурикэ. Неужели вы думаете, что, если бы я попросил у графа руки его воспитанницы, он отнесся бы серьезно к моему предложению? Он засмеялся бы мне в лицо, а может быть, просто приказал бы своим лакеям выгнать меня.

— Вы ошибаетесь, друг мой; если бы граф, мой родственник, отказал вам в руке своей воспитанницы, — впрочем, предполагать это нет причины, так как вы не высказывались перед ним, — то он, во всяком случае, говорил бы с вами как человек лучшего общества с себе равным; я уверен, он не лишил бы вас своего расположения.

— Вы так думаете?

— Вполне уверен. Вы принадлежите к лучшему обществу, молоды, красивы, получили хорошее образование и умны от природы; что же желать еще? Ваша честность и добросовестность вошли в пословицу в колонии; какая семья не отдала бы вам с радостью своей дочери?

— Благодарю вас, генерал, за слишком лестное мнение обо мне; но вы смотрите только со своей точки зрения, вы забываете во мне охотника и видите только адвоката; не все разделяют ваш взгляд; лучше мне успокоиться; несчастье и я, мы старые знакомые.

— В ваших словах есть некоторая доля логики и правды, но я дал себе слово устроить ваше счастье; представляется случай услужить вам, я не премину им воспользоваться.

— Генерал, прошу вас...

— Дайте мне договорить; после вы можете высказать мне свои замечания, и мы обсудим их вместе.

— Хорошо, извольте говорить.

— Граф Меренвиль не только мой родственник, но вместе с тем друг.

— Не спорю, но...

— Вы уже прерываете меня? — сказал Монкальм, улыбаясь.

— Правда, извините меня.

— Не касаясь в разговоре ни вас, ни мадемуазель де Прэль, я постараюсь узнать образ мыслей моего двоюрод-

ного брата; граф человек вполне честный и весьма опытный; он самым деликатным образом выпросит свою воспитанницу; как бы она ни скрывала своих чувств, он угадает их; тогда, без сомнения, он поступит, как должен поступить честный человек; это нетрудно, не правда ли?

— Конечно, нет.

— Предоставьте мне устроить все.

— Так, как вы сказали, генерал...

— Конечно, главное, чтобы молодой девушке не было никаких неприятностей из-за всего этого.

— Да, именно так.

— В таком случае, вы принимаете?

— Если так, то предоставьте мне действовать, а когда придет время, тогда благодарите.

— Что бы ни случилось, генерал, я буду вам благодарен.

— Хорошо, мы поговорим об этом, когда мой план удастся...

— Да услышит вас Господь, генерал!

— Он услышит вас; кстати, в числе писем, полученных мною сегодня, есть объемистое письмо на ваше имя, из Франции, из Парижа; я вам передам его сию минуту. Уже поздно, не собираетесь ли вы спать? Я очень устал, и мне недурно будет уснуть на несколько часов.

— Действительно, отдых вам необходим после такого утомительного дня.

— Вы не последуете моему примеру?

— Нет еще, генерал, я не могу быть спокоен, не обойдя еще раз крепость; это старая охотничья привычка; от этого я только буду крепче спать.

Генерал тонко улыбнулся: по его мнению, этот обход был только предлогом, выдуманным молодым человеком, чтобы несколько успокоиться.

— Может быть, вы правы, — сказал он. — Мы уснем спокойнее, зная, что кругом все обстоит благополучно; ступайте же, вернувшись, вы найдете письмо у себя на столике.

— Благодарю вас, спокойной ночи.

— Я, вероятно, просплю без просыпу до утра, глаза у меня слипаются; лишь бы меня не подняли ночью.

— Этого, кажется, не будет.

— Дай Бог! Прощайте же, желаю вам приятной прогулки.

— Спите хорошо, генерал.

Они дружески пожали друг другу руки. Генерал пошел к себе в спальню, а Шарль Лебо, взяв оружие и осмотрев его, вышел из форта; через пять минут он уже достиг девственного леса.

Уединение действует на душу человека, оно дает ему среди тишины таинственные советы.

После испытанного потрясения Шарлю Лебо необходимо было освежиться и привести в порядок свои мысли, в которых царствовал полнейший хаос; генерал не ошибся, он понял, что молодой человек выдумал обход, чтобы двух- или трехчасовой прогулкой успокоить свои нервы после разговора, во время которого волнение чуть не кончилось разрывом сердца.

Ночь была великолепная; сверкающие звезды усыпали темно-синее небо; синевато-белые лучи молодого месяца заливали пейзаж; вокруг молодого человека царствовала полная тишина; все спало.

Шарль Лебо чувствовал, что спокойствие возвращается к нему и мало-помалу заступает место хаоса, наполнявшего его душу; самообладание возвращалось к нему, и вместе с тем возвращалось хладнокровие, оставлявшее его только в случаях исключительных, вроде происшедшего с ним в этот вечер.

Теперь, когда рассудок занял место страсти, не допускавшей рассуждений, молодой человек совершенно иначе взглянул на свое положение. Теперь он сознавал, что Монкальмом руководят самые лучшие побуждения и что он говорил, как добрый человек и искренний друг; Шарль отдавал ему полную справедливость и признавал, что его намерения были самые похвальные и что он имел в виду его пользу.

Все глубже и глубже погружаясь в свои мысли, охотник задумчиво шел по берегу реки. Он вспоминал и восстанавливал в памяти весь разговор, важность которого для его будущего счастья становилась ему все яснее. Он не обманывал себя надеждами, несбыточными в настоящую минуту, но дела могли принять другой оборот и тогда...

Предаваясь таким образом своим мыслям, охотник в то же время оставался верен своим привычкам обитателя лесов; он действовал несколько машинально, но никогда еще, быть может, он не наблюдал так внимательно все окружающее; ничто не ускользало от него.

Прошло более трех часов, как молодой человек вышел из крепости; энергия и обычное спокойствие вернулись к нему; он вышел, наконец, победителем из нравственной борьбы, принесшей ему столько страданий. Было около полуночи, и Шарль Лебо уже думал вернуться в Карильон, как внезапно послышавшийся шум заставил его вздрогнуть. Молодой человек поспешно спрятался за куст.

Слышанный шум доносился с реки; Шарль тотчас же определил причину этого шума, нарушившего его мечты; то был стук весла, упавшего в пирогу. Охотник задавал себе вопрос, кто мог быть этот любитель ночных прогулок, когда увидел человека, высадившегося из лодки и направлявшегося к лесу.

Незнакомец был высокого роста и атлетического сложения; он был одет в костюм ирокеза и татуирован, как воин.

— Это краснокожий, — проговорил охотник, но почти тотчас же поправился: — Нет, я ошибся, этот мнимый краснокожий — белый, переодетый индейцем; индейцы не ходят так, у них совершенно другая походка, и они никогда не забывают принимать предосторожности, идя по вольной дороге; вероятно, английский шпион; это начинает занимать меня, какого черта ему надо здесь в такое время!

Белый или краснокожий, кто бы он ни был, вероятно, заметил, что ему следует продвигаться вперед с большей осторожностью; он почти тотчас скрылся за густым кустарником.

Между его появлением и исчезновением прошло не более пяти минут.

Без сомнения, шпион — иначе кем же мог быть этот человек — заметил что-нибудь: он более не показывался.

Положение становилось затруднительным, эта игра в прятки могла бы продолжаться долго без всяких результатов; охотник решил ускорить развязку.

Шарль Лебо быстро принимал решения; он устремил взгляд на чащу, в которой скрылся индеец, и не сводил глаз.

Таким образом прошло десять минут.

Долгое ожидание начало утомлять молодого человека; он намеревался прибегнуть к какой-нибудь решительной мере, когда индеец, убедившись, вероятно, в неосновательности своих подозрений, вдруг снова появился, но на этот раз он шел чрезвычайно осторожно, прячась за каждым деревом, за каждой группой кустов.

Незнакомец был на расстоянии ружейного выстрела от охотника; последнему ничего не стоило пустить ему пулю в голову, но Шарлю было противно убить человека из засады, не дав ему возможности защищаться, тем более что охотник был убежден, что имеет дело не с индейцем, но с таким же белым, как он сам; он решился предупредить его о своем присутствии; в таком случае, думал он, это уже не будет убийство, но поединок, может быть, и не по правилам, но, во всяком случае, вполне честный.

— Кто здесь? — крикнул охотник угрожающим голосом.

— Что? — отвечал незнакомец, застигнутый врасплох. «Это француз», — подумал охотник.

Индеец одним прыжком скрылся в чаще.

— Сдавайся! — закричал охотник.

Незнакомец не отвечал и притаился.

— Так вот как! — воскликнул Шарль, начиная сердиться. — Берегись, будешь сам виноват!

Он прицелился и выстрелил наудачу.

Незнакомец выскочил из чащи.

— Сдавайся! — закричал охотник.

— Вот мой ответ, — возразил незнакомец, стреляя, но его пуля засела в стволе дерева.

— Сам будешь виноват, — сухо проговорил молодой человек.

Он выстрелил из пистолета в своего противника в то самое время, когда тот, считая Шарля обезоруженным, спешил в чащу, чтобы снова зарядить ружье.

Выстрел из пистолета уложил его.

Шарль бросился на своего врага с поднятым прикладом.

— Не стоит труда добивать меня, — с усмешкой проговорил незнакомец, — в меня попали две пули.

— Голос мне знаком... — сказал охотник.

— Да, да, — отвечал раненый все еще насмешливо, — подойдите поближе, вы меня тогда узнаете.

Шарль, не подозревая никакого злого умысла, наклонился, но незнакомец, пользуясь последним случаем, схватил Шарля за блузу и, притянув его к себе, выхватил нож.

— Умри, собака! — воскликнул он, стараясь воткнуть ему нож в грудь.

Но охотник схватил его за руку, сжал ее как в тисках, отнял нож и бросил его в кусты.

Раненый упал в изнеможении, хрипя в предсмертной агонии.

— Почему вы так ненавидите меня, г-н Курбюиссон? Я не сделал вам ничего, кроме добра.

— А! Вы узнали меня наконец, г-н Лебо?

— Да, и тем более уверен, что между нами недоразумение.

— Вы ошибаетесь, г-н Лебо, недоразумения нет никакого.

— Вы меня искали здесь?

— Именно вас.

— Чтобы убить меня?

— Да, чтобы убить.

— Вы меня ненавидите?

— Вовсе нет.

— В таком случае, я вас не понимаю.

— Весьма вероятно, — отвечал умирающий с мрачным смехом.

Он, казалось, старался в продолжение нескольких минут вспомнить по порядку все происшедшее.

Охотник грустно смотрел на него.

— Выслушайте меня, г-н Лебо, — сказал Курбюиссон глухим голосом, — вы убили меня, через несколько минут я умру...

— Вы молоды, — перебил его охотник, — в ваши годы природа...

— Не пытайтесь утешить меня, я умру, еще раз повторяю вам, пули попали туда, куда назначались; не станем терять драгоценного времени, мне надо сообщить вам вещи, весьма важные для вас.

— Если вы этого требуете, то говорите, я слушаю вас.

— Я вовсе не ненавижу вас, напротив, я всегда сохранял искреннейшую благодарность за услуги, оказанные вами мне, но бедность — плохая советчица; за что я ни брался, ничто не удавалось мне, все мои усилия были тщетны, часто мне по два и по три дня не приходилось иметь куска во рту, один Бог знает, что я вытерпел; надеялись, что я буду гордостью своей семьи, я стал позором для нее. На днях я встретился с одним человеком, которого знал, когда был еще богат; этот дьявол-искуситель справился о моем положении, я признался ему во всем, что выстрадал и что терплю в настоящую минуту, этот человек предложил мне пятьсот луидоров — целое состо-

яние для умирающего с голоду нищего — и ставил только одно условие.

— Мою смерть, не так ли? — с горечью спросил охотник.

— Да, — сдавленным голосом отвечал умирающий, — я долго противился, клянусь вам...

— Я верю вам.

— Он пересыпал золотые перед моими глазами, вид их опьянял меня, я сходил с ума; остальное вам известно!

— Кто же этот человек?

— Граф Рене де Витре.

— Негодай!

— Действительно негодай, но это еще не все; нагнитесь ко мне поближе, кровь душит меня, я говорю с трудом.

Несчастный действительно весь посинел, холодный пот выступил у него на лбу, взор его блуждал, на губах выступила кровавая пена; с трудом можно было разобрать, что он говорил.

Шарль Лебо нагнулся к нему. Курбюиссон продолжал прерывающимся голосом:

— Он заплатил не за одну вашу смерть; кроме вас, мадам де... де...

Он испустил раздирающий душу крик, дрожь пробежала по телу, он привскочил, упал лицом вниз и не двигался больше.

Он умер.

Охотник осмотрел тело, чтобы убедиться, что Курбюиссон уже не дышит; в этом не оставалось сомнения.

— Бедняга! — философски заметил охотник. — Жизнь его была дурная, а конец еще хуже; но что он хотел сказать? Ему следовало бы прожить еще несколько минут... И вы, г-н де Витре, берегитесь!

Шарль обыскал карманы у мертвого и нашел в них засаленный бумажник, набитый бумагами, и несколько золотых — остаток от пятисот.

— Они помешают ему всплыть наверх, — сказал Шарль, опуская золото обратно в карман покойника.

Он поднял тело и бросил его в реку.

Так как было уже поздно, Шарль поспешил вернуться в крепость.

— Что видели нового во время своей долгой прогулки? — спросил Ларутин.

— Ничего, — лаконично ответил охотник.

Где вполне обрисовывается фигура Сурикэ

На другое утро, часов около шести, Монкальм гулял по гласису крепости, укрепления которой, пользуясь досугом, он приводил в порядок и усиливал.

Когда придет время, мы подробнее поговорим об этой крепости.

За неимением лучшего собеседника, генерал расспрашивал сержанта Ларутина, к которому он всегда относился с известным уважением.

Машинально оглядываясь по сторонам, генерал увидел Шарля Лебо, спокойно выходявшего из кустарника.

Охотник казался озабоченным, он шел медленно и опустив голову; по временам он останавливался, близко наклонялся к земле и несколько минут оставался в таком положении, несколько раз он возвращался по своим следам, потом — да извинит нас читатель за сравнение — как хорошо дрессированная собака старался чутьем найти следы дичи.

— Я думал, что г-н Лебо еще спит, он, вероятно, не рано вернулся с обхода?

— Очень поздно.

— И теперь уже встал?

— Да, уже давно; наш Сурикэ чуток, как мышь, он спит одним глазом...

— А! — сказал генерал, внимание которого было обращено в другую сторону.

— Когда надо делать дело, у него никому нет спуска...

Способ выражения сержанта часто смешил Монкальма, но на этот раз главнокомандующий даже не улыбнулся.

— Ну, что нового, друг Шарль? — спросил генерал, когда охотник подошел ближе.

— Новостей довольно; имею честь кланяться, — отвечал Шарль Лебо. — Как вы спали?

— Отлично, благодарю вас, — сказал генерал, протягивая охотнику руку, которую тот пожал. — Вы кажетесь озабоченным; что случилось сегодня утром?

— Случилось не утром, а ночью; признаюсь вам, я окончательно сбит с толку, я открыл следы, для меня совершенно непонятные.

— Как это? Объясните ваши опасения; может быть, нам удастся добраться до истины.

— Сомневаюсь, генерал.

— Все равно расскажите все по порядку.

— Во-первых, меня чуть было не убили...

— Как это чуть было не убили?

— Да, чуть было не застрелил француз, переодетый ирокезом.

— Это важно.

Охотник со всеми подробностями рассказал о своей встрече с Курбюиссоном.

— Это обстоятельство надо выяснить как можно скорее, — сказал генерал, нахмурясь, — вы говорите, что граф де Витре замешан в этом деле!

— Это сказал не я, а Курбюиссон, умирая.

— Да, помню; граф де Витре пользуется весьма плохой репутацией, говорят, он игрок, но от страсти к картам до приказа убить человека еще далеко, разве у вас были с ним какие-нибудь неприятности до отъезда из Франции?

— Нет, не во Франции, но здесь, в колонии, у меня с ним была дуэль, и он спасся только чудом.

— Я помню эту ссору; граф, кажется, оскорбил даму.

— Да, мадемуазель де Прэль.

— И граф из-за этого нанимает людей, чтобы убить вас!

— По-видимому, так.

— Вот отлично! Если нам удастся уличить его в замышленном убийстве, я его прогоню из форта; подобные поступки гнусны, де Витре дворянин, принадлежащий к одной из лучших фамилий Франции, я отнесусь к нему без всякого сожаления, клянусь вам.

— Нет, генерал, прошу вас, предоставьте мне самому свести счеты с графом.

— Что вы вздумали? У этого человека нет чести...

— Прошу вас...

— Увидим. Курбюиссон не сказал вам имени дамы?..

— Смерть заставила его замолчать.

— Вы говорите, с ним были бумаги?

— Да, генерал.

— Мы просмотрим их вместе.

— Когда вам будет угодно.

— Теперь скажите мне, что вас тревожило.

— Может быть, это пустяки, генерал, но меня всегда озабочивает то, что не кажется мне вполне ясным.

— И меня также, ничто не может быть неприятнее неразгаданной загадки.

— Именно в таком положении я нахожусь теперь, разгадки нет; я готов лбом колотиться об стену.

— Это плохой способ помочь делу, — заметил генерал, смеясь.

— Правда, это не принесло бы пользы; вот в кратких словах причина моего беспокойства: я наткнулся на след гуронов, шедших с севера к Луизиане; индейцы были близко от крепости, казалось, они хотели было войти в город, но потом передумали и, продолжая свой путь, углубились в леса.

— Что же такое! Вероятно, наш друг Тареа проходил мимо нас и вздумал было зайти к нам в гости.

— Я сначала подумал то же самое, но вскоре убедился в неосновательности подобного предположения.

— Почему? Объяснитесь...

— Очень просто, генерал: во-первых, я не открыл следов Тареа, которые знаю уже давно; кроме того, вождь идет на войну, следовательно, с ним нет женщин.

— А с теми индейцами, о которых вы говорили, были женщины?

— Да, была, по крайней мере одна женщина, я нашел ее следы; и что еще более удивительно, эту женщину можно принять за белую; хотя на ней такая же обувь, как на индейках, эта женщина ходит совершенно иначе.

— В самом деле, странно, вы не ошиблись?

— Нет, ошибиться невозможно, генерал.

— Вам лучше, знать. Вы думаете, эти индейцы — враги?

- Нет, не думаю; они просто кочуют.
- В таком случае нам нечего бояться их.
- Вовсе нечего. Я, впрочем, буду настороже.
- Теперь пойдемте завтракать.

Они вернулись в крепость, где их ждал завтрак, и сели за стол.

— Вы прочли свое письмо?

— Я его не получал, генерал.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Монкальм, ударяя себя по лбу. — Я совершенно забыл о нем; я передам его вам сейчас же после завтрака.

— Дело не спешное, — сказал Шарль, улыбаясь, — отец мой пишет мне редко, а когда пишет, то повторяет постоянно одно и то же; следовательно, я наперед знаю содержание его послания.

— Это приятно; знаешь, по крайней мере, как поступать.

Генерал и молодой человек окончили завтрак и принялись за десерт, когда в столовую вошел сержант Ларутин.

— Что нового, Ларутин? — спросил генерал.

— Комендант форта приказал мне сказать, доложить вам, что авангард виднеется вдали, среди облака серой пыли.

— Очень хорошо, — сказал генерал, — войско еще настолько далеко, что мы успеем напиться кофе.

— Совершенно справедливо.

— Прикажи подать нам его, а сам ступай наблюдать за приближением колонны.

— Буду стоять смирно, без сравнения, как версальские монументы на своих кривых ногах.

— Хорошо, ступай.

— Слушаю, — ответил сержант и вышел, убежденный в том, что говорит самым изысканным языком версальских щеголей.

Через десять минут генерал встал и отправился вместе с Шарлем на крепостной вал.

— Теперь нам уже нечего опасаться какой-нибудь неожиданности, — сказал Шарль.

— Почему? — спросил генерал.

— Теперь по всему лесу рассеяны наши дикари.

— Вы их видите?

— Нет, но угадываю их присутствие по запаху, — отвечал охотник, смеясь.

— Их можно узнать издалека, — сказал генерал.

— Да, они предпочитают медвежий жир мускусу.

Авангард был уже не далее ружейного выстрела, барабанщики били дробь; тамбурины и флейты не отставали; в результате получался страшный шум.

— Чего не сделаешь с этими молодцами, — сказал генерал. — Будь у меня их не несколько человек, а двадцать пять тысяч, я бы всех англичан побросал в море.

— Да, молодцы ребята, — с убеждением подтвердил Шарль.

Впереди авангарда выступали Бесследный и Мишель Белюмер, служившие армии проводниками.

— Спустимся и пойдем навстречу друзьям.

В нескольких шагах от гласиса авангард остановился.

— Пароль! — крикнул генерал.

— Франция! — отвечал Бугенвиль, в то время капитан сухопутного войска, а впоследствии один из знаменитейших моряков французского флота.

— Какой полк? — продолжал генерал.

— Армия Новой Франции на пути к славе, — отвечал Бугенвиль.

— Милости просим, господа; вас ожидают с нетерпением.

— Да здравствует генерал! — закричали в один голос солдаты.

Войска были размещены в укрепленном лагере, приготовленном для них.

Офицеры пришли к генералу, и шевалье де Леви, которому главнокомандующий поручил начальство над армией, прочел свой рапорт.

Все обстояло благополучно, солдаты и милиционеры были полны ревности, гуроны отлично исполняли обязанности разведчиков, несколько английских шпионов было поймано и убито; подвигались вперед медленно, потому что солдаты должны были пролагать себе дорогу с топором в руках; быстрины и пороги задерживали марш, так как военные запасы и провиант приходилось постоянно разгружать и снова нагружать. Бесследный и Белюмер чрезвычайно искусно провели колонну по самому кратчайшему пути; оба вождя отлучились на некоторое время для исполнения поручения, данного им главнокомандующим.

В этом месте рапорта генерал тонко улыбнулся.

Вместо себя Бесследный оставил весьма искусного проводника, который отлично вел армию.

Дикари, находившиеся под начальством Тареа, прекрасно выполняли свою обязанность разведчиков.

— Итак, все идет хорошо! — сказал генерал.

— Как нельзя лучше.

— Вас ожидали с нетерпением, теперь можно открыть действия.

— Когда вам будет угодно; мы готовы, я даже прибавлю, что чем скорее, тем лучше.

— Я не заставляю вас терять времени, мой план готов, и с Божьей помощью мы выполним его, разобьем этих тщеславных островитян, воображающих, что мы испугаемся их многочисленности; сегодня вечером, любезнейший бригадир, вы созываете в девять часов военный совет, а завтра мы выступаем.

— Вот и отлично, генерал; эта весть приведет войска в восторг.

Ровно в девять часов члены военного совета были в сборе; генерал сообщил присутствующим составленный им план кампании и спросил их мнение; совет единогласно одобрил меры, принятые главнокомандующим.

Выступление было назначено на четыре часа утра, идти было велено быстро и, главное, в полном молчании, чтобы застигнуть неприятеля врасплох.

Вот меры, которые генерал принял, покидая Канаду.

Общий план операций французской армии в войне 1756 года был очень прост: держаться в оборонительном положении, сделать несколько переходов и овладеть фортом Шуежен, называемым также Освего.

В Карильоне был устроен лагерь, чтобы оттуда наблюдать за англичанами и сдерживать английскую армию, которая должна была выйти из форта Эдуарда и направиться к озеру Чамплен. Чтобы обмануть неприятеля, Монкальм, перед отправлением в форт Фронтенак, оставил в Карильоне Леви с тремя тысячами против восьми тысяч графа Лондона.

Леви делал частые вылазки и, казалось, был постоянно готов перейти к серьезному наступлению; он не давал англичанам ни минуты отдыха; французы были в постоянном движении и часто рассыпались в разные стороны.

Англичане не могли никуда двинуться, не чувствуя французов за собой.

Англичане были так заняты этими маневрами, находились под таким неотступным надзором, что не имели воз-

возможности ни предпринять что-либо против Леви, ни послать подкрепление в форт Шуежен.

Между тем как Леви дразнил таким образом англичан, Монкальм шел из Фронтенака в Шуежен.

По приказанию главнокомандующего граф Меренвиль составил в Фронтенаке трехтысячный корпус из солдат, милиционеров и гуронов; главное назначение этого корпуса было заставить врасплох Шуежен.

Если бы удалось взять эту неровную позицию англичан, их таким образом отодвинули бы к бассейну Гудзона, что было бы чрезвычайно выгодно для Новой Франции.

Укрепления Шуежен состояли из фортов Освего, Онтарио и Св. Георгия.

Американские крепости вовсе не походили на европейские.

Они были первоначально выстроены для защиты от краснокожих и для предупреждения их вторжений в плантации, города и селения колонии.

Эти форты были по необходимости плохо выстроены и дурно расположены; окрестные высоты господствовали над ними; стены имели всего два фута толщины, не было ни рвов, ни закрытых ходов.

Подобных укреплений было достаточно, когда приходилось иметь дело с краснокожими или с войсками без артиллерии, но в настоящее время значительные силы англичан и их артиллерия заставляли совершенно изменить систему, которой придерживались до тех пор, и повести иначе оборону границ.

Тремя вышеозначенными фортами командовал заслуженный английский полковник Мерсер; под его начальством было тысяча восемьсот человек.

Французы переправились через Онтарио 10 августа 1756 года и высадились в полумиле от форта Онтарио.

Полковник Бурламак, которому было поручено ведение осады, не терял ни минуты и смело заложил траншею в восьмидесяти саженьях от крепости.

Нападение было так неожиданно, что англичане продержались всего три дня и 13 августа принуждены были поспешно очистить форт Онтарио, который был немедленно занят французскими войсками под начальством Бурламака.

Кампания открылась прекрасно; солдаты горели воинственным жаром.

Но главное все еще оставалось впереди.

Главнокомандующий разговаривал с некоторыми из высших офицеров о перипетиях ожесточенной борьбы, которую в продолжении трех дней, не останавливаясь ни на минуту, с одинаковым упорством, но не одинаковым счастьем, вели между собой исконные враги — французы и англичане, когда в комнату вошел Шарль Лебо; он думал, что застанет главнокомандующего одного; остановившись на пороге, молодой человек сделал движение, как бы собираясь уйти.

— Что вы делаете, черт возьми! — закричал генерал. — Вы уходите в ту самую минуту, когда я собирался послать за вами; вы здесь, во всяком случае, не лишний; все эти господа знают вас и уважают.

— Конечно, вы свой между нами, — поспешно сказал Меренвиль.

— Слишком много чести для меня, граф.

— Не скромничайте, — сказал генерал, смеясь, — что вы собирались сообщить мне?

— Я пришел передать вам известие, которое, я уверен, огорчит вас.

— Что такое? Скажите скорей!

— Полковник Мерсер убит наповал при последнем приступе на Онтарио.

— Вы не могли принести более грустного известия, полковник Мерсер был храбрый, заслуженный офицер; о его смерти будут очень жалеть в Англии. Где он? Надеюсь, его тело не оставили на месте битвы?

— Нет, генерал, я стоял рядом с ним, когда его убили; я завернул его в английское знамя и велел четырем гренадерам перенести его в квартиру, которую он занимал в Онтарио, когда командовал фортом.

— Благодарю вас за ваше распоряжение; по окончании всего мы похороним полковника, как он того достоин; вы, говорят, дрались как дьявол.

— Я исполнял долг француза и солдата, генерал.

— Вот странный адвокат парижского суда; не скоро найдешь второго такого, как вы.

— Что делать, генерал, здесь понимают только язык ружья; я делаю так же, как другие.

— И часто лучше других, — ласково сказал генерал. — Кстати, я вспомнил: мне надо было о чем-то попросить вас.

— О чем же?

— Мне хотелось бы, чтобы вы удостоверились, проходим ли брод, о котором мы говорили.

— Я уже сделал это и именно по этому поводу пришел поговорить с вами...

— Говорите, но прежде всего выпейте глоток пунша; чокнитесь со мной и с этими господами.

— С величайшим удовольствием.

— Хорошо; теперь мы вас слушаем.

— Когда форт Онтарио был очищен от неприятеля, мне пришлось в голову осмотреть брод; он слишком глубокий, вода стоит высоко, но канадцы и гуроны — те и другие хорошие пловцы — совершают переход шутя, особенно если поведу я, вполне знающий дорогу.

— Я полковник милиции и, с разрешения главнокомандующего, пойду за вами, г-н Лебо, вместе с моими кандцами.

— Позвольте ему договорить до конца, кузен; я знаю его и думаю, что он сберег нам под конец какой-нибудь сюрприз, какой он один в состоянии придумать.

— Весьма возможно, генерал, — сказал Шарль с тонкой улыбкой.

— Продолжай же, мой друг.

— Благополучно перебравшись на другую сторону, я вздумал осмотреть окрестности фортов Освего и Св. Георгия; смеркалось, англичанам было не до того, я был слишком далеко, чтобы меня могли видеть; я заметил, что над обоими фортами господствуют высоты, которые при соблюдении некоторых предосторожностей легко было бы занять ночью; здесь можно было бы установить батарею и открыть из нее огонь в удобную минуту.

— Какого вы мнения об этом плане? — спросил главнокомандующий, обращаясь к Бурламаку.

— План г-на Лебо приводит меня в восторг, он истинный стратег; многим офицерам, состарившимся под ружьем, далеко до него; позвольте вашу руку, молодой человек, я буду счастлив пожать ее.

Полковник и охотник обменялись горячим рукопожатием.

— Но как переправить артиллерию? — спросил генерал. — Нам необходимо по крайней мере двенадцать орудий для успешной бомбардировки обоих фортов.

— Не беспокойтесь об этом, генерал; орудия можно пе-

ревети на пирогах; предоставьте это мне; мы взберемся на высоту сзади, чтобы нас не видали.

— Отлично, вы все обдумали.

— Сколько канониров берете вы с собой?

— По четыре для каждого орудия; но не беспокойтесь, все они плавают, как тюлени.

— В таком случае все обойдется прекрасно; луна заходит в половине двенадцатого и, если вам угодно, генерал, мы выступаем в полночь, это даст нам возможность поставить орудия в лодки.

— Итак, вы решились попытать счастья? — спросил генерал, улыбаясь.

— Конечно; г-н Лебо предлагает вам быструю победу, возможность сразу уничтожить неприятеля.

— Я знаю это, — сказал главнокомандующий, пожмая руку молодого человека, — но наши счета не сведены, и я надеюсь расплатиться с нашим другом к его удовольствию, — прибавил он с загадочной улыбкой, понятной одному только Лебо.

— Когда же мы выступим? — спросил Меренвиль.

— В четыре часа утра я буду готов к вашим услугам.

— Хорошо.

— Только с разрешения главнокомандующего я возьму с собой гуронов, они пойдут впереди, будут наблюдать за англичанами и помогут установить батарею.

— Все обдумано, я отвечаю за успех, — сказал полковник, потирая руки.

— Я буду иметь честь сопровождать вас, господа; вероятно, у моего друга найдется пирог для меня.

— Пирог достаточно, генерал; разве вы забыли, что комендант Фронтенало должен завтра утром прислать пироги, которые вы велели собрать несколько дней тому назад; да и здесь у нас пирог достаточно для переправы более полутора тысяч человек.

— Это верно, я не хочу задерживать вас долее, господа; каждому из вас предстоит еще много дела сегодня ночью; прощайте, желаю вам успеха; Лебо, останьтесь, мне надо сказать вам несколько слов.

— К вашим услугам, генерал.

Офицеры простились и разошлись.

Оставшись наедине с охотником, главнокомандующий сказал ему самым ласковым тоном.

— Я, право, не знаю, как смотреть на вас; вы странный

человек; вы все знаете, все угадываете, умеете вести войну лучше нас всех; полковник Бурламак сказал совершенно справедливо, что честь победы будет принадлежать вам.

— Вы смеетесь надо мной, генерал; я не более как простой охотник.

— Рассказывайте... знаем мы вас! Я вас люблю с каждым днем больше; поцелуйте меня и всегда рассчитывайте на меня, как на самого преданного друга. Обещаю вам устроить ваше счастье.

— Вы слишком добры, генерал, вы меня балуете.

— Та-та-та! — нараспев произнес генерал. — Увидите, что мой план удастся; кстати, надо же наконец передать вам ваше письмо.

— Сохраните его у себя до нашего возвращения в Квебек; на что оно мне теперь, мне даже некогда будет прочесть его.

— Да, правда, у вас есть другие заботы, особенно теперь; однако покойной ночи, желаю вам удачи.

— Приложу все свое старание.

— В таком случае я спокоен. И так, до завтра.

— До завтра, генерал.

Пожав друг другу руки, генерал и охотник расстались.

Шарль Лебо тотчас же отправился отыскивать Бесследного и Тареа, с которыми ему необходимо было переговорить для устранения всяких недоразумений, тем более, что надо было спешить.

Оставалось не более двух часов для того, чтобы сделать все распоряжения и установить орудия в пироги, а это было нелегким делом; к счастью, канониры привыкли к подобным переправам и умели взяться за дело.

Ровно в полночь Шарль Лебо был на своем посту вместе с полковником Бурламаком.

Все было в порядке, и люди готовы к выступлению.

— Вот и я, — сказал охотник полковнику, — мы выступим, когда вам будет угодно.

— Выступим сейчас, если вы ничего не имеете против этого.

— Ровно ничего; я попрошу у вас только позволения передать ваши приказания краснокожим и канадцам в лодках таким способом, который не мог бы возбудить подозрения англичан, хотя бы они и услышали мой голос.

— Поступайте как заблагорассудится, — сказал пол-

ковник, спускаясь в одну из пирог, — теперь нас ничто не удерживает; канониры у своих орудий, я предпочел иметь их под рукой.

— Действительно, это лучше.

Несмотря на непроницаемый мрак, царствовавший в эту минуту, Шарль, казалось, видел так же хорошо, как днем; он бросил взгляд вокруг себя и, подражая в совершенстве крику шакала, бросился в воду; краснокожие, ожидавшие только этого сигнала, тотчас последовали примеру охотника.

Не слышно было ни малейшего шума; на реке царствовала полная тишина, только изредка нарушаемая пронзительным криком совы, песка или бурого медведя.

Сурикэ плыл впереди, показывая дорогу и препятствия, которые надо было избежать; все было отлично устроено, чтобы не возбудить опасений неприятеля; действительно, англичане ничего не подозревали, тем более что крики животных раздавались вокруг них каждую ночь и они привыкли к ним.

Переправа вплавь продолжалась пять часов; правда, пришлось сделать большой крюк, чтобы не быть замеченным из фортов.

Возвышенность была такова, какую описал ее Шарль Лебо; полковник Бурламак сиял и приказал тотчас же приступить к работам.

Видя всех за делом, охотник простился с полковником, пожавшим ему руку, и вернулся в форт Онтарио, оставив в Освего Бесследного и Тареа.

Граф Меренвиль и его милиционеры не заставили себя ждать.

На этот раз предстояло трудное и опасное дело; надо было переправиться через реку и силой прервать сообщение между фортами Освего и Св. Георгия; день занимался, пловцов нельзя было не заметить, но переправа была невелика, и решено было направиться прямо к фортам.

Граф Меренвиль дал знак, и солдаты храбро пошли в воду; единственною возможною предосторожностью было сохранение глубокого молчания.

Как и в первый раз, Сурикэ плыл впереди, но не удалялся от графа, за которым наблюдал неотступно, зная, что граф плохо плавает. Меренвиль мог бы сесть в пирог, но он желал дать пример своим милиционерам. В продолжение двух третей пути все шло благополучно, но по-

том граф начал утомляться; охотник, не спускавший глаз с графа, быстро подплыл к нему и принудил его опереться о свое плечо, что значительно помогло Меренвилю, уже изнемогавшему от усталости.

— Оставьте меня, — сказал Меренвиль, — я утомляю вас и не в силах далее плыть, оставьте меня!

— Что вы! — энергично воскликнул Шарль. — Мы спасемся или умрем вместе. Мужайтесь!

— Мужества у меня довольно, но сил не хватает, — отвечал Меренвиль.

— Мужайтесь, — снова повторил молодой человек, — еще десять минут, и мы на берегу.

Но силы покидали графа, он дышал прерывисто, ничего не видел и не слышал. Еще несколько минут, и граф погиб бы.

— Нет, ей-богу! Я спасу его во что бы то ни стало! — вскричал молодой человек.

Он нырнул под графа и взвалил его к себе на плечи; совершенно машинально, инстинктивным движением граф, уже потерявший сознание, ухватился за длинные волосы охотника и держался за них с ужасающей энергией.

— Ну, слава Богу! — радостно сказал охотник. — Он спасен. Я доплыву с ним так до Луисбурга.

Случай помог молодому человеку: голова графа находилась вне воды, сознание мало-помалу вернулось к нему. Он начал понимать происходившее вокруг него. Таким образом Меренвиль достиг противоположного берега.

Завязавшаяся со всех сторон перестрелка возвратила ему всю энергию, он вскочил на ноги.

— Я вам обязан жизнью, — сказал он тронутым голосом охотнику, — я никогда не забуду этого, г-н Лебо, благодарю вас от имени моей жены и детей, без вас я утонул бы. — Он пожал руку молодому человеку.

Битва разгорелась; англичане делали гигантские усилия, чтобы восстановить сообщение между фортами, прерванное канадцами.

Вдруг канадцы и краснокожие испустили радостный крик и удвоили рвение.

Река была покрыта пирогами, наполненными солдатами.

Главнокомандующий подошел с 1200 свежего войска.

В ту же самую минуту полковник Бурламак из двух замаскированных батарей открыл внезапно ужасный и меткий огонь по фортам Освего и Св. Георгия.

Англичане остолбенели.

Было десять часов утра.

Англичане сознавали, что погибли, но исполняли свой долг как храбрецы, хотя понимали, что спасение невозможно и полное поражение только вопрос времени.

Сдача фортов Шужежена

Англичане не могли понять, откуда взялась за одну ночь эта двойная батарея, выросшая внезапно, подобно вулкану, из недр земли. Они спрашивали себя, как удалось французам возвести эту батарею на высотах, господствовавших над Освего и Св. Георгием, и не возбудить притом ни малейшего подозрения.

Смелость и ловкость французов в этом деле смущали их.

Офицер, принявший начальство по смерти Мерсера, был храбр, он принадлежал к той все еще громадной английской колонии, которая прошла поле битвы при Фонте-нуа и уступила только пушкам. Названный офицер, в то время еще молодой человек, отличился в этом памятном деле; но ему постоянно приходилось служить в Европе, и он недавно прибыл в Америку. Татуировка краснокожих, их способ ведения войны, их ужасные крики пугали его. Он считал их чуть ли не за демонов, и один вид их заставлял его содрогаться.

Действительно, эта американская война ни в чем не походила на европейскую, многие французские и английские офицеры никак не могли привыкнуть к жестокости и неистовствам краснокожих и предпочитали жертвовать своей карьерой, чем подвергать себя опасности быть скальпированными или вынести пытки индейцев.

Гарнизон английских фортов упал духом; к довершению несчастья, непрерывный огонь батарей полковника Бурламака производил ужасное опустошение, снаряды попадали во все места крепости, и солдаты нигде не нахо-

дили себе прикрытия, что их окончательно деморализовало, тем более, что их сдерживали и не давали им возможности отвечать; это была уже не битва, а бойня.

Новый комендант совершенно потерял голову. Несмотря на свой протестантизм, он молился всем святым и наконец, придя в отчаяние, попросил перемирия.

Полковник Меренвиль по приказанию главнокомандующего согласился.

Огонь был тотчас же прекращен, и парламентерский флаг поднят над фортами англичан и в лагере французов.

Бомбардировка началась только накануне, а между тем опустошение, произведенное ею, было значительно, и потери со стороны англичан весьма чувствительны; англичане надеялись некоторое время, что граф Лондона, имевший под своим началом 8000 человек, вышлет им, согласно своему обещанию, две тысячи солдат на помощь, но Леви, со своим 3000-м корпусом, так беспокоил графа Лондона, что у него не было возможности сдержать данное слово. Единственное, что он мог сделать, так это отправить полковнику Мерсеру охотника с весьма коротенькой запиской, в которой сообщал, что не в силах помочь фортам, и просил полковника действовать, как он найдет лучшим. Комендант не получил этой записки. Курьер попался в руки Тареа, который оскальпировал его, а записку передал командующему.

Английский и французский офицеры, каждый в сопровождении десяти солдат и трубача, несшего парламентский флаг, вышли из рядов и остановились между двумя армиями.

Свидание было непродолжительно, как и следовало ожидать.

Англичанин очень хорошо знал, что ему не на что надеяться, и француз получил приказание настаивать на своих требованиях. После обмена первыми вежливостями полковник Меренвиль спросил у англичанина, каковы его желания. Англичанин, довольно свободно говоривший по-французски, сказал:

— Господин полковник! Батарея, поставленная вами на высотах, причинила нам серьезные потери.

— Я не мог предотвратить этого, милостивый государь. Оба офицера были в одинаковом чине.

— Для вас все возможно, милостивый государь. Вашим приказаниям тотчас повинуются.

— Позвольте сказать вам, что это замечание кажется мне необыкновенным. Итак, что было бы вам угодно?

— Я желал бы, чтобы вы прекратили огонь из этой дьявольской батареи, — сказал англичанин с невозмутимой флегмой.

Меренвиль не мог удержаться от улыбки.

— Извините меня, — сказал он, — за это видимое нарушение вежливости с моей стороны. Но ваше требование чересчур наивно. Устраивая эту батарею, имелось в виду, главным образом, нанести вам как можно больше вреда, и, судя по вашим словам, цель достигнута.

Английский офицер прикусил себе губы.

— Насколько мне кажется, милостивый государь...

— Ваше положение безнадежно; я могу прекратить огонь из батарей, но с условием, чтобы вы сдались со всем вашим гарнизоном.

— Не торопитесь, полковник, — отвечал англичанин, сияясь улыбнуться иронически. — Дела наши, слава Богу, еще не так плохи.

— Нет, к несчастью, они очень плохи. Ваше положение безнадежно, я сказал вам это и повторяю еще раз.

— Вы забываете, что граф Лондона с восемью тысячами человек находится недалеко отсюда и может каждую минуту явиться нам на помощь.

Граф улыбнулся.

— Вы надеетесь на это? — спросил он.

— Граф Лондона дал мне слово, — отвечал англичанин, выпрямляясь.

— Он не сдержит своего слова.

— Господин полковник! — воскликнул парламентар, нахмурившись.

— Мне тяжело огорчать храброго офицера, но вы должны все знать, полковник.

— Что вы хотите сказать?

— Граф Лондона, ваш начальник, послал к вам охотника, который попался в руки к моим краснокожим и был убит ими; этот человек нес записку. — При этих словах Меренвиль вынул из кармана письмо английского главнокомандующего и подал его парламентару, говоря: — Вот это письмо, оно было адресовано полковнику Мерсеру, о смерти которого графу Лондона ничего не было известно.

Английский офицер поспешно схватил письмо.

— Вам известны наши условия, — продолжал Меренвиль, — я их не изменю ни в каком случае; даю вам час на размышление. Если по прошествии этого времени вы не дадите удовлетворительного ответа, огонь снова начнется по всей нашей линии. Дальнейшие разговоры между нами не привели бы ни к чему. Я удаляюсь, тем более что мои дикари начинают терять терпение; вы слышите их крики?

Действительно, уже несколько минут дикари страшно кричали.

Английский офицер содрогнулся; он поклонился графу, ответившему ему тем же, и оба офицера вернулись к своим войскам.

Меренвиль отправился поспешно в главный штаб главнокомандующего, который велел разбить свою палатку среди краснокожих и канадцев, чтобы иметь их под рукою, удерживать их от грабежа и скальпирования, что, впрочем, оказалось почти невозможным; индейцы глухи ко всяким доводам, нарушающим их военные привычки.

Часто бывало гораздо легче взять укрепленную позицию, чем принудить краснокожих строго соблюдать договор, заключенный с неприятелем; когда индейцы были с обеих сторон, то соблюдение каких бы то ни было правил оказывалось положительно немыслимым; краснокожие устремлялись друг на друга и вступали в ожесточенный бой ради удовлетворения ненависти к той или другой нации или своей племенной вражды.

На этот раз в войске англичан не было индейцев, но зато были женщины и дети.

Английские солдаты отправлялись на войну не иначе как в сопровождении своих семейств; многие из них были женаты и имели по несколько человек детей; краснокожие, не задумываясь, скальпировали женщин и детей, волосы которых служили им трофеями; по возвращении в лагерь им оказывали прием, смотря по количеству принесенных скальпов.

— Ну что, уладили дело? — спросил главнокомандующий.

— Да, кажется, генерал, письмо графа Лондона произвело магическое действие.

— Я так и думал; прочтите ваш рапорт, кузен.

— Я, собственно, за этим и пришел.

— Читайте, я слушаю.

— Я начинаю.

Граф Меренвиль с мельчайшими подробностями сообщил главнокомандующему обо всем происшедшем во время свидания с парламентаром.

— Отлично, — сказал генерал, когда граф окончил свое сообщение, — я действительно думаю, что все кончено, если только эти люди не сумасшедшие, чего я не предполагаю.

— Мы скоро получим от них ответ.

— Да, я тоже так думаю, остается подождать всего несколько минут.

В это мгновение сержант Ларутин вошел в палатку.

— Чего тебе? — спросил генерал.

— С вашего позволения, генерал, там какой-то верзила офицер, длинный, словно жердь, желает говорить с главнокомандующим.

— Введи его, и впредь прошу без замечаний.

— А между тем, генерал, как вам угодно...

— Убирайся. Мне некогда слушать твою болтовню.

— Гм! — пробормотал Ларутин сквозь зубы. — Сегодня сердит.

Сержант пожал плечами и через несколько минут снова вернулся в палатку в сопровождении английского офицера, которого ожидал генерал. Этот офицер был капитан, он принес согласие на условия, предложенные главнокомандующим. Комендант поручил ему условиться насчет подробностей сдачи фортов.

Г-н Монкальм велел позвать одного из своих адъютантов — Оливье де Меренвиля, капитана в полку Шампаньи; Монкальм поручил ему как можно лучше обойтись с его английским коллегой и потом отпустил их.

Оба молодых капитана почтительно раскланялись и удалились вместе.

— Комендант крепости не дождался даже условленного часа, — сказал граф.

— И прекрасно сделал, — отвечал, улыбаясь, главнокомандующий. — Что он мог сделать в его положении? Несколько минут больше или меньше не имели бы никакого значения.

— Конечно.

— Он смирился как порядочный человек, и это было самое лучшее, что он мог сделать.

— Все равно это, вероятно, было ему тяжело.

— Не скажу, что нет; но, поверьте мне, письмо графа Лондона не слишком удивило его.

— Вы думаете, что он ожидал...

— Разумеется, кузен, он знал очень хорошо, что если граф Лондона должен был явиться, он не замедлил бы это сделать и не стал бы ожидать последней минуты, чтобы прийти на помощь крепостям.

— Шевалье Леви нам оказал большую услугу в этом случае.

— Он отлично исполнил свою обязанность.

— Надо отдать ему справедливость, он прекрасно маневрировал для того, чтобы удержать англичан.

— Кстати, кузен, правда ли, что мне о вас рассказывали?

— Что же такое, кузен?

— Меня уверяли, что вы едва не утонули.

— Лучше того, я совсем было утонул.

— Да полноте! Вы свежи, как роза.

— Рассказывайте... Только чудо спасло меня.

— И как называется это чудо?

— Вы будто не знаете?

— Не знаю, если спрашиваю.

— Ну так видите, меня спас Шарль Лебо; вы его не видели?

— Не видал, с моего приезда даже ничего не слышал о нем.

— Увидите, когда будете нуждаться в нем.

— Очень вероятно; так на самом деле он вам спас жизнь?

— Судите сами, кузен; я устал до последней возможности и, хотя не совсем потерял сознание, был не в состоянии отдать себе отчет в том, что происходило вокруг меня; Лебо наблюдал за мной, он знал, что я не искусный пловец и подоспел в ту минуту, когда я положительно тонул; он нырнул под меня, вытащил на поверхность и взвалил меня себе на спину; машинально я ухватился за его длинные и густые волосы, и он тащил меня около двадцати минут; благодаря ему я был спасен; все, что я вам теперь рассказываю, мне самому передавали; я ничего не помню; как только г-н Лебо увидал, что я пришел в себя совершенно, он бросил меня и исчез.

— О да, это его манера, — сказал генерал, смеясь, — этот оригинал заставит меня обожать его, вот увидите!

— Что меня касается, мой друг, я сохраню признательность к нему до конца своей жизни. Что случилось бы с моей женой, с моими бедными детьми!

— Этот Лебо странный человек; все любят и уважают его, жители Канады его боготворят, краснокожие пошли бы за него в огонь и в воду; все ему чем-нибудь обязаны, только он ничем никому. Непонятный молодой человек — всегда один, печальный, молчаливый, говорит только по необходимости, готовый на всякие услуги всем страждущим, он через несколько минут забывает, что сделал, и пари держу, что он забыл уже, что спас вам жизнь.

— Я это очень хорошо знаю, кузен, я уверен, что, когда буду ему говорить об этом спасении, он станет доказывать, что я не подвергался никакой опасности и спасся бы сам.

— Неужели? Меня до сих пор пробирает нервная дрожь, как только я об этом вспомню!

— Как этот замечательный человек упорно держится своей странствующей жизни!

— Очень жаль, потому что он мог бы всего достичь и везде был бы на своем месте.

— Тут что-нибудь да кроется, что нам неизвестно.

— Если бы нам удалось уговорить его, чтобы он отказался от своей профессии охотника, — сказал граф.

— Давайте попробуем, — отвечал генерал, улыбаясь, — может быть, вдвоем нам это и удастся.

— Может быть... эта идея мне нравится, я присоединю свои усилия к вашим, кузен.

— Так решено; прежде всего, следует узнать, что у него на душе, но его не легко исповедать, уверяю вас.

— Нужно уметь только взяться!

— Уж я его вертел на все лады, но ничего не добился.

— Потому что плохо взялись; найдем след, хоть самый неясный...

— Да, — сказал генерал, смеясь, — найдем хоть малейший след, а он поведет нас к дальнейшему открытию.

— Вот именно так.

— Где он был весь сегодняшний день?

— Бурламак его видел; кажется, он оставался со своими друзьями краснокожими и во время битвы дрался вместе с ними.

— Поверьте мне, что он имел причины, которые мы узнаем рано или поздно, чтобы так действовать.

— О, я знаю, что он ничего не предпринимает без уважительных причин, — сказал граф.

— Подождите, он, вероятно, не замедлит прийти ко мне; он знает, что я его жду с нетерпением. Кстати, кузен, хотите разделить со мной обед?

— С большим бы удовольствием, кузен, но у меня масса дел, которые мне хочется кончить.

— Что же такое?

— И только внутренние распоряжения, касающиеся новобранцев. Я надеюсь, что вы довольны моими канадцами?

— Совершенно, они прекрасно себя вели и на реке, и во время битвы.

— Благодарю вас за них, генерал.

— Похвалы мои относятся ко всем, кузен, и в особенности к их начальнику, который ими так прекрасно командовал.

— А! Что до этого, генерал, без Лебо...

— Тем виднее ваше усердие, кузен, не пытайтесь скрыть то, что вы сделали.

— Ну вот! — сказал тот, смеясь. — Видно, что вы победитель, вы все видите в розовом цвете.

— Придете на минутку, вечером!

— Постараюсь, но не обещаю.

— Если придете, вас не отпустят, вот и все.

— Пусть так.

Пожав друг другу руки, они расстались.

— Может, я ошибаюсь, — пробормотал главнокомандующий, когда остался один, — но мне кажется, что дела нашего друга подвинулись вперед; впрочем, лучше не говорить ему пока об этом.

Едва прошло четверть часа после ухода графа, как явился охотник.

— А! Вот и вы наконец, дезертир, где вы пропадали? Что сделали?

— Многое, генерал.

— Да, и, между прочим, спасли жизнь моему кузену, который без вас потонул бы непременно.

— Кто это рассказал вам такую историю, генерал?

— Граф Меренвиль, милостивый государь; он только что был здесь и не переставал говорить о вас.

— Это очень просто, генерал, граф был утомлен, я немножко помог ему, вот и все.

— Я готов был побиться об заклад, что вы так скажете, — отвечал генерал, смеясь, — вы неподражаемы, мой друг; другие на всех перекрестках трубят о прекрасном подвиге, которого они не совершали, вы же упорно прячете истину под спуд; но мы вас знаем, и нам всем известен ваш поступок; нужно с этим примириться, никто не поверит тому, что вы станете рассказывать. Вы отобедаете со мной?

— С большим удовольствием, генерал, тем более что умираю от голода.

— Ну, так пойдемте к столу.

— Я желал бы сказать вам несколько слов.

— За обедом вы мне скажете все, что хотите.

— Как вам угодно.

Обед был подан; гость и хозяин сели за стол.

— В чем же дело? — спросил генерал минуту спустя.

— Генерал, — продолжал Лебо, — с нами триста или четыреста индейцев.

— Так вы их знаете?

— Всех, генерал, это мои друзья.

— Все?

— Да, генерал, все.

— Ага! Так вот почему вы целый день провели с ними.

— А вам это известно?

— Мне все известно, мой друг, у вас, вероятно, была причина, чтобы оставаться с ними целый день.

— Да, генерал.

— Какая?

— Сейчас скажу.

— Как вы находите это вино?

— Превосходное, генерал.

— Продолжайте, друг мой.

— Эти индейцы все принадлежат к одному племени и находятся под начальством нашего друга Тареа.

— Знаю.

— Очень хорошо. Вы, без сомнения, также знаете, что Бесследный принадлежит к этому племени, которое приняло его под свое покровительство.

— Я знал, что Бесследный был принят одним племенем, но не знал, каким.

— Так вот видите, генерал, я отвел Тареа и Бесследного, поговорил с ними и даже воспользовался вашим именем.

— Так, я надеюсь, вы не скомпрометировали меня перед ними?

— Напротив, генерал.

— Черт возьми! Продолжайте.

— Наконец я добился успеха, генерал.

— В чем, друг мой?

— А вот в чем: индейцы, которые наводят такой ужас на англичан, и в особенности на их жен и детей, удалятся завтра в четыре часа утра и отправятся в Карильон, где будут ждать вас.

— Вы этого добились?

— Да, генерал; впрочем, у них нет недостатка в трофеях, один Тареа скальпировал тридцать трех англичан.

— Какой ужас, мой друг!

— Что делать, приходится этому покориться, они не переменятся.

— Я это очень хорошо знаю. Я так и думал, что вы что-нибудь замышляете, но далеко не предполагал такого результата; еще раз благодарю, друг мой.

— Так вы довольны?

— Еще бы; не знаю, как вас благодарить; эти женщины, эти бедные дети, которым, может быть, предстояло быть безжалостно убитыми и скальпированными!

— Я об этом подумал, генерал, и поистине счастлив, что имел успех. С вашего позволения, генерал, я отправлюсь с краснокожими в Карильон, чтобы поддержать в них те же намерения.

— Хорошо! Бурламак завтра отправится в Карильон, где с помощью полковника Бугенвиля сделает последние распоряжения в лагере, который я хочу укрепить так, чтобы он мог оказать сильное сопротивление в случае, если англичане вздумают атаковать его.

— Мне сдается, что рано или поздно они явятся туда.

— Им сделают хороший прием.

— Я уверен в этом, генерал. Имею честь кланяться.

— Я буду в Карильоне дня через четыре.

— О! Тогда...

— Не забудьте известить Бурламака и Бугенвиля о времени отъезда.

— Будьте покойны, генерал.

Он раскланялся и вышел.

Генерал остался один.

Вскоре его адъютант, капитан Меренвиль, пришел объ-

явить ему, что все решено и что форты Освего и Св. Георгия будут очищены с восходом солнца.

Капитан употребил это смягченное выражение, чтобы не сказать, что солдаты обоих фортов сложат оружие.

В эту эпоху старались быть учтивыми и не употребляли настоящего выражения, если в нем было что-нибудь грубое, его заменяли равносильным, хотя сущность оставалась та же.

Вечером было большое стечение в главной квартире, всякий наперебой спешил поздравить победителя, радость обратилась в энтузиазм; генерал доказал сразу свою храбрость и знание военного искусства, армия гордилась своим вождем, и последний солдат готов был положить жизнь за него.

Занятие Шуежена было исполнено при самых смелых условиях, какие когда-либо существовали в военных летописях.

Генерал Монкальм отлично знал это и в своей депеше к военному министру упрекал себя в слишком большой смелости и обещал не поступать так в другой раз.

Но Монкальм не принадлежал к славной школе Фонтенуа *Tirez-vous memes*. Он понимал войну, как вели ее римляне; он и шел на войну, как на бал, и глубоко презирал молодых удальцов-дворянчиков, которые своим непониманием дисциплины были причиною стольких постоянных поражений.

Военный министр Бельиль с давних пор знал Монкальма, знал, что он один может привести дела в надлежащее положение и поэтому выбрал его; как видно, этот выбор был удачен, и война была ведена так, как должно; чтобы добиться своей цели, к несчастью, было слишком поздно, и все усилия Монкальма могли только отдалить катастрофу, но не отклонить ее; однако генерал поклялся исполнить до конца свою обязанность и делал это без жалоб и обвинений.

Главкомандующий отдал свои приказания офицерам и с восходом солнца созвал их и всю армию на гласис крепости Св. Георгия. Что касается Освего — многочисленный отряд, состоящий из гренадеров и новобранцев, под начальством капитана Меренвиля должен был тотчас занять этот форт; англичане обещали очистить его заранее.

На другой день, при восходе солнца, т.е. около четырех

часов утра, французская армия была выстроена к бою на гласисе, с заряженными ружьями, готовыми к стрельбе; канониры были на своих местах на батарее.

Офицеры, со шпагами наголо, занимали свой пост во главе своих батальонов.

Главкомандующий, в полной форме, с блестящими орденами, окруженный многочисленным штабом, красовался верхом несколько впереди войск.

Англичане пробили сдачу на валу крепости и опустили английский флаг, который немедленно был заменен французским.

Барабанный бой ответил англичанам.

Тогда вышел комендант крепости в сопровождении всех своих офицеров.

Комендант поклонился генералу, обнажив свою шпагу, подал ее рукояткой Монкальму, говоря голосом, прерывающимся от стыда и волнения:

— Генерал, вот моя шпага, я надеялся быть счастливее, но, так как я побежден, я благодарю небо за то, что оно послало мне такого великодушного победителя, как маркиз де Монкальм.

— Благодарю вас за все лестные выражения, которые я имел честь выслушать, — отвечал главнокомандующий с утонченной любезностью. — Я обязан повиноваться приказаниям, полученным мною от моего государя и не могу изменить их; тем не менее я постараюсь смягчить их во всем, что будет зависеть от меня; возьмите свою шпагу, полковник, а вы, господа офицеры, слишком хорошо ею управляете, чтобы я лишил вас ее; вы военнопленные, но вы будете пользоваться относительной свободой; я требую от вас только вашего слова и убежден, что вы окажетесь настолько честными пленными, насколько были храбрыми солдатами.

— Клянемся все, генерал! — закричали офицеры, глубоко тронутые тем, что генерал сделал им большое снисхождение.

Англичане очень дурно обходились с пленными, но Монкальм был слишком великодушен для того, чтобы следовать их примеру.

— Благодарю вас от своего имени и от лица моих офицеров за милость, которую доставило нам ваше великодушное сердце.

Скажем при этом, что накануне наличный список сол-

дат и офицеров, весьма подробный и разработанный, был доставлен адъютанту генерала.

Офицеры и коменданты крепости сгруппировались немного позади главнокомандующего, потом вышли солдаты под предводительством унтер-офицеров; они прошли перед линией французской армии и, по мере того как проходили, складывали оружие. Вслед за солдатами вышли женщины и дети с плачем и стоном.

— Любезный полковник, — сказал тогда генерал, перегибаясь в седле, — потрудитесь, пожалуйста, успокоить этих бедных женщин, им нечего бояться диких, я велел их удалить, и они уже далеко теперь.

— О! Генерал, — вскричал растроганный комендант, — вы достойны во всех отношениях того высокого положения, которое дал вам ваш государь, мы беспокоились именно за этих несчастных и их детей.

Комендант и его офицеры поспешили пойти успокоить бедных женщин и объявить им те меры, которые генерал считал нужным принять, чтобы оградить их от опасности. Когда английские солдаты узнали, что Монкальм сделал для их жен и детей, они разразились громким «ура» в честь главнокомандующего и устроили ему настоящую овацию.

Главнокомандующий пригласил коменданта и его офицеров к своему столу. Около часа пополудни генерал распростился с комендантом и его офицерами, и они тотчас же отправились, конвоируемые сильным отрядом французских солдат.

Их должны были отвести в Луизиану, и генерал пожелал, чтобы его адъютант, капитан Меренвиль, вел отряд, составляющий конвой.

Поспешим добавить, что, несмотря на всякого рода затруднения, которые замедляли во многих случаях их поход, пленные прибыли живы и здоровы к месту назначения.

Вот каковы были результаты сдачи Шуежена: взято было 1600 пленных, сто тридцать пушек, огромные запасы хлеба, оружия и снарядов, которые послужили французской армии, пять военных кораблей и 52 пушки, двести грузовых лодок и т.д.

Для Англии эта потеря равнялась 15 миллионам.

Занятие Шуежена стоило французам 30 раненых и убитых.

Монкальм уничтожил укрепления трех фортов Шужена и вернулся в Карильон, где занялся окончанием работ по защите этой крепости.

Это смелое занятие трех фортов, имевших гарнизон в 1800 человек и значительную поддержку в нескольких милях, тогда как французский генерал располагал только 1500 человек для атаки, представляет нечто чудесное, так как англичане имели еще большие морские силы, которыми, впрочем, не успели воспользоваться, настолько движения французов были быстры.

Этот захват расстроил планы англичан и доставил французам все выгоды кампании.

Исполнение плана удалось вполне!

Граф Витре просыпается

Пока генерал Монкальм поддерживал честь Франции и выигрывал сражения против англичан, в Квебеке происходили события, которые, не производя большого шума, имели, однако, некоторое значение; мы должны объявить их читателю; но, для большей ясности, нам надо вспомнить графа Рене де Витре, которого мы давно покинули и к которому следует вернуться; граф Витре проспал без просыпу семьдесят два часа и, когда наконец проснулся, почувствовал сильную тяжесть в голове. Во время этого сна Кайман, послушный данному ему запрещению, не пытался заглянуть в маленький домик.

Как и предсказывал Матье, граф, проснувшись, решительно ничего не помнил.

Первым делом он оглянулся вокруг, чтобы дать себе отчет в том, что случилось; но все было в порядке: платье сложено на кресле, раскрытая книга, погашенная свеча — все ему доказывало, что не произошло ничего особенного; он сунул руку под подушку и ощупал свой портфель.

— Все в порядке, — пробормотал он, — вчера я чувствовал большую усталость по уходе своего гостя. Матье, вероятно, очень прозаично улегся и проспал дома, потому что, кажется, уже поздно.

Граф вскочил с постели и завернулся в халат.

— Странно, — прошептал он, — у меня голова не на месте, этот молодец, Матье, знатно пьет, он меня стоит; ну, да я знаю лекарство, — прибавил он, смеясь, — все это сейчас пройдет.

Он приподнял портьеру, отворил дверь в соседнюю

комнату, вошел в столовую и налил себе полный стакан мальвазии.

— Гм, — проговорил он, оглядываясь, — теперь стало веселей. — Он налил другой стакан и выпил его залпом, как и первый. — Мои матросы говорят: чем ушибся, тем и лечись, и они совершенно правы; вот я теперь совсем другой человек, — прибавил он, смеясь. — А сколько тут пустых бутылок, какой здесь разгром, должно быть, мы вчера не дремали; странно, я ничего не помню, несмотря на все желание сколько-нибудь привести в порядок свои мысли. Черт возьми! Что мне совершенно ясно — это то, что я был ужасно пьян; напрасно я ломаю себе голову, ничего не соображу, не помню, как я лег, лучше позвать Каймана, он, конечно, знает кое-что.

Граф вернулся в спальню, опустил в кресло и позвонил. В ту же минуту вошел Кайман.

— Как изволили почивать? — спросил любезно трактирщик.

— Превосходно, хозяин, спал со вчерашнего дня, не просыпаясь.

— Гм, как изволите говорить?

— Говорю, что крепко спал всю ночь.

— Вы ошибаетесь, сударь, вы хотите сказать — ночи.

— Кой черт вы так говорите, вы, кажется, с ума сошли.

— Кажется, нет еще, сударь.

— Так вы утверждаете, что я спал несколько ночей?

— И несколько дней, сударь, вы спали трое суток.

— Боже мой, неужели это правда?

— Совершенно правда, сударь; впрочем, в какой день вы сюда приехали?

— Когда? В четверг, в десять часов вечера.

— Так, а сегодня воскресенье, и почти пять часов полудни, сочтите, сударь.

— Вы не видали Матье, когда он уходил?

— Как же, видел, сударь, он уходил, когда я курил трубку во дворе, и даже с ним разговаривал.

— А!

— Он мне сказал, что вы очень хотите спать и не желаете, чтобы к вам входили, если бы даже вы проспали несколько дней.

— А! Он сказал вам это? — промолвил граф, вскинув брови.

— Слово в слово.

— И, конечно, вы не входили?

— Еще бы, так как вы мне приказали то же самое при вашем прибытии, я не посмел ослушаться, я старый матрос и знаю дисциплину: несмотря ни на что, повиноваться своим начальникам.

— Вы были совершенно правы, Кайман; Матье вам больше ничего не говорил?

— Нет! Ах, да, впрочем!

— А!

— Он спросил у меня, нет ли заднего хода, чтоб не проходить через общую залу.

— Ну, хорошо, Кайман; приготовьте мне обед; побольше блюд и повкуснее, понимаете?

— Отлично, сударь.

— Вы подадите только тогда, когда я позвоню.

— Слушаю, сударь.

— Прекрасно, не забудьте две или три бутылки хорошего вина.

— Будьте покойны, сударь.

— Ступайте теперь и позаботьтесь об обеде.

Кайман поклонился и вышел.

— Тут что-нибудь да кроется, — пробормотал граф, как только остался один, — но что именно? Я ничего не помню, — вскричал он с досады, ударив ногой, — тут есть с чего с ума сойти!

Граф принялся за свой туалет и, когда был готов, вытащил из-под подушки свой портфель и открыл его.

— Посмотрим, не узнаю ли я чего; кажется, бумажник не был открыт; гм! Вот мои векселя, все налицо!.. Нет, не все, недостает двух на Бостон, это указывает на то, что дело было окончено как следует; но я положил эти векселя отдельно, ну-ка, посмотрим.

Он пошарил в секретных отделениях бумажника, вдруг у него вырвалось страшное проклятие, и он в бешенстве схватился за волосы.

— Обокрали! Тысячу чертей, обокрали! Как дурака, но как же это случилось? А, дьявол! Я найду тебя, хоть бы ты спрятался в глубине ада! Все мои документы пропали и заменены старыми, никуда не годными бумажками! О! мы еще сочтемся. Кто скажет мне, как найти эти бумаги? Они не только могут погубить меня, но еще, попав в руки моих врагов, привести меня на Гревскую площадь. Тысячу чертей! А я воображал себя в безопасности — а обма-

нут, как дурак! Я готов с ума сойти! Но когда же это случилось? Я могу много пить и никогда не бываю пьян совершенно, к тому же, хотя мы и много выпили, но не потеряли хладнокровия, что видно по числу бутылок; есть что-то необъяснимое для меня! Вероятно, этот мошенник дал мне что-нибудь наркотическое, что сразу подкосило меня; но как и когда?

Он серьезно задумался, опустив голову на руки, и оставался в этом положении минут пятнадцать.

— Так! — вскричал он вдруг. — Именно так! С той минуты я больше ничего не помню, когда я передал ему векселя, Матье заметил мне, что я уронил какую-то бумагу, я нагнулся, но ничего не нашел, тогда он предложил мне выпить за успех нашего дела, я залпом выпил стакан — это была мальвазия, — и затем я больше ничего не помню. О! Быть так обманутым балаганной хитростью. Я! Я! Он вдоволь потешился над мною. Я отошщу! Какого черта он подмешал мне в вино? Ликеру? Но какого?

Граф внимательно осмотрел бутылки, расставленные на столе. Тут была бутылка киршу, опорожненная более чем наполовину.

— Именно так! Он примешал кирш к мальвазии! Какое ужасное лекарство; оно действовало, но наполовину, и могло бы убить меня; я, должно быть, свалился как сноп! Тогда он меня уложил и распорядился всем, чтобы обмануть меня, но в каких видах он так действовал? Он не вор, хотя и украл у меня миллион; у меня в портфеле осталось более чем вдвое; так он враг мне, а у меня их столько, что трудно угадать, который из врагов нанес мне это кровное оскорбление; слава Богу, у меня их целая коллекция, дремать некогда, нужно постараться обогнать этого мошенника; трудно это будет: он опередил меня тремя днями; но если я не отыщу своих денег, о которых я мало забочусь, я, по крайней мере, узнаю нечто более важное для моего плана мщения, а именно — ясные приметы этого плута. Хотя мы оба были замаскированы, ему не трудно было видеть мое лицо, но я убежден, что он знал меня раньше; за обедом он бросил мне несколько слов, которые теперь приходят мне на память и доказывают, что он знал, кто я. Это урок, жестокий урок. Прежде всего надо бежать за векселями, чтобы узнать, кто этот изменник; после того я пойду поблагодарить превосходно-

го друга, который доставил мне этого негодяя: хороший выбор!

Начертив план битвы, граф спрятал свой бумажник, позвонил и велел подать обед. Теперь, когда он нашел серьезные указания, гнев его почти рассеялся, он был убежден, что легко найдет вора и отомстит за себя.

— Это дело нескольких дней, — сказал он, потирая руки.

Спокойствие его вернулось, он был почти спокоен и думал только об обеде, тем более что чувствовал волчий аппетит.

— Приготовили ли вы счет? — спросил граф Каймана.

— Да, сударь.

— Отлично, Кайман, сядьте там, против меня, возьмите бутылку и стакан и потолкуем; мне нужно просить у вас некоторых указаний.

— Я к вашим услугам, сударь.

Он взял одну бутылку, откупорил ее, наполнил стакан и сел на стул.

— Кажется, ваши дела идут хорошо?

— Дела идут порядочно, сударь, я не могу пожаловаться.

— Вам, вероятно, знакомы многие из матросов?

— Я почти всех знаю, сударь.

— Гм! А с другими моряками вы не знакомы?

— Я этого не говорил, сударь, есть моряки и «моряки», знаете? — прибавил он с насмешливой улыбкой.

— Да, моряки, которые ездят без пошлины и сбывают свои товары при лунном свете под носом таможенных чиновников.

— Именно, сударь.

— С одним из них я желал бы поговорить, — и при этих словах граф пододвинул ему два червонца.

Кайман улыбнулся, почесал затылок и положил в карман червонцы.

— Я знаю нескольких...

— Да, но таких людей, с которыми, заплатив им хорошенько, можно разговаривать с полным доверием.

— У меня в эту минуту есть как раз подходящий человек; кажется, он даже сегодня ночью собирается в путь.

— Это именно мне и нужно.

— Прикажете поговорить с ним?

— Да, но не выдавая меня, если вам удастся, вы сейчас же приведете его ко мне и получите десять червонцев.

— Отлично! Ручаюсь, что он согласится.

— Так поторопитесь, идите переговорите с ним, пока я обедаю.

— Так решено.

Вероятно, не долго нужно было убеждать моряка, потому что не более чем через десять минут Кайман вошел в сопровождении своего знакомого.

— Сударь, — сказал трактирщик, — вы можете переговорить с Картагю, ручаюсь, что контрабандиста честнее его нельзя найти; оставляю вас с ним, ваше дело меня не касается, я приду, когда вы позвоните.

— Хорошо, ступайте.

Картагю, или патрон, как его называли, был человек еще молодой, немного выше среднего роста, плечи его были значительной ширины, все в нем выдавало необыкновенную силу; его угловатые черты, глаза, полные огня, придавали его физиономии чрезвычайную энергию, смягченную, однако, выражением необыкновенного добродушия.

Он был бретонец, что легко было угадать по его медленному разговору и несколько тяжелым приемам.

— Выпейте стаканчик, патрон, — сказал граф, наполняя стакан до краев.

— За ваше здоровье и за здоровье ваших друзей, сударь, — и он осушил стакан, не переводя духа.

— Вы едете нынче ночью, как мне сказал Кайман? — продолжал граф.

Контрабандист, казалось, не замечал, что у его собеседника была маска на лице, — что ему было до этого? Дела его клиентов его не касались; впрочем, он вел дела на наличные, что упрощало его отношение к клиентам и не допускало недоразумений.

— Поеду или не поеду, мне торопиться нечего, у меня еще не весь груз готов; впрочем, если вам нужно ехать и мы столкнемся, то снимаемся с якоря сегодня.

— Имеете ли вы причины не ехать в английские колонии?

— Я свободный торговец и в хороших отношениях со всеми, особенно с колонистами Виргинии, Новой Англии и...

— Я хочу отправиться в Бостон.

— Так, это прекрасный переезд и хорошая прогулка.

— Сколько же вы с меня возьмете?

— Вы непременно хотите ехать сегодня ночью?
— Разумеется.
— Если я спрошу пять тысяч ливров, это будет не много?
— Нет, это благоразумно; если вы подождете меня четыре часа в Бостоне и отвезете в Квебек, я вам дам пятнадцать тысяч ливров, согласны ли вы?
— Я был бы дурак, если бы отказался.
— Так решено?
— Честное слово контрабандиста.
— Вот вам банковский билет в двадцать тысяч ливров.
— У меня нет сдачи, вы мне заплатите в Бостоне.
— Оставьте у себя все, может быть, вы мне понадобится в скором времени; это будет задаток на следующий раз.

— Принимаю на этих условиях, хоть через десять лет вы найдете меня готовым служить вам.

Он тщательно спрятал билет в грязный бумажник и осушил стакан вина, налитый ему графом.

— Каким судном вы командуете? — спросил граф.

— Шхуной «Дороде», прекрасно снаряженной, в девятью тонн, она известна на всем побережье до Нового Орлеана. Я назвал шхуну «Дороде» (золотая рыбка) за ее превосходный ход; ее устройство такое же, как у военного судна; экипаж мой состоит из восьми человек, они повинуются мне беспрекословно; ваша каюта на корме, вам там будет очень удобно.

— Не сомневаюсь, патрон Картагю; в котором часу мы отправимся?

— Когда кончится прилив. Около полуночи будьте на молу, я приду за вами, когда наступит время сняться с якоря. Вы меня узнаете?

— Не беспокойтесь; впрочем, я буду ждать вас на первой ступеньке лестницы; до свидания! Еще не выпьете стаканчик?

— Нет, извините, сударь, у меня дело в самом разгаре, мне надо сохранить хладнокровие, ваше вино пьется как сыворотка и ужасно горячит; еще один стакан — и я буду пьян, а это не годится; до свидания, так в половине двенадцатого.

— Решено, патрон.

Метр Картагю вежливо поклонился и вышел.

— На этот раз я, кажется, нашел, кого мне нужно, — сказал граф, оставшись один.

Графу нечего было торопиться, он протянул обед как можно дольше и встал из-за стола около 10 часов.

Пока Витре ел и пил, он серьезно обдумывал и чем более размышлял, тем более убеждался, что скоро нападет на след вора.

Так как ему больше нечего было делать, он позвал Каймана, чтобы свести с ним счеты.

Достойный трактирщик не замедлил явиться на звонок.

— Ваш счет?

Кайман подал его, сняв шапку.

Граф едва взглянул на итог, который был между тем громаден и дал вдвое больше, чем спросил трактирщик.

— Довольны ли вы? — спросил граф, улыбаясь.

— Одно могу сказать, сударь, вы заплатили по-барски, низжайше благодарю вас, сударь.

— Мне хочется, чтобы вы сохранили обо мне хорошее воспоминание, — прибавил граф с улыбкой.

— Для меня будет великое счастье, сударь, когда вы вздумаете почтить мой бедный дом своим присутствием.

— Совсем не такой бедный, судя по тому, что мне пришлось видеть, — сказал граф, смеясь. — Может статься, что мы встретимся, Кайман, и может быть, раньше, чем вы думаете.

— Я всегда буду к вашим услугам, сударь.

Граф взял свое оружие, завернулся в плащ, надел шляпу и вышел за Кайманом, который отворил ему дверь прямо на улицу.

В условленный час Картагю был на посту; шхуна стояла на якоре в углублении небольшой бухты вне рейда; через десять минут судно было под парусом.

Патрон ничего не преувеличивал — все было так, как он говорил: «Дороде» была в отличном состоянии и имела превосходный ход.

Каюта графа была невелика, но удобна и чиста, без роскоши, но со всем необходимым.

Переезд был прекрасный и быстрый; «Дороде» скрылась в глубине залива почти неизвестного, где ей нечего было бояться.

Граф спустился в лодку вместе с патроном.

— В котором часу мы можем ехать сегодня вечером?

— Если вас не стеснит, мы отправимся в тот же час из Луисбурга; у меня есть ценный товар, который я желал

бы сбыть, это скоро делается; дамы Бостона очень кокетливы, часа в два все будет разобрано.

— Хорошо, — сказал граф, улыбаясь, — справляйте свои дела, пока я займусь своими; в половине двенадцатого мы сойдемся на люке.

— Так, сударь, я буду аккуратен.

Они расстались.

Граф отправился прямо к «Сулливан и сын»; контора банкира была против бостонской ратуши, которая двадцать лет спустя приобрела известность как колыбель американской революции; в этом именно здании началась она; но это громадное событие крылось еще в тумане будущего.

Как только граф явился, его отвели тотчас же к банкиру; это был человек лет сорока восьми, с рыжей головой.

— Уже приходили получить по векселю, — сказал он, увидав графа и встав ему навстречу, чтобы пожать ему руку.

— Когда?

— Вчера в половине четвертого.

— Вы заплатили?

— Да, фунтами стерлингов, он так просил.

— Это составило порядочный груз?

— Разумеется, но с ним был здоровенный носильщик, впрочем, в последнюю минуту он переменил намерение.

— А!

— Да, он попросил четыреста тысяч ливров билетами английского банка, а остальные фунтами стерлингов, которые носильщик подхватил как фунт перьев.

— Видели вы этого человека?

— Конечно, я всегда сам выдаю значительные суммы, для того чтобы избежать ошибки.

— Похвальная предусмотрительность, — сказал граф с горечью, — хорошо ли рассмотрели вы этого человека?

— Отлично, это человек лет пятидесяти по крайней мере, маленький, толстенький, с красивым лицом, вид у него довольно жалкий и носит он огромные синие очки с зеленым шелковым козырьком над глазами... Он ли это?

— Точь-в-точь, благодарю вас. В скором времени я вам представлю некоторые вклады, чтобы уплатить кое-какие долги.

— Когда вам будет угодно, милостивый государь, я сочту себя польщенным вашим доверием.

Граф простился и вышел, сопровождаемый до дверей банкиром, который не всем оказывал такую вежливость.

— Негодяй не потерял ни минуты, — ворчал граф, направляясь к дому Гросслостен близ пристани. — Этот Сулливан — идиот, удивительно, как цифры затемняют ум, я счел за лучшее ничего ему не говорить, он посмеялся бы надо мною и был бы прав; посмотрим, был ли другой поумнее?

В этих размышлениях граф дошел почти до самого дома. Сам того не замечая, граф вошел и назвал себя; как и в первый раз, его отвели в кабинет банкира, которого он застал над цифрами.

— А, это вы, граф, — сказал банкир, вставая, — милости просим; знаете, эта барыня приходила вчера в 12 часов получить по векселю; прелестная особа, могу сказать!

— Дама, — сказал граф, озадаченный, — дама приходила получить?

— Ну да, хорошенькая брюнетка, лет двадцати пяти, не больше, вы ее не знаете?

— Какой я забывчивый! — вскричал граф, ударяя себя по лбу. — Господин, которому я поручил получить по векселю, женат, я совсем позабыл, тем более что видел эту даму только один раз и то минут на пять; сделанный вами портрет похож и наводит меня на мысль, что муж ее поручил ей получить деньги.

— Очень вероятно, — сказал банкир, — мне не пришлось сделать ей никаких замечаний, так как вексель был у нее в руках; оставалось заплатить, что я и сделал.

— И прекрасно!

— Очень рад.

— Что, эта дама с мужем живет еще в Бостоне? Когда я знал их, они жили в Нью-Йорке.

— Именно, как она мне говорила, они долго жили в Бостоне.

— А теперь они там не живут?

— Нет, они вчера, в четыре часа вечера, уехали на «Быстром», который отправляется в Лондон; они выбрали это судно за его ход; кажется, дела крайней важности заставляют их как можно скорее прибыть в Англию, где они и поселятся; поэтому-то госпожа просила меня рассчитать всю сумму билетами английского банка, как самыми удобными для размена во время путешествия.

— И хорошо сделала, нет ничего более затруднительного, как фунты стерлингов в пути; со мной в эту минуту около трех миллионов банковскими билетами, это несколько меня не стесняет, если бы у меня были фунты стерлингов, нужно было бы взять экипаж.

— И хорошую лошадь, — прибавил банкир, смеясь.

Граф также засмеялся, попрощался и вышел.

— Черт возьми! — вскричал граф, когда очутился на улице. — Надо сознаться, что все ловко сыграно! Большое удовольствие потягаться с такими противниками, это волнует кровь и заставляет работать воображение; но дело еще не кончено, он напрасно торжествует; я готовлю ему под конец превосходный удар; он должен быть очень ловок, чтобы его отпарировать. Нужно самому себе признаться, хотя никто другой не узнает об этом, что никогда еще не издевались — не побоюсь этого слова — надо мною так, как этот молодец; он ничего не упустил из виду, не забыл ни одной предосторожности, впрочем, нет — эта бумажка, оставленная в моем бумажнике и которую он не подумал уничтожить заодно с другими, более важными, украденными у меня.

Он подумал несколько минут, потом продолжал с беспокойством:

— А если он не забыл эту бумажку? Если он оставил ее нарочно, чтобы сыграть со мною еще шутку своего рода? Нет, это невозможно; я с ума схожу, я не знаю, что говорю и что делаю; к черту этого негодяя! Уж если мне удастся его поймать!..

Он сделал угрожающий жест, который не обещал ничего хорошего для его врага.

— Э, да что с вами? — раздался голос над его ухом. — Что вы жестикулируете среди улицы?

Граф поднял голову и как будто очнулся:

— А! Это вы, Картагю, что вы говорите?

— Я спрашиваю вас, не больны ли вы?

— Я? Ничуть, напротив, я чувствую себя очень хорошо, я отлично устроил все дела, а вы?

— И я также; я продал весь свой товар, было бы его втрое больше — все мог бы сбыть.

— Так вы довольны?

— Еще бы.

— И я доволен, есть у вас какое-нибудь дело?

— Решительно никакого; я собираюсь идти обедать на

шхуне; хотите ли сделать мне удовольствие пообедать со мною?

— С радостью, но с условием.

— Я заранее принимаю его.

— Вот это дело! Мы оба веселы — вы, потому что продали свои материалы и кружева, я, потому что кончил свои дела, пообедаем вместе, но здесь, на берегу; во-первых, нам будет свободнее, во-вторых, обед будет вкуснее — не в обиду вам будь сказано; согласны вы?

— Согласен, сударь.

— Ну, так как вы часто бываете в этих странах, вам лучше, чем другому, должны быть известны здешние места.

— Действительно известны, сударь, но вы не замечаете, что у меня дорожный костюм.

— Что за дело? У кого есть деньги, тот не должен заботиться о своем туалете, пойдемте обедать.

— Пойдемте, если вы так хотите, недурно для здоровья слегка выпить время от времени.

— И даже посильнее выпить, патрон, поверьте мне, я опытен в этих вещах.

И он расхохотался в лицо проходившему буржуа, который серьезно разобиделся на такое неприличие.

Четверть часа спустя оба знакомца сидели, уткнувшись подбородками, за столом какого-то убежища, очень похожего на трактир достойного Каймана.

Обед был изысканный, вина превосходные; граф казался счастливым или представлялся таким. Сквозь зубы он бормотал:

— Я постараюсь напиться и подпойть Картагю; это будет занято.

Граф хотел забыть способ, каким Матье его одурачил, способ, который беспокоил его больше, чем он хотел в том сознаться даже самому себе.

Что касается Картагю, он был не прочь хорошо пообедать за счет своего пассажира; но он не хотел переступить известные границы, он оберегал себя, как все настоящие моряки, понимающие значение обязанностей своей профессии и ответственности, которая лежит на капитане судна на море и на суше.

Напрасно граф подтрунивал над ним и приглашал пить, патрон стоял на своем.

Что до графа, то он пил раз за разом.

Патрон наблюдал за ним исподтишка и думал про себя: «Пассажир мне солгал, дела его нехороши, он хочет меня надуть; под всем этим кроется нечто, что он хочет забыть, он уже и теперь пьян; что же будет дальше?»

Картагю ошибался; он не знал, с кем имеет дело.

Граф принадлежал к той категории пьяниц, которые напиваются только вполтину. Дошедши до известной степени опьянения, они останавливаются и дальше не идут; все, что они пьют, служит только к тому, чтобы довести их до скотского состояния, пусть простят нам это выражение; они засыпают, уткнув нос в тарелку, через час просыпаются и, за исключением сильной тяжести в голове, обладают полным хладнокровием и готовы начать снова.

Не дотянув до конца обеда, граф упал на спинку своего кресла, закрыл глаза и не шевелился.

Он спал.

Патрон Картагю не мешал ему спать.

— Я разбудю его, когда надо будет ехать, — сказал он.

И он продолжал есть и пить, соблюдая еще более умеренность.

Капитан «Дороде» также любил выпить, но нужно было большое число бутылок, чтобы свалить его.

Но он не полагался сам на себя и только изредка напивался; когда он был пьян, то делался свиреп, не узнавал никого и пускал в ход нож. На этот раз он обещал себе быть умеренным и сдержал свое слово. Картагю снисходительно смотрел на спящего графа; видно было, что он завидовал про себя блаженству, которым наслаждался напившийся, тем более что он не мог последовать его примеру.

Патрон кончил обед и позвонил, чтобы потребовать кофе.

— Так! — сказал, ухмыляясь, прислуживавший негр. — А этот господин, который спит, также будет пить кофе?

В эту минуту граф открыл глаза, потянулся несколько раз, зевнул и спросил коснеющим языком:

— Отчего же мне не пить кофе? Напротив, я хочу выпить большой стакан без сахара, это меня подкрепит; слышите, гарсон, подайте стакан покрепче и без сахару!

— Слушаю, сударь, — сказал негр, приняв снова свои сладкие манеры, как только увидел, что граф проснулся.

— Я долго спал? — спросил граф у патрона, когда они остались одни.

— Порядочно, сударь, вы проспали больше двух часов.

— Так долго?

— Право, не меньше.

— Тем лучше; все время выиграно, — прибавил он сквозь зубы.

— Лучше ли вам теперь?

— Да, я чувствую себя довольно хорошо, и когда выпью черного кофе, я совершенно оправлюсь, и ничего нельзя будет заметить.

— Вы очень счастливы, что обладаете такой способностью.

— Не правда ли? А потому я вполне доволен.

Негр вошел с огромным стаканом кофе, поставил его перед графом, потом подал чашку патрону.

Граф не ошибся.

Когда он допил свой стакан кофе, его физиономия изменилась, взгляд просветлел. Это был уже не тот человек; всякий признак опьянения исчез.

Де Витре и патрон вышли из трактира, где обедали, и, подышав свежим ночным воздухом на моле, вернулись на шхуну; через час они были на пути в Квебек, куда граф торопился прибыть.

Граф де Витре получает луч надежды

Несмотря на то что было только восемь часов утра, г-н Биго, интендант Канады, давно уже сидел в своем кабинете.

Так бывало каждый день; был час аудиенций, просители стекались в дом интендантства, приемные бывали наполнены людьми, пришедшими по большей части с требованием денег.

Интендант, стоя перед камином, где горел яркий огонь, со стереотипной улыбкой на губах отвечал просителю несколькими словами и переходил к другому.

Целый ряд просителей тянулся иногда часа два или три.

В этот день случайно приемные были почти пусты; едва ли было человек тридцать пять — сорок; их отпустили очень быстро. Г-н Биго был человек лет около пятидесяти, хорошо сложенный, высокого роста, с прекрасными чертами лица, с кроткой и симпатичной физиономией и весьма любимый дамами, которым он платил тем же: втихомолку его обвиняли в том, что он разорил многих из них, чтобы составить собственное состояние. Маркиза Помпадур весьма уважала его; в ней он имел преданного и неизменного друга.

Голос интенданта отличался мягкостью; манеры грациозностью и утонченной вежливостью; те, которым, по несчастью, приходилось иметь дело с интендантом, а число их было велико, поговорив с ним минут десять, были бук-

вально обворожены его магической и непобедимой привлекательностью.

Этот человек под прекрасной наружностью скрывал глубокие пороки — эгоист, себялюбивый, он ценил только деньги; это была бездна всепожирающая и ничего не дающая. Его требования были громадны, но пороки и кутежи все поглощали; деньги, бывшие его кумиром, составляли только средство для удовлетворения его самых эксцентрических вкусов, как выразились бы в настоящее время.

Человек умный, одаренный значительными способностями, хороший работник, если бы он был честен, он сделался бы одним из выдающихся финансистов, но все эти действительные качества исчезали под его безграничной безнравственностью.

Таков был интендант Канады, человек без души, без сердца, без патриотизма, приготовлявший гибель Канады с целью воздвигнуть на ее развалинах постыдное благосостояние.

Приемы кончились. Биго сел за стол, заваленный бумагами, и собирался приняться за работу, как неожиданно один из секретарей интенданта вошел в кабинет.

— А! Это вы, Варен, — сказал интендант поднимая голову.

— Да, — отвечал чиновник, почтительно кланяясь начальнику.

— Были ли вы у губернатора?

— Точно так.

— Видели маркиза де Водрейля?

— Видел.

— Ну что же?

— Ничего; почты не было.

— Вот странно; в народе ничего не говорят?

— Прошу извинения; напротив, говорят очень много.

— А! Что же говорят?

— Да многое.

— Например?

— Предполагают если не поражение главнокомандующего, то по крайней мере неудачу.

— Ого! Это важно.

— Да, если это правда, но ничто не подтверждает этого слуха.

— Добрались ли вы до источника этих слухов?

— Пробовал.

— Ну?

— Ничего серьезного не нашел, это сплетни праздных людей, которые желают показаться сведущими, но в действительности не знают ничего.

— Я хочу иметь положительные известия; я не могу оставаться в сомнении; делайте как знаете, но я хочу получить сведения сегодня же.

— Однако, граф...

— Это ваше дело. Я сказал вам то, что хотел, ступайте.

Субделегат Варен, с которым так бесцеремонно обошелся Биго, был влиятельным лицом в Канаде. Он вышел, не возражая.

Вошел швейцар и подал карточку г-ну Биго.

— Ого! Вот визит, которого я вовсе не ожидал, — проговорил сквозь зубы интендант, — проведите этого джентльмена и, пока он будет со мной, не впускайте никого. Понимаете?

— Да, никто не войдет.

Минуту спустя вошел посетитель. Имени его не доложил швейцар, который, опустив портьеру, тщательно притворил дверь и в ту же минуту удалился.

— Ей-богу! Любезный друг, — проговорил радушно Биго, — я совсем вас не ждал; будьте желанным гостем; когда вы приехали?

— Я еще негласно здесь; я приехал инкогнито.

— Отлично! Но с вашим прекрасным фрегатом «Слава», что с ним вы сделали? Ведь его нелегко скрыть, он слишком заметен для этого, — продолжал Биго, смеясь.

— Я его оставил в Сен-Пьере. Он меня настигнет здесь не раньше четырех или пяти дней.

— Великолечно, милый друг, но для чего же эта таинственность?

— По многим причинам.

— Из которых одни интереснее других, я в этом не сомневаюсь, — проговорил, смеясь, Биго.

— Вы сразу угадали. Прежде всего, я хотел доставить вам как можно скорее письма из Франции, и в особенности письмо от маркизы Помпадур.

— Вот так внимание, за которое я вам весьма признателен. Эта милая маркиза все так же прекрасна?

— Как никогда, и все более и более ваш друг. Последние меха, которые вы ей прислали, натворили чудес в Версале.

— Очень приятно слышать.

Мы остановимся здесь на несколько минут. Граф де Витре, которого читатель, без сомнения, узнал, приехал в Квебек ночью. Свой первый визит он хотел сделать интенданту, своему другу и давнишнему союзнику. Граф прямо и отправился в интендантство. Почта, которую он привез из Франции, была слишком объемиста, чтобы поместиться в его портфеле. Остановившись в небольшом домике Каймана, граф просто-напросто положил ее в комод и запер ящик на ключ.

Эта неумышленная предосторожность спасла пакет с депешами, так как ясно, что если бы Матье знал об их существовании, то он не посовестился бы воспользоваться ими. Но так как Матье искал только портфель графа и, найдя его, прекратил свои поиски, он не мог и подозревать, что таким образом из его рук ускользнули, быть может, самые важные бумаги.

Естественно граф был очень обрадован, найдя пакет нетронутым там, где его положил.

На этот раз случай ему помог и оказал важную услугу.

— Итак, — продолжал граф, — вы довольны?

— Как нельзя быть больше.

— Следовательно, все отлично.

— Вы говорите, что никому не известно о вашем приезде?

— Никому, кроме вас.

— Тогда вы можете быть спокойны.

— Я это знаю хорошо!

— Но имеете ли вы мне что сказать?

— Должны ли вы сомневаться в этом?

— Я?.. Меньше всего на свете.

— Однако же я вам писал, желая предупредить вас о моем приезде.

— Вы мне писали?

— Ну да.

— Когда же это?

— Шесть месяцев тому назад. Письмо отправилось на пароходе «Слон».

— Я ничего не получал.

— Вы шутите, мой друг.

— Я никогда не шучу в делах серьезных.

— Так это серьезно?

— Даже очень.

— Вы не получили моего письма?
— Даю вам честное слово.
— Тогда я здесь ничего не понимаю.
— Как же это?
— Да ведь вы же мне отвечали!
— Что?.. Что вы говорите?
— Я говорю, мой друг, что вы мне отвечали.
— Ого! Это уже слишком!
— В свою очередь я опять подтверждаю, что вы мне отвечали.
— Мне очень любопытно видеть этот ответ.
— Это легко.
— Он при вас?
— Вот.
И граф подал его Бигу.
— Вы знаете, что мне знаком ваш почерк, — прибавил граф.
— Да, и с давних пор.
— Итак, читайте.
Бигу развернул письмо и долго, старательно рассматривал его.
— Ну что же?— спросил граф.
— Это какое-то чудо, — отвечал Бигу.
— Что — вы забыли?..
— Нет!
— Так что же?
— Я удивляюсь способности так подделать.
— Что вы говорите?
— Я говорю, что я никогда не писал этого письма и, однако же, мой почерк так хорошо подделан, что я, черт побери, сам мог бы попасться.
— Итак — письмо подложно?
— Подложно.
— Что-то странно!
— И в самом деле, очень странно.
— Это нечто фантастическое.
— Но, всматриваясь в это письмо или, лучше сказать, разбирая каждую букву в отдельности, замечаются некоторые погрешности. Например, это «е» — оно слишком закончено, смотрите; другая, более крупная ошибка, это число — я его всегда ставлю вверху, здесь оно внизу. Но что всего серьезнее, так это, как вам известно, когда я желаю, чтобы моя рекомендация была солиднее...

— Вы не ставите точки на «и» в вашей фамилии, я это знаю.

— Смотрите на «и» — точка над ним есть, видите?

— Это верно, — отвечал граф.

— Подделыватель должен был игнорировать эту мелочь, известную только вам и мне.

— Это так. Но подложный или нет этот ответ, он доказывает, что мое письмо достигло вас.

— Уверяю...

— Виноват, я плохо выразился, я хотел сказать, что мое письмо попало не к вам, но в интендантство.

— А! Это важно.

— Очень важно, ибо очевидно, что у вас есть изменники или, по меньшей мере, изменники в вашей канцелярии.

— Я это заключение вывел давно и сейчас вам докажу. Вы читали письмо, так хорошо подделанное?

— Конечно. Оно доставлено мне от вашего имени.

— От меня?

— Ну да.

— И вы все рассказали подателю?

— Рекомендованному вами мог ли я не доверять?

— Конечно, нет.

— Ну, я и отнесся к нему с полнейшей доверенностью.

— Ай! ай! ай!

— Это еще не конец. Рассказав все, я заплатил ему. Незаметно для меня он дал мне чего-то сонного и, воспользовавшись моим сном, выкрал все бумаги, которыми был наполнен мой портфель. Благодаря только какому-то чуду, письмо из Франции ускользнуло от его рук. Потом этот человек, все еще пользуясь моим сном, уехал, и по настоящее время мне не удалось его отыскать.

— Что за побудительная причина могла заставить его так действовать?

— Не могу знать, но, по моему мнению, эта измена — дело наших врагов.

Интендант презрительно пожал плечами.

— У меня немало врагов, я это знаю, но я их всех держу в своих руках, никто из них не посмеет и шевельнуться.

— Вы ошибаетесь, мой друг. Ваши враги стараются немало и сильно нападают на вас в Версале.

— Да, но маркиза там, чтобы защитить меня.

— Не полагайтесь так на нее, поверьте мне, если жалобы, которые сыплются на вас в Версале, дошли бы до слуха короля, маркиза не нашла бы возможности защитить вас, и вы погибли бы.

— Разве близко к тому?— спросил интендант, дрожа.

— Почти, мой друг; все зло происходит из вашей канцелярии. Ваши враги успевают там пронизывать все насквозь и, быть может, те, которым вы более доверяете, изменяют вам с большим ожесточением.

— Но что делать? Где средство?

— Не могу сказать, но оно должно быть, и ваше дело найти его. Несомненно, против вас существует заговор.

— Все, что вы мне говорите, весьма логично и справедливо; но как открыть виновных?

— Вы один можете открыть их. Они подделались под вашу руку в деле, в котором я просил вас об услуге; предположите же хоть на минуту, что эти презренные вздумали бы повторить свою проделку и письмо, переполненное наглою ложью, попало бы в руки одного из ваших версальских врагов. Что случилось бы тогда с вами?

— Одна эта мысль приводит меня в ужас.

— Это, однако же, случится непременно, если вы не примете предосторожностей; на вашем месте...

— Посмотрим, что вы сделали бы на моем месте.

— Я разогнал бы всех, мой друг, и вы, наверно, открыли бы таким образом заговор, тайно составленный против вас.

— Но так я остался бы один.

— Самое большее — на несколько дней. В бумагах, которые эти господа, захваченные врасплох, не успели бы скрыть, вы легко добыли бы доказательства этого заговора.

— Этот план недурен, — отвечал Биго, — я посмотрю... обдумаю...

— Это ваше дело, но чем раньше вы начнете действовать, тем раньше избавитесь от ваших врагов; время летит, и если вы будете медлить, то зло усилится.

— Я не буду спать, будьте покойны. На этот раз битва решительная. Они попытаются поколебать мое положение, но я не позволю низвергнуть себя как глупца.

— И отлично сделаете. Теперь расскажите мне здешние новости, я ровно ничего не знаю, что здесь творится.

— По совести, я знаю немногим больше вас.

— Однако же, у вас главнокомандующим новый генерал.

— Это правда, но до сих пор о нем мало говорят.

— В Версале он слывет за достойного и храброго офицера. Генерал пользовался известной репутацией в немецкой армии.

— Он, вероятно, потерял ее дорогой, — насмешливо отвечал Биго. — Генерал оставил Квебек почти месяц тому назад и двинулся навстречу англичанам.

— А! а! Ну...

— Ну и наобещал золотые горы, но ничего не исполнил; даже начинают поговаривать, что он разбит.

— Это могло бы быть самым полезным для нас.

— Да, но еще ничего не известно положительного, это только слухи.

Дверь кабинета отворилась, и показалась голова швейцара.

— Не вам ли я приказал не впускать никого? — проговорил Биго высокомерно. — Почему вы ослушались меня?

— Маркиз де Водрейль, генерал-губернатор Канады, желает вас видеть и сообщить вам нечто важное.

— Подождите, — отвечал Биго и, оборотившись к графу, спросил его: — Желаете ли вы видеть губернатора?

— Я предпочел бы не видеть его. Он для меня невыносим.

— Войдите в эту комнату и оставьте дверь отворенной. Вы услышите все, что мы будем говорить.

— Отлично, убегаю.

Граф встал и отправился в указанную ему интендантом комнату.

— Попросите губернатора, — сказал Биго, обращаясь к швейцару.

Швейцар приподнял портьеру и произнес:

— Маркиз де Водрейль.

Биго встал и, улыбаясь, с самым любезным видом сделал несколько шагов навстречу губернатору.

Маркиз де Водрейль родился в Канаде; как все креолы, он обладал узким патриотизмом, который делает их врагами французов, рожденных в метрополии; де Водрейль стоял во главе партии креолов и никогда не упускал случая, когда к тому представлялась возможность, притеснять французов. Впрочем, человек честный, но мало раз-

витой, он совершенно подпал под власть интенданта Бигго, который делал с ним все, что хотел, не встречая никогда сопротивления.

— А! Какой попутный ветер занес вас, г-н губернатор, в наши края, — обратился к нему Бигго, придвигая кресло. — Дело, должно быть, очень важное?

— Действительно так, г-н интендант, — отвечал губернатор, садясь.

— Вы получили известия, г-н губернатор.

— Из армии, г-н интендант.

— И эти известия хороши, конечно. Монкальм не из тех людей, который для первого своего дебюта позволил бы разбить себя англичанам. Мне хочется скорее услышать эти известия, в особенности, если они утешительны.

— Судите о них. Вот в чем дело. Риго де Водрейль, мой брат, которого вы знаете...

— Он, кажется, подполковник канадских милиционеров?

— Он должен был быть полковником, его обошли, но оставим это.

— Он храбрый солдат и храбрый офицер, весьма чтимый в армии.

— Действительно. Итак, Риго де Водрейль прибыл в Квебек курьером от главнокомандующего.

— Так это официально?

— Вполне.

— Англичане разбиты?

— Наголову.

— Я знал хорошо, — произнес интендант, делая гримасу, — я знал хорошо, что Монкальм выйдет победителем.

— Блистательная победа. Наш главнокомандующий, располагая небольшим количеством людей, взял, почти в присутствии графа Лондона, командовавшего внушительными силами, взял, повторяю, укрепления Шуежена; овладел фортами Онтарио, Освего и Св. Георгия; взял в плен тысячу шестьсот человек, пять военных пароходов, не знаю сколько пушек. Короче сказать, наша победа стоит английскому правительству более пятнадцати миллионов. В руки генерала перешло также громадное количество съестных и боевых припасов и т.д., и т.п. Армия в восторге, энтузиазм не знает границ.

— И есть из-за чего! — сказал Биго. — Это блистательная удача, и ею мы отомстили за поражение несчастного барона Диеско.

— О, вполне! Что, вы думаете, мне нужно делать в этих обстоятельствах?

— Ваша обязанность вполне намечена, господин губернатор, — распространить повсюду это известие; отслужить благодарственный молебен в соборе; раздать милостыню хлебом и деньгами бедным; иллюминировать город, а когда генерал с армией возвратится, дать большой обед и потом бал.

— Да, все будет так. Меня стесняет одно только.

— Что же именно?

— Раздача милостыни бедным.

— Неужели я более не друг вам, что вас тревожит такое пустое обстоятельство?

— О, г-н Биго, как вы любезны.

— Такие пустяки!..

— Может быть, но эти пустяки меня весьма затрудняли.

— Теперь вы успокоились?

— О, совершенно.

— Раньше двух часов все, в чем вы нуждаетесь, будет доставлено к вам на дом.

— Благодарю тысячу раз.

— Не стоит благодарности. Главнокомандующий назначил в точности день своего возвращения?

— Нет; он говорит только в депеше: «Я возвращусь с армией через несколько дней». Но, конечно, он меня уведомит.

— Вероятно.

— Теперь позвольте, г-н интендант, проститься; у меня много дела, надо все приготовить для празднования нашей победы. Конечно, мы ее отпразднуем завтра, сегодня уже очень поздно.

— Я того же мнения.

— Итак, до свидания.

— До свидания, г-н губернатор. — И Биго проводил его до дверей, которые тотчас же затворились.

Когда Биго возвратился, то он увидел графа сидящим на стуле, который был занят губернатором.

— Что за несносный этот Водрейль, — проговорил граф.

— Да, но известия официальные.

— К несчастью. Делать нечего, приходится притворяться.

— Я так и делаю, как мне кажется.

— Вы были удивительно хороши все время вашего свидания.

— Вы, значит, одобряете?

— Другого ничего не оставалось делать; не следует, чтобы враги торжествовали вашу неудачу, делайте вид, что вы в восторге, и они придут в бешенство.

— Я не доставлю им возможности радоваться, показав свою досаду.

— Это было бы безумством, и одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы погубить вас; напротив, надо стараться высказывать как можно живее радость, которой вы не разделяете.

— Положитесь на меня.

— Я их проведу. Но вы? Что вы думаете делать?

— Не знаю. Вы были для меня последней соломинкой, за которую я ухватился; надеюсь отыскать негодяя, так обманувшего меня. Вы выскользнули у меня из рук, и теперь я не знаю, что делать.

— У вас нет никаких нитей?

— Ровно никаких.

— Вот в каком я положении! Не забудьте, что этот негодяй меня знает, а я его не знаю; что у него в руках мои самые драгоценные бумаги.

— Какого же черта вы носили с собой подобные бумаги?

— Очень просто, чтобы их у меня не похитили.

— Вы удивительно успели в этом!

— Нельзя было предвидеть случая, жертвою которого я сделался.

— Гм! Я не стану нападать на вас в беде. Есть ли у вас деньги?

— Вы мне их предлагаете?

— Если вы нуждаетесь, да.

— Благодарю вас за такое сердечное предложение, но мне ничего не нужно, при мне есть сумма, которую я, конечно, не издержу. Мне нужно то, чего именно у вас и нет.

— Быть может, и есть?

— Что вы хотите этим сказать?

— Выслушайте меня; средство, которое я вам предлагаю, может быть, и неважно, но в общем, и оно лучше, чем ничего.

— Говорите же!

— В нескольких шагах отсюда есть человек, о котором никто не знает, кто он есть в действительности. Только своего искреннейшего друга я могу свести с ним для переговоров.

— Благодарю вас за помощь, я не окажусь неблагодарным; впрочем, вы сами знаете, что вы можете вполне рассчитывать на меня в Версале.

— Я знаю, вы уже доказали это мне не один раз.

— Не будем обращаться к этим мелочам, мой друг.

— Хорошо. Человек, о котором я вам говорю, был одним из лучших агентов сыскной полиции. Я не знаю, по какому случаю Сартин, начальник полиции, так любивший этого человека и имевший к нему полное доверие, внезапно уволил его и препроводил в Канаду с приказанием губернатору сбыть его с рук тотчас по прибытии.

— Гм! Вероятно, опасались раскрытия какого-нибудь скандального дела.

— Должно быть; губернатор, с которым, как вам известно, я делаю все, что хочу, и который не имеет от меня тайн, показал мне приказание и просил совета, как ему поступить. Я посоветовал ему отвечать, что приказание выполнено, и сказал ему, что беру на себя справиться с этим человеком; он был мне благодарен, так как роль палача не нравится ему.

— Понимаю.

— Ни губернатор, ни кто другой не видел этого человека. Во все время его переезда он был заперт в глубине трюма. Его высадили только ночью и по прибытии в тюрьму посадили в секретное отделение. Я был у этого человека и вел с ним долгую беседу. Короче говоря, я спас ему жизнь, и он готов пойти за меня в огонь и в воду.

— Весьма понятно. Благодаря вам он возвратился с того света.

— Я сделал его своим шпионом, этот агент производит чудеса, он рожден полицейским и в своем роде великий человек. Если б я вам рассказал все, что он делал для меня, вы не поверили бы, настолько это переходит границы возможного.

— Вот так находка!

— Вы в этом скоро сами убедитесь. Благодаря только ему мне удавалось до сих пор разрушать все попытки моих врагов.

— Каких он лет?

— Лет сорока, может быть, более, а может быть, менее. Он не имеет возраста; он меняет физиономию, как ему нравится. У него необыкновенный талант; все меняется в нем; ростом он кажется несколько выше или ниже, смотря по обстоятельствам.

— Значит, он превзошел древнего Протея!

— Он худ, но обладает геркулесовой силой, я видел, как он выделял необыкновенные вещи.

— У него, без сомнения, есть какое-нибудь имя?

— Подложное, да.

— Что нужды, настоящее или подложное, лишь бы называть его как-нибудь, до остального нет дела.

— Он назвал себя Жак Дусе.

— Имя как раз подходящее к его деятельности.

— Живет он на Соборной улице, № 17, под вывеской ювелира; его называют богачом, и в действительности оно так; он недаром работает на меня; с другой стороны, кажется, и коммерция его процветает. Он имеет трех работников, пользующихся его полным доверием и заслуживающих того. Благодаря этому он может отлучаться, когда ему угодно и на неопределенное время. Он занимает весь дом, который достаточно велик и разделен на две половины, совершенно отдельные одна от другой. Покупатели входят через лавку, когда же я желаю его видеть, то захожу через глухой переулок. В этом переулке, как вы увидите, ни справа, ни слева нет окон или дверей.

— Черт возьми! Если нет ни дверей, ни окон, то как же входят простые смертные, а не чародеи?

— Подождите же, нетерпеливый. В глубине переулка перед собою вы увидите сероватую плиту, немного отличающуюся от прочих. Вы крепко налягте на нее, потайная дверь растворится, и вы войдете.

— Это весьма просто сделать днем, а ночью?

— Я посещаю Дусе только по вечерам.

— Но тогда...

— Ну вот вы и затрудняетесь в пустяках, разве для ночи не существует фонаря?

— Правда, я и забыл об этом.

— Не ходите к нему раньше восьми часов вечера. Я уведомлю его о вашем посещении и, кроме того, дам вам рекомендательное письмо.

— Еще рано, и я не знаю, что мне делать весь день.

— Прежде всего мы позавтракаем, потом, если есть у вас визиты, вы их сделаете.

— И в самом деле, мне нужно побывать в двух или трех домах.

— Инкогнито?

— Конечно.

Вечером, ровно в восемь часов, граф Витре вошел в переулок, налег на плиту, потайная дверь открылась, и он проник в дом ювелира.

— Посмотрим, не буду ли я на этот раз более счастлив? — переступая порог потайной двери, проговорил граф.

Что произошло у порогов Лося между Мрачным Взглядом и Сурикэ

Генерал прибыл в назначенный им день в Карильон, где ему хотелось, прежде чем вступить в Квебек, окончить укрепления. Он предчувствовал, что рано или поздно эти укрепления послужат ему против англичан.

Граф Меренвиль, видя кампанию оконченной, распустил своих милиционеров. Они как поселяне поспешили скорее по домам, чтобы заняться уборкой урожая, их единственного богатства.

Графу Меренвилю также хотелось вернуться поскорее в Бельвю, где его ожидала семья.

Он сообщил свое желание Монкальму.

— Кузен, — сказал генерал, — я сожалею, что вы раньше не подумали о своем возвращении. Ваши милиционеры проводили бы вас до Бельвю, тем более что большая часть из них — ваши соседи.

— Это правда, — отвечал граф, — но мне только сегодня пришло в голову, что я мог вернуться по одному пути с моими солдатами.

— Как быть? Вы не должны ехать один, это было бы безрассудством, и я не допущу вас до него.

— Быть убитым, сражаясь, — хорошо, но и я не желал бы быть умерщвленным; если б я мог найти Бесследного!

— Он здесь, — отвечал генерал, — ничего нет проще, как пригласить его. Но одного человека очень мало.

— Что же делать? На войне как на войне!

— Да, но это не война, не будем смешивать.

В ту же минуту вошел Шарль Лебо, как будто выжидавший подобного случая.

— Здравствуйте, любезнейший Шарль, — обратился к нему, улыбаясь, генерал. — Быть может, вы выведете нас из большого затруднения, в котором находимся граф и я.

— В чем дело, господа? — спросил Лебо.

— Вы знаете, где Бесследный?

— Он в крепости, генерал. Мы должны выступить сегодня ночью вместе с Тареа, и я именно пришел к вам просить отпуск. В окрестности Трех Рек мне назначено свидание, которого я не желал бы пропустить.

— Разве вождь уводит своих воинов с собою?

— О нет, генерал, он знает, что вы нуждаетесь в них, и берет с собой только десять человек.

— Итак, вы едете?

— Сегодня же ночью, генерал, если вы позволите. Вместе с тем я желал бы спросить вас, когда вы возвратитесь в Квебек.

— Не ранее 15 сентября.

— 16 сентября я к вашим услугам, генерал.

— Благодарю, мой друг, я рассчитываю на вас.

— Я иду уведомить Бесследного, что вы желаете говорить с ним.

— Теперь бесполезно.

— А!.. Очень хорошо, генерал.

— Вот в двух словах, о чем у нас шла речь: г-н Меренвиль желает возвратиться в Бельвю, где он давно не был; я не хочу отпустить его одного.

— И отлично делаете, генерал. Граф не доехал бы, в дороге у него содрали бы кожу с черепа.

— Вы видите, что я был прав, кузен.

— Я думаю, почему бы графу не отправиться с нами, — проговорил Лебо, — считая и его, нас было бы четырнадцать решительных людей; слишком смелы были бы те, кто попытался бы вступить с нами в бой.

— Шарль прав, с таким конвоем можно пройти всюду.

— Только я должен предупредить графа, что мы отправляемся скоро и что, кроме оружия, берем с собою только самые необходимые вещи.

— С благодарностью соглашаюсь. Я так же, как и вы, ничего не возьму с собою, кроме ягдташа. Кузен пришлет после мой багаж.

— Разумеется. А вашего друга, Мишеля Белюмера, разве вы оставите здесь? — спросил генерал, улыбаясь.

— Ах, Боже! Я и забыл о моем старом товарище, надо пойти предупредить его, он никогда не простил бы меня, если бы я ушел без него.

— Теперь вас пятнадцать, — произнес генерал, — и все хорошо знают пустыню и привыкли к борьбе с индейцами, и никому не придет глупая мысль попытаться оставить вас на вашем пути.

— Как знать, генерал, — произнес, смеясь, Лебо.

— Тем хуже для них, их порядком вздуют.

— По меньшей мере, постараемся.

— Кстати, в котором часу вы думаете тронуться в путь?

— Между десятью и одиннадцатью часами.

— Отлично, вы слышите, граф? Объясните мне, пожалуйста, — продолжал генерал, обращаясь к Лебо, — отчего вы, лесные обитатели, предпочитаете путешествовать ночью, а не днем, как это делают люди в цивилизованных странах.

— Причина весьма простая, генерал: ночью гораздо тише, малейший шум слышен на далекое расстояние. Так как нами руководит, главным образом, слух, а не зрение, то нам гораздо легче путешествовать ночью. Большая часть неожиданных нападений случается днем и почти всегда удается, тогда как ночью они почти невозможны; нам знаком малейший шум пустыни, и мы всегда узнаем причины его.

— Благодарю, мой друг. Кстати, не забудьте, господа, что я жду обоих вас к обеду ровно в шесть часов. Надеюсь видеть вас около себя в продолжение краткого времени, которое нам остается провести в крепости.

Генерал пригласил шевалье Леви, Бугенвиля, Бурламака и некоторых других; вечер вполне удался.

В половине одиннадцатого граф Меренвиль пожелал проститься; все офицеры, с генералом во главе, выразили намерение проводить их до крепостных ворот.

Краснокожие, Тареа и два охотника, ожидали их на валу.

Прощание было самое задушевное. Потом отворили крепостные ворота, путники вышли и через десять минут исчезли в лесу.

Путешествие было скорее похоже на прогулку. Ничто

не потревожило покоя путников. Блистательная ли победа, одержанная французами, удивила ирокезов и побудила их не предпринимать ничего безумного, или, что всего вероятнее, индейцы, видя, с кем придется иметь дело, не желали подвергать себя опасности потерпеть поражение?

Путешествие продолжалось двенадцать дней.

На двенадцатый день, около трех часов, после обеда, путешественники заметили высокие строения Бельвю.

Граф Меренвиль с сильнейшею радостью увидел столь любимую им дачу, которая показалась окруженною игристыми лучами солнца.

Граф просил своих друзей, как белых, так и краснокожих, отдохнуть несколько часов в его доме.

Все согласились с радостью; один Шарль Лебо не принял бы этого приглашения, если бы не боялся огорчить графа, уклоняясь от любезного предложения, сделанного графом ему и его товарищам.

Шарль Лебо, желая сделать графу что-либо неожиданно приятное и зная, сколько времени семейство графа ждало его с нетерпением, бросил несколько слов Тареа, предводителю маленького каравана.

Тареа улыбнулся и сказал одно слово, которое индейцы любят употреблять, так как оно лаконично:

— Хорошо! — И потом прибавил: — Брат никогда не забывает своих друзей.

Один из индейцев побежал вперед. Граф де Меренвиль не заметил этого.

Путешественники были не далее как на расстоянии ружейного выстрела от дома, когда заметили группу людей, приближающихся им навстречу.

Немного впереди шли четыре дамы.

В нескольких шагах позади выступали по-военному человек тридцать вооруженных людей, служивших конвоем дамам. В конце следовали слуги и дети.

Встреча была самая трогательная. Целовались, плакали, но плакали слезами радости.

Милиционеры кричали бесконечное «ура», и слуги тоже надсаживались, желая перекричать друг друга.

Это был настоящий семейный праздник.

Все спрашивали и никто не отвечал.

Радость была сверхъестественная.

Граф совершил настоящее триумфальное шествие в свой дом, который был ему теперь дороже, чем когда-либо.

— Как же вы узнали о моем приезде? — спрашивал граф жену, целуя ее.

— Нас предупредил гурон. Он сообщил нам, что вы возвращаетесь живы и здоровы.

Граф тотчас догадался, кто мог придумать эту милую шутку.

— Благодарю, — обратился он к Лебо, взяв его за руку.

Молодой человек стал было возражать.

Но Тареа вмешался:

— Полковник прав, Сурикэ сказал вождю, он, красный человек, не знал обычая белых; охотник напомнил.

Молодой человек опустил голову и не возражал более.

Все было приготовлено так, чтобы принять гуронов как можно лучше.

Граф пригласил Бесследного и Белюмера, чтобы помешать Шарлю Лебо уклониться от приглашения.

Молодой человек не смел отказаться.

Но не успел он согласиться, как Бесследный и Белюмер раздумали, говоря, что они, лесные обитатели без всякого образования, будут только стеснять всех своим незнанием светских приличий и что предпочитают остаться с краснокожими друзьями, с которыми им нечего стесняться.

Граф употребил все усилия, чтобы заставить их переменить мнение, но все было напрасно, и он должен был исполнить их желание.

Отказ охотников опечалил графа, так как он относился с уважением к этим храбрым, скромным и преданным во всех обстоятельствах людям.

Сурикэ, как его называли другие охотники, попробовал было также взять свое согласие назад, но как только он заикнулся, граф заставил его замолчать, обратившись к нему со следующими словами:

— Вы не имеете никакой серьезной причины отказываться, так как уже не в первый раз вы делаете мне честь обедать у меня; если вы сегодня откажетесь, мне не только будет больно, но я даже сочту это за обиду.

— О, граф! Можете ли вы предполагать во мне такие намерения?

— Я, право, не знаю. Вы так скромны во всех обстоятельствах, что неизвестно, чего держаться с вами. Вы скрываете все, что делаете хорошего, с таким старанием, как будто вы совершаете какие-нибудь преступления.

— О, граф! Вы заходите слишком далеко, — отвечал Сурикэ с улыбкой.

— Так, например, вам пришла в голову великолепная мысль, и только вам одному она и могла прийти; вы же пытались приписать ее вождю, но он хорошо вас знает и не принял эту ответственность на себя; вы видели, я ни на минуту не сомневался в ваших намерениях.

— О! Это такие пустяки, и не стоит им придавать так много значения.

— Как, вы называете пустяками внимание, доставившее мне возможность часом раньше увидеть свое семейство?!

— Вы правы, граф, — отвечал Сурикэ, улыбаясь, — приношу извинения.

— В добрый час, вот таким я вас люблю. Не забывайте же, что я преданный вам друг и желаю, чтобы вы считали мой дом своим. А то я рассержусь серьезно.

— Будьте уверены, граф, что я готов сделать невозможное, чтобы только быть вам приятным; но не забывайте, что я не более как простой охотник.

— Хорошо, хорошо. Если вы теперь обитатель лесов, то только потому, что вам так нравится, но вы будете совершенно другим, если пожелаете.

Разговор на этом прервался.

— Я должен был уйти один из Карильона, — проговорил про себя охотник, оставшись наедине, — и если бы я последовал моему первому движению, я не был бы сегодня в таком затруднении, в каком нахожусь теперь; но этого более со мной не повторится, я приму все предосторожности.

И с задумчивым видом он отправился прогуляться по деревне.

Лебо не видел или, может быть, не желал видеть Марту де Прэль, которая рассматривала его с большим вниманием и, казалось, была очень недовольна, что молодой человек ушел, даже не поклонившись ей.

За обедом Лебо был единственным посторонним лицом. За столом он сидел по правую сторону госпожи де Меренвиль; напротив сидела Марта де Прэль.

Все шло хорошо во время обеда. Были веселы; болтали через пятое на десятое, не заботясь об ответах.

Но за десертом обстоятельства изменились.

Графиня и ее дочь просили Меренвиля рассказать им подробно все, что с ним произошло во время кампании.

Граф отнекивался, но дамы настаивали, и пришлось исполнить их просьбу.

— Гм! — проговорил граф, бросая украдкой взгляд на Шарля Лебо, обратившего, как казалось, все свое внимание на прекрасное яблоко, которое он чистил. — Господин Лебо, — продолжал граф лукавым тоном, обращаясь к молодому человеку, — гораздо лучше меня передаст вам этот рассказ.

— Я? — отвечал Лебо. — Вы шутите, граф. Я не более как безвестный солдат, роль которого была ничтожна. Я очень мало вынес воспоминаний из этой славной кампании и прошу графа оставить меня в тени, как и следует, а также просил бы позволить мне, с разрешения дам, уйти на лужок, который напротив дома, выкурить там мою трубку.

— Я в отчаянии, что должен отказать вам, любезный Лебо, — отвечал граф, улыбаясь, — дамы желают вас удержать; тем более и мне вы необходимы. Вы подтвердите некоторые подробности, которые, конечно, вам более известны, чем мне.

— Господин Лебо, вы нам доставите большое удовольствие, оставшись здесь, — проговорила графиня.

Остальные дамы присоединились к ней.

Молодой человек понял, что попался. Он молча поклонился и уткнулся носом в тарелку, несколько смущенный шутками графа.

— Ну, нечего делать! Он сам заставляет рассказать вам, любезнейшая жена и дети, чем главнокомандующий и армия, не говорю уже о себе, обязаны этому безвестному солдату.

— Граф, вы доставляете себе злое удовольствие мучить меня, но дамы сумеют понять преувеличение и...

— Кто вам сказал, что я преувеличиваю, любезный Лебо, я говорю простую истину, лишенную всякой искусственности.

— Мы это увидим, граф, — отвечал молодой человек, стараясь говорить шутливым тоном.

— Господин Лебо, — проговорила с плутовской улыбкой Марта де Прэль, — мой опекун говорит всегда правду, и объявляю заранее, что я всему поверю, что бы он ни сказал.

— Отлично сказано, — весело сказал граф.

— Мы присоединяемся к Марте, — проговорили другие дамы.

— Хорошо! Подождите и увидите, — произнес Лебо несколько сухо.

— Мы вас слушаем, граф, — сказала Марта, бросив особенную улыбку Шарлю.

— Я готов, — отвечал граф.

И он начал свой рассказ. Граф рассказал все просто, без напыщенности, но ничего не опуская; он не забыл повторить слова главнокомандующего, что успехом кампании обязаны молодому человеку.

Слушатели удивлялись и восклицали. Все взоры были обращены на молодого охотника, который старался сохранить хладнокровие, хотя и был буквально как на иголках.

Когда граф дошел до трогательного эпизода переправы через реку, бледные, взволнованные, с глазами, полными слез, дамы поднялись и окружили рассказчика, так же взволнованного, как и они сами.

— Я это предугадывала! — сказала Марта с невыразимым волнением. — О, г-н Лебо, как нам благодарить вас за спасение нашего отца!

— Ах, как это прекрасно, как это дивно, какое самопожертвование! — вскричали дамы, смеясь и плача в одно и то же время.

— Господин Лебо давно уже зарекомендовал себя! — восторженно воскликнула Марта. — Разве не он спас меня! И, однако же, он не только позабыл об этом, но даже, без сомнения, чтобы избежать моих благодарностей, прикидывался, будто не узнает меня.

— А! Мадемуазель, — проговорил Лебо печальным тоном, — я не заслуживаю ваших упреков.

— Нет, господин Лебо, вы их заслуживаете, — произнесла Марта с улыбкой, смягчившей ее слова.

— Вы правы, Марта, — сказал граф, весело смеясь, — будьте немилосердны к этому безвестному солдату, который подает советы главнокомандующему и от нечего делать спасает своих друзей. Я никогда не был так близок к смерти, как тогда; меня и теперь еще бросает в дрожь, когда я вспомню об этом.

— Бедный папа, — проговорили молодые женщины, — вы думали о нас, не правда ли?

— Придя в чувство, моими первыми словами было: благодарю за жену и детей.

— И это правда? — спросила Марта.

— Спросите г-на Лебо, дети.

— Говорите, г-н Лебо, — обратилась к нему Марта с очаровательной улыбкой.

— Я должен сознаться, что все это так; но только граф немного преувеличил мои заслуги; признательность ввела его в заблуждение.

— Нет, г-н Лебо, мой муж ничего не преувеличивал, — отвечала глубоко взволнованная графиня. — Напротив, я подозреваю его, что он, по возможности, кое-что скрыл, чтобы не задевать вашей скромности; г-н Лебо, мы надеемся, что вы перестанете церемониться с нами.

— Графиня, вы приведете меня в восторг, оказывая мне такую честь.

— Понимайте, милая мама, так: я буду приходить к вам тогда только, когда не будет возможности вернуться, — проговорила Марта, улыбаясь.

— Почему приписывать мне чувства, не существующие в моем сердце.

— О Боже, — произнесла Марта тем же тоном, — потому что вы обладаете странной привычкой: если вам кто-нибудь не нравится, вы спешите оказать ему значительную услугу, чтобы отделаться от него. Не служу ли я тому очевидным доказательством? С тех пор как вы, рискуя своей жизнью, спасли меня от негодяя, вы окончательно позабыли обо мне. Поэтому я серьезно боюсь, чтобы и моего опекуна не постигла та же участь.

— Ну, это мы еще увидим, — проговорил граф, улыбаясь.

Шутливый разговор продолжался в таком роде, пока не появился Бесследный и не сказал охотнику, что пора трогаться в путь.

— Скоро ли вы возвратитесь? — спросил граф Шарля.

— Не знаю, это зависит от некоторых обстоятельств, которых я не могу предвидеть; но, поверьте, граф, что бы там ни говорила мадемуазель де Прэль, для меня всегда будет счастьем бывать у вас.

— Ну, это еще подлежит сомнению, — сказала Марта, смеясь.

Лебо простился и ушел со своими друзьями.

В эту самую ночь, ровно в час, Мрачный Взгляд через посредство Бесследного назначил ему свидание у порогов Лося.

Шарль не мог медлить ни одной минуты, чтобы поспеть вовремя на свидание, так как пороги Лося были еще не близко.

Охотники и краснокожие должны были дожидаться Шарля в двух или трех ружейных выстрелах от места свидания; потом предполагалось, что он отправится с ними в их деревню и отдохнет там.

Условившись насчет всех подробностей, путники продолжали свое путешествие лесом.

Ночь была прекрасная и светлая.

Когда краснокожие прибыли на место, где должны были дожидаться, они сделали привал, расположившись лагерем, но не разводя огня из предосторожности, чтобы не привлечь ночных бродяг, которых всегда очень много вблизи плантаций. Гуроны по возможности избегали схваток с бродягами, в которых можно было много потерять и мало выиграть.

Шарль продолжал путь, предоставляя своим друзьям расположиться сколько возможно было лучше.

Пройдя минут двадцать, он услышал гул порогов и скоро заметил высокого человека, опершегося скрещенными руками на дуло своего ружья.

— Кто идет?

— Друг, — звучно произнес Лебо.

— А! Это вы, г-н Лебо?

— Да, и готовый к вашим услугам.

— Радуюсь, что Бесследный не забыл моего поручения.

— Бесследный никогда не забывает поручений, могущих быть полезными друзьям.

— Я это знаю.

Прошло несколько минут в молчании.

Оба охотника сели рядом на выступ скалы.

Мрачный Взгляд что-то обдумывал, но минуту спустя заговорил.

Его первый вопрос привел Шарля в изумление.

— Вы получили письмо от отца?

— Что? — произнес охотник, с удивлением глядя на него.

— Сколько времени, как вы не получали писем от вашего отца, две недели или месяц?

— Месяц, — отвечал Лебо. — Разве вы знаете моего отца?

— Да. Вы должны были узнать о нашем знакомстве из последнего письма вашего отца.

— Виноват, я получил это письмо, но еще не прочитал его. Оно осталось в руках главнокомандующего, и он отдаст его мне по возвращении в Квебек.

— Вот это прискорбно.

— Но почему же?.. Ничего нет естественнее. Напротив, все письма моего отца походят одно на другое. Он мне пишет редко и для того только, чтобы делать мне постоянные упреки; теперь вы понимаете, почему я не очень тороплюсь читать их.

Мрачный Взгляд не мог удержаться от улыбки.

— Да, это отчасти так. Отец ваш немного желчный, я его знаю давно. Горе и долгие, незаслуженные страдания сделали его таковым.

— Милостивый государь! Я люблю и уважаю моего отца, несмотря на всю его суровость.

— Я это все знаю, но знаю также и то, что ваш отец вас очень любит и вполне верит в вас.

— Гм!.. Мне кажется, что вы зашли немного далеко.

— Мои слова легко доказать; слушайте, в письме, полученном вами в бытность вашу в Квебеке, не нашли ли вы места, которое заставило вас сильно призадуматься? Не удивила ли вас также присылка вашего оружия?

— Сознаюсь, милостивый государь, и вместе с тем прибавлю, что тон этого письма поразил меня; отец мой никогда не обращался со мной так ласково, скажу более — нежно.

— Теперь вы видите!

— Да, но его жестокость и обман, к которому он прибегнул, чтобы отправить меня сюда против моей воли...

— Да, но нужно было, чтобы все так произошло.

— Как?!

— Позвольте, в жилах вашего отца течет немного немецкой крови; он упрям и мстителен и не прощает никогда оскорбления.

— Мне это лучше известно, чем кому-либо.

— Зачем такая язвительность? Вы раскаетесь, когда узнаете обо всем.

— Я этого желаю, так как, повторяю вам, несмотря ни на что, люблю моего отца.

— Я вам расскажу в чем дело: вашему отцу было нанесено одно из тех оскорблений, которые никогда не забываются. Но он имел дело с человеком могущественным, которому ничего не стоило погубить всю вашу семью. Отец ваш тайл свою месть двадцать пять лет. Он научил вас владеть оружием, дал вам полное и серьезное образование и потом ждал случая воспользоваться вашими ус-

лугами для своей мести. Его враг в продолжение многих месяцев жил в Новой Франции. Если бы вы прибыли как путешественник, на это обратили бы внимание и вы бы исчезли, как это здесь случилось много раз. Чего ради вам нужно было переплывать океан? Ваш отец богат, и вы адвокат парижского парламента. Надо было придумать какую-нибудь уловку, чтобы вы были вполне гарантированы от всяких подозрений. Такая уловка была найдена. Ваш отец наделал много шума из-за нескольких ваших пустых шалостей; он преувеличил ваши долги и добился указа о посылке вас в Новую Францию, и, когда все было готово, вас снабдили всем необходимым для путешествия, остальное вам известно.

— Но мне известно также, милостивый государь, что накануне моего отъезда, когда я хотел проститься с отцом, он отказался принять меня.

— И он был прав.

— Как прав?

— Конечно. Отец ваш растрогался бы и открыл бы вам все. Враг ваш, быть может, был бы предупрежден, и дело стольких лет могло бы быть потерянным.

— Вы так подбираете факты, что невольно приходится верить.

— Скоро вы убедитесь, что я говорил только истину. К тому же я слишком многим обязан вам, чтобы я не был с вами искренен.

— Как имя этого врага? Можете ли вы назвать мне его?

— Я, собственно, за этим и пришел сюда. Имя его — граф Рене де Витре.

— Граф Витре! — воскликнул охотник, задрожав. — А! С первой же минуты, как я увидел этого человека, я почувствовал к нему ненависть.

— Я знаю, что между вами происходило и как вы едва его не убили.

— Если б я знал тогда то, что узнал сегодня, я убил бы его как собаку.

— И хорошо бы сделали.

— Я знаю и убедился в этом несколько дней тому назад.

— Что вы хотите сказать?

— Граф подкупил убийцу, чтобы покончить со мной.

— Уже?

— Да.

— И чем же это кончилось?

— Я убил подкупленного.

— Граф найдет другого.

— Разве убийство его пункт помешательства?

— Но час кары уже пробил, у меня в руках доказательства, дающие возможность погубить его; его постигнет ужасная кара, в этом я вам клянусь! — сказал Мрачный Взгляд с сильнейшей ненавистью в голосе.

— Извините, милостивый государь, но позвольте предложить вам один вопрос.

— Извольте.

— Почему эта месть так сильно интересует вас?

— Вы это узнаете, когда прочтете письмо вашего отца.

Пусть лучше оно откроет вам все.

— Да, действительно, так будет лучше.

— Несколько дней тому назад я ужинал с графом в Луисбурге.

— А! Он возвратился?

— Да, и обшаривает все мышинные норки, чтобы разыскать меня, но я обманул этого великого обманщика и сбил его с толку; я приобрел связи в высших сферах, с которыми ему нелегко будет справиться. Он почти потерял голову и не знает, какому святому молиться. Одним словом, я затравил его, остается только добить.

— И с Божьей помощью мы победим, — сказал Лебо с мрачной решимостью.

— Слушайте же, я расскажу вам о нашей обеде в Луисбурге.

— Должно быть, это очень интересно.

— В особенности для вас.

Тогда Мрачный Взгляд, в котором читатель, без сомнения, узнал Матье, рассказал охотнику все, что произошло между ним и графом Витре в доме Каймана, в Луисбурге.

— Это ужасно! Этот человек какое-то чудовище. Думаете ли вы, что у него хватит духу сделаться убийцей лиц, осужденных им на смерть?

— Да. Разве он уже не подсылал убить вас?

— Правда.

— Он не остановится перед преступлением, я в этом убежден.

— Но что ему сделали эти несчастные?

— Ничего, но они обладают какой-то тайной, которую

он хочет уничтожить, погубив их; эти люди стесняют его, и он желает во что бы то ни стало стереть их с лица земли. Вы видите, что неприязненные действия открылись с обеих сторон.

— Но не нашлось ли какого-нибудь средства окончить это дело полюбовно? Я не хочу проливать крови.

— Мы об этом поговорим, когда вы прочтете письмо вашего отца.

— Зачем вы отсылаете меня постоянно к нему?

— Так следует... А! Я и забыл, я должен вручить вам...

— Что?

— Пятьсот тысяч ливров.

— Вот как! Я не нуждаюсь в деньгах и не трачу почти ничего. У меня гораздо больше, чем мне нужно.

— Вы забываете, что деньги — нерв жизни; они отворяют все двери и раскрывают самые затаенные вещи. Деньги эти не для вас, но...

— Понимаю. Кто стремится к цели, не пренебрегает средствами.

— Отличный ответ. Когда я вам понадобится, вы найдете меня в монастыре францисканцев в Квебеке, где спросите отца Жерома.

— Отлично. Я не забуду.

— Когда я захочу вас повидать и не застану дома, то в запечатанном конверте оставлю червонного туза, если же туза трэф, то значит, что я был у вас по делу весьма поспешному. Когда же вы найдете туза пик, то это будет означать, что вам грозит опасность, и вы тотчас же поторопитесь ко мне в монастырь.

— Все это ясно. Но знаете ли вы, где я живу?

— Да, в доме Белюмера. Теперь до скорого свидания. Смотрите же, будьте осторожны.

— Буду бодрствовать, будьте покойны.

Оба пожали друг другу руки и расстались.

Солнце уже встало, беседа их длилась несколько часов.

Витре все еще ищет, но ничего не находит

Политический горизонт Канады покрывался все более и более грозными тучами.

Французы, вполне достойные своего имени, — но таких было немного в администрации Новой Франции — предвидели катастрофу, готовую разразиться каждый день.

Монкальм не предавался иллюзиям насчет колонии. После всякой одержанной им победы он доносил военному министру, что надобно заключить мир с англичанами, в противном случае они погибли.

И не только один Монкальм писал так военному министру, ему писали то же Дорель, шевалье Леви, Бугенвиль и многие другие, обладавшие совестью и видевшие всю низость образа действий Биго и его злоумышленников; как ни резко это название, но они не заслуживали другого.

Англичане грозно вооружились против несчастной колонии; они хотели атаковать французов сразу со всех сторон и, раздавив их одним ударом, покончить с ними.

В Версале все это было известно; там многие втихомолку вздыхали, и в том числе первым — военный министр, который имел более верные сведения, чем другие. Но никто не осмеливался сказать слово. Маркиза Помпадур сильно интересовалась Канадой и всеми силами покровительствовала Биго.

Маркиза Помпадур была слишком могущественна у короля; все перед нею преклонялось.

Хотя убежденный, что потеря колонии не более как вопрос времени, Монкальм несколько раз просил разрешения возвратиться во Францию, но не мог добиться его.

Видя себя преднамеренной жертвой, Монкальм безропотно покорился, но покорился как герой.

Со дня взятия Шуэжена главнокомандующий только изредка появлялся в Квебеке и оставался там не более двух-трех дней, затем снова поспешно возвращался в начатые укрепления, чтобы привести их в возможно лучшее состояние, увеличить наличный состав войска и пополнить магазины съестными и боевыми припасами и также обмундированием, наконец, приготовить все то, что необходимо для ведения войны. Он знал из верных источников, что будущая кампания будет одной из наиболее тяжелых.

Монкальм принял неизменное решение; имея в виду только одно — честь Франции, он дал себе слово сделать свое положение более выигрышным, чем самая блестящая победа.

Монкальм хотел, чтобы успех англичан, стоивший им более, чем поражение, возбудил у них не торжество, а ужас, и очень честно сдержал данное слово, как это увидят в развязке этой грандиозной эпопеи.

Однажды, между восемью и девятью часами вечера, какой-то господин, тщательно закутанный в складки широкого плаща, вошел в переулочек, упирившийся в задний фасад дома Жака Дусе, днем ювелира, а в часы досуга — шпиона г-на Биго.

Неизвестный надавил плиту, потайная дверь отворилась; он вошел и врасплох очутился лицом к лицу с ювелиром.

— Входите скорее, — сказал Дусе, быстро затворяя дверь, — не знаю почему, но мне кажется, что за вами следили.

— Пусть! — отвечал вошедший, смеясь, и продолжал, когда они вошли в отлично меблированную комнату шпиона: — Что вам вздумалось! Кроме какого-то прохожего, шедшего в двадцати шагах впереди меня и ни разу не обернувшегося, я и собаки не встретил от самого дома Водрейля. Вы всего боитесь, — прибавил он, продолжая смеяться, и, бросив свой плащ, расположился в мягком кресле.

— Смейтесь, граф, но знайте, что лучшее средство выследить кого-нибудь — это идти впереди него.

— А я не знал этого, теперь же, при первой встрече, вспомню... Благодарю за совет.

Жак Дусе бесцеремонно пожал плечами.

— Откуда вы взяли, что за мной следили? Вы ничего не могли видеть сквозь эти толстые стены.

— Это правда, — ответил Дусе серьезным тоном, — я ничего не видел.

— Ну, так как же?

— Предчувствие меня никогда не обманывает, граф де Витре.

Граф разразился смехом.

— Если мы заходим в область фантастическую, то я не буду говорить ничего; было бы слишком глупо спорить о подобных предметах.

— Вы так думаете, граф?

— Еще бы! — отвечал граф тем же тоном. — Все эти рассказы старых баб — нелепые предрассудки, которые каждый здравомыслящий человек должен презирать.

— Может быть, и так, граф, но кто знает, не придется ли и вам в скором времени согласиться со мной.

— Признаюсь, это меня удивило бы, но оставим этот пустой спор, который не имеет смысла, и поговорим лучше о более важных делах.

— Я к вашим услугам, как и всегда, граф.

— Вот уже почти месяц, как я вас не видел. В последнее наше свидание вы просили у меня только две недели, вы помните это? Я дал вам больше времени, следовательно, вы не можете упрекать меня в настоящем моем нетерпении.

— Совершенно так, граф. Но зато я добыл некоторые сведения.

— А? Посмотрим, что за сведения! — проговорил граф, потирая руки.

— Не радуйтесь, граф; я боюсь, что они не только не принесут вам какой-либо пользы, но еще сгустят тот туман, которым вы уже окутаны.

— Гм! Что вы хотите сказать? Говорите скорее и без разглаговольствований.

— Хорошо. Это будет недолго.

— Я слушаю.

— Предлагайте мне вопросы об известных лицах; я предпочитаю вести разговор в этом роде, так будет проще и скорее.

- Хорошо. Шарль Лебо?..
- Исчез дней двадцать тому назад, и никто не знает, что случилось с ним.
- Может быть, убит в стычке с индейцами?
- Нет. Он получил письмо в Квебеке, где он живет в доме старого охотника Мишеля Белюмера.
- Ну, а Белюмер?
- Не знает или, скорее, притворяется, что ничего не знает.
- Может быть, есть возможность что-нибудь узнать через этого человека?
- Нет.
- Как нет?
- Шарль Лебо уехал тотчас по получении письма, никому ничего не говоря; что же касается Белюмера, то он уехал четыре дня спустя по отъезде своего друга.
- Разве вы не послали надежного человека вслед за ним?
- Посылал, но несколько часов спустя его нашли возле Трех Рек с разбитым черепом и не с одной пулей в животе. Мне кажется, лишнее прибавлять, что он был мертв.
- Весьма естественно. Молодцы не зевают!
- Они знают, что им грозит опасность, и защищаются; они правы, точно так же, как будем правы мы, если поступим с ними таким же образом.
- Логично, а граф Меренвиль?
- Граф оставил генерала Монкальма в Карильоне.
- Он должен быть на своей даче Бельвю. Граф постоянно живет там, когда не в походе.
- Бельвю необитаем; там ни души более не осталось.
- Что вы говорите? — вскричал граф, подпрыгивая на своем кресле.
- Истину, граф.
- Все семейство уехало?
- Да, граф. В том числе и мадемуазель де Прэль.
- А! Они, без сомнения, в Квебеке. Для меня это лучше, теперь они под моими руками, и похищение легче будет привести в исполнение.
- Семейство Меренвиль не в Квебеке.
- Вы в этом уверены?
- Даже очень. Дом их пуст, все заперто.
- Черт возьми! Вот так новости!

— Я вас предупреждал.

— Но когда и как они уехали? Ведь должен же был кто-нибудь их видеть? Не могли же они испариться в воздухе.

— Они выехали внезапно, в полночь.

— В полночь?! — вскричал граф с удивлением.

— Да, граф. Они, разделившись на две группы, уехали неожиданно; все было приготовлено заранее.

— А!

— Их выслеживали по следам лошадей. В известном месте, примыкающем к реке, обе группы, как это заметно по следам, соединились в одну и отправились далее. В продолжение восьми дней за ними следили шаг за шагом, и на девятый день...

— Ну, что на девятый день?

— Лошади возвратились в Бельвю после длинного объезда.

— А люди?

— Неизвестно.

— Но слуги, оставленные в Бельвю?..

— Вчера переехали в Квебек, в дом графа.

— Прислуга должна же хоть что-нибудь знать?

— Ничего; к ним уже пробовали подъезжать со всех сторон. Это малоразвитые канадцы, которым не рискнули бы доверить столь важную тайну.

— Так. Но кто мог предостеречь графа?

— Э!.. Конечно, так называемый Матье, который показал вам отличный образчик того, как он умеет обделывать свои дела.

— Ну, уж попадись он мне!

— Ну, это еще когда-то будет, а пока мы в его руках.

— А так мы разбиты.

— Наголову, граф.

— К черту! Проклятые!.. А женщина, прозванная *Свет Лесов*, тоже исчезла?

— Да, давно уже часть племени бобров оставила свою деревню и переселилась в другое место, как это делают часто индейцы; эта женщина отправилась с переселенцами.

— За ними не следили?

— Гнаться по следам диких?.. Да разве это возможно, граф?

— Мои мысли путаются. Я начинаю сходить с ума.

— И есть от чего, но не надобно еще терять надежды. Если мы успеем найти хоть одного, в наших руках будут все.

— Конечно. Но когда?

— Точно определить я не могу, может быть, завтра, а может быть, через год. Главное, нужно запастись терпением и положиться на случай, который часто помогает тем, кому в счастье не везет!

— Ваши доводы малоутешительны.

— Что делать, граф! Не знаю, что вам и сказать, но только могу уверить вас в одном...

— В чем?

— В том, что это дело, по своим затруднениям и препятствиям, заинтересовало меня в высшей степени. В первый раз я встречаюсь лицом к лицу с противниками, равными мне, так как и они сильны, дворянжки. Я буду бороться с ними во что бы то ни стало, а если мне не удастся разбить их, то это будет не по моей вине.

— Вы это мне обещаете?

— Будьте покойны, граф. Моя гордость и мое самолюбие поставлены на карту. Если я не выиграю, я сложу голову.

— Вот условие: если вы будете иметь успех, я вам заплачу пятьсот тысяч ливров.

— Это ваше дело. Не теперь будем говорить о деньгах, после — другая статья!

— Все будет зависеть от того, что вы сделаете, — сказал граф, вставая и надевая свой плащ. — Теперь я вас оставляю, уже становится поздно. У меня еще много дела, я опять приду...

— Дайте месяц времени; если будет в промежутке что-нибудь новое, я вам сообщу.

— Отлично. Так будет лучше. До свидания.

— Мое почтение, граф.

Витре, слегка поклонившись, сошел с лестницы, напевая вполголоса модную песенку, и вышел, не принимая никакой предосторожности, а стараясь только не выпачкаться в грязи в этом глухом переулке. Он шел крупными шагами, не оглядываясь ни вправо, ни влево.

Только что граф повернул за угол переулка, как ему представилось какое-то необыкновенное движение в подозрительной груде мусора. Потом внезапно, как черт из игрушечной коробки, показался из кучи сора какой-то

человек высокого роста, что-то бормотавший сквозь зубы и ругавшийся.

— Еще десять минут, и я задохнулся бы без покаяния. Чтобы черт побрал старого дурака, на которого приходится постоянно работать; его трудно провести, как старую приказную крысу. Но главное не медлить.

Разговаривая так с собою, неизвестный вышел из дыры, проделанной в куче сора, и быстро распустил громадное покрывало, которым он плотно был окутан, чтобы по возможности меньше выпачкаться грязью. Одежда его не пострадала ничем, что доставляло ему немало удовольствия. Завернувшись в плащ, он поспешил в глубь переулка, который был от него не более четырех или пяти шагов.

В это самое время Жак Дусе разговаривал с собою вполголоса:

— Сердце мое сжимается, это — предчувствие, что бы там ни говорил граф Витре. Подожду еще пять минут, чтобы окончательно увериться, что граф не возвратится, как это он сделал в последнее свое посещение, и потом сниму пружину потайной двери. Я хорошо знаю, что никому в Квебеке неизвестно о существовании этой двери, но всегда нелишне быть осмотрительным.

Он взглянул на часы.

— Пять минут кончаются, — прибавил он, — пора.

Дусе отворил дверь в комнату, в которой он принимал своих клиентов, то есть избранных, как бы называли их теперь. Дусе не сошел с лестницы еще и наполовину, как услышал твердые и тяжелые шаги и затем увидел слабый свет.

— Я был вполне в этом уверен, — пробормотал Дусе. — Граф всегда так делает, он, вероятно, забыл сообщить мне что-либо важное или подать последний совет. Я знал, что вы возвратитесь, — проговорил Дусе уже громко, — входите; но еще бы минута, вы не смогли бы войти, дверь была бы заперта.

Таинственный посетитель, которого Дусе принял за графа Витре, проворчал что-то сквозь зубы, на что шпион не обратил внимания, чем и сделал громадную ошибку.

Костюм незнакомца чрезвычайно походил на костюм графа Витре.

Несмотря на всю свою смышленость, Дусе на этот раз ошибся; впрочем, костюм графа не имел никакого значе-

ния для Дусе, ему не надо было изучать ни манер, ни платья графа.

— Не угодно ли вам присесть в эти кресла, граф, — сказал Дусе с почтительным поклоном.

Незнакомец снял плащ и шляпу.

— Я не граф Витре, — отвечал он сурово.

На нем была бархатная маска и в каждой руке по пистолету, дула которых были направлены в грудь шпиона.

Дусе был буквально поражен этим визитом, предвещавшим для него так мало хорошего.

— Я не граф Витре, — повторил незнакомец, — хотя он и научил меня, сам того не зная, как открывается ваша потайная дверь. Без помощи графа я никогда не отгадал бы замысловатого механизма этой двери.

— О, мое предчувствие! — пробормотал Дусе.

— Что вы говорите? — спросил незнакомец.

— Ничего такого, что могло бы вас интересовать, — отвечал шпион, начиная приходить в себя.

Дусе был не только храбр, но и решителен. Когда его первое удивление прошло, он вполне овладел собою.

— Кто вы? Что вам нужно от меня? И отчего вы явились ко мне с оружием в руках?

— Вот сколько вопросов в один раз! — отвечал насмешливо незнакомец. — Тем не менее я отвечаю вам на все. Вы видите, что я недурно сложен; знайте же, малейшее подозрительное движение с вашей стороны — и я убью вас, как собаку, как бы вы ни были храбры.

— Милостивый государь!..

— Молчите, если хотите, чтобы я отвечал на ваши вопросы.

— Я жду...

— Чего вы ждете? Чтобы пришли к вам на помощь? Но вам известно лучше, чем мне, что вы один в этом совершенно отдельном помещении. Но, чтобы отнять у вас всякую надежду...

И незнакомец неожиданно набросился на Дусе и, несмотря на сопротивление последнего, повалил его на пол и крепко связал тонкими, но прочными веревками, бывшими, как оказалось, в порядочном количестве в карманах незнакомца.

Дусе, весь красный от гнева и усилия, извивался как змея, но все его старания были напрасны: несмотря на всю свою силу, он встретился с сильнейшим себя вдвое.

— Вот так хорошо, — сказал незнакомец, вставая и поднимая свои пистолеты, которые заткнул за пояс.

Потом он запер дверь на два оборота замка и ключи положил себе в карман.

— Теперь мы можем поболтать, не боясь, что нас беспокоят, — продолжал незнакомец.

Он поднял Дусе на руки, посадил его в кресло, а другое подвинул для себя.

— Вы хотите знать, кто я? — спросил он.

— Да, — отвечал Дусе.

— Я тот, которого так же, как и друзей моих, вы ищете с таким ожесточением по приказанию графа Витре.

— Следовательно, вы Матье?

— К вашим услугам, — отвечал незнакомец, — я Матье и еще кто-кто.

— Я в этом не сомневаюсь, г-н Матье, — сказал Дусе с иронией, — поправьте свою маску, а то все лицо ваше видно.

Матье взглянул в зеркало и убедился, что Дусе говорил правду.

— Следовательно, мне бесполезно оставаться далее под маской?

— О! Совершенно бесполезно.

— Тогда перестанем продолжать наш разговор, — отвечал незнакомец и быстро спросил шпиона: — Сколько вам лет, Жак Дусе?

— Через месяц будет тридцать семь.

— Сделали ли вы ваше завещание?

— Я еще молод, чтобы думать о завещании.

— Неосторожно. Ваше несчастье, что вы увидели мое лицо.

Слова эти были сказаны таким тоном и с таким взглядом, что Дусе, несмотря на свою храбрость, задрожал.

— Но возвратимся к давнишнему разговору; пришел я к вам, чтобы поговорить о наших делах; с оружием — для того, чтобы заставить вас слушать меня.

— Но, любезный Матье, вы ошибаетесь с начала до конца.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен.

— Вы хвастаете.

— Попробуйте и увидите; впрочем, самое лучшее, что

вы можете сделать — это пустить сейчас же мне пулю в лоб.

— Я не так глуп; вы сделали мне вызов, я его принимаю.

— Какой вызов?

— Не вы ли сказали, что не будете говорить и ничто вас не принудит нарушить молчание?

— Да, сказал это и повторяю опять.

— Тем лучше. Я заставлю вас говорить, вот и все.

— Желал бы я знать, как.

— Узнаете скорее, чем предполагаете; теперь десять часов, с восходом солнца мы отправимся в путь.

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

— Очень просто; все готово, и я уведу вас отсюда в одну знакомую мне индейскую деревню, обитатели которой мои друзья.

— Что вы еще вздумали?

— Я отвечаю на ваши вопросы; дикие обладают чудесным средством заставлять людей говорить, и вы увидите после семи- или восьмичасовой пытки, что вы заговорите, то есть заболтаете, как сорока, так что не успеют вас и остановить. Я иду известить своих товарищей, которые мерзнут в переулке, где вдобавок не пахнет розами. Но прежде позвольте мне завязать вам рот, а то вы в мое отсутствие призовете на помощь, я же ненавижу скандалы, как вы ненавидите говорить, когда вас об этом просят.

— Вы меня хотите выдать дикарям? — спросил Дусе, содрогаясь.

— Непременно. Я решил, что заставлю вас исполнить свое желание. Вы отказываетесь, и прекрасно; не будем больше говорить об этом.

— Еще слово.

— Говорите.

— Дайте мне честное слово дворянина.

— Вы не можете знать, дворянин я или нет.

— Мне кажется, что вы дворянин.

— Положим. Зачем же вы требуете от меня слова?

— Вы серьезно выдадите меня диким?

— Да, чтобы вас пытали. Даю вам слово, завтра утром вы будете в руках индейцев.

— Хорошо, я скажу вам все.

— Скоро, — проговорил Матье, нахмутив брови, — не слишком ли скоро вы решились?

— Потому, что я вас знаю, граф де Вилен.

— Ты меня знаешь? Как? Где ты меня знал?

— Я вас знаю со дня моего рождения. Я родился во владениях вашего сиятельства; предки мои служили вашей благородной семье более ста лет; отец мой, если он только жив, ваш управляющий.

— А! Так это ты тот негодяй, упрямая башка, Ивон Кальбри, с которым никто не мог справиться?

— Да, ваше сиятельство.

— Подожди немного.

Граф одним движением руки освободил его от веревок.

— Теперь ты свободен.

— Благодарю, ваше сиятельство.

— Твой отец достойный человек, и я его люблю. Если ты не знаешь, то я тебе сообщу, что он жив еще. Я имел от него известия месяц тому назад.

— Ему почти восемьдесят лет, но он крепок, как гранит наших берегов.

— Ты переменял имя?

— Несколько раз, ваше сиятельство.

— Давно уж я потерял тебя из виду.

— Да, и все-таки двенадцать лет тому назад я имел счастье оказать вам большую услугу.

— Ты? Ты бредишь?

— Я говорю истину, ваше сиятельство.

— При каких же обстоятельствах?

— Вы были в Бастилии, откуда не выходят.

— А между тем я вышел.

— Да, благодаря самопожертвованию вашего тюремщика.

— Правда. Бедный Констан, что случилось с ним?

— Вы желали бы знать?

— Еще бы.

— Пьер Констан — я! Перед вами!

— Ты Пьер Констан?

— Да, я. Когда вы вышли из Бастилии, я провел вас улицей Бертен Туаре в гостиницу, где нанял комнату и доставил ваш чемодан, наполненный вашими вещами, оставленный вами в Бастилии, а также и бумажник, который вы хотели разделить со мною.

— И ты отказался, говоря...

— Что мы оба бретонцы и должны помогать друг другу без всякого вознаграждения.

— Так. Теперь, когда подумаю, что я тебя, храброго Ивона, хотел отдать в руки диких...

— Не поминайте мне об этом, меня до сих пор дрожь пробирает.

— Но как ты очутился здесь, в Квебеке?

— Сейчас же после вашего бегства меня отправили в Новую Францию с секретным предписанием сбыть меня с рук; но Биго нуждался в искусном шпионе и спас меня. Теперь, благодарение Богу, я богат и известен под именем Жака Дусе.

— Как ты знаешь графа Витре?

— Меня свел с ним Биго.

— И ты ему рассказал многое?

— Что я мог рассказать ему? Я ничего не знал.

— Да, мы настороже.

— И хорошо делаете, так как имеете дело с человеком, который не прощает.

— Это так, но я не нападу на него, прежде чем не представится к тому удобный случай.

— Ваше сегодняшнее похождение могло бы иметь худые последствия для вас.

— Я это знал, но я не хотел иметь тебя против себя, мои враги были бы слишком сильны; вот почему я ни перед чем не остановился, чтобы избавиться от тебя.

— Благодарю.

— Я не знал, с кем мне предстоит борьба: искусство твое превозносили, и я затруднялся, как покончить с тобой.

— Случай сильнее всего, граф; он один может устроить многое.

— Я почти этому верю. Случай — многое, чтобы не сказать — все.

— Мы никогда не достигли бы таких результатов, как теперь.

— То есть?

— Очень просто. Теперь все в наших руках.

— Так. Но как ты поступишь с Витре?

— В общих наших интересах, граф, я останусь с ним в хороших отношениях и сумею подчинить его себе.

— Но, во всяком случае, так, чтобы он ничего не заметил.

— Еще бы; иначе он раздавит меня одним щелчком.

— Конечно. Он никого не щадит.

— Мне известно кое-что о нем. Я говорю это, чтобы показать вам, что знаю, чего держаться.

— Ты знаешь, где я живу?

— Нет, граф, я не желаю знать вашего адреса, — отвечал с тонкой улыбкой Дусе. — Я каждый день буду проходить мимо монастыря францисканцев. Когда мне нужно будет поговорить с вами, я буду держать сверток в левой руке.

— Но когда мне понадобится переговорить с тобою, как мне быть?

— Вы поднесете правую руку к шляпе.

— Хорошо, буду помнить.

Они расстались. Эти два человека, стремившиеся прежде уничтожить один другого, теперь дружески, по-английски пожали друг другу руки.

Положительно графу де Витре не везло.

Где подготавливаются важные события

Мы оставим на некоторое время берега Св. Лаврентия и, совершив громадный скачок, перенесемся к слиянию Моногохеля с Огио, этой великолепной рекой, которую французы не знали как назвать, открыв ее в 1670 г.; рыцарь Ла-Салль назвал ее Прекрасной рекой, но никакое название не в состоянии передать всей ее красоты.

Было около шести часов утра, барабанщики били зорю в форте Дюкен, воздвигнутом при слиянии двух рек, над которыми он господствовал.

Лучезарное солнце поднималось над горизонтом, еще затянутым туманом — последней попыткой ночи затемнить утро, — и освещало листву высоких деревьев, корни которых омывались водами реки.

В глубине леса раздавалось веселое пение птиц, приветствующих восход солнца. Слышалось только трепетание крылышек и щебетание лесных обитателей, спрятанных под листвой и пробудившихся, чтобы благодарить создателя.

Вдали виднелись высокие пики Алеганских гор.

В форте отворилась калитка, две женщины, обменявшись несколькими словами с часовым, вышли из крепости и, с воодушевлением о чем-то разговаривая между собою, медленно направились к Прекрасной реке.

Старшей из них казалось лет тридцать, хотя ей было десятью или двенадцатью годами более, в чем она сознавалась при случае без всякой аффектации и кокетства;

подобное самоотречение — редкость в женщине, почти героизм; сказать это — значит отказаться от претензии нравиться, а у немногих женщин хватит на это мужества.

Она была прекрасна, как римская матрона времен республики; походка у нее была величественная, она обладала голосом, которому позавидовал бы сам соловей. Ее восхитительные нежные глаза выражали какую-то грусть. Видно было, что несчастья в продолжение многих лет без отдыха и сострадания преследовали эту женщину и запечатлели ее черты выражением несказанной доброты, возбуждавшей симпатию при первом взгляде на это лицо. Ее костюм придавал еще большую оригинальность ее фигуре.

Она была одета, как жены гуронов, — в одежде на первый взгляд весьма странной, но не лишенной некоторой грации, когда этой одеждой пользуются с умением, которым отличалась эта женщина; она искусно драпировалась в свои бедные ткани и казалась еще прекраснее. Прибавим, что эта женщина говорила на нескольких индейских наречиях с таким совершенством, как будто родилась у гуронов, которые приняли ее в свое племя.

Другая была мила, грациозна и молода.

Одним словом, это была Марта де Прэль, которая до сих пор появлялась только на наших страницах.

Дамы, продолжая разговаривать, тихонько взбирались на крутой берег реки, с высоты которого открывался живописный и восхитительный вид.

Берег был совершенно обнажен; ни кустов, ни деревьев, за исключением одного громадного красного дерева, ствол которого в десяти футах от земли имел сорок футов в обхвате и представлял в середине громадное дупло.

Это громадное растение было пощажено благодаря своим необыкновенным размерам.

Начальник форта Дюкен сделал из этого дерева наблюдательный пост, так как отсюда видны были, насколько хватало зрения, все неровности местности.

Вокруг дерева размещались дубовые и дерновые столы и скамейки; для лиц, желавших отдохнуть или освежиться, был открыт одним из солдат род кабачка.

Обе женщины сели рядом на дерновой скамейке; каждая из них вынула из кармана своего платья изящную

женскую работу. Усевшись, они начали работать с грациозной легкостью и продолжали свой разговор, прерванный несколько минут тому назад.

— Итак, вы проживали в продолжение нескольких лет с племенами гуронов? — спросила молодая девушка.

— Да, с племенем бобров, — отвечала с улыбкой ее собеседница, — здесь ничего нет необыкновенного. У многих племен живут белые женщины.

— Как? Белые женщины живут у диких?

— Я знала многих.

— Бедные пленники! Их, вероятно, дикари увели силою во время набега?

— Нет. Белые, которых я встречала у диких, живут там потому, что им нравится, или потому, что привыкли.

— О! Как это странно! — проговорила, смеясь, молодая девушка.

— Что же тут странного? Я жила у племени бобров шестнадцать или семнадцать лет, и жила по собственному желанию!

— Должно быть, вы много выстрадали, милая?

— Да, вначале, — отвечала, вздыхая, бедная женщина. — Нельзя расстаться с привычками и обычаями всей своей жизни, не разрывая сердца; но мало-помалу возвращается мужество, особенно когда средства не позволяют иначе устроить свою жизнь. Привыкаешь, сама того не замечая, к новой обстановке. Познакомившись хорошенько с жизнью дикарей, находишь их нравы и понятия о нравственности выше нравов и взглядов наших цивилизованных европейцев.

— Все, что вы говорите, должно быть, справедливо, хотя, признаться, я мало понимаю, — отвечала молодая девушка.

— Как? Милое дитя, разве вы воспитывались не во Франции?

Марта, краснея, опустила глаза.

— Я никогда не видала другой страны, кроме этой.

— Разве вы не француженка?

— Нет... я француженка, по крайней мере, мне это сказали.

— Как, вам это сказали? Где же ваши родные?

— Они все во Франции, в Париже.

— Бедное дитя! Однако же вы приехали с кем-нибудь?

— Да, с семейством Меренвиль; граф Меренвиль мой

опекун и заступает место моего отца, предполагая, что можно заменить отца, чего я не думаю.

— И вы правы, милая, ничто не может сравниться с любовью отца к сыну и матери к дочери.

— Да, это чувствует мое сердце, — печально проговорила молодая девушка. — Мне кажется, что в глубине моего сердца есть немало нежности и любви, и как бы я была счастлива разделить их с моим отцом, тем более с матерью; и как могла моя мать так покинуть меня, или она не любила меня! Я не могу предположить последнего даже на минуту; мать всегда любит свое дитя, не правда ли?

— Конечно, это чувство выше всех других; мать не может не любить своего ребенка.

— Да, это правда, я вывожу свое заключение из того, что хотя и не помню моей матери, но мне часто кажется, что я вижу ее, слышу, как она шепотом говорит со мною; тогда я наклоняюсь к ней, чтобы лучше расслышать слова, доходящие до моего сердца. Мне кажется, будто она бодрствует надо мною, и я чувствую, что она принадлежит мне одной. Мне думается, что, где бы я ни нашла ее, если только Богу угодно, я тотчас же узнаю ее. Но что это значит? — воскликнула вдруг Марта. — Ваши глаза полны слез, не огорчила ли я вас, сама того не зная, а? Если это так, милая, простите меня, умоляю вас...

— Нет, милое дитя, вы в одно и то же время и тронули меня, и доставили мне удовольствие. Увы! Я тоже мать...

— У вас есть дитя?

— У меня оно было — дочь, которую я обожала и...

— И где же она?

— У меня ее похитили.

— Похитили?

— Да, похитили!

— А ваша дочь...

— Никогда и ничего я о ней не слыхала. Все мои поиски остались напрасны; впрочем, что могла сделать я, бедная женщина, без влияния, без помощи, тогда как мои враги так могущественны.

Она внезапно остановилась и бросила испуганный взгляд.

— Боже! Как я могла так забыть!

— Не бойтесь, — сказала молодая девушка, обнимая ее, — здесь, кроме вас и меня, никого нет.

— Уверены ли вы в этом? — прошептала несчастная, боязливым взглядом окидывая окрестности.

— Да успокойтесь, мы одни; никто нас не слышал. О! Что заставляет вас так бояться...

— Прошу вас, милое дитя, не будем возвращаться более к этому предмету; вы не знаете и не можете знать, как мне привычен этот страх после всего, что я вынесла. пытки индейцев пустяки, несмотря на их искусство мучить своих врагов, в сравнении с теми страданиями, на которые я обречена. пытка продолжается несколько часов, я же в продолжение семнадцати лет не знала ни минуты перерыва.

— О! — вскричала молодая девушка, бросаясь в ее объятия. — Как я сожалею о своем бесполезном любопытстве! Поверьте, что никогда я не возвращусь более к этому печальному для вас воспоминанию.

— Благодарю, милое дитя. Скажите мне, как ваше имя?

— Марта, а как вас зовут?

— Называйте меня *Свет Лесов*, как называют меня эти бедные индейцы, которые за мою любовь к ним платят мне тем же; что же касается имени, которое я носила до прибытия моего в Канаду, — я его забыла или, говоря откровеннее, я сделала все, чтобы забыть его; у вас прекрасное имя, милая Марта.

— Вы находите? — спросила Марта, всплеснув своими крошечными ручками. — Как мне приятно это слышать.

— Посмотрите, милая Марта, вы молоды и у вас зоркие глаза, — кто это идет?

Молодая девушка оглянулась.

— Граф Меренвиль, мой опекун; его сопровождает один охотник, весьма известный в стране краснокожих.

— Как его имя?

— Шарль Лебо.

— Я его не знаю, — сказала Свет Лесов после нескольких минут молчания, — и это меня удивляет, — прибавила она. — Впрочем, весьма просто: ведь сегодня в первый раз я слышу о нем. Вы уверены, что его так зовут?

— Вполне уверена, — отвечала Марта, смеясь, — но только я забыла сказать прозвище, данное ему его братьями-охотниками.

— А! Скажите же, может быть...

— Его друзья называют его Сурикэ, — прервала ее с шаловливой улыбкой Марта.

— Сурикэ! — вскричала Свет Лесов, всплеснув руками.

— Вы его знаете? — спросила Марта.

— Знаю ли я Сурикэ? О, да! Я его знаю с давних пор, милая крошка. Я его уважаю и люблю и никогда не буду в состоянии отблагодарить его; это прекраснейший и благороднейший молодой человек, какого я только когда-либо встречала.

— С каким жаром вы говорите о нем!

— Я никогда не наговорюсь достаточно хорошо об этом человеке; несколько раз он спасал меня от голодной смерти. Но никогда я не видала его иначе как в минуты нужды.

— А, дорогая, как я счастлива, что это слышу; мне тоже он спас жизнь.

— Да, — пробормотала с очаровательной улыбкой Свет Лесов, — помогать другим для него вошло в привычку. Но тише, вот они приближаются. Сурикэ не любит слушать, когда его хвалят.

— Они оживленно о чем-то говорят, — сказала Марта, — уж не худые ли известия они нам несут?

— Увы! Милое дитя, — отвечала с подавленным вздохом Свет Лесов, — можем ли мы ожидать чего другого в этой несчастной стране. Но вот и они, послушаем, что они нам сообщат.

Меренвиль и Сурикэ быстро вскарабкались по покато-сти крутого берега и очутились в нескольких шагах от дам, которым вежливо поклонились.

— Не нас ли вы ищете, господа? — спросила с нежной улыбкой Свет Лесов.

— Да, вас, — отвечал граф. — Убежище, которое я выбрал вам, так же как графине и моим детям, не может более вас защищать.

— Я это предчувствовала, — пробормотала Свет Лесов и потом громко прибавила: — Что же случилось, граф?

— Час тому назад прибыл курьер и сообщил, что битва началась со всех сторон и что англичане обладают грозными силами и, быть может, дня через два они будут перед этой крепостью. К тому же я получил приказание от Монкальма прибыть к нему как можно скорее в Карильон, и я вынужден ехать сегодня занять мой пост.

— Ах! — вскричала Марта. — Когда же будет конец этой ужасной войне?

— Когда французы будут подавлены, — отвечал граф глухим голосом.

— Боже! Что вы говорите, граф?

— Истину, дорогое дитя, но идите, не будем оставаться здесь долее. Хотя и кажется, что в окрестностях все покойно, но, несмотря на близость форта, нас могут атаковать врасплох партизаны из Виргинии. Идите же, дорогою я вам сообщу меры, которые я должен был принять для вашей безопасности.

— Идем! Идем! — проговорила, вся дрожа, Марта.

Все оставили берег. Сурикэ шел впереди; он внимательно осматривал деревья; обе женщины и граф шли скоро, насколько было возможно; однако же Сурикэ, казалось, беспокоился, некоторое движение, происходившее в лесу и которое было понятно охотнику, заставило его удвоить предосторожность.

Вдруг он остановился, поднял Марту на руки и сделал знак графу последовать со Светом Лесов его примеру, но она отказалась от предложенной ей помощи и бегом направилась за Сурикэ и графом.

Внезапно послышался в недалеком расстоянии ужасный воинственный крик, и почти в ту же минуту показались бежавшие сломя голову человек двадцать ирокезов в своих живописных военных костюмах.

Они вдруг остановились.

Набег не удался; Сурикэ засел в гряде камней, то есть в развалинах выдающегося поста крепости, почти исчезнувшего, но все еще могущего, по крайней мере в течение часа, защитить тех, кто нуждался в убежище.

Краснокожие или, вернее сказать, партизаны, переодетые краснокожими, очутились под огнем форта, и две бомбы, попавшие в самую середину и положившие семь человек на месте, отрезвили нападавших, и они исчезли так же быстро, как и появились, хотя охотник и граф успели послать им вслед еще две пули.

Итак, зачинщики потеряли девять человек убитыми из-за того только, чтобы убедиться, что гарнизон форта Дюкен был настороже.

Немножко дорого!

— Идем! Теперь, по крайней мере, нам нечего бояться, — сказал Сурикэ.

Все пустились в путь. Крепость была не более как на расстоянии ружейного выстрела.

— Посмотрите, — проговорил Сурикэ, проходя мимо неприятельских трупов, — посмотрите, граф, это не краснокожие — это белые... англичане, они свирепее индейцев; они скальпируют не только мужчин, но даже женщин и детей; вот какую войну ведет с нами эта нация.

— Какой позор! — отвечал граф, отворачиваясь с отвращением.

— Г-н Лебо, — сказала в волнении Марта, — позволите ли вы мне поблагодарить вас.

— Я исполнил только свою обязанность, — отвечал молодой человек, — вам служить — уже само по себе награда.

— Не знаю почему, г-н Лебо, но, несмотря на все, что вы сделали для меня, не знаю почему, мне кажется... может быть, я ошибаюсь... — Она остановилась с шаловливой улыбкой.

— Не понимаю, — отвечал изумленным тоном молодой человек.

— Я хочу сказать, как мне кажется, вы чувствуете ко мне, как бы это выразиться, что-то вроде... нерасположения, да, именно, нерасположения.

— Я?

— Да, вы.

— О, мадемуазель! — вскричал печальным тоном молодой человек. — Можете ли вы это думать?

— Ведь обстоятельства подтверждают мое предположение.

— Этого быть не может; я только вас одну люблю и одно вами восхищаюсь; одно ваше слово, одно движение, один взгляд ваших нежных глаз — и я готов пожертвовать жизнью. О, мадемуазель, вы разбиваете мое сердце; как я осмелюсь теперь показаться вам на глаза?

— Я вас успокою, — отвечала Марта с прелестной улыбкой. — Теперь сознаюсь, что я ошиблась и раскаиваюсь; не говорите много, г-н Лебо, — прибавила она. — Вы говорите немного, но имеете дар в нескольких словах ясно поставить вопрос и ответить на него; впрочем, вы, может быть, вовсе не думаете того, что сказали мне.

— О, если бы я смел, то, может быть, мне удалось бы убедить вас, что я и вполтину не выразил того, что испытывал каждый раз, когда мне выпадало счастье видеть хоть на минуту вас.

— Ваши слова, г-н Лебо, ясны, и тот, кто вас не пони-

маст, — умышленно притворяется; что же до меня — я вас вполне поняла. Сказать ли вам?

— Я с радостью вас слушаю.

— Я хотела сказать вам, что я обладаю хорошою памятью; я никогда не забываю, — продолжала она, ударяя на каждом слове, — да, я не забываю того, что раз мне сказано, что бы то ни было.

— Слишком много чести для меня!

— Теперь мы хорошо поняли друг друга, не правда ли? — спросила Марта.

— О, да.

— Итак, теперь вы не будете более избегать встречи со мною?

— Никогда. Я не знаю почему, но мне казалось, что вы презираете меня.

— Мне вас презирать? С какой стати?

— Не простой ли я только охотник?

— Но вы сами желаете быть им, и от вас зависит изменить свое положение.

— Все говорят мне так, это правда, но я счастлив таким, каким я есть; свободный как воздух, я принадлежу только себе. На что лучшее я могу надеяться? В особенности же теперь, когда я знаю, что вы не гнушаетесь мною, я вполне счастлив.

— Хорошо, г-н Лебо. Я также счастлива, узнав, что и я ошибалась.

— Клянусь вам еще раз в том, что вы заблуждались!

Продолжая такой задушевный разговор, молодые люди не нашли дорогу слишком длинною, напротив, может быть, она даже показалась им слишком короткою.

Войдя в крепость, молодая девушка простилась с Шарлем, сказав ему только:

— Надеюсь, мы скоро увидимся.

Охотник почтительно поклонился и удалился, все более погружаясь в свои мысли.

Конечно, он был бы чрезвычайно удивлен, если бы кто-нибудь сказал ему, что он имел с молодою девушкою самое определенное объяснение в любви.

Это ему сердце говорило, и он с молодой девушкой дал ему свободу; сам же он не помнил даже слов, произнесенных им; прелестнее же всего было его отчаяние, что он не умел воспользоваться случаем, чтобы узнать чувства молодой девушки к себе.

Что касается Марты, такой наивной и чистой, то она любила и дала себе слово при первой же встрече с молодым человеком заставить его объясниться в своих чувствах.

Это ей удалось; успех превзошел ее ожидания.

— Мне удалось заставить его признаться, что он любит меня; я это знала давно, но какой огонь, какое красноречие и глубина души! Он любит меня почти так же, как и я его; к несчастью, он через час все позабудет; что за странный характер; у него какое-то недоверие к самому себе, которое всегда удерживает его во всем, что бы он ни начинал, если только возле него нет человека, который его хорошо понимает и заботится, чтобы он был на своем месте.

Пока молодая девушка рассуждала так, граф Меренвиль, Шарль Лебо, Бесследный и Тареа собрались на совет под председательством начальника форта с целью принять необходимые меры, чтобы провести живыми и невредимыми пятерых женщин в Луизиану, где у графа в окрестностях Нового Орлеана, была прекрасная плантация.

Граф Меренвиль, обязанный возвратиться к своему посту в тот же день, оставил жену, дочь и Марту де Прэль на попечение Сурикэ. Свет Лесов находилась под покровительством гурунов.

— Что вы думаете предпринять, г-н Лебо? — спросил граф.

— Очень просто, граф, прежде всего, мне не нужно ни солдат, ни милиционеров.

— Ого! — отвечал Меренвиль. — Вот двойное исключение, которое мне кажется странным.

— Ничуть, граф, — отвечал, улыбаясь, охотник, — милиционеры и солдаты имеют неоспоримую цену, это так; но здесь, вместо того чтобы быть полезными, они только стали бы вредить нам.

— Не понимаю.

— Я сейчас объяснюсь, граф.

— Чем весьма меня обяжете.

— Дело не в том, чтобы вести войну здесь.

— В чем же? — спросил граф, нахмутив брови.

— Дело в том, — отвечал охотник, — что нам надо пройти громадное пространство, где на каждом шагу наши враги, так как все английское население против нас;

мы должны избежать неприятностей встречи и пройти среди врагов так, чтобы они не видали, не слышали нас и даже не подозревали о нашем присутствии; нам нужно действовать, как действуют индейцы, чтобы лучше обмануть тех, которые более всего заинтересованы в приобретении наших скальпов.

— Я вполне с вами соглашаюсь, г-н Лебо, — сказал Меренвиль. — С Бесследным и Тареа вы пройдете всюду.

— Мы постараемся, граф, и сделаем все возможное, но не ручаемся ни за что.

— Я уверен, — отвечал граф, — что на вас можно вполне положиться. Когда вы отправляетесь?

— Сегодня, в десять часов вечера.

— Отлично, у меня еще будет время проститься со своим семейством; доверяю вам, г-н Лебо, все, что у меня есть дорогого на свете; вот вам моя рука, и заранее, что бы там ни случилось, благодарю вас.

Граф и Лебо, обменявшись рукопожатием, расстались. Было пять часов вечера.

Граф оставил форт и выступил во главе многочисленного отряда, вызванного генералом Монкальмом.

Граф был печален и несколько бледен, сердце его сжималось.

Было ли то зловещее предчувствие? Это мы увидим впоследствии.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Как путешествовали по Канаде во время владычества французов

Около восьми часов вечера Мишель Белюмер вернулся в крепость.

Он только что произвел рекогносцировку с целью убедиться в том, что все проходы свободны.

Целых четыре часа он старательно обыскивал кусты и ничего не нашел, кроме прежних следов, которые шли от крепости; единственные свежие следы английских партизан направлялись точно так же от Канады к Виргинии.

В десять часов лесные охотники и индейские вожди собрались на великий совет.

Индейских начальников было пятеро: Тареа, старшина племени Бобров, Тигровая Кошка, Опоссум, Пекари и Черный Медведь. Четыре последних получили свое название во время войны; болтавшиеся на их поясах скальпы и бесчисленное количество волчьих хвостов, прикрепленных к мокасинам, подтверждали справедливость данных кличек; под начальством этих вождей было шестьдесят самых лучших избранных воинов; Сурикэ, Бесследный, Мишель Белюмер были здесь. Ожидали еще одного — Мрачного Взгляда, но он не приехал. Весь караван их состоял, кроме двух горничных, двух слугителей, из семидесяти восьми краснокожих, охотников, дам и их прислуги.

Вожди медленно сошлись и сели вокруг огня, разведенного по приказанию Тареа.

Каждый занял место, смотря по званию и по положению в войске.

Пионеры, в числе которых было более чем половина индейцев, сели также у очага...

Сурикэ был общим голосом избран старшим вождем экспедиции.

Положение молодого человека было очень серьезно.

Он подвергался большой ответственности; но, как мы уже сказали, Шарль Лебо был воплощением самопожертвования.

Он не просил этой чести и на первое предложение взять на себя обязанности вождя положительно отказался, заявляя, что не обладает качествами, нужными для управления экспедицией.

Но граф Меренвиль и сам Монкальм так убедительно просили его, что он должен был согласиться и дать слово.

Дело шло о том, чтобы рискуя жизнью, помочь одному семейству, которое он не только глубоко уважал, но в котором принимал самое горячее участие.

Даже не принимая во внимание его личные чувства и интересы, он не имел права отказаться от должности вождя, что бы его ни ожидало.

Да, это было невозможно.

Он отлично понимал и, покорный голосу совести, принял предлагаемое.

Когда все вожди расселись вокруг огня, неизбежно разводимого при каждом заседании совета, один воин из племени гуронов, заменяя собой на этот раз гашесто, глашатая племени, взял калюмэ — громадную трубку мира, которая никогда не должна была касаться земли, и набил ее священным табаком, который курят только в самых важных случаях.

Зажженная трубка прежде всех была подана Тареа как старшине; он затянулся, выпустил дым на все четыре стороны и сделал знак воину, который тотчас же передал калюмэ начальнику экспедиции.

Сурикэ, затянувшись довольно сильно, передал ее своему соседу, и трубка, переходя из рук в руки, обошла три раза весь кружок.

Когда она дошла в четвертый раз до Тареа, он докурил ее до конца и высыпал пепел в огонь.

— Да благословит нас Бог Воконда, которому известны наши добрые намерения, — сказал вождь, — он знает, что на нашем сердце нет кожи, слова, исходящие из нашей груди, не вероломны, потому что наш язык чист и

справедлив, мы хотим только добра. Воконда, видя все это, улыбается нам, потому что он так же безгранично добр, как могуществен; наш путь прямой, он будет нам покровительствовать; великий совет начался.

Тареа сел.

Воцарилось продолжительное молчание.

Каждый, казалось, размышлял о великих словах старшины, думал о трудностях и опасностях в предстоящей борьбе за осуществление предначертанной им цели.

Наконец Сурикэ встал, молча поклонился всему обществу и, чувствуя на себе с любовью и любопытством устремленные взгляды всего кружка, потому что его все знали и сильно любили, заговорил:

— Друзья мои и братья, — начал он, — вы знаете, зачем мы собрались на этот великий совет: дело идет о покровительстве и защите от всевозможных оскорблений семейства одного бледнолицего начальника, которого мы любим и глубоко уважаем; я считаю лишним восхвалять перед вами этого начальника, вы сами хорошо видите, как дружественно относился он ко всем, особенно к краснокожим; но это не относится к делу, вот в коротких словах вопрос нашего совета: мы приглашены конвоировать и сопровождать семейство бледнолицего вождя до плантации на берегу Миссисипи, до того большого каменного города, который французы называли Новым Орлеаном. Как распределим мы наше путешествие и остановки? Поднимая вопрос о путешествии, мы должны задать вопрос о войне, который, естественно, для нас чрезвычайно важен. Говоря короче, как нам путешествовать? Отправимся ли мы одним караваном или же разделимся на несколько партий? Что лучше? Поедем ли мы водой или же сушей? Скажите выгоды и неудобства того и другого способа путешествия. Ехать ли нам день и ночь или же только ночь, а может быть, только день. Теперь — вопрос войны, который, по нашему мнению, самый серьезный: пойдем ли мы враждебно или дружественно? Как лучше или как приличнее для нас? Вот, братья вожди, вопросы, которые мой долг велит вам предложить и которые должны быть решены до нашего отъезда; вожди племени Бобров, я сказал все; хорошо ли я говорил, великие люди?

Сурикэ сел.

Глубокое молчание снова воцарилось в совете.

На этот раз оно было непродолжительно; предложен-

ные вопросы были очень серьезны, всем хотелось говорить, только каждый боялся начать первым; наконец один молодой, но пользующийся громкой репутацией вождь встал и начал говорить.

Как только вождь заговорил, все спешили высказать свое мнение; Тареа встал после всех, он говорил долго, умно и осторожно, со всех сторон разбирая по очереди предложенные вопросы и давая каждому из них крайне умное решение. Когда все мнения были совершенно свободно высказаны, все замолчали. Речь Тареа имела большой успех; его доводы были убедительны или, по крайней мере, казались такими.

Один Сурикэ не высказывал своего мнения; когда дошла до него очередь, он говорил только о своем положении и средствах, необходимых для успеха предполагаемой экспедиции.

Тареа, окончив свою речь, сел. Сурикэ с улыбкой протянул ему трубку; это была великая милость с его стороны, которую ждали все присутствующие, что доказывал легкий шепот одобрения, пробежавший по всему кружку, разделявшему честь, оказанную охотником их вождю.

Сурикэ встал, продолжая улыбаться.

Подумав немного, он начал свою речь.

Он говорил долго, красноречиво, увлекая всех слушателей, жадно пожиравших его глазами и ловивших на лету каждое его слово.

Его речь была полным опровержением речи Тареа, он доказал им ясно, что все аргументы Тареа, великолепные в принципе, совсем не так хороши; закончив свою речь, он заявил, что все сказанное им было продолжением и подтверждением бесподобной речи старшины племени гуронов, что он соединил только в одно целое все гениальные аргументы вождя Тареа.

Сурикэ говорил, что река Прекрасная впадает в Миссисипи у Красной палки, плантации графа Меренвиля, следовательно, путешествие водой, как более быстрое, а главное не оставляющее никаких следов, что очень важно, имело все преимущества за собой.

Для этого будут приготовлены две пироги.

Одна большая, с багажом и четырьмя слугами отправится вперед для безопасности, чтобы осмотреть все кустарники и камыши, покрывающие берега реки.

За ней выйдет вторая пирога с дамами.

Сурикэ и Мишель Белюмер, с десятью избранными воинами под предводительством Пекари, будут охранять дам.

Эта вторая пирога должна постоянно держаться по крайней мере на 4 или 5 лье от первой.

Остальные же воины под начальством Бесследного и Тареа отправятся по берегу реки, чтобы наблюдать по крайней мере на расстоянии двух выстрелов, за безопасностью пирога, идя при этом так, чтобы видеть обе пироги разом; что касается англичан, которых они могли встретить на каждом шагу, то было решено избегать столкновения с ними насколько возможно, но, если будет необходимость, то вступать с ними в бой, стараясь не брать никого в плен во избежание дальнейших неприятностей.

Сурикэ смолк; все выражали ему горячее сочувствие. Тарса первый поздравил его с успехом блистательной речи; не было ни одного недовольного планом охотника.

Трубка опять пошла из рук в руки; когда ее выкурили, все встали и разошлись, чтобы приготовиться и в полночь уже отправиться в путь.

— Вождь, — сказал Сурикэ Тареа, уходя вместе с ним с совста. — Вождь, вы молоды еще, через несколько лет ваше красноречие достигнет своего полного развития, и вы будете величайшим и известнейшим вождем в нашем родном совете.

Вождь улыбнулся.

— Сурикэ добр, он что думает, то и говорит, его язык правдивый, он сам того не замечает; Тареа говорил слишком скоро, нетерпеливо, но не глупо. Сурикэ же — воплощенное красноречие, его слова метки и верны, это все понимают и все восхищаются им; вождь гуронов производит впечатление на глаз, Сурикэ — на ум и сердце; благодарю, Сурикэ, благодарю, бесконечно добрый, ты дал хороший урок своему другу, вождю Тареа, которым он непременно воспользуется.

И вождь горячо пожал протянутую руку молодого охотника; они расстались на несколько времени — час отъезда был близок.

Охотник взял на себя сообщить дамам о времени отъезда; для этого он должен был явиться в салон губернатора, у которого они были в обществе офицеров крепости.

Шарль Лебо убедительно просил дам не опаздывать, быть скромными, насколько возможно; багаж был уже го-

тов, и солдаты взялись перенести его на одну из пирог, приготовленных предусмотрительным охотником.

В назначенный час Тареа и Бесследный вышли со своими воинами из крепости и скрылись в чаще девственных лесов, покрывавших берега Огио, Миссури и многих других речек и рек; в ту эпоху больше занимались междоусобными войнами, чем приведением в порядок своих владений; это продолжалось почти до войны за независимость, т.е. до тех пор, пока англичане и французы не были окончательно изгнаны из их дивных колоний третьим разбойником, которому, по всей вероятности, предстояла та же роковая участь.

Как только принесли багаж и сели слуги, пирога тотчас же отправилась, получив предварительные приказания не медлить; выйдя на середину реки, она быстро, без малейшего шума, пошла дальше.

В назначенный час дамы вышли от губернатора, а вместе с ними и офицеры, пожелавшие проводить их и пожелать счастливого пути, хотя и сомневались, чтобы они благополучно доехали до места.

Шарль Лебо выбрал для дам самую легкую и в то же время самую большую пирогу, так что в ней свободно могли поместиться десять человек; вся внутренность ее была обита по приказанию внимательного охотника пушистым, мягким мехом, на котором дамы расположились очень удобно; тут же были приготовлены шерстяные одеяла для защиты от сырости и ночного холода.

Общество распрощалось, пирога отчалила и скрылась из виду провожающих.

Ночь была безлунная; но совершенно чистое, темно-синее небо, покрытое миллионами ярко блестящих алмазных звезд, усиливало темноту, как бы превращая ее в какой-то таинственный полумрак, среди которого выделялись только высокие берега, принимая фантастически-сказочные формы.

Мертвая тишина царила над рекой и ее берегами, был слышен только шелест листьев да ночной шум, сопровождающий непрерывную работу бесконечно малых организмов, населяющих полуденные страны.

Изредка издалека доносился крик совы, на который тотчас же откликался с середины реки водяной ястреб. Это были условные крики охотников и краснокожих, говоривших: «Все благополучно, ничего нового».

Ночь прошла совершенно спокойно, дамы отлично спали, уверенные в преданности и распорядительности охотников и воинов из племени гуронов.

Около пяти часов раздался последний условный оклик. Все смолкло.

Пирога медленно пошла наискось к правому берегу и скоро остановилась.

Шарль Лебо, пробираясь с удивительной ловкостью между деревьями, так искусно спрятал пирогу между стволами гигантских великанов и под обвивающими их лианами, что невозможно было ее найти, даже подойдя к самому борту.

Положив доску с борта судна на пень, где от нее не могло остаться никакого следа, он помог сойти дамам на землю.

Они еще спали, когда пирога остановилась, и Шарль Лебо должен был разбудить их.

Они тотчас же вышли из пироги.

Справедливость требует сказать, что хотя эти дамы и принадлежали к высшему обществу и с достоинством держали себя при дворе в Версале, но живя постоянно на границе, они привыкли уже ко всевозможным опасностям; слабые на вид, они были тверды и мужественны; не падали в обморок при виде змеи или красного волка; не вскрикивали из-за пустяков; молча и смело встречали грозившую опасность, и только после, когда опасность проходила, натура вступала в свои права, и героини становились слабыми и боязливыми женщинами.

Путешествие в несколько сот лье, при самых скверных условиях, в стране непрерывных, ужасных войн, где пленники скальпируются и зверски пытаются дикими, могло испугать и свести с ума не только дам, но простых женщин, европейских; они предпочли бы смерть подобным опасностям.

Но графиня Меренвиль, ее дочери и две другие дамы безропотно повиновались воле главы семейства; они знали, что граф сделал все от него зависящее для их безопасности, и смело, без лишних разговоров исполняли его приказания; так было нужно; необходимость требовала от них этой жертвы; к тому же они были уверены в преданности сопровождавших их людей, в их готовности защищать до последней капли крови, и они были спокойны, насколько это было возможно; видел уже немало опасно-

стей, они твердо решились разделить предстоящую участь друзей и защитников.

Когда путешественники вышли на берег, только что еще начало светать, хотя все предметы были ясно видны.

Бесследный раскинул лагерь, выбрав очень удобную площадку, которые нередко встречаются в вековых лесах, а немного дальше, в дупле громадного дерева, устроил дамскую спальню; решено было провести весь день в этом укромном уголке. Дамы, заняв свою первобытную комнату, не выходили оттуда до тех пор, пока раздавшийся крик повара не возвестил им, что завтрак давно уже готов и ждет их.

Два костра, разведенные таким образом, чтобы не обратить на себя внимания, горели недалеко один от другого; первый предназначался для дам, второй — для охотников и краснокожих.

Когда завтрак был готов, появились и дамы; хорошо отдохнувшие и совершенно свежие, они с очаровательной улыбкой раскланялись с их спутниками.

Предупредительный Шарль Лебо не забыл захватить с собой несколько тарелок, ножей и вилок, чтобы не так чувствительно сказалась на дамах кочевая жизнь в пустыне.

Это, по-видимому, ничего не значащее внимание тронуло дам до слез.

Графиня, желая отблагодарить за внимание, убедительно просила охотников и вождей разделить с ней завтрак, но все просьбы ее были бессильны: мужчины не решились принять такой чести.

Шарль Лебо от имени своих друзей ответил, что им невозможно садиться вместе с дамами на том основании, что они едят урывками, на ходу, как только позволяет их трудная обязанность — следить за общей безопасностью, потому что иногда самая незначительная небрежность в исполнении своего долга ведет за собой очень серьезные последствия. В подтверждение своих слов охотник указал графине на незначительное количество людей, оставшихся у огня, другие же ушли для осмотра леса около лагеря.

Возражать было невозможно, и дамы согласились.

— В котором часу мы поедем дальше, Шарль? — спросила графиня.

— Если ничто не помешает, я думаю отправиться с наступлением ночи, то есть часов в 8 вечера.

— Много мы проехали? — продолжала графиня.

— Да, мы уже далеко от крепости Дюкен, но в следующую ночь мы пройдем гораздо больше, я рассчитываю, с Божьей помощью, через два дня попасть на Миссури.

— Почему мы едем водой? — спросила Марта.

— Потому, сударыня, — отвечал он, улыбаясь, — что, во-первых, мы водой доедем несравненно скорее и покойнее, чем на необъезженных лошадях по дурным дорогам, которые местами приходится самому прокладывать с топором в руках, а во-вторых, что важнее всего для меня, потому что на воде не остается никаких следов, тогда как в лесу, как бы осторожно ни шли, всегда будут заметны следы, которые выдадут нас, и через два-три часа целая шайка разбойников, как стая голодных волков, будет неотступно преследовать нас.

— Вы правы, Шарль, я сказала глупость, простите меня за нее, но я ничего этого не знала, — добавила она с улыбкой, от которой вся кровь бросилась ему в голову.

Не находя слов для ответа, он молчал, и это самое лучшее, что он мог сделать в присутствии этого демона-обольстителя, поклявшегося свести его с ума.

— Вам, должно быть, очень скучно, не правда ли? — продолжала она, смотря на него из-за стакана, который подносила к губам.

— Мне? Нисколько, — отвечал он, совершенно сконфуженный новой атакой неприятеля.

— Вы это говорите из любезности, — продолжала она, смеясь, — а я уверена, что вы предпочли бы идти на розыски с вашими товарищами, чем оставаться здесь.

— Позвольте вам заметить, что вы ошибаетесь.

— Я? Каким это образом?

— Потому что я дал слово графу не оставлять его семейства, беречь его и исполню, насколько могу, это дорогое для меня обещание.

— Благодарю вас, Шарль, от имени всех нас, — сказала графиня, — мы уверены, что с вами мы вне опасности.

— Я сделаю все, что могу.

— Пойдем, Марта, отдыхать, мне не нравятся твои придирки к нашему другу.

— О, месье, — вскричала девушка, складывая руки и делая невинную физиономию, — простите меня! Я больше не буду этого делать.

И она быстро убежала.

— Что за прелесть, я просто влюблен в нее! — прошеп-

тал охотник, следя взглядом за прыгающей, как молодой козленок, девушкой.

Дамы ушли в свою «комнату».

Шарль остался один, зорко следя за вверенным ему сокровищем.

Около шести часов Бесследный и Тареа с большинством своих воинов вернулись к Шарлю, оставив остальных в засаде для наблюдений в лесу.

Индейцы казались озабоченными.

Сурикэ, хотя и не показал вида, но заметил это с первого же взгляда, брошенного на товарищей.

В шесть часов пообедали точно так же, как завтракали утром.

Когда вожди съели по маленькому кусочку поданного обеда (во время походов краснокожие едят крайне мало, настолько, чтобы поддержать свои силы), вождь племени гуронов с важностью, к которой он всегда прибегал в серьезных случаях, обратился к Сурикэ:

— Не желает ли Сурикэ выкурить трубку мира на совете с его другом Тареа.

— Я буду курить калюмэ на совете с моими братьями Тареа и Бесследным, — отвечал охотник, кланяясь.

— Хорошо, — сказал вождь, — трех будет достаточно, есть серьезные открытия.

Все трое уселись поджавши ноги вокруг огня; Тареа знаком дал понять воинам, что будет обсуждаться серьезный вопрос, и никто не должен подходить близко, Шарль Лебо то же самое дал заметить своему другу Мишелю Белюмеру.

Дам уже не было: они тотчас же после обеда удалились к себе.

Передавая из рук в руки калюмэ, вождь гуронов и Бесследный рассказали в коротких словах о сделанных открытиях.

Дело было так.

Бесследный, делая объезд, наткнулся на следы, которые никто другой, менее опытный, никогда бы не заметил; пройдя довольно большое пространство по этим следам и внимательно изучив их, он вернулся к вождю гуронов и привел его к тому месту, откуда они начинались.

Следы эти шли от самого берега; краснокожие переехали на четырех больших пирогах; в каждой из них могло

поместиться более десяти человек; не было никакого сомнения, что это индейцы шли с целью воевать с вождями; удивляла только многочисленность отряда, потому что, по их расчету, в нем было не менее 40 или 50 человек, направлявшихся от Канады к границам Луизианы; Бесследный в числе индейских следов видел ясные отпечатки ног Нигамона, с которым он и Тареа имели уже раз столкновение в окрестностях Бельвю.

Это открытие было очень серьезно, но, к счастью, прибывшие индейцы шли по одному направлению с гуронами и не подозревали даже, что их следы открыты.

Сурикэ озабоченно покачал головой.

— Эти люди должны умереть, — проговорил он, — от этого зависит безопасность дам, которых мы конвоируем.

— Мы с вождем об этом уже думали, но как сосчитать? Число их почти одинаково с нашим войском, с ними нет женщин, а главное, их вождь сильный и искусный, нам будет трудно с ними бороться.

— Может быть, дайте мне обдумать, завтра я найду средство.

— Хорошо, — сказал вождь. — Тареа подождет. Сурикэ умен, все знает и найдет средство.

— До завтра, — сказал канадец, — на ночь усильте караул.

— А пироги их? — спросил Шарль.

— Они, собаки, спрятали, мы не могли к ним подойти, может быть, они понадобятся нам?

— Совершенно верно! До завтра.

Через полчаса дамы были уже в пироге, которая поплыла дальше.

Сурикэ начинает подозревать, что Марта де Прэль интересуется им

На следующее утро пирога причалила к берегу в то же время, как накануне, и так же благополучно; высадка на берег производилась таким же образом, как в первый раз, с той только разницей, что дамы провели день не в дупле дерева, а в прелестном гроте, которых так много в этой стране.

Они были очень довольны этим неожиданно открытым помещением, которое в сравнении с предыдущим, казалось дворцом.

Расположившись очень удобно в пещере, дамы целый день не выходили из нее.

Вожди по-прежнему продолжали бдительно охранять занятую местность.

Бесследный опять открыл следы, но они оказались не страшны, напротив, Шарль Лебо был в восторге, узнав, кому они принадлежат.

Это были следы Мрачного Взгляда, которого Шарль Лебо ожидал в крепости Дюкен, но который не приехал, потому что следил за партией ирокезов, выслеженной Бесследным; партию эту ему непременно хотелось настичь, потому что, судя по следам, в ней должен был быть белый.

Следы бледнолицего так резко отличались от следов краснокожих, что пионер ни на минуту не сомневался в своем предположении.

Мрачный Взгляд вел с собой двадцать смелых и опыт-

ных охотников из Канады, которые могли в случае надобности оказать большую помощь, особенно при столкновении с индейцами, что было неизбежно.

Кроме войска, Мрачный Взгляд привез большой запас новостей.

Он сообщил, что главнокомандующий французской армией, собрав все силы, направился к крепости Вильям Генри, которую он намеревался атаковать и взять окончательно. Экспедиция барона Диеско потерпела полное фиаско; Монкальм льстил себе надеждой, что ему удастся вознаградить своего предшественника.

Англичане, в свою очередь, во многих пунктах атакуют французов, словом, все данные были за то, что война будет жестокая.

Тареа тотчас же приказал одному индейскому охотнику пробраться к пироге, везущей багаж, и предупредить ее о соседстве ирокезов; пирога была немедленно спрятана; врагам был предоставлен совершенно свободный проезд; в этом отношении все шло как нельзя лучше.

Ирокезы проехали около самой спрятанной пироги, чуть не задевая ее бортов и не подозревая, что они делают такую ужасную ошибку. Нигамон, несмотря на всю свою проницательность, никак не предполагал, чтобы при начавшейся уже войне французы могли так далеко зайти от Канады.

Шарль Лебо был в восторге от приезда Мрачного Взгляда, потому что его присутствие давало полную уверенность в успехе путешествия.

Собравшиеся четыре вождя имели продолжительный совет, на котором составили хотя и очень смелый план действий, но который, при точном исполнении, должен иметь верный успех.

План этот состоял в следующем.

Мрачный Взгляд, никому не показываясь, пойдет стороной со своими канадцами, а более ловкие пионеры отправятся по следам ирокезов и будут наблюдать за каждым их движением, стараясь оставаться сами незамеченными.

В течение нескольких дней спокойное однообразие путешествия ничем не нарушалось, несмотря на то что выполнение его в эту эпоху постоянных всеобщих волнений представляло большие опасности.

Четыре дня уже пироги плыли по Миссури, еще не-

сколько дней, и они выйдут в Мешакобе, известную под именем Миссисипи, данным французами.

Однажды утром Шарль Лебо, Тареа, Бесследный, Мишель Белюмер и Мрачный Взгляд составили тайный совет.

Рассуждения были очень продолжительны и оживленны, но, как и всегда бывает в подобных случаях, мнение Сурикэ имело больше всех значения и было всеми принято.

По окончании совета Сурикэ велел втащить пирогу на землю, а сам отправился к дамам, для которых была устроена палатка в несколько отделений.

Когда путешественники выехали из реки Прекрасной, им грозило меньше опасностей, им нечего было уже бояться, если только не считать опасного соседства Нигамона, намерения которого было невозможно угадать. Находясь в неприятельской стране, краснокожие не решились бы на открытое нападение, они сами боялись всего, что только могло открыть их присутствие, между тем как французы на границе Луизианы были дома.

Тем не менее таинственное путешествие Нигамона сильно беспокоило Сурикэ и вынудило его предупредить своего врага, помешав ему выполнить, по-видимому, давно уже задуманный план.

Что Нигамон скоро сбросит свою маску, в этом не было никакого сомнения.

Охотникам хотелось застичь врасплох этого ловкого обманщика, нанести ему удар раньше, чем он будет способен отразить его.

А беспечная самоуверенность Нигамона, подмеченная французами, давала им большую надежду на успех.

Нужно было только спешить, быстрее действовать, что и было решено на тайном совете.

Войдя в палатку, Шарль Лебо попросил позволения у графини переговорить об одном очень серьезном, не допускающем отлагательства деле.

Дамы были очень удивлены этой просьбой молодого человека, потому что он имел свободный доступ в их общество и, бывая у них, нисколько не стесняясь, болтал и смеялся; хотя и на этот раз, как всегда, он улыбался и был, по-видимому, беззаботно весел, но опытный глаз графини Меренвиль и Марты де Прэль, знавшей его лучше других, подметил, что он был далеко не так покоен,

как казался. Они поняли сразу, что он хочет сообщить им что-то важное, и поэтому, приняв его крайне любезно, попросили сесть, приготовясь слушать, что он будет говорить.

Но Шарль отказался садиться, он молча поклонился, поставил ружье на пол и, облокотившись на него скрещенными руками, стал говорить.

Хотя он и был адвокатом, но не всегда отличался красноречием; в противоположность своим собратьям в парижском парламенте, он, вместо того чтобы запутывать предлагаемый вопрос, старался разъяснить его насколько возможно; он всегда прямо шел к цели.

Как видите, это был очень странный адвокат, которого бы парламентские адвокаты забраковали окончательно.

В ту эпоху адвокаты парижского парламента пользовались громкой репутацией самых красноречивых в целой Европе.

Я не знаю, каковы они теперь, но во всяком случае я не позволю себе резко выразиться по этому поводу, боясь ошибиться.

— Графиня, — сказал Сурикэ, еще раз почтительно кланяясь дамам, — мой долг предупредить вас о том, что значительная партия ирокезов едет почти вместе с нами чуть не от самой крепости Дюкен.

— Что вы говорите? — воскликнула графиня с ужасом.

— Это верно, но успокойтесь, если мы знаем об их близком присутствии, зато они и не подозревают о нашем; они едут на расстоянии нескольких выстрелов впереди нас.

— Но если это так, то нам и бояться нечего?

— Может быть, но эти краснокожие беспокоят меня, и я не понимаю их действий; я не могу догадаться, что они хотят, какова у них цель; они могут совершенно неожиданно повернуть назад, и тогда нам придется защищаться.

— Ну что ж, мы будем защищаться, вы этого боитесь?

— Конечно, потому что наша роль в борьбе будет худшая.

— Каким образом?

— По военной тактике, которая всегда строго соблюдается...

— Что вы говорите?..

— Я говорю, что роль защищающегося всегда хуже роли атакующего.

— Это возможно, даже больше, это верно, если только вы так думаете, но мне кажется, что эти индейцы такие же путешественники, как мы, что они совсем ничего не знают о нас и, следовательно, не имеют ничего против нас, не забывайте, что с вами женщины, что вы клялись защищать их и, по возможности, избегать всяких стычек с краснокожими, которые будут попадаться на дороге до тех пор, пока вас не вынудят к этому, не правда ли?

— Совершенно верно.

— Итак, — сказала графиня, улыбаясь, — что вы теперь скажете?

— Я скажу, — отвечал охотник, опуская голову, — что теперь, графиня, после сделанной вами чести отклонить меня от задуманного решения, я более прежнего считаю своим долгом немедленно атаковать ирокезов и уничтожить их всех, если только буду в силах.

— Я не понимаю вас, дорогой друг.

— Это так просто, графиня; если бы я имел дело с каким-нибудь другим племенем, я вступил бы с ним в переговоры и, может быть, избежал бы кровопролития.

— Почему же теперь не попробовать сделать того же?

— Я сделал бы, если бы и племя, и вождь были не те, что плывут впереди нас.

— Значит, он ужасен, если так пугает вас? — спросила графиня с легкой иронической улыбкой.

Но Сурикэ твердо выдержал этот меткий удар.

— Этот вождь меня не пугает, графиня, — ответил он спокойно, — но это тот самый вождь — как ни тяжело мне это говорить, но вы сами вынуждаете, — который вторгся в Бельвю и убил ваших слуг, похитил м-ль де Прэль и ограбил ваш дом; это тот самый Нигамон, который был ранен и бежал, бросив все награбленное не только у вас, но и на других разоренных и сожженных им плантациях. Он наш смертельный враг, краснокожие не прощают никогда.

Дамы побледнели от страха, Марта де Прэль тряслась, как лист во время бури.

Наступило молчание.

Сурикэ первый заговорил.

— Но это еще не все, графиня, у этого человека есть какой-то тайный план, которого я не могу отгадать, с ним есть белый, как видно по следам.

— Простите меня, если я оскорбила вас своими слова-

ми, вы так чистосердечны, преданны; я никогда не прощу себе, что позволила говорить так, если вы сами не простите меня, — добавила она с очаровательной улыбкой.

— Мне не за что вас прощать, графиня, потому что все это говорилось в минуту увлечения, минута прошла, и вы сами пожалели о сказанном.

— Это верно, и я очень счастлива, что вы поняли меня, итак, ваше намерение?..

— Как только можно скорее атаковать Нигамона, графиня. Вы знаете, как жалко мне проливать кровь. Но в данном случае, я обязан оборонять ваше спокойствие и всех дам; если бы этот человек только подозревал, что вы так близко, он давно бы напал на нас и жестоко отомстил бы нам.

— Это правда, мой друг, все попытки миролюбивых переговоров с этим человеком для нас — потерянное время, которым он воспользуется, чтобы нам же повредить.

— Поэтому-то я спешу застичь его неожиданно.

— Да, — вскричала нервно Марта, — убейте этого злодея, убейте его, Шарль!

— Постараюсь, — отвечал он, смеясь, — если ему удастся бежать, это будет уже не моя вина.

— Благодарю вас, теперь я спокойна.

— Глупый ребенок, — сказала, улыбаясь, графиня и, обращаясь к Шарлю Лсбо, добавила: — Какова же будет наша роль в этой кровавой трагедии, Шарль?

— Позвольте мне еще одно слово сказать, графиня.

— Говорите, дорогой друг.

— Я хотел бы знать, сознаете ли вы теперь необходимость нападения?

— Да, совершенно, и вполне разделяю ваше мнение, что нельзя терять времени.

— Я могу теперь же действовать?

— Когда угодно.

— Это решено!

— Но вы мне не ответили на вопрос, Шарль.

— Я отвечу, что вам не придется принимать участия.

— Это нетрудно.

— Прежде всего вас нужно укрыть от всевозможных оскорблений.

— Но как?

— Есть два способа.

— Первый?

- Отвезти вас на тот остров, который вы видите.
- Одних?
- Избави Боже! Пятнадцать воинов из племени гуронов, под предводительством Эмервие и моего друга Мишеля Белюмера, будут при вас безотлучно.
- Другой способ?
- Он прост, графиня.
- Я слушаю.
- Остаться здесь.
- Я предпочитаю второй, — сказала графиня.
- И мы также, — повторили в один голос остальные дамы.
- Хорошо, мадам, оставайтесь, если вы этого желаете.
- Да, очень желаем...
- Между тем остров...
- Не говорите о нем, я ни за что на свете не соглашусь.
- Почему?
- Есть много причин.
- Сделайте честь сказать мне хоть одну, графиня.
- Вы непременно хотите?
- Очень, графиня.
- Прежде всего меня удивляет, что такой осторожный человек мог хоть на минуту допустить мысль о том, чтобы увезти нас на остров.
- Но, мне кажется...
- Вы ошиблись, вот и все.
- Каким образом, графиня?
- Очень просто.
- Вы не говорите?
- Нет, скажу.
- Я слушаю.
- Извольте; отправляя нас на остров, вы не подумали того, что неприятель может заметить нашу высадку туда, каким же образом вы хотите, чтобы пятнадцать человек, как бы смелы они не были, могли защитить нас, не имея возможности самим укрыться от выстрелов врага, особенно, если нападение будет с нескольких сторон разом; мало того, мы лишены будем помощи: вам неизвестно будет — атакованы мы или нет, наконец...
- Достаточно, графиня, я вижу, что я неверно рассчитал...
- Вы согласны?

— Почему же нет? Совершенно! Вы предпочитаете наш лагерь?

— Во сто раз!

— Потому что?

— Потому что здесь мы всегда будем иметь известие о вас через людей, которые останутся с нами и которым будет много легче защищаться... Им достаточно скрыться за деревьями, чтобы выдержать продолжительную атаку в ожидании помощи.

— Вы тысячу раз правы, и я не могу возражать против ваших логических доказательств; я побежден.

— В добрый час, ваша откровенность.

— Каждый должен уметь сознавать свою ошибку.

— Да, но очень немногие умеют это делать, подобно вам.

— Тем хуже для них, графиня.

— Когда же вы думаете атаковать ирокезов?

— Сегодня же.

— Так скоро?

— Не забудьте, что 27 дней мы плывем борт о борт, я удивляюсь, как они до сих пор не догадались о нашем близком присутствии.

— Как знать, быть может, они и знают!

— Нам было бы известно это.

— Действительно, это чудо! Итак, вы делаете нападение?

— Непременно.

— Сегодня ночью?

— Да, графиня, мы выждем, когда месяц скроется, и отправимся в путь.

— Да благословит вас Бог, добрый друг, мы будем молиться, чтобы не случилось с вами ничего дурного.

— Да, мы будем молиться за вас, Шарль, — сказала Марта.

— Благодарю вас, мадам, но будьте уверены, что мы победим.

— Дай Бог, — сказала графиня, поднимая глаза к небу.

Марта вышла в другую комнату проводить охотника, опустив при этом — нечаянно или умышленно, трудно сказать — занавеску дверей в ту комнату, где были остальные дамы, и осталась таким образом наедине с ним.

— Итак, — сказала она, заметно взволнованная, — се-

годня ночью, которая уже так близка, вы будете рисковать жизнью за нас.

— Это мой долг, — ответил он коротко и просто.

— Но если вас убьют?

— Я умру на своем посту и буду жалеть только...

— О чем?

— Что не в состоянии буду больше защищать вас, Марта.

— В самом деле, — спросила она под влиянием той эгоистической любви, которая думает о себе, — вам больше не о чем жалеть?

— Не о чем; кроме вас, кому я нужен?

— У вас много друзей, которых вы совсем не знаете, — с жаром добавила она.

— Я догадываюсь, — сказал он, страстно смотря на нее.

— Хотите вы мне доставить удовольствие?

— Это было бы счастьем для меня, если бы только я мог это сделать.

— Это нетрудно!

— Обещайте мне исполнить мою просьбу.

— Клянусь, потому что уверен, что вы не попросите ничего такого, чего я не должен делать.

— В этом отношении вам нечего бояться.

— Говорите, я даю слово все исполнить.

— У меня есть только одна драгоценная вещь, которая, как уверяют, по наследству перешла от бабки к моей матери и от нее ко мне.

— А, — сказал он, краснея, — какая же это вещь?

— Она дорога только мне, для других — никакой цены не имеет.

— Понятно, если она принадлежала вашей матери.

— Это крест, который, как говорят, еще во время Крестовых походов был принесен из Палестины одним из моих предков.

— А!

— Да, частица настоящего креста врезана в середину его.

И она подала ему античную золотую вещь в виде византийского креста. Шарль взял ее, с любопытством рассматривая.

— Это дивная вещь, работа прелестная, — добавил он, возвращая ее девушке.

Но она отодвинула его руку.

— Возьмите эту святыню, она спасет вас.

— Я не могу ее взять, это единственное воспоминание о вашей матери, которой вы даже не знали.

— Да, и поэтому я так прошу вас взять ее и надеть на шею.

— Но я не знаю...

— Вы дали мне слово.

— Да, но я не мог предвидеть.

— Вы клялись.

— Да.

— Сдержите же вашу клятву.

Шарль Лебо задумался, вдруг лицо его озарилось улыбкой.

— Я слушаю вас, беру эту вещь, которая меня осчастливит, но с условием.

— С условием? — с удивлением спросила она. — А если я откажусь?

— Нет, вы не откажетесь, я в этом уверен.

— Допустим; ваше условие?

— Вот оно: моя бедная, обожавшая меня мать, умирая, дала мне обручальное кольцо; с этим кольцом я ни на минуту не расставался с тяжелого для меня дня смерти ее; возьмите его, умоляю вас, вы сделаете меня счастливейшим в мире.

Молодая девушка радостно улыбнулась.

— Я — не вы, — сказала она шаловливо, — я смело, без всякого ложного стыда, беру предлагаемое вами, оно заменит мне крест, который я имела честь предложить вам.

Молодая девушка взяла кольцо и повесила его на шею, то же самое сделал Шарль Лебо с крестом.

— Теперь, — весело заговорила она, — я покойна, с вами не случится ничего дурного во время экспедиции.

Она грациозно поклонилась смущенному молодому человеку и, прыгнув, как выпущенная на волю лань, скрылась за дверью.

Он остался совершенно ошеломленный, ничего не понимая.

Затем, покачив головой, он задумчиво вышел.

Все обаяние сцены, бывшей между молодыми людьми, состояло в том, что наивный и неисправимо застенчивый Шарль Лебо положительно ничего не понимал и не догадывался о настоящих чувствах Марты де Прэль.

Ему и в голову не приходила мысль о том, что сделанный ими обмен дорогих вещей связывал их, делал женихом и невестой, он воображал в наивной простоте своей, что Марта де Прэль, давая ему дорогой как память матери крест, хотела выразить свою благодарность за оказанные им много раз услуги; что она, пользуясь предстоящими в эту ночь опасностями, хотела показать ему свое внимание и сочувствие. Он же, не желая оставаться в долгу у молодой девушки, предложил ей совершенно искренне и недолго думая обручальное кольцо матери, вещь, которая была для него дороже всего в мире.

Что касается Марты де Прэль, мы уверены, что она отлично понимала все происходившее; она превосходно знала любимого ею человека и сознавала, как нужно было с ним действовать.

Самые наивные и самые неопытные молодые девушки бывают так хитры в любви, что превосходят самых искусных кокеток.

— Да, — бормотал сквозь зубы Шарль Лебо, идя к своим товарищам, — я положительно ошибся насчет Марты де Прэль; вижу теперь, что она вместо равнодушия чувствует ко мне большую симпатию; что за божественная девушка! О, если бы она могла полюбить меня! Но увы, напрасно я стараюсь ей понравиться!.. Она смотрит на меня, может быть, как на друга, не больше, — закончил он, глубоко вздыхая.

Вот каков был наш герой; он не только не понимал женщин, но боялся их, что почти всегда бывает с людьми, жившими только в мужском обществе. Как бы умны и сильны они не были, они в присутствии женщины совершенно теряются, становятся тупыми и трусливыми.

Женщины не ошибаются, предпочитая подобных людей всем остальным более смелым и твердым; женщины, прежде всего, хотят повелевать и протезировать; в этом и заключается тайна их предпочтения подобных людей, тайна, которой сильно удивляются все, не понимающие ее.

Когда все еще озадаченный Шарль Лебо подошел к товарищам, было уже совершенно темно, обед был готов, но все сли крайне плохо, исключая самого Шарля Лебо, который ел с большим аппетитом, может быть, для подкрепления сил ввиду предстоящего столкновения с неприятелем, а может быть, и вследствие продолжительного разговора с Мартой де Прэль.

Продолжая есть совершенно машинально, Шарль внимательно выслушивал донесения пионеров, разъезжавших по его приказанию по всем возможным направлениям.

Донесения их были приятны; ирокезы по-прежнему не подозревали близости опасного присутствия канадцев и гуронов, не говоря уже об ужасных пионерах.

Тем не менее ирокезы были крайне осторожны, боясь, чтобы не напал неожиданно неприятель в этой враждебной им стране; но они знали также, что война была объявлена и что большая часть населения мужского пола была на границе Луизианы, чтобы не допустить разбойничьих отрядов до грабежа пограничных плантаций.

Ирокезы, вполне уверенные, что нападения с тыла быть не может, сосредоточили все свое внимание на том, чтобы следить за безопасностью лежащего перед ними пути.

Сведения, сообщенные об ирокезах, были утешительны.

Тотчас же после обеда дамы скромно удалились в палатку, чтобы не мешать приготовлению вождей к экспедиции.

Сурикэ созвал всех вождей, объяснил им еще раз свои намерения, назначил каждому пост и посоветовал им лечь отдохнуть; до отъезда оставалось еще несколько часов.

Краснокожие не заставили повторять последнего совета; через пять минут все крепко спали, до отъезда их оставалось еще три часа.

Мысль о предстоящем сражении не нарушает спокойного сна дикарей, они всегда одинаково едят, спят и курят.

Говоря откровенно, их мирная жизнь мало отличается от жизни в военное время, они только больше спят, предоставляя женам исполнять все домашние работы, которые они считают унижительными для себя, их дело заниматься охотой да воинственными подвигами.

Убив дичь, индеец приносит ее жене, которая обязана подать ее уже приготовленной своему главе.

Сурикэ сидел со своими друзьями у ночного огня, молча курая свой калюмэ и поджидая с нетерпением, искусно скрытым под индейской беспечностью, когда скроется луна и можно будет, наконец, отправиться.

Нигамон думает, что ему удалось устроить выгодное предприятие

Наконец луна исчезла за горизонтом.

Небо было покрыто черными, тяжелыми тучами, предвещавшими близкую грозу.

Было так темно, что нельзя было ничего рассмотреть в двух шагах перед собой.

Это была та непроглядная темнота, про которую говорят: ни зги не видно.

И нужно быть краснокожим или пионером, чтобы рискнуть идти в эту ночь по непроходимым девственным лесам.

Им не нужен свет, чтобы найти себе дорогу куда угодно среди самой густой темноты.

У этих людей, сроднившихся с жизнью в лугах и на высоких саваннах, пальцы заменяют глаза; чуть коснувшись ногой земли, они уже знают точно, где они и какова дорога; а там, где бессильна нога, оказывает ту же помощь рука.

И кроме того, отправляясь на войну, они идут гуськом, один за другим, индейскими рядами: все затруднения пути падают на плечи первого, остальные идут смело по его следам. Еще до захода луны поднявшийся легкий ветер, усиливаясь с каждой минутой, превратился в сильный ураган, крупные капли дождя, падая на раскаленную за день солнцем землю, быстро высыхали.

Ночь грозила быть ужасной.

Все шансы в предстоящей экскурсии были на стороне

индейцев; их численность, темнота, налетавший уже ураган, слепая уверенность ирокезов в их безопасности и полнейшее незнание готовящегося им так искусно обдуманного нападения значительно облегчали выполнение плана Шарля Лебо.

Он разделил свое войско на шесть отрядов.

Первый, состоящий из 15 избранных воинов под предводительством Мишеля Белюмера, должен был наблюдать за неприятелем и оберегать дом.

Четыре следующих, содержащих каждый по 15 человек, должны были атаковать краснокожих разом с двух флангов.

Мрачный же Взгляд должен был остаться в резерве и быть готовым явиться всюду, где только будут нуждаться в его помощи.

Передовая эскадра была выслана навстречу врагу с целью обмануть его, сосредоточить на себе все его внимание для того, чтобы остальное войско, пользуясь этим, могло напасть на него с противоположной, ничем не защищенной стороны.

Начальники отрядов, прибыв на место назначения, должны были дать Сурикэ условный сигнал; никто не имел права нападать раньше приказа главного вождя — приступ должен был начаться разом со всех сторон.

Шарль Лебо особенно настоятельно требовал послушания в этом отношении, потому что от него зависел успех экспедиции.

Все поклялись ему в беспрекословном повиновении.

Охотник знал их и вполне верил их клятве.

Условным сигналом был назначен крик лося.

Когда все было решено и приготовлено, отряды один за другим стали отправляться к месту своего назначения.

Проводив всех, кроме последнего отряда Мишеля Белюмера, Шарль Лебо еще раз дал строгое приказание своему другу быть настороже и, пожав горячо на прощанье его руку, поехал вслед за отплывшими воинами.

Прежде чем продолжать, мы должны объяснить положение ирокезов и средства защиты, которыми они располагали в случае нападения.

Нигамон, вождь ирокезов, с которым мы познакомились на первых страницах романа, был не только заклятый враг французов, доказывая это при каждом удобном случае, но дерзкий разбойник, больше — закоренелый

бандит, не щадящий ни врага, ни друга и признающий одно только право — сильного. Одинаково ненавидя французов и англичан, он грабил и обирал их безжалостно, как только предоставлялась к тому возможность.

Различие национальности для него не существовало: довольно быть белым, чтобы сделаться его злейшим врагом, которому он вечно будет мстить за смерть и скальпы своих братьев краснокожих.

В то время как завязалась ожесточенная война французов с англичанами, унося тысячи жертв, Нигамон с удивительной для дикого ловкостью воспользовался отсутствием правительственных войск, чтобы нападать на колонистов, уничтожать их плантации, расхищать и поджигать их дома, захватывать мужчин, женщин и детей и, притащив за собою как триумф победы в свой лагерь, мучить их, терзать, скальпировать и даже жечь живыми, лишь бы только уничтожать как-нибудь это ненавистное ему племя, причинившее так много зла красной расе.

Он набрал под свое покровительство пятьдесят таких же смелых, зверски жестоких, беспощадных разбойников, каким был сам.

Собрав их на великий совет, он объявил им план действий.

Ирокезы были в восторге от него и клялись идти за ним всюду.

Переговорив с воинами и приготовившись к походу, Нигамон направился прежде всего к Виргинии как ближе лежащей на его пути.

Эта колония была выбрана его друзьями.

Нужно отдать справедливость удивительной ловкости Нигамона в выполнении задуманного плана.

Он предварительно отправил несколько человек из своего отряда к колонистам, чтобы научиться их языку и подготовить путь вторжения.

К несчастью, сведения, собранные шпионами, были печальны.

Хотя регулярные войска и шли, но колонисты-земледельцы были настороже, они сформировали из себя правильные отряды взамен ушедших на поле битвы и, вооруженные с ног до головы, могли отразить всевозможное нападение, с какой бы стороны оно ни было.

Расчет оказался верен, и ловко составленные комбинации вождя потерпели фиаско.

Нигамон был взбешен тем, что так далеко проехал напрасно.

Неужели и на этот раз с ним случится то же, что раньше бывало? Неужели, несмотря на все свои хитрости и уловки, он должен будет вернуться домой, ничего не сделав и не принеся с собою ни одного скальпа?

Он не знал, какого демона призвать себе на помощь, как совершенно неожиданно, в ту минуту, когда он меньше всего на это рассчитывал, помог случай.

Однажды утром, когда он собирался дать сигнал к отъезду обратно в Канаду, два пионера, по-видимому канадцы, пробрались в числе его воинов в лагерь и попросили позволения переговорить с вождем.

Их отвели к Нигамону.

Он подозрительно осмотрел их.

Это были люди высокого роста, крепкого телосложения, с безобразными лицами, имеющие что-то ужасное и мрачное во всей своей наружности, одетые в костюмы охотников за бизонами и вооруженные с головы до пят: длинноствольные ружья, топоры, пистолеты — все было при них.

— Кто вы и что вам нужно? — резко спросил их Нигамон.

— Охотники за бизонами, — ответил старший.

Одному из них едва исполнилось 22 года, тогда как старшему, отвечавшему за себя и за товарища, было уже около сорока.

— Я спрашиваю, что вам нужно от меня? — все так же грубо повторил вождь ирокезов.

— Оказать вам услугу, — коротко и ясно ответил охотник.

— Вы?! — презрительно усмехнулся Нигамон.

— Почему бы и нет? — спросил охотник, пожимая плечами.

— Какую же услугу вы можете мне оказать?

— Очень серьезную при вашем затрудненном положении.

— Что это значит! — вскричал он, берясь за топор.

— Бесполезно браться за топор: при малейшем насилии я раздроблю вам череп, как собаке, — сказал, дико улыбаясь, охотник.

— Вы можете в этом быть уверены, — добавил второй, ни слова еще не сказавший.

Нигамон задумался.

— Извините меня, — заговорил он, помолчав, с самым любезным видом, — меня так беспокоят некоторые неприятности.

— Я понимаю вас, ваше положение неприятное, — отвечал охотник.

Вождь вздрогнул, но тотчас же оправился.

— Друзья мои выкурят трубку мира в лагере Нигамона?

Нигамон указал жестом на черепа буйволов, заменяющие кресла, и все трое уселись, храня глубокое молчание, среди которого медленно из рук в руки переходил калюмэ.

Когда трубка потухла, вождь набил ее священным табаком и сам зажег углем, взятым специально для этого приготовленной палочкой.

Охотники, подражая вождю, стали тоже зажигать табак и, когда он загорелся, принялись курить с самым беспечным видом.

Но молчание царило по-прежнему.

Наконец оно стало тяготить их, и вождь ирокезов первый заговорил, предварительно сильно затянувшись.

— Мой друг, Великий Дуб, предлагает мне свои услуги?

— Разве я так сказал? — отозвался охотник, которого вождь называл Великим Дубом. — Я хотел предложить вождю принять участие в одном деле.

— Брат мой говорил про услугу, но все равно, — отвечал Нигамон, — я предпочитаю услуге принять участие в деле.

— Конечно, это избавляет от благодарности, — сказал охотник с иронической улыбкой.

— Да, — продолжал вождь, — пусть уста брата моего произносят слова, уши вождя для них открыты.

— Через три дня после вашего отъезда я приехал в вашу деревню.

— Брат мой приехал из этой деревни?

— Совершенно верно; когда я сказал Великому Калюмэ, что хочу вас видеть, он сказал мне, что вы уехали.

— Великий Калюмэ очень умный вождь, как мог он сказать, куда уехал Нигамон?

— Потому что я друг Великого Калюмэ и ирокезов племени Большой Черепахи.

— Друг Великого Калюмэ всегда будет дорогим гостем у меня.

И, повернувшись ко второму, продолжавшему молчать, он добавил очень любезно:

— Мой брат — друг Великого Дуба?

— Нет, — отвечал первый охотник, — я не знаю этого товарища, он за два дня до меня пришел в деревню; я проводил его сюда, я не знаю ни его, ни его имени, не знаю, что ему нужно от вождя.

— Это правда, — подтвердил второй гость.

— Что же хочет охотник от своего друга? — спросил вождь.

— Это ожерелье скажет вам, вождь, — отвечал молодой человек, вынимая сверток из своей охотничьей сумки.

Поданный пакет состоял из тоненьких разноцветных шнурков, покрытых узлами и заменяющих безграмотным индейцам нашу письменность.

Благодаря этим шнурочкам, краснокожие сохраняют воспоминание о самых отдаленных событиях, совершавшихся в глубокой древности.

Посланные в форме письма, эти шнурки называются ожерельем.

Именно такое ожерелье привез охотник Нигамону.

Вождь быстро схватил его и с невероятной скоростью стал перебирать пальцами узелки.

Затем повесил шнурки на пояс и, повернувшись к незнакомцу, сказал:

— Будь дорогим гостем, Нигамон брат Плакучей Ивы.

Тот, к которому относились эти слова, молча поклонился.

— По какому делу хочет мой отец, великий вождь, говорить со мной? — спросил Нигамон.

— Это его дела, — коротко ответил охотник.

— Если мое присутствие стесняет вас, — сказал второй гость по-французски, — я могу удалиться, я не хочу делать вам неприятное, вы для меня были дорогим спутником и оказали большую услугу.

— Вы этим сделаете мне большое удовольствие.

— Я пойду на улицу курить мой калюмэ; когда вы кончите — я вернусь.

— Хорошо.

Оставшись наедине с вождем, охотник за бизонами сказал, что ему хорошо известно положение Нигамона; но у него есть 20 подобных ему охотников, знающих все проходы и все богатые плантации на границе Луизианы,

и он предлагает Нигамону принять его в свой лагерь с правом получать третью часть добытого, но чтобы эта треть выдавалась аккуратно после каждого грабежа.

Дело было серьезное, положение Нигамона было самое плачевное, он ни разу еще не мог перейти границу Луизианы; в первый раз в жизни зашел он так далеко, и возвращаться, ничего не сделав, ему было стыдно, и вдруг ему предлагает помощь человек, знающий французский язык и всю сторону; неужели ему отказаться, когда он может сделать очень выгодное дело; тем более что его союзник не особенно требовательный; а сам Нигамон всегда может вовремя остановиться и разойтись со своим помощником.

Новые союзники выкурили священный калюмэ, и союз их был заключен окончательно.

— Где ваши товарищи? — спросил вождь.

— Десять из них в миле отсюда.

— Остальные?

— Идут в четырех или пяти лье сзади, чтобы не возбудить подозрения.

— Мой брат осторожен, — улыбнулся вождь.

— В таком серьезном деле, как это, — нравоучительным тоном ответил гость, — еще мало быть осторожным.

— Мой брат говорит умно, — прервал Нигамон. — Итак, Великий Дуб знает отлично эту большую французскую страну.

— Луизиану? Да, я рожден в ней.

— Вероятно, очень далеко.

— Не особенно, на Миссисипи.

— А знаешь, Великий Дуб, Мать вод?

— Эта страна как нельзя больше мне знакома, здесь прошло мое детство.

— Есть плантации на берегах большой реки?

— Много, и самые богатые.

— Отлично, а знает Великий Дуб их названия?

— Да, очень многих, вождь.

— Знает ли мой брат плантацию, называемую Красная Палка?

— Как?! — воскликнул охотник, сверкнув глазами, но тотчас оправился и принял спокойный вид.

— Я спрашиваю моего брата, — возразил вождь, — знает ли он на берегу Матери вод плантацию по имени Красная Палка?

- Странно! — ответил охотник.
- Что странно? — спросил вождь.
- Что вы спрашиваете о названии этой плантации раньше всех остальных.
- Значит, вы знаете ее?
- Я думаю, что знаю, я там вырос.
- Вы?
- Да, моя мать служила у хозяина этой плантации.
- Как зовут этого владельца?
- Право, вы хотите от меня слишком много, вождь, я никогда не знал его имени.
- Его зовут Меренвиль.
- Может быть, для меня это безразлично.
- Знает брат мой дорогу?
- Какую?
- В эту плантацию.
- Черт возьми, я с завязанными глазами найду ее, потому что, повторяю вам, я там вырос.
- Далеко это?
- Не особенно, но путь тяжел.
- Ого!
- Не беспокойтесь, эти препятствия для нас очень полезны, зная их, никто не подумает искать нас с этой стороны.
- Великий Дуб приведет своего друга?
- Конечно, если мы союзники — это мой прямой интерес.
- Мой брат не обманет?
- Клянусь, что нет, я презираю лжецов.
- Нигамон также! — сказал вождь.
- «Да, — проговорил охотник сам себе, — будем верить, достойный ирокез считает меня положительно дураком; тем лучше, придет время, и я докажу ему, что он ошибся, и вволю посмеюсь».
- О чем думает мой брат? — спросил вождь.
- Я удивлен вашими познаниями, вождь.
- Великий вождь должен все знать, — отвечал гордо Нигамон.
- Это верно, но я не понимаю, как вы узнали название плантации, хотя она и из самых богатых в этой стране.
- Великий Калюмэ сам сообщил это название в присланном с Плакучей Ивой пакете.

— А, тем лучше; значит, Великий Калюмэ знает это название?

— Нет, по словам Плакучей Ивы, речь идет о коммерческом деле.

— Я не любопытствую, не имею привычки мешаться в чужие дела, — это лучшее средство быть со всеми в хороших отношениях, — добавил он, смеясь.

— Мой брат очень умный воин.

— К чему мешаться в чужие дела, когда своих много.

— Брат мой сказал, что хорошо знает страну?

— Как свои пять пальцев, вождь.

— Отлично. Великий Дуб проведет моих неопытных воинов?

— Да, вождь, их проведут самым лучшим образом.

— Можем мы сегодня отправиться?

— Очень легко, только я должен сперва взять тех десять воинов, которые в миле отсюда, и предупредить остальных, чтобы они шли следом за нами.

— Отлично, пусть берет мой брат воинов, мы будем рады им.

— Приготовьтесь же к отъезду, через два часа я вернусь.

— Превосходно, мои воины будут готовы.

Охотник вышел и уехал из лагеря.

Вождь позвал тогда другого охотника, которого он называл Плакучая Ива, очень долго говорил с ним и, по-видимому, остался доволен этим разговором.

Но в разговоре своем Нигамон не намекнул даже о плантации Красная Палка, потому что все необходимые сведения о ней он получил не от Великого Дуба, а от Великого Калюмэ.

В назначенный час Великий Дуб вернулся в лагерь Нигамона в сопровождении десяти воинов или, вернее, охотников за бизонами, такого же страшного вида, как он, и также с головы до ног вооруженных.

Был дан сигнал к отправлению, и толпа двинулась.

Великий Дуб сказал правду, что он великолепно знает дорогу и всю страну; все скалы, леса, пещеры, тропинки — все он указывал с поразительной верностью; Нигамон был в восторге от такой дорогой находки, не переставая в то же время быть готовым на все и собирать разные сведения о новом помощнике.

Великий Дуб и Плакучая Ива почти не говорили меж-

ду собой; ничего дружественного не проглядывало в их отношениях; характеры их были совершенно противоположны: насколько Великий Дуб был весел, приветлив и общителен, как малый ребенок, настолько же Плакучая Ива был мрачен, суров, сдержан и молчалив.

Никто не любил его, канадцы и краснокожие одинаково сторонились его, держась на приличной дистанции.

Однажды вечером, выбрав удобное место в лесу, войска расположились лагерем, предполагая остаться тут дня два; Великий Дуб, пользуясь таким продолжительным отдыхом, предложил Нигамону осмотреть на некотором расстоянии лес, чтобы удостовериться, нет ли чьих-нибудь следов, а главное, узнать, что случилось с оставленными в арьергарде десятью воинами.

Нигамон, сам думавший об этом, очень обрадовался предложению охотника.

Тотчас же были собраны канадцы, и Великий Дуб уехал из лагеря.

Через час после его отъезда Плакучая Ива точно так же выехал из лагеря, но не для разведок и исследований, а просто ради моциона, думая объехать стоянку. Но с ним случилось то, что всегда бывает, когда идешь совершенно один, углубляясь в свои мысли, не замечая расстояния, а вспоминаешь о возвращении слишком поздно, потеряв дорогу обратно.

Плакучая Ива заблудился и, чем больше старался он попасть на свой след, тем хуже путался; хотя он и носил костюм охотников за бизонами, умеющих всегда и везде найти себе дорогу, но, по-видимому, совсем был неопытен; он до того растерялся, что не мог даже определить, где он был и что ему делать; вдруг, к его величайшей радости, мелькнули между деревьями высокие, крепкие фигуры охотников за бизонами.

Он радостно вздохнул.

— А, — вскричал, заметивши его, охотник, — что вы делаете так далеко от лагеря?

— Я заблудился и, если бы не встретил вас, я не знаю, что со мной было.

— Гм, — сказал охотник, — нам нужно наедине поговорить.

— Нам?

— Да, мы должны объясниться!

— Я вас не понимаю, милостивый государь!

— Но я понимаю; друзья, — сказал он, обращаясь к канадцам, — окружите нас — меня и этого господина.

Канадцы моментально образовали тесный кружок.

— Наш разговор будет короток.

— Что вам угодно, милостивый государь?

— Сейчас увидите.

— С удовольствием.

— Не думаю. Скоро два месяца, как вам в Квебеке у одного золотых дел мастера Жака Дусе было назначено свидание графом Рене де Витре, капитаном кораблей ее величества и командующим фрегатом «Слава», не правда ли?

— Да, но...

— Подождите. Правда ли, что вам предложили быть посредником в переговорах с известным вам племенем ирокезов за определенную сумму, часть которой была тут же вами получена?

— Никогда...

— Отлично, перейдем дальше, речь шла о том, чтобы, сговорившись с ирокезами, привести их в Луизиану...

— Милостивый государь...

— Извините, я не договорил, — добавил охотник насмешливо.

— Но это, конечно...

— Позвольте, вы еще успеете оправдаться, если сумеете.

— Напасть на плантацию Красная Палка и убить всех женщин, находящихся там.

— Это низкая ложь, никогда такой ужасной мысли...

— Возьмите этого негодяя и обыщите его! — хладнокровно приказал охотник.

— Нет, нет, — вскричал с ужасом осужденный, — я все расскажу сам, меня бесполезно обыскивать, ничего не найдете при мне, бедность меня вынудила на это. Простите, простите, умоляю вас!

— Обыщите его, — повторил охотник.

Приказание было моментально исполнено.

Карманы негодяя оказались набитыми золотом, а в одном, на самом низу, в бумажнике, лежала вчетверо свернутая бумажка, на которой собственной рукой графа Витре были написаны необходимые, но самые подробные инструкции; желая, чтобы дикие лучше поняли его требования, он подробно, до мелочи, объяснял, что он от них

ожидает и что дает в награду за исполнение его предписаний.

— Вот это хорошо, — сказал охотник ледяным тоном, свертывая и оставляя у себя бумажку, — а золото положите обратно этому негодяю; вы заслуживаете смерти, милостивый государь.

— Не убивайте меня! — вскричал он с мольбой. — Я был сумасшедший, я сам не знал, что делал.

— Вы заслуживаете смерти, — повторил охотник, — но я предоставляю вам возможность избежать ее, мы вас не тронем, никто не захочет марать руки, мы честные люди.

— Но что же вы хотите со мной делать, скажите ради неба? — вскричал он дрожащим голосом.

— Я хочу вас только наказать, как вы этого стоите: отберите у него весь порох, пули, оружие, оставьте только один заряженный пистолет, чтобы он мог сам положить конц своей нищете, если только он не побоится убить себя.

— Вот это дело, — сказал один из канадцев.

— Хорошо, теперь слушайте, мы вернемся в лагерь, вы же, если только найдете выход отсюда, — а я хотел бы, чтобы вы нашли его, — вы пойдете куда вам угодно, только не в Луизиану, понимаете?

— Увы! Неужели вы так безжалостны!

— Вы не отвечаете?

— Боже мой, я сделаю все, что вы прикажете!

— Теперь вы сядете у этого дерева спиной к нам.

— Хорошо.

— И не повернетесь, пока не услышите вой красного волка.

— Хорошо.

— Если вы повернетесь или даже пошевелитесь раньше, вам пустят пулю в лоб.

— Я не шевельнусь! — испуганно вскричал он.

— Может быть, ошибетесь.

— Как, что вы хотите сказать?

— То, что думал.

— Что же еще?

— Довольно и этого; до свидания, да спасет вас Бог!

И по данному знаку охотника канадцы ушли.

— Поверьте мне, лучше убейте себя, — сказал безжалостно охотник.

— Я? Зачем, я еще молод.

— Как угодно, до свидания! — И он ушел.

Почти через месяц охотник, проезжая тем самым лесом, где был брошен молодой человек, наткнулся на его труп, местами еще покрытый уцелевшими клочками полотна и сукна; оставленный при нем пистолет валялся тут же, он был еще не разряжен.

Какая ужасная драма разыгралась в этой пустыне, осталось никому неизвестным.

Недаром говорят индейцы, что легче пробить каменную стену, чем стену девственного леса.

И они правы.

Ужасные четверть часа для Нигамона и его войска

Фанатические сектанты-пуритане, которые в царствование Карла I и Карла II ушли из Англии в американские пустыни, надеясь там на свободе исповедовать свою строгую религию, точно придерживались священного писания, принесли с собой ужасный древнеиудейский закон: око за око, зуб за зуб; они первые ввели его в этой новой стране, где ни закона, ни общества еще не существовало и каждый должен был сам себя защищать: этот закон как нельзя лучше привился на свежей девственной почве, где он царит и в настоящую минуту во всей своей силе под именем закона Линча, но не в пустынях уже и не среди диких, а в самых больших образованных городах республики, среди бела дня, на глазах всего общества, не встречая ни малейшего протеста.

Это доказывает только, как слаба еще и несовершенна так называемая *цивилизация*, которой гордятся граждане великой республики: нас обмануть нелегко, мы слишком хорошо знаем цену обманчивой внешности.

Совершив хладнокровно и с полным сознанием выполнения своей обязанности закон возмездия над несчастным, который за несколько золотых монет стал соучастником краснокожих в убийстве беззащитных женщин, охотник поехал обратно в лагерь ирокезов.

Какая-то невидимая сила руководила только что совершившимся в лесу; охотник, давно уже знавший все низости Плакучей Ивы, нисколько не искал столкновения с

ним, но он сам, точно сознавая, что его последний час настал, поехал за ним и радостно кинулся навстречу, завидев его между деревьями.

Строго выполняя жестокий закон, охотник сумел в одно время быть справедливым и не обагрить своих рук такой грязной кровью; подлость этого негодяя была ему так отвратительна, что он, даже рискуя дать ему, хотя и слабую, возможность избежать заслуженного наказания, оставил его на волю Божию в лесу и был совершенно покоен, сознавая, что исполнил свой долг.

Еще ночь не наступила, когда охотники вернулись в лагерь.

Вождь ирокезов спросил охотника, не встречал ли он Плакучую Иву, который еще утром уехал и до сих пор не возвращался.

Охотник коротко ответил, что никого не встречал, и тут же предложил в случае, если молодой человек ночью не вернется, поехать со своими друзьями на поиски.

Вождь принял предложение и любезно поблагодарил, добавив:

— Если он заблудился, тем хуже для него, для нас же невелика потеря, если он не вернется; Нигамону он больше не нужен; с него достаточно ожерелья Великого Ка-люмэ.

На следующий день, как обещал, охотник отправился на поиски за невернувшимся молодым человеком.

Понятно, что поиски эти были безуспешны, он вернулся один; прошло два-три дня, и никто уже не вспоминал больше об этом негодяе, бывшем совершенно чужим и никем не любимым среди деятельных людей лагеря ирокезов.

Путешествие Нигамона совершалось очень быстро под руководством охотника, опытность и верный глаз которого приводили всех в восторг.

Таким образом прошло две недели.

Однажды утром охотник, или Великий Дуб, как называл его Нигамон, подойдя к нему во время завтрака, бесцеремонно сел с ним рядом.

— Отлично, — сказал очень любезно вождь ирокезов, — Великий Дуб всегда дорогой гость для его брата, особенно, если он хочет разделить с ним его кашу.

— Благодарю, вождь, я ел уже, — откровенно отвечал охотник, — я пришел поболтать с вождем и предложить

ему несколько капель водки, чтобы вождь был весь день весел.

И он подал тыквенную бутылку, висевшую у него через плечо, наполненную великолепным французским коньяком.

— Водка хороша для краснокожих, — сказал нравоучительно вождь, — но они не упорны злоупотреблять ею потому, что эта огненная жидкость туманит их головы и делает их сумасшедшими.

— Это верно, — возразил, смеясь, охотник, — но можно привыкнуть, как привык я; я пью ее, как ребенок молоко.

— Бледнолицые пьют ее с колыбели, но краснокожие — почти никогда.

— Вы правы, вождь, я удивляюсь вашей воздержанности, вы выпили несколько капель.

— Вождь должен быть во всем примером для подчиненных, — заметил Нигамон, возвращая наполовину опорожненную бутылку.

Охотник слегка улыбнулся.

— Брат мой говорит, — начал вождь, — что мы скоро придем на место.

— Я пришел об этом поговорить.

— Мои уши открыты, брат может говорить.

— Теперь уже второй день последней четверти месяца, к новолунию мы будем на месте.

— Отлично.

— Сегодня вечером, до заката солнца, мы вступим на берега Матери вод; нужно удвоить осторожность, французы не такие враги, чтобы презирать их, особенно в их же владениях.

— Отлично. Мы их заставим выйти из нор.

— Я надеюсь, и чем скорее это будет, тем больше буду я рад.

— Мой брат канадец и не любит французов? — удивился вождь.

— Потому-то я их и не люблю, что я сам из Канады, разве любят рабы своих владельцев.

— Мой брат хорошо говорит, слова его справедливы, пусть же он продолжает, его друг слушает.

— Сегодня вечером мы придем в очень удобное место, где можно будет устроить крепость, не возбуждая подозрения, и где мы можем отлично спрятаться сами и сло-

жить свою добычу. Расположившись там лагерем, мы будем оттуда ходить куда вздумается и будем видеть и знать все, что происходит в тех пунктах, которые нас интересуют, о месте же нашей стоянки никто никогда и не догадается, так трудно туда пробраться не знающему в совершенстве этой местности.

— Мой брат — великий вождь, его ум велик, как у бледнолицего, я буду всегда следовать его советам.

— И отлично сделаете, вождь, вы скоро вполне убедитесь, что я вам только добра желаю, — сказал охотник, загадочно улыбаясь.

— Я и теперь знаю, — отвечал заметно опьяневший Нигамон, — у моего брата язык правдив; он будет делать со мной все, что ему вздумается.

— Я не прошу так много, — смеясь, заметил охотник, — я хочу только быть вам полезным; если вы мне поверите, мы укрепим свой лагерь по образцу бледнолицых.

— Охотно, только не знаю как.

— Я беру это на себя, вождь, и в два дня все будет готово.

— И мы устроим крепость подобно белым?

— Да.

— Благодарю, брат мой, великий вождь Нигамон — его друг.

— Благодарю, вождь, сегодня вечером мы поговорим об этом, осматривая выбранную мною местность. Теперь же самое лучшее — идти, путь наш долог.

— Отлично, раньше чем через десять минут, выступим.

Предстоящий переход был длинен, дорога отвратительная.

— Мы на пограничной земле, — говорил охотник вождю, когда тот начинал жаловаться на всевозможные неудобства и неприятности, встречавшиеся на каждом шагу.

Наконец, около семи часов вечера, войско остановилось. Это была не временная остановка. Ирокезы предполагали тут сложить всю предстоящую им добычу.

Дикое место как нельзя более соответствовало предполагавшемуся назначению.

Представьте себе среди равнины, окруженной лесом, довольно высокий холм в виде усеченного конуса, на площадке которого можно легко устроить неприступную крепость. Внутри этого страшного холма была громадная пе-

щера, разделенная самой природой на несколько больших, высоких отделений, походивших на комнаты и коридоры, кончавшиеся тремя выходами с разных сторон горы.

Как ни хитер был Нигамон, но охотник, на которого он смотрел свысока, считая себя выше, обманул его, как глупого ребенка.

Подобную хорошо защищенную крепость одна только измена могла победить.

Спешившее, утомленное длинным переходом, войско старалось только прикрыть холм нарубленным хворостом и сухими ветвями на ночь; этого было вполне достаточно для их безопасности, утром же они предполагали встать с восходом солнца, чтобы приняться за постройку настоящей крепости.

Но на завтра им предстояла более спешная работа, продолжавшаяся несколько дней.

Да они и сами не спешили приниматься за укрепление, находя, что вполне достаточно нескольких часов для того, чтобы приготовиться и отразить неприятеля, как бы ни был он многочислен и силен.

Охотник, очень довольный этим мнением, старался поддержать его, доказывая удобства места, многочисленность и смелость войска. Крайне ленивые краснокожие, не переносившие утомительного труда и не понимавшие, каким образом могут бледнолицые работать из-за жалованья, когда можно ничего не делать, великолепно спать на солнце, спрятав одну голову в тень, были рады избавиться от работы.

Стремление и способность к труду служит мерилom умственного развития.

Однажды утром Нигамон подошел к охотнику.

— Моя молодежь отдохнула.

— Они хотят за границу? Да?

— Да, они знают, что французы богаты.

— Отлично, когда же вождю угодно отправиться? Завтра?

— Завтра? Не скоро ли это?

— Почему? Я всегда готов, от меня задержки не может быть.

— Мой брат знает и понимает все.

— Так завтра?

— Да.

— Великолепно! Я пойду предупредить моих охотников, оставленных в лесу, они нам будут нужны в экспедиции.

— Брат мой вернется поздно?

— Очень может быть, я не знаю сам, где они теперь находятся, мне, по всей вероятности, придется искать их, а на это нужно время; во всяком случае, я постараюсь вернуться как можно скорее.

— Отлично, брат мой приведет своих друзей, я буду им так же рад, как и первым, которые пришли с ним раньше.

— Благодарю, вождь, я сейчас же отправлюсь и оставлю вам своих друзей, мне никого не нужно, я пойду один, только попрошу, вождь, оказать мне небольшую услугу.

— Что желает охотник?

— Мои друзья честные и смелые охотники, но они любят сильно водку.

— Водка — великое лекарство! — воскликнул вождь, глаза которого при слове «водка» заблестели.

— Может быть, вождь, но я боюсь, что мои друзья злоупотребляют ею.

— Мой брат имеет водку?

— Да, у меня есть маленький бочонок коньяку, бутылок в 50, который я очень берегу, потому что не знаю, когда успеется возобновить запас.

— Что же хочет брат мой? — полюбопытствовал вождь.

— Я хочу просить вас спрятать у себя этот бочонок до моего возвращения, я боюсь его оставлять друзьям — они выпьют; отдав его вам, я совершенно спокоен.

Глаза вождя сверкнули молнией.

— Вождь сбережет, — сказал он.

— Вы обещаете, вождь?

— Нигамон обещает.

— В таком случае я принесу бочонок.

— Отлично, что брат мой принесет водку.

Через несколько минут бочонок был в руках Нигамона.

— Теперь я уезжаю и вернусь, как только будет возможно.

— О, я не тороплю брата, он может не спешить.

— Благодарю, до свидания, вождь!

— До свидания, мой брат пусть не спешит.

Охотник вышел и уехал из лагеря.

Уезжая, он смеялся про себя над простотой Нигамона.

— Ручаюсь головой, что через час все эти плуты пере-

пьются; моя водка окажет большую услугу в задуманном нами.

Не было никакого сомнения, что тотчас же после отъезда охотника вверенная Нигамону водка вся будет выпита ирокезами, которые, напившись вместе с вождем, не замедлят поссориться, а затем и подраться.

Охотник, в котором читатель, конечно, узнал Мрачный Взгляд, именно на это рассчитывал, хорошо зная страсть индейцев к вину.

Он не ошибся. Краснокожие все поголовно были пьяны в ту минуту, когда Сурикэ отдал приказ двинуться на неприятеля.

Несмотря на то что все шло как нельзя лучше, Шарль Лебо против обыкновения был непокоен; его мучила мысль об опасном положении оставленных дам.

Ему казалось, что какое-то несчастье грозит дорогой ему девушке Марте де Прэль, хотя бы даже его люди, которым было строго приказано беречь дам, не открыли ни малейшего подозрительного следа.

Продолжая продвигаться вперед со своими товарищами, он не переставал думать о том, что был не прав, оставляя дам, которых он клялся ни на минуту не оставлять.

Эта неотступная мысль так его мучила, что наконец он не выдержал и разом остановился.

— Пора покончить, — проговорил он сквозь зубы.

Он дал условный сигнал.

Моментально вожди остановили ход своих пирог и собрались около него.

— Господа, — сказал он, — нам предстоит не битва, а резня, потому что перепившиеся ирокезы не в состоянии сопротивляться, они будут спокойнее баранов на бойне.

— Более чем вероятно, — заметил Бесследный.

— Конечно, — подтвердил Мрачный Взгляд.

— Тем лучше, нам дешевле обойдется, — заключил Тареа.

— Я должен сознаться, что меня крайне беспокоит мысль о том, что я оставил дам, которых клялся не покидать и защищать, на руках нескольких человек, в совершенно открытом лагере, не защищенном от неожиданного нападения. Хотя я и уверен, что нам не грозит никакой опасности, но вы сами должны сознаться, что при настоящих условиях лишняя предосторожность не повредит.

— К тому же, — сказал Мрачный Взгляд, — нас боль-

ше, чем нужно для того, чтобы справиться с пьяными, бессильными ирокезами.

— Водка их усмирила; и 15 человек больше или меньше с нашей стороны — ровно ничего не составляет.

— Я тоже так думаю, — возразил Сурикэ, — поэтому, отобрав себе и канадцев, и гуронов человек пятнадцать, я поспешу туда, откуда не должен был ни на минуту уходить. Вы же с Мрачным Взглядом отправляйтесь дальше.

— Осторожность не испортит дела, — сказал Бесследный.

— Если там случилось несчастье, которого, благодаря Бога, кажется, нельзя было ожидать, я никогда не прощу себе своей ошибки, — продолжал Сурикэ.

— Я понимаю вас, — сказал, улыбаясь, Мрачный Взгляд, — вам противна эта атака, потому что вместо битвы там будет резня, вас возмущает даже мысль о необходимости кровопролития.

— Вы поняли меня, друзья мои, это настоящая причина, заставляющая меня возвратиться в лагерь, вместо того чтобы сопровождать вас.

— Вы правы, — поддержал Бесследный, — неизвестно еще, что может случиться. Сурикэ ловкий и осторожный воин, ему необходимо вернуться туда.

Мрачный Взгляд тотчас же выбрал 8 человек из числа своих канадцев, к которым Тареа добавил еще семь самых лучших воинов, и Сурикэ отправился обратно с этой маленькой армией.

— Как только кончите, тотчас же возвращайтесь, — сказал молодой человек своим друзьям.

— Будьте покойны, ни минуты не промедлим, — отвечали вожди.

Они расстались.

Одни пошли вперед к ирокезам, другие, число которых было так незначительно, возвращались к лагерю, где, как известно, оставалось только 15 человек под начальством Мишеля Белюмера.

Отъезд Сурикэ несколько не нарушил порядка отправившейся экспедиции и не поколебал уверенности вождей в успехе.

Благодаря Мрачному Взгляду, который привел с собой двадцать канадцев, число смелых и ловких воинов доходило до внушительной цифры 70, а этого было даже много, чтобы победить 50 ирокезов.

Если бы ирокезы даже не были пьяны, их сопротивление было бы бесполезно.

Подходя ближе к лагерю ирокезов, французы стали еще осторожнее, боясь, чтобы их не заметили.

Но в лагере царила мертвая тишина; ни малейшего огонька не было видно в темноте.

— Они спят, — сказал Мрачный Взгляд, — зайдем свои места и проберемся незаметно в лагерь. Помните, что мы нападаем неожиданно и воинственных криков не должно быть.

— Всех убивать? — спросил Бесследный.

— Всех без разбора, — глухим голосом отвечал Мрачный Взгляд, — не забывайте, что мы имеем дело с разбойниками и нашими злейшими врагами.

— Они все должны погибнуть, — коротко заметил Тареа.

— Вперед, — скомандовал Мрачный Взгляд. — Усыпим их непробудным сном.

И все войско ползком, как куча змей, без малейшего шума добралось до хвороста, которым ирокезы обвалили свой холм в ожидании будущего укрепления.

Мрачный Взгляд пробрался в один из подземных коридоров, о которых мы говорили раньше.

После его отъезда из лагеря произошло то, что он предполагал. Ирокезы сперва выпили дюжину бутылок водки, оставленной охотником на хранение вождю вместе с бочонком.

Но, не довольствуясь этим, Нигамон просверлил самый бочонок, и началась отвратительная попойка с ее ужасной развязкой.

Сначала все шло прилично, дикие пили, как пьют животные, чтобы только пить.

Но вино делало свое, головы их разгорячились, дикая, ничем не сдерживаемая натура проявлялась во всей своей наготе.

Чем больше пили, тем больше хотели пить.

Выпивши немного, они уже начали спорить, браниться, стараясь найти предлог для открытой ссоры и драки.

Предлог было найти нетрудно, и ножи, топоры пошли в дело; завязалась общая свалка.

Драка эта, без всякой причины, была самая ужасная, они не разбирали ни друзей, ни врагов, ни вождей, как бешеные звери, кидались друг на друга.

Они дрались ради только того, чтобы драться, убивать без причины и без цели.

Восемь или десять были убиты, но множество тяжело ранено.

Они дрались и в то же время пили до тех пор, пока не опорожнили совершенно бочонок.

Нигамон давно уже лежал неподвижно, пьяный.

Глубокая тишина стояла над лагерем, в котором не было ни одного человека, чтобы даже предупредить об угрожавшей опасности.

Французы пробрались в лагерь, не встретив ни малейшего сопротивления.

Заняв ранее назначенные посты, они оцепили таким образом ирокезов, которые, если бы и были в состоянии защищаться, не могли бы прорвать окружавшее их железное кольцо.

По приказанию Мрачного Взгляда хворост, заменявший ирокезам стены крепости, был подожжен кругом, охватившее его пламя ярко разлилось по холму, озарив ужасную, возмутительную картину.

— Смерть собакам, разбойникам! — вскричали канадцы.

— Смерть! — повторили гуроны.

Несмотря на сделанное предостережение, гуроны не выдержали, завидев неприятеля, дико закричали и, потрясая оружием, бросились дружно вперед.

На их крик приподнялись несколько отяжелевших голов с полузакрытыми, сонными глазами и тотчас же опустились на прежнее место.

Началась ужасная, зверская резня; несчастных, неподвижно лежавших ирокезов били, как быков на бойне.

Мрачный Взгляд и канадцы стояли, загородив выход, ни один из них не принимал участия в возмущавшем их кровопролитии.

Зато гуроны, которым дали полную свободу, вполне отдались своим кровожадным инстинктам.

Ирокезы все до одного были оскальпированы, убиты; для полного ощущения победы гуроны оскальпировали даже раньше убитых ирокезов.

Тареа выбрал себе Нигамона и других пятерых вождей, чтобы, насладившись их пытками, сжечь живыми.

Между тем Нигамон и вожди, напившиеся раньше других, начали отрезвляться.

Хотя картина, представшая перед их глазами в минуту

пробуждения, могла их опьянить больше вина, но они не могли не осознать своей ошибки; они вполне понимали весь ужас своего положения, но это сомнение было поздно; сожаление о сделанном — напрасно.

Они видели, что им готовится.

И, подготовившись смело встретить все, что бы ни изобрел их беспощадный враг, они были готовы к смерти.

Вожди могли сказать наперед, что их ожидает, они сами не раз поступали точно так же со своими врагами.

Для них все это было самая обыкновенная вещь.

Они играли, проиграли и были готовы расплатиться.

По приказанию Тареа среди лагеря было крепко вбито шесть столбов; к каждому из них привязали по вождю и обложили ветвями и хворостом.

Нигамон, вместе со своими сотоварищами, запел песнь войны.

Но едва раздался голос Нигамона, остальные вожди смолкли, слушая его.

Эта предсмертная песнь — прославление умирающего воина и его громких подвигов.

Нигамон пел исключительно о своих храбрых воинах, которых собаки гуруны из страха опоили перед битвой и перебили их всех, пользуясь сном.

— Но племя ирокезов, — продолжал вождь, — могущественно, оно отомстит за своих так подло убитых воинов, отомстит жестоко, убивая за каждого ирокеза по десяти гурунов, этих французских собак, которые подло и трусливо лижут бьющую их руку.

Цель песни Нигамона была оскорбить гурунов.

Но Тареа и его воины были крайне сдержанны.

Ни одного проклятья, ни одного дурного слова не произнесли они в ответ на оскорбления побежденных; они слушали их, не прерывали поток обидных слов, дав полную свободу высказаться.

Наконец разложили огонь.

В этот момент Тареа, как тигр, перепрыгнул через пламя с ножом в руке и моментально оскальпировал привязанных вождей, безжалостно стегая их по лицу их же волосами. Окончив эту возмутительную операцию, он перескочил обратно, потрясая кровавыми трофеями и напевая песнь войны, которой дружно, с увлечением вторили гуруны.

Но, несмотря на ужасные пытки, вожди ирокезов про-

должали свою предсмертную песнь, которой они не прерывали даже в минуту самого ужасного в мире для них оскорбления, когда Тареа их скальпировал.

Пламя поднималось все выше; вожди едва были видны среди огня и дыма.

В это время прибежал Бесследный, уходивший на разведку местности. Лицо его было расстроено, сам он был сильно взволнован.

— Что с вами? — спросил Мрачный Взгляд. — Вам, как и мне, отвратительна эта резня?

— Нет, — отвечал нервно Бесследный, — не то, я так много видел подобных сцен мести, что совершенно спокойно могу смотреть на них.

— Что же случилось?

— Я спешил видеть вас.

— Говорите, если так спешно.

— Да, спешно, если не ошибся.

— Говорите же скорее.

— Выйдя посмотреть, все ли кругом безопасно, я, как мне показалось, слышал выстрел со стороны нашего лагеря.

— Уверены ли в этом?! — вскричал, вздрогнув, Мрачный Взгляд.

— Я не могу уверять, — возразил Бесследный, — вы сами хорошо знаете, что ночью звуки обманчивы — их трудно определить.

— Это так, но залп... то есть несколько выстрелов сразу...

— Понимаю, но мы ведь почти на две мили от лагеря.

— Да, но вы были ближе, когда слышали выстрел?

— Действительно, на полмили ближе.

— Гм! Это много значит.

— Может быть, но, повторяю, я сомневаюсь.

— Скажите мне, вы человек неглупый, при настоящих условиях, когда все против нас, когда враги точно из земли вырастают, чтобы подшутить над нами...

— Ну?

— Что бы вы сделали, сомневаясь так, как я в настоящую минуту?

— При данных условиях я пошел бы на выстрел, будь он действительный или призрачный, и я ничего бы этим не потерял.

— Тем более что здесь нечего больше делать; преду-

предите, пожалуйста, Тареа, что мы уходим, а я пока пошлю на разведку следопытов.

— Великолепно!

Тареа в эту минуту, облокотившись на дуло ружья, слушал вместе с гурунами песнь вождей, которая все еще не прекращалась.

Бесследный подошел к нему.

— Мы уходим, — сказал он.

— Уже? — спросил вождь.

— Неожиданное открытие заставляет нас отправиться немедленно.

— Что за открытие?

— Ничего определенного пока.

— Тареа пойдет с друзьями, — сказал вождь, завязывая свой пояс.

— Разве вы не убьете этих негодяев?

— Порох дорог, зачем же я буду тратить шесть выстрелов. Эти паршивые собаки и без меня умрут отлично; не стоит труда о них думать, — безжалостно закончил Тареа, который, несмотря на видимую невозмутимость и равнодушие во время продолжительной песни вождей, был страшно рассержен их проклятиями и оскорблениями.

Через пять минут гуруны и охотники быстро возвращались в свой лагерь, освещенные зловещим пламенем громадных костров, разведенных у столбов вождей на холме.

Вожди, старавшиеся скрыть свое беспокойство, шли впереди всех.

Вдруг все разом остановились.

Звук, возбуждивший подозрение Бесследного, повторился.

— Господи, — вскричал Мрачный Взгляд, — теперь уже нельзя сомневаться, это выстрелы! Вперед, вперед, друзья, и дадим знать, что мы идем на помощь.

Вся толпа, громко и дико вскрикнув, сделала залп, чтобы друзья не сомневались, что помощь близка, и двинулись вперед гигантскими индейскими шагами.

Как граф Рене де Витре встретил Сурикэ и что из этого произошло

Мишель Белюмер был старый, опытный охотник, который в свое время пользовался громкой репутацией, вполне заслуженной им. Удалившись давно уже в Квебек на отдых, он приехал только ради Шарля Лебо, звавшего на помощь.

Вернувшись в пустыню, он был крайне удивлен, что его имя до сих пор еще не забыто и по-прежнему наводит панический страх на ирокезов.

Белюмер был крайне польщен постом, который предложил ему друг; зная хорошо, какое горячее участие принимает Шарль Лебо в дамах Меренвиль, особенно в Марте, он решил оправдать оказанное ему доверие, призвав всю ловкость и опытность своего военного искусства.

А знание и тактика его в этом отношении были необходимы. Сурикэ оставил ему слишком мало помощников, хотя в случае опасности он и мог рассчитывать на скорую помощь и был уверен, что на десять лье вокруг лагеря не было ни малейшего постороннего следа.

Но Белюмер был слишком опытен и слишком хорошо знал пустыню, чтобы довериться обманчивой тишине и безопасности.

Опытность научила его в самое покойное, по-видимому, время и при самом безопасном положении зорко следить за всем происходящим вокруг и быть готовым ко всевозможным случайностям.

— Не доверяйся никогда, — говорил он обыкновенно

сквозь зубы — окружающей тишине; это затишье — предвестник бури.

И более всего было странно то, что он ни разу не ошибался в этом отношении.

Не желая беспокоить дам, он никогда не высказывал им своего мнения об их опасном положении; между тем отобрав более ловких двенадцать человек, отправил их караулить, обходя и осматривая окрестности лагеря, а трех оставил при себе, чтобы иметь возможность немедленно появиться там, где будет грозить опасность.

Ночь была совершенно темная; охотник велел потушить все огни, чтобы не привлечь чье-нибудь внимание.

Все было тихо и спокойно; так прошло более половины ночи; вдруг чуткий слух Белюмера был неприятно поражен резким криком голубой совы.

Это был условный знак его товарищей, извещавший о неожиданном открытии.

Этот ловко придуманный сигнал был понятен только им, оставаясь совершенно незамеченным другими, потому что голубая сова — одна из тех, которые кричат всю ночь, особенно перед рассветом.

Белюмер готовился идти на зов.

Для опытных следопытов ночи не существует, они так же хорошо видят среди самого глубокого мрака, как днем; благодаря этой драгоценной способности они никогда не ошибутся дорогой и найдут друг друга где бы то ни было.

Раздался второй крик, много ближе прежнего.

Белюмер дал знак товарищам, и все четверо, растянувшись как змеи, поползли без малейшего шума, очень быстро в ту сторону, откуда был сигнал.

Добравшись до чащи столетних гигантов красного дерева, они поднялись и засели, спрятавшись.

Едва они сели с палкой в руках, потому что до последней крайности они не хотели прибегать к огнестрельному оружию, как увидели трех человек, идущих по-индейски, гуськом, на очень близком расстоянии один от другого и озираясь во все стороны.

Не успели еще шпионы поравняться с сидящими в засаде, как три удара, быстрее молнии и сильнее тяжелого молота, разбили им головы.

Они свалились не крикнув; охотники подняли трупы, взвалили на плечи и, отойдя немного в сторону, бросили их в чащу леса; шпионы были ирокезы, по крайней мере,

судя по костюму; осмотрев трупы, охотники вернулись к тому месту, откуда вышли шпионы, и заняли его, став также один за другим. Но почти одновременно с ними из-за деревьев явилась высокая фигура индейца, став перед самым лицом Белюмера.

— Что это за шум был сейчас? — спросил он на наречии ирокезов.

Белюмер, зная этот язык, как родной, отвечал, не шевелясь:

— Я запнулся за лиану, упал, вот и все.

Они говорили шепотом, и ошибиться в голосе было легко.

— Отлично, брат мой, будь внимательнее, чтобы не падать больше.

— Постараюсь, — коротко ответил охотник.

Ирокез повернулся, чтобы идти обратно, но моментально все четверо бросились на него, схватили за горло, повалили и, связав, закутали в одеяло.

Это нападение было так неожиданно, так быстро, что ирокез, он же и вождь, ничего не понимавший, не успел опомниться, как ему заткнули рот, не дав произнести ни слова.

Расправившись с четверыми, охотники успокоились, думая, что им уже больше не придется иметь дела с ирокезами; неприятеля было не видно и не слышно, по всей вероятности, четверо были шпионы, посланные подсмотреть, что делается в лагере и хорошо ли он защищен.

Но Белюмер, зная хорошо нравы и привычки краснокожих, нисколько не радовался неожиданно удачной расправе с ирокезами; он чувствовал, что ему предстоит еще много работы и не больше как через час он встретится с неприятелем; он предвидел, что неприятель, не дождавшись возвращения шпионов, которые должны доставить необходимые сведения, не рискнет идти прямо на лагерь, а если и пойдет, то выждет известное время.

Приказав отвести пленника в шалаш, служивший ему квартирой, Белюмер пошел вслед за ним; он сам освободил его, развязал его, вынул платок изо рта и пригласил сесть рядом с собой.

— Ну, — спросил охотник, зло смеясь, — кто это к нам попался? Если не ошибаюсь, мы, кажется, немного знакомы.

Индеец стоял неподвижно, как будто ничего не слышал.

— Отлично! Вы все тот же, господин вождь, — продолжал с иронической улыбкой охотник, — вы, как девушки вашей страны, говорите только по приказанию, я знаю вас давно и хорошо, господин вождь, я сумею заставить вас говорить лучше всякой старухи; пока выпейте этот рог водки, она приведет вас в чувство.

И он подал ему рог буйвола, до половины наполненный водкой.

Глаза воина ирокеза незаметно сверкнули, он взял рог и разом опорожнил его.

— Как вы находите ее, друг Серый Медведь?

— Отлично, — отвечал индеец, которому водка развязала язык, — что хочет Белюмер от своего брата?

— Поболтать несколько минут о делах.

— Серый Медведь — вождь, — сказал важно индеец.

— Так и быть должно, Серый Медведь — великий вождь и любит водку.

— Водка — молоко индейцев, — ответил пленник.

— Да, если бы вам дать волю, вы пили бы его и днем, и ночью, — сказал, смеясь, охотник, — но если вы так любите ее, пейте еще, это вас оживит.

И он подал снова рог, на этот раз уже полный.

Индеец не заставил себя просить, он взял его и, как в первый раз, не отнимая от губ, выпил до дна.

— Ловко пьет, должно быть, у этого черта горло луженое, — тихо говорил охотник.

— Скажите, — продолжал он, обращаясь к ирокезу, — зачем вы пришли сюда и каким образом? Если скажете, получите еще рог водки.

Серый Медведь уже и так опьянел от выпитого, мысли его начали путаться, в голове шумело, он не сознавал, что с ним делается, и не мог вспомнить, откуда и зачем он пришел.

— Это не трудно сказать, — начал вождь, уже заплетая языком, — если вы желаете знать, я вам скажу, но с условием, если вы мне еще дадите водки.

— Обещаю, вы знаете, что данное слово я всегда держу.

— Отлично, я знаю; я не заставляю вас дожидаться, это недолго, я не думаю, чтобы это интересовало вас.

— Говорите, это мое дело.

— Верно, это не мое дело, но я вождь, мой язык не лжет.

— Знаю, говорите, мои уши открыты.

— Отлично, слушайте: месяц тому назад один великий бледнолицый вождь, француз, приехал к нашему вождю с богатыми подарками; за несколько дней до приезда этого вождя приезжал другой француз, предупредив о приезде второго, первый уехал с Нигамоном для грабежа на французской границе по берегам Матери вод; а великий белый вождь, отправляясь в колонию, купленную янки у голландцев, хотел взять мое племя к себе в конвой для охраны.

— Вы говорите про Новую Англию или Нью-Йорк?

— Да мне все равно; мне кажется, что этот великий вождь хочет превратиться в янки и не любит свою нацию.

— Дальше, — сухо заметил Белюмер.

— Проходя один девственный лес, лежащий на расстоянии трех дней ходьбы отсюда, мы нашли труп первого француза. Великий вождь был страшно рассержен, топал ногами и что-то громко кричал на своем языке, которого мы не понимаем; у мертвого во всех карманах было золото; вождь взял его и роздал нам, говоря, что он не хочет уже идти к янки, а вернется к французам, чтобы догнать Нигамона, и он свернул в эту сторону, где, как он сообщил нам, хотел поговорить со своими охотниками, ехавшими с ним в одном направлении.

— И вы послушались его?

— Он был щедр и давал водку.

— Вот убедительный аргумент; за водку они продадут черту душу, если только она не принадлежит уже ему со дня рождения. Когда же вы отыскиали лагерь, — спросил он Серого Медведя.

— Только сегодня, при закате солнца.

— Отлично, это все?

— Да, я все сказал; а водки?

— Еще вопрос — вас много?

— Да, достаточно.

— Сколько же?

— Двадцать пять.

— Отлично, а великий белый вождь?

— С ним трое очень послушных людей; они отлично вооружены и с топорами за поясом.

— Отлично, это матросы, у графа Витре есть фрегат; 25 и 4 будет 29, 5 отбросить, останется 24, это еще много больше пятнадцати, но мы посмотрим, черт не всегда им покровительствует.

— Что говорит мой брат Серому Медведю?

— Ничего интересного для вас, вождь.

— А водки?

— Вот это другое дело, — сказал канадец.

Белюмер встал, выбрал самый большой рог и, наполнив его до краев, подал вождю ирокезов, который пил по-прежнему без передышки.

Дотянув до дна, он вместе с рогом растянулся и тотчас же заснул, как мертвый.

— Он проспит по крайней мере сутки, — сказал охотник, — нужно только его получше спрятать, он пригодится еще; а мы тем временем примем предосторожности: вы, Маленький Жан, отправляйтесь тотчас же, не медля ни минуты, к Сурикэ и предупредите его о том, что случилось и что нам нужна немедленная помощь.

— Я скоро вернусь, не беспокойтесь.

— Ступайте, желаю успеха.

Маленький Жан тотчас же выехал из лагеря, а Белюмер с остальными товарищами перенесли Серого Медведя в глубокую яму, откуда он не мог выбраться сам и где его невозможно было найти незнающему.

Оставив его в яме, Белюмер тотчас же рассказал товарищам обо всем, что узнал, и просил их удвоить бдительность.

Он хотел также предупредить дам об угрожавшем нападении, но, обдумав, решил оставить их в полном неведении, не желая прежде времени беспокоить, тем более, что это нападение могло не состояться; его люди были настороже, помощь не замедлит, может быть, даже предупредить нападение, если только ирокезы действительно думают нападать.

В силу этих, а может быть, многих других причин, которые не желал высказывать старый охотник, он не хотел пугать напрасно дам, которых должен был защищать.

В то время как Белюмер приготовился храбро отразить грозившее нападение ирокезов, Сурикэ, уже расставшись с товарищами, задумчиво возвращался в лагерь.

Шарль Лебо был настоящий сын XVIII века, но вместе с тем он был слишком развит и умен, чтобы разделять мысли и верования той эпохи. Я не хочу совсем этим сказать, что мы, сыны гигантов, победивших целый мир, были бы избавлены от этих глупых сказок нянек и идиотских суеверий, нет, нисколько.

Как бы там ни было, Шарль Лебо в первый раз еще был очень скучен, его томило какое-то мрачное, неопределенное предчувствие.

— О! — говорил молодой человек, спеша к лагерю. — Как это глупо! Мое сердце болит, мне скучно, как изнеженной даме, страдающей нервными припадками. Со мной никогда еще ничего подобного не бывало!.. Но это состояние ненормально — должна же быть какая-нибудь причина? Я не знаю ее, но все-таки беспокоюсь...

Разговаривая таким образом шепотом, охотник незаметно подошел близко к лагерю.

На расстоянии двух выстрелов от лагеря он остановился.

Шарль Лебо был вполне уверен в предусмотрительности и опытности своего друга, которому доверил дам, он знал его лучше, чем кто-либо, живя вместе несколько лет, он мог изучить его, его характер, привычки настолько, что, доверив ему даже такой серьезный пост, был покоен в том отношении, что никакой ошибки или неосторожности произойти не может. Смелый до дерзости при известных условиях, Белюмер никогда не рисковал, не будучи уверен в себе и своих силах.

Остановясь около лагеря, молодой человек не хотел показываться Белюмеру, пока тот не позовет на помощь; поступая иначе, он мог сильно оскорбить своего старого друга, что никогда бы он не простил себе.

Осмотрев бегло местность, Шарль Лебо послал несколько человек на разведку подальше, а сам остался на месте.

Холод был ужасный; охотник быстро ходил, чтобы согреться.

На восточном горизонте показалась уже светлая полоска — предвестница рассвета, ночь прошла, мрак был не так густ.

Пернатое население леса стало понемногу просыпаться, чувствуя приближение дня, лес оживал, наполняясь утренним шумом.

Охотник, продолжая по-прежнему ходить взад и вперед на небольшом расстоянии, неожиданно натолкнулся на посланного к ним Маленького Жана.

Охотники Сурикэ, зная хорошо в чем дело, не позволили посланному уйти, не переговорив лично с вождем.

Посланному именно этого и нужно было; расспросив,

где Сурикэ, он поспешил к нему, обрадованный, что нашел так скоро того, которого хотел так далеко идти искать.

— А, это вы, Маленький Жан? — спросил удивленный охотник. — Что вы тут делаете, осматриваете местность?

— Нет, я послан к вам Белюмером.

— Ого! Какого черта ему от меня нужно? — рассмеялся Шарль Лебо.

— Он послал просить вашей помощи.

— Помощи! — вскричал, бледнея, охотник. — Разве грозит опасность?

— Вы сами увидите, друг Сурикэ, — возразил Маленький Жан.

— Да не бойтесь, говорите все, не скрывайте, я должен все знать.

Маленький Жан, не заставляя повторять вопроса, рассказал все, что случилось в лагере и что сделал Белюмер.

— Он постоянно преувеличивает, — сказал, смеясь, Сурикэ. — Неприятель уже потерял пятерых, следовательно, осталось 24, нас же 32, вас шестнадцать, да у меня 15 человек, а этого вполне достаточно, чтобы дать хороший урок ирокезам; а вы, мой друг, поезжайте скорее к нашим товарищам, они, вероятно, уже возвращаются теперь домой, и зовите их с собой, понимаете, друг Жан.

— Я остальным вождям скажу то же, что говорил вам, Сурикэ.

— Конечно, мой друг, попросите их поспешить, следует проучить ирокезов и отбить у них охоту надоедать нам; побьем раз хорошо, так будет покойней.

— Да, особенно, если вы их убьете.

— Как! Вы здесь еще?

— Иду! До скорого свидания!

— Оказывается, то, что я считал болезнью, было просто — предчувствие; это странная способность, которой мы обладаем, сами того не сознавая... Чего ради я начинаю философствовать в такой ужасный холод, ожидая каждую минуту встречи с неприятелем... но это все равно, теперь я вижу, что это было предчувствие, о котором я могу теперь говорить и рассуждать с философской точки зрения.

Счастливый тем, что сумел определить свое грустное настроение, он захохотал как сумасшедший.

Мы говорили уже, что много было еще детского в этом

замечательном человеке, оригинальный и самобытный характер которого представлял странную смесь самых разнообразных и причудливых чувств.

Сурикэ собрал товарищей и направился к лагерю, но и на этот раз не показался Белюмеру, и он остановился на расстоянии пистолетного выстрела.

Остановившись, он отправил своих людей на розыски. А сам, приняв все необходимые предосторожности, стал ждать, когда придет ему время действовать.

Пока он хотел предоставить старому другу полную свободу действий, зная хорошо, что он ничем не скомпрометирует себя.

Кроме того, Шарль Лебо совершенно основательно думал, что нужно не нападать, а, выждав удобную минуту, неожиданно появиться с тылу и, отрезав пути отступления неприятелю, поставить его таким образом между двух огней.

Это был очень простой и в то же время очень практичный план. Нужно было только хорошо его выполнить.

Шарль Лебо решил строго держаться созданного им плана, как только завидит нападение.

Ирокезы не медлили; гордые и зверски жестокие, они, узнав об исчезновении своих шпионов, готовы были скорее броситься вперед на верную гибель, чем уйти обратно, не пролив капли крови своего врага.

День уже наступил.

Вставшее в тумане солнце предвещало большую грозу, которую ожидали еще с вечера.

Наконец явился один из ходивших выслеживать неприятеля и сообщил, что ирокезы продвигаются к лагерю крайне осторожно.

Шарль Лебо тотчас же отправился в указанное место, чтобы издали следить за ходом врага, стараясь при этом остаться незамеченным.

Ирокезы шли гуськом, внимательно осматривая кустарники и чащу леса; но видно было, что они шли не обыкновенной твердой походкой, а какой-то нерешительной, несмелой.

Не было сомнения, что они подчинялись только влиянию графа Витре; дай он им свободу, они охотнее вернулись бы назад, чем идти приступом на неприятеля, который не обещал ничего хорошего.

По временам они приостанавливались, прислушиваясь,

а где деревья были гуще, тесно сдвигались, образуя сплошной ряд.

Они наткнулись на трупы своих товарищей, посланных шпионами в лагерь, которых так безжалостно оскальпировали охотники гуруны, и опять приостановились.

В эту минуту раздался залп, почти в упор, и повалил нескольких ирокезов.

Краснокожие, надеясь напасть на врага неожиданно, были страшно взбешены такой встречей и бросились вперед с громким воинственным криком, на который дружно отозвались гуруны.

Между тем граф Витре, предоставив ирокезам полную свободу драться и мстить, пробрался со своими матросами с другой стороны в лагерь.

Белюмер, уходя, оставил пять лучших охотников около палатки дам.

— Вперед, нет пощады врагам! — вскричал граф Витре, потрясая шпагой.

Матросы кинулись за своим начальником.

Схватка была жестокая, их было четверо против пяти таких же смелых и сильных, решившихся ни перед чем не отступить.

Они дрались беспощадно с невыразимым бешенством. Один матрос уже был убит; другой сильно ранен, третий получил легкую царапину.

Из защищавших палатку было двое убито, трое ранено.

Между тем шум с поля битвы стал приближаться, становясь ясней.

Сурикэ напал на ирокезов с тылу и гнал их вперед, прицеливаясь в спину.

Когда отступление было отрезано, ирокезы, против воли, попали в лагерь, спасаясь и ища выхода.

Победители и побежденные, перепутавшись, шли вместе.

В эту минуту дверь палатки откинулась, и на пороге появилась женщина, держа в каждой руке по пистолету; опустив за собой дверь, она с решительным, вызывающим видом встала, загораживая собой вход в палатку.

Эта женщина была Свет Лесов.

Она походила на львицу.

Ее большие черные глаза сверкали как молнии, бледное лицо дышало непримиримой ненавистью, рот слегка

раскрылся от дикой улыбки, а длинные чудные волосы, рассыпавшись по плечам, закрывали ее, как плащом.

Появление ее сперва сильно изумило и даже испугало своей неожиданностью графа, но он быстро оправился, вынул пистолет из-за пояса и, прицеливаясь в нее, сказал невозмутимо глухим голосом:

— Дорогу!

— Стреляй, низкий убийца, — отвечала с презрением Свет Лесов.

— В последний раз — дорогу! — сердито вскричал граф, топая ногами.

— Вот мой ответ, — дьявольски захохотала женщина.

Вытянув быстро пистолеты, она спустила курки. Граф упал, но, падая, он успел еще выстрелить в нее, хотя и промахнулся.

Все это произошло так быстро, что никто не успел помешать их поединку.

Когда граф уже лежал, прибежали охотники под предводительством Мрачного Взгляда, а за ними Тареа, Бесследный и другие воины.

Окруженные со всех сторон, ирокезы попали все до одного в руки неприятеля, ни одному не удалось бежать, хотя правда, что из 30 человек, составлявших их партию до атаки, осталось только двенадцать, и все более или менее раненые.

Да, невидимые зрители сражения, происходившего перед палаткой, выказали удивительное мужество и хладнокровие.

Они не только не испугались, но ни разу не вскрикнули.

Они держали себя, как настоящие жительницы пограничной местности.

Свет Лесов, слышав голос графа около палатки, вся вздрогнула, в ней снова проснулась вся ненависть к нему; ни слова не говоря остальным дамам, она схватила бывшие тут, вероятно, забытые Сурикэ, пистолеты, не помня себя от злобы и жажды мести, выскочила, повторяя: «Смерть животному, смерть ехидне, я убью тебя, презренный».

И она действительно выполнила свое намерение.

Остальное известно.

Явившись, Сурикэ стал распоряжаться.

Он отдал приказание немедленно расстрелять ироке-

зов; выпустить их живыми было бы глупо: через несколько дней они вернулись бы в сопровождении большой толпы, чтобы отомстить за убитых; безопасность дам требовала этой быстрой расправы с ними. Все хорошо понимали и были довольны распорядительностью вождя.

Гуруны, оскальпировав раньше убитых, ожидали с нетерпением последних.

Сурикэ, исполнив свой долг, который возмущал его, как всякое кровопролитие, подошел к графу Витре и велел его поднять.

Свет Лесов не убила своего врага; обе ее пули, разорвав ткани мускулов, не задели ни одного внутреннего органа, и обморок его был просто от сильной потери крови.

Раненый был приведен в чувство.

Открыв глаза, он иронически улыбнулся.

— Зачем лечить мои раны, — сказал он, — убейте меня поскорей, и делу конец.

Сурикэ покачал головой.

— Мы не убьем вас, — холодно ответил он.

— А, понимаю, вы не убьете меня, чтобы насладиться моими пытками, чтобы мучить меня? — возразил он, задыхаясь от бешенства.

— Нет, милостивый государь.

— Что же вы хотите со мной сделать? — удивился граф.

— Ничего.

— Но тогда?

— Вы свободны.

— Вы меня освобождаете или, вернее, даете свободу?

— Да, милостивый государь, — спокойно ответил охотник.

— Берегитесь, сударь.

— Чего?

— Я вам прямо говорю, как только выздоровею, я найду вас.

— Сомневаюсь.

— Вы даете мне свободу, зная, что я буду непременно мстить вам?

— Да.

Наступило короткое молчание.

— В таком случае, должны быть причины такого снисхождения ко мне с вашей стороны.

— Да, есть, и очень уважительные.

— О, я не сомневался, что за этим наружным великодушием скрывается какая-нибудь измена.

— Ошибаетесь, милостивый государь, вам возвратят ваше оружие, и вы уйдете, и никто не станет следить за вами.

— Но что заставляет вас так поступать?

— Я вам сказал — уважительные причины.

— Что это за причины?

— Вы желаете знать?

— Да, милостивый государь, я этого требую, если только имею на это право, — добавил он с той же иронической улыбкой.

— Извольте, ваше желание будет исполнено. Есть люди, до которых не смеет пальцем коснуться ни один порядочный человек, потому что они составляют собственность палача, вы, милостивый государь, из числа их, мы не унизимся до того, чтобы присвоить себе право палача, благодаря только этому вы уйдете отсюда целы и невредимы.

— О, негодяй! — вскричал граф, сверкая глазами. — Я отомщу, клянусь, я отомщу!..

— Позвольте дать совет?

— Совет? — с презрением спросил граф, но тотчас же оправился. — Что это за совет?

— Если я встречу вас еще раз на своей дороге, это будет уже последний, — сказал холодно Шарль Лебо.

— Вы убьете меня? — зло рассмеялся граф.

— Нет, милостивый государь, я отдам вас краснокожим; послушайте меня, присоединитесь лучше к вашим друзьям англичанам, как это вы желали сделать, измена завершит вашу постыдную эпопею.

Граф опустил голову, стыд и бессильная злоба не давали ему говорить.

— Довольно, если я свободен, отпустите меня.

— Я не держу вас, напротив, вы даже можете взять с собой двух матросов, ваших помощников во всех подлостях.

Граф встал; ему подали оружие, и он среди общего молчания вышел из лагеря в сопровождении двух матросов.

— Вы поступили великолепно, — сказал Мрачный Взгляд, когда граф скрылся вдали, — я восхищаюсь вами, но вы сделали ошибку.

— Может быть, — отвечал, улыбаясь Сурикэ, — пусть судит Бог.

— Аминь, — рассмеялся в ответ Бесследный.

— А Серый Медведь? Что вы с ним будете делать, — спросил Тареа, заранее радуясь новому скальпу.

— Серый Медведь пьяница, но он оказал большую услугу в этом деле, я освобожу его, когда он будет не опасен нам.

— У Серого Медведя прелестные волосы, — сказал, вздыхая, вождь.

Сурикэ весело рассмеялся над ним.

Как Сурикэ был приятно поражен, узнав о желании г-жи Меренвиль вернуться обратно в Канаду

Собравшаяся еще с вечера гроза наконец разразилась с неслыханной и с непонятной для нас, северян, силой.

Дождь лил как из ведра, молния поминутно сверкала, страшные раскаты грома не прекращались; ветер рвал и крутил, как ураган, пригибая вековые деревья, вырывая их и далеко унося с невообразимым шумом и треском, раскаленный воздух был переполнен удушливым запахом серы, дышать было невозможно.

Палатку, где были дамы, пришлось укреплять, вбивая новые столбы и приваливая тяжелые камни, чтобы предохранить ее от печальной участи, постигшей легонькие шалаши и избушки, выстроенные для охотников.

Сплетенные из ветвей и прикрытые хворостом, они, при первых же порывах бури были разбросаны, все ветки далеко раскиданы, так что не осталось и следа от бывших жилищ.

Было уже около девяти часов утра; буря началась еще тогда, когда охотники хоронили убитых, вырыв для них большой глубокий ров, чтобы скрыть от дам некрасивую картину мертвых тел.

Идти дальше не было никакой возможности, дороги превратились в ручьи и реки, приходилось ждать под дождем и ветром еще несколько часов, пока буря не утихнет и дороги не станут возможными для прохода.

Охотники, канадцы и гуроны, давно уже привыкшие

ко всевозможным переменам погоды, стоически выдерживали обливавшие их потоки дождя, как истые философы, они не придавали им никакого значения, напротив, этот теплый ливень при невыносимой жаре казался очень приятным и даже полезным душем.

— Ба, — говорил, смеясь, Мишель Белюмер, — вода смывает кровь, через несколько минут не останется и малейшего следа бывшей битвы, нам же лучше.

— Да, — добавил, также смеясь, Сурикэ, — буря позаботилась о чистоте в нашем лагере, она не лишняя после минувшей ночи.

— Это доказывает, — заговорил Бесследный, выпуская большое облако дыма, — что пословица верна.

— Какая пословица? — спросил Белюмер.

— Нет худа без добра.

— Да, это правда, — сказал Сурикэ, смеясь.

Поднялся общий смех.

Сильные летние бури вообще непродолжительны. А настоящая, поражающая своей силой, была еще короче: она продолжалась не больше двух часов.

К полудню дождь перестал, ветер стих, небо прояснилось, солнце ярко светило, воздух освежился.

Погода была восхитительная.

Еще два-три часа, и вода окончательно впитается в землю, можно будет не только на лошади, но даже пешком смело пуститься в дорогу, если только можно так назвать небольшие тропинки, проложенные дикарями с топором в руках.

Меньше чем через три часа Сурикэ вошел в палатку, где сидели дамы, занимаясь своим восхитительным женским рукоделием, в котором они так искусны.

— Очень рада, месье Лебо, — сказала графиня, весело улыбаясь при его появлении, — что вы нашли, что нового?

— Ничего, насколько мне известно, — отвечал он, — я хотел узнать о вашем здоровье и спросить, не беспокоила ли вас буря.

— Нет, благодаря вашему вниманию, нас предохранили от грозившей опасности, мы этим обязаны только вам.

— Я исполнил свой долг, вам не за что меня благодарить.

— Но вы сами, должно быть, ужасно страдали, оставаясь под открытым небом среди урагана.

— Я видал много более сильных ураганов, а этот был непродолжителен, и к тому же теперь лето, так что ни я, ни мои друзья нисколько не пострадали от этой бури; если бы только мы не беспокоились за вас, мадам, мы были бы рады грозе.

— Вот настоящая философия, — заметила, улыбаясь, графиня.

— И философия великого вождя, — добавила весело Марта де Прэль.

— Наша обязанность, — отвечал ей в тон охотник, — приучает к терпению и философии. Что бы с нами было без этих дорогих качеств?

— Правда — ужасная обязанность.

— Я не согласен с вами, — перебил Шарль Лебо, качая головой, — жизнь пионера имеет свои особенные прелести, она мне нравится; может быть, именно опасности и неудобства делают ее еще заманчивей и привлекательней.

— Все вы, господа пионеры, одинаковы, — сказала графиня Меренвиль, — вас не переспоришь.

— Может быть, потому, что мы одни вполне испытали неизвестные для других прелести этой странной жизни, графиня.

Марта во время этого разговора молча улыбалась и исподлобья посматривала на говоривших.

— Извините, мадам, я пришел сюда сказать вам еще, что погода стала прелестна, дороги настолько сносны, что идти можно, и мы совершенно готовы хоть сейчас отправиться.

— Сегодня уже поздно, — сказала графиня.

— Еще только три часа, мы успеем пройти несколько миль до заката солнца.

— Зачем спешить? — настаивала графиня.

— Ваше желание, графиня, для меня закон.

— Благодарю вас, я хочу немного отдохнуть сегодня.

— В таком случае мы отправимся завтра?

— Да, завтра.

— В каком часу?

— Когда угодно!

— Отлично, мне только остается пожелать вам всего хорошего и уйти, чтобы не помешать отдыхать.

Он поклонился и поднял дверь палатки.

— Месье Лебо! — сказала графиня.

- Что угодно?
- Еще одно слово, если позволите.
- К вашим услугам.
- Мне хотелось бы спросить вас?
- Если только знаю...
- О, конечно!
- Извольте.
- Можете вы сказать, далеко мы от плантации Мерен-
виль?
- Могу.
- Скажите же.
- Мы в 66 милях от Красной Палки, вы, вероятно, про
нее спрашиваете?
- Да, вы говорите, в 66 милях от Красной Палки?
- Да, графиня.
- Хорошо, сколько же это нужно дней, чтобы доехать?
- Если водой, как мы едем, самое большее — дней
семь.
- Благодарю.
- Еще что не желаете ли сказать?
- Да, если позволите.
- О, графиня, я весь к вашим услугам, распоряжай-
тесь мной.
- Вы наш друг, — сказала графиня, протягивая ему
руку.
- О, это много чести, графиня, — продолжал Шарль
Лебо, почтительно целуя протянутую руку, — вы еще
что-нибудь желаете знать?
- Да, конечно!
- Я слушаю, графиня.
- Я хотела узнать, далеко ли мы от Карильона?
- О, нет, мы не дальше 50 миль от крепости.
- Так близко?
- Не больше, графиня.
- Вы уверены?
- Да, убежден; я хорошо знаю эту дорогу, ошибиться
трудно.
- Значит, путешествие отсюда в крепость много коро-
че, чем отсюда в Красную Палку.
- Нет, напротив.
- Каким образом?
- Очень просто.
- Ничего не понимаю.

— Обратите внимание на дорогу: чтобы вернуться в крепость, придется ехать сушей, а не водой.

— Что же из этого?

— Очень многое, графиня.

— Я ровно ничего не знаю, объясните мне, пожалуйста, Лебо.

— Это так просто: водой мы легко делаем десять и даже двенадцать миль в день.

— А сухим путем?

— Едва шесть миль в день, то есть ровно вполовину, если не меньше.

— Боже мой, отчего же такая громадная разница?

— Потому что у нас нет еще дорог, приходится идти едва заметной тропинкой, рискуя на каждом шагу иметь неприятную встречу или прокладывать самому дорогу топором и огнем, что не безопасно.

— Но до Дюкенса мы можем ехать водой?

— Желая попасть в Карильон, вы еще продлите путь, возвращаясь в Дюкенс.

— Почему это?

— Потому что ради личных интересов мы должны идти прямо к тому месту, куда едем, заезжая в Дюкенс, мы сделаем крюк, а это много значит.

— В таком случае, чтобы попасть в Карильон, нужно около 10 дней. На целую треть больше, чем на Красную Палку.

— Да, я объяснил почему, графиня.

— Да, да, только мне это очень неприятно.

— Вы желали вернуться в Карильон?

— Да, это мое страстное желание.

— Если бы я мог сделать замечание...

— Я знаю, что вы скажете, я сама себе тоже сто раз повторяла.

— И вы не отказываетесь от своего желания?

— Больше чем когда-либо, у меня есть уважительная причина, которая и вас заставит согласиться с моим мнением.

— О, графиня, я и без этого всюду пойду за вами.

— Знаю, мой друг, но я считаю своим долгом сказать вам, что меня заставляет непременно вернуться к мужу.

— Ради Бога, графиня...

— Нет, нет, — вскричала она быстро, — я слишком дорожу вашим мнением и не хочу, чтобы вы считали меня

непостоянной, ветреной женщиной, которая сама не знает, чего хочет.

— О, графиня, подобной мысли никогда быть не может у меня.

— Знаю, но выслушайте меня.

— Вы этого хотите?

— Да, требую.

— Я покоряюсь.

— Хорошо, почему граф хотел, чтобы мы оставили Бельвю и уехали в Красную Палку?

— Очень ясно, графиня, потому что граф, обязанный по службе уезжать ежегодно на несколько месяцев, должен был оставлять вас одну без всякой защиты в глуши, где трудно рассчитывать на чью-нибудь помощь в случае нападения.

— Видите, вы сами то же говорите.

— Потому что это правда, графиня.

— Чья же измена и лицемерие больше всего пугают графа?

— Графа Витре, человека, не имеющего ни совести, ни чести, для которого цель оправдывает все средства.

— Вы знаете, что еще сегодня утром Витре грозил нам?

— Да, но теперь, когда его важные бумаги попали к нам в руки, он не так страшен.

— Вы думаете, что после всего случившегося он не осмелится появиться в Канаде?

— От него можно ожидать всего. Он способен от всего отказаться и, имея хорошую поддержку при дворе в Версале, он сумеет дело поставить так, что легко победит врагов.

— Вы думаете?

— Убежден, графиня.

— Но это ужасно!

— И в то же время верно.

— Вы думаете, что этот человек еще имеет силу?

— Нет, я говорю, что его нужно бояться; не имея до сих пор ни в чем удачи, он постарается жестоко отплатить за все его оскорбления и унижения, для этого он не остановится ни перед чем. Но в настоящую минуту он в ужасном положении: у него нет ничего, все планы расстроены, он должен сперва собраться с силами и средствами для того, чтобы гордо вернуться в Канаду.

— Ну, это трудно, — с иронией заметила графиня.

— Вы ошибаетесь, графиня. У него не много друзей, нет, люди, подобные графу Витре, могут иметь не друзей, а соучастников, которые имеют много данных на то, чтобы помогать ему, и...

— О, неужели в Канаде есть подобные люди? Вы ошибаетесь.

— Увы, нет! Графиня, я, к несчастью, не ошибаюсь, все, что я говорю вам, истина; в Канаде очень много флибустьеров; если бы их вздумали вешать, колония опустела бы совершенно.

— Итак, — говорила графиня, вся погруженная в свои мысли, — вы не согласны с моим желанием вернуться поскорее в крепость.

— Извините, графиня, я мог только высказать некоторые замечания, которые я считал необходимыми.

— Вы правы, я согласна.

— Между тем, если глубоко обдумать, вы более правы, вы должны вернуться к графу Меренвилю.

— Я вас окончательно перестала понимать, мой друг, — сказала, улыбаясь, графиня.

— Вы думаете, что я переменил свое мнение, не так ли?

— Да, мне кажется...

— Нет, графиня, есть данные, в которых вы скоро сами убедитесь, на то, чтобы я желал вашего присутствия в крепости.

— Вы говорите загадками, Лебо.

— Потому что я не могу говорить прямо.

— Хорошо, я согласна, мы едем.

— В Красную Палку?

— Нет, — живо перебила графиня, — в Карильон.

— Когда вы желаете выехать?

— Завтра, если можно.

— Очень возможно, завтра, с восходом солнца, мы отправляемся.

— Великолепно, но вы, кажется, говорили...

— Да, графиня, у нас есть восемь превосходных лошадей.

— Откуда вы их взяли, друг мой?

— Графиня, — отвечал он по обыкновению неохотно, — я конфисковал их у графа Витре, они все были верхами, а за ними шли навьюченные мулы.

— Дорого же он поплатился, бедный граф! — засмеялась графиня.

— Не правда ли? — поддержал Сурикэ, также смеясь. — Я не коснулся пальцем его багажа, в этом можете быть уверены, но я весь перебрал его, думал найти какие-нибудь нужные и полезные бумаги, но ошибся.

— Это жаль!

— О, у нас есть уже, что нужно; как видите, у нас ни в чем нет недостатка, и мы можем совершенно спокойно ехать.

— Мы не будем проезжать около Дюкенса?

— Нет, он останется совершенно в стороне.

— Это досадно, там мы могли бы получить необходимые сведения.

— Как знать, графиня, во всяком случае, мы будем иметь необходимые сведения; не забудьте только, что завтра мы едем с восходом солнца.

— Мы будем готовы, — отвечали все дамы.

Отговаривая графиню возвращаться в Карильон, охотник имел уважительные причины, чтобы убедить ее и довести до того, чтобы она сама отказалась от желания вернуться в Канаду.

Но причины эти были совсем не те, которые он говорил ей, и, может быть, он был не прав, не сказав ей откровенно то, что думал.

Он знал хорошо, что граф Витре был пойман; изменив и приняв сторону индейцев ирокезов, заклятых врагов французов, и из покровительства и протекции у англичан, он не посмел открыто появиться ни в Квебеке, ни в каком другом городе Новой Франции; даже друзья его не посмеют его принять или защищать, несмотря на его большие связи при дворе.

Сам Биго не задумается отвернуться от него, потому, убедясь, что его слава померкла, граф был никому уже не страшен.

Графиня не ошиблась, предполагая, что у охотника есть причины, которых он не хотел сказать, желать путешествия в Красную Палку; а причины эти были следующие.

Начинавшаяся война была неслыханно ожесточенной; англичане собрали многочисленные войска; партизаны и солдаты заняли все дороги и проходы в Карильон, около которого предполагалась встреча двух армий.

Если генерал Монкальм имел планы, которые он непременно хотел выполнить, то у англичан были свои соб-

ственные, к осуществлению которых они также стремились.

Обойти эти армии было немыслимо даже и думать.

Не солдаты были страшны; регулярные войска, двигаясь сплошной массой, подчинялись строгой дисциплине и не имели права ни под каким предлогом отделиться от строя.

Совсем иное представляли одичавшие партизаны, превосходившие своей жестокостью индейцев, война для них — нажива, разбой, грабеж.

Наконец не следует забывать еще краснокожих.

Они вместе с партизанами массами, как саранча, бродили по лесам, грабя, сжигая, убивая и разрушая все в окрестности; пройти через эти ряды демонов было неслыханное чудо.

Между тем приходилось идти им навстречу и спасти во что бы то ни стало этих несчастных женщин, которые, упорно держась своего мнения, шли, ничего не замечая, в эту бездну.

Шарль очень боялся за удачный исход путешествия.

Дождавшись наступления ночи, когда дамы ушли в палатку отдохнуть, он пригласил всех вождей на великий совет. Вожди были те же: Тареа, Бесследный, Белюмер, Мрачный Взгляд и сам Шарль Лебо.

Около одиннадцати часов все приглашенные вожди собрались в шалаш, который только что был вновь выстроен по приказанию Шарля Лебо.

Ввиду серьезного и важного значения предстоящего совета охотник не хотел, чтобы кто-либо из гурунов или охотников-канадцев мог слышать или видеть, что будет происходить между вождями.

Совет продолжался несколько часов; вожди долго горячились, спорили и наконец пришли к одному общему решению.

Они все согласились, что чуть не сделали великой глупости, от которой могло их только чудо избавить. Затем заявили, что, хотя шансов на успех мало — один против десяти, — но их честь не позволит им оставить друга Сурикэ в подобную минуту, тем более что он идет на опасность не ради личных интересов, а преданности семейству Меренвиль, защищать и охранять которое он клялся.

Решившись идти дальше, вожди составили план действия, по которому гуруны и охотники, разделенные на не-

сколько отрядов, должны идти не разом все, а частями, на довольно значительном расстоянии один от другого; отрядам этим позволено было незаметно проникать в ряды англичан.

План был смел до дерзости, мог испугать самого храброго человека.

Сурикэ был смелее всех.

— Не беда, если мы ляжем на месте, лишь бы дамы были спасены, — говорил он в заключение.

Эта простая короткая фраза дышала безграничным самопожертвованием, объяснявшим вполне его героизм.

На следующий день в назначенный час дамы были совершенно готовы.

Все отправились.

В течение десяти дней путешествие было крайне благополучно, все шло как нельзя лучше, никаких приключений не было.

Они встретили индейца Онеида, который сообщил им обо всем, что происходило на границе со дня их отъезда в Дюкенс.

По его словам, англичане, испугавшись вновь одержанных французами побед, скрылись совершенно.

Нужно заметить, что Онеид, бывший в числе сторонников англичан, сам ровно ничего не знал о том, что делалось на границах.

В действительности было не так.

В июне маркиз Монкальм окончил все приготовления для предполагаемой осады крепости Вильям Генри, той самой, которую в предыдущем году хотели взять приступом Риго Водрейль и Лангель; собрав войско из 1400 человек, они выступили в феврале в поход, несмотря на холод и снег; марта были у стен Вильям Генри, сделав по глубокому снегу на лыжах 60 миль и поборов невероятные затруднения.

План Риго был — взять приступом крепость, рассчитывая напасть неожиданно на англичан; но расчеты его оказались неверны: англичане, приготовленные к нападению, отразили его; тогда Риго сжег все бывшие за стенами крепости магазины, деревянные дворы, строевой лес, разбил до основания 300 барок, 6 фрегатов, уничтожил всю амунизию и провизию войск, чем нанес непоправимые убытки англичанам.

Сделав это, он преспокойно пошел обратно.

Убитых и раненых вместе у него было только 27 человек.

Теперь же Монкальм хотел закончить начатое Риго; крепость Вильям Генри, находясь у самого озера Сан-Сакраменто, позволяла англичанам совершенно неожиданно для французов нападать на форты Сан-Фредерик и Карильон, бывшие самыми главными пунктами защиты на границе, поэтому необходимо было отнять у англичан этот важный пункт, которым они насильно овладели, поместив там армию в 3000 человек во главе с полковником Моором.

Французская армия, выступившая 30 июня, состояла из 7500 человек; а 4 августа Бурламак уже рыл траншеи перед стенами Вильям Генри (хотя эта крепость и была обнесена деревянной стеной, но отличалась прочностью постройки, неизвестной в Европе), 9 августа англичане сдались на капитуляцию; было взято 43 артиллерийских орудия, 35835 фунтов пороху, бомбы, провиант и 29 военных кораблей.

Со стороны французов потери были незначительны: раненых и увеченных было 58 человек; между тем как англичан было взято в плен 2296 человек, но, не имея провианта и удобного места для их помещения, Монкальм отпустил их с условием не вступать в ряды английских войск в течение 10 месяцев; утром 10 августа англичане вышли из крепости, надеясь соединиться с авангардом и не дожидаясь даже конвоя для защиты от индейцев.

Дорогой они, несмотря на предостережения французских генералов, угостили ромом встретившихся краснокожих, которые, опьянев, на них же напали и разбили весь багаж. Англичане едва отстояли свое оружие, с которым постыдно бежали в беспорядке, испугавшись разъяренной толпы; индейцы, рассерженные трусостью беглецов, били их без сожаления и хватали в плен; более 20 человек было убито и около 600 человек взято в плен. Услышав из крепости шум и выстрелы, французы поспешили со всеми военными силами; им с большим трудом удалось усмирить диких и отобрать от них 400 пленников; индейцы, защищаясь, убили одного французского солдата и ранили трех гренадеров.

Освобожденные 400 человек оправились и под конвоем отправились к войскам генерала Веба, командовавшего

пограничной армией, остальные 200 пленников были позже выкуплены за очень большую сумму г-ном Водрейлем и присоединены к той же армии.

Содержание рассказа о взятии крепости Вильям Генри заимствовано без малейшего изменения из статьи, озаглавленной «Канада под владычеством французов», составленной по архивным запискам профессором истории императорской школы в Сен-Сир Дюссие.

Сурикэ делает приятный сюрприз графине Меренвиль

Заняв крепость, французы не только ее разорили, но окончательно разрушили так, что невозможно было ее восстановить, несмотря на приказания главнокомандующего.

Монкальм, поощренный своей победой, направился было к крепости Эдуард, надеясь взять ее, сделаться хозяином на этой границе, но, к несчастью, у его союзников, диких, появилась оспа.

Грабя взятую крепость Вильям Генри, индейцы заразились, захватив вместе с добычей ужасную эпидемию, которая сильно опустошила их ряды.

Французы вынуждены были расстаться со своими союзниками, чтобы предохранить себя от неизбежной гибели.

Недовольный, скрепя сердце главнокомандующий должен был отказаться от заманчивого плана приобрести еще один важный пункт и вернуться в Карильон.

Через три дня после ухода французов из Вильям Генри наши путешественники приехали к берегам Сан-Сакраменто.

Кругом было пусто и тихо, даже бродяги, являющиеся на поле битвы обирать убитых, ушли далеко.

Леса были положительно переполнены дикими, но эти краснокожие, будучи союзниками французов, составляли арьергард французской армии.

Путешественникам не грозило никакой опасности, по-

тому что ирокезы, как это они обыкновенно делают после поражения, все разбежались, спеша укрыться в своих деревеньках и хижинах.

Англичане, занимавшие крепость Эдуард, не выходили даже за стены ее; генерал Веб, счастливый тем, что избежался от атаки французов, не смел показаться из крепости. Путешественники, напугав своей многочисленностью бродяг и пограничных разбойников, которые никогда не нападают на большие партии, остановились отдохнуть. Опасность миновала, и они могли не спеша располагать отдыхом и остановками.

Сурикэ был в восторге от такой неожиданной развязки.

Было уже не рано, день клонился к вечеру, солнце почти совсем опустилось; Шарль Лебо приказал раскинуть палатки и расположился лагерем на месте разрушенной крепости.

Отпустив от себя индейца Онеида, сообщившего ему о победе маркиза Мокальма, Сурикэ отвел в сторону Мишеля Белюмера и несколько минут тихо говорил с ним; поговорив, они разошлись. Старый охотник быстро отправился в лес, а Шарль Лебо также поспешно подошел к графине Меренвиль, которая показывала ему знаками, что хочет с ним говорить.

Она хотела знать, что ему сказал краснокожий, с которым он так долго говорил.

Охотник, вполне понимая нетерпение графини узнать результат разговора, с нескрываемой радостью стал рассказывать приятные новости, сообщенные индейцем.

Графиня с чувством поблагодарила охотника, добавив:

— Скоро вы намерены приготовить нам палатку, мы очень устали, теперь спешить нужды нет, мы можем отдохнуть, не правда ли?

— Совершенно верно, графиня!

— Признаюсь, мы были бы очень рады этому отдыху, если только вы ничего не боитесь.

— Все опасности миновали и, надеюсь, надолго, графиня; неприятель слишком занят своими делами, чтобы еще думать о нас, к тому же мы окружены французами, страх теперь лишний.

— Я очень рада, если вы, такой осторожный и недоверчивый, находите, что опасность миновала, то мы можем быть вполне покойны.

— Я осторожен потому, что охраняю слишком драго-

ценное сокровище и подвергаюсь большой ответственности, — отвечал, улыбаясь, Шарль Лебо.

— Нам остается только восхищаться вами и благодарить вас.

— Я счастлив тем, что мне дали такой пост, но еще более счастлив, что вы мной довольны.

— Где мы остановимся?

— В развалинах крепости Вильям Генри.

— На поле битвы, как победители, — рассмеялась графиня.

— Да, я предполагаю простоять тут два и даже три дня, чтобы лошади вполне могли отдохнуть и поправиться от тяжелой дороги.

— Вы отлично придумали, они совершенно истощены, измучены.

— Я заметил это и потому даю им отдохнуть; погода превосходная, солнце не так уже жжет, как прежде, наконец, эта небольшая остановка необходима для людей.

— Вы правы, я охотно подчиняюсь вашим желаниям, даже если бы вы нашли нужным еще более продлить наш отдых.

— Я думаю, что трех дней вполне достаточно, но если понадобится еще хотя бы один день для окончательного поправления сил, я буду иметь честь предупредить вас.

— Хорошо.

Сурикэ ушел, потирая руки; какая-то странная улыбка играла в углах его рта.

Если бы графиня могла его видеть в эту минуту, она была бы очень заинтересована, желая узнать, чему так радуется этот обыкновенно бесстрастный, спокойный человек.

— Эге, — говорил между тем охотник, уходя от Меренвилей, — графиня первая заговорила об остановке, она предупредила, и это во многих отношениях для меня очень хорошо.

И он тотчас же распорядился об устройстве лагеря, который через два часа был уже готов.

— Лошади очень устали, — говорил он с легкой усмешкой и искоса поглядывая на дом в ответ на вопросы вождей.

В течение целых трех дней ничем не нарушалось спокойствие в их тихой, ровной жизни.

Однажды утром графиня, зная о тесной дружбе старого

охотника с молодым, спросила Сурикэ, почему она не видит Белюмера, куда он скрылся с первого же дня остановки.

— Мой друг был бы очень счастлив, узнав, что вы интересуетесь им, графиня.

— Ваш друг Белюмер, — отвечала графиня, — оказал нам большую услугу во время нападения ирокезов.

— Да, спасая вас от дерзости графа Витре.

— Я совсем забыла этого человека, ваш друг творил чудеса ловкости и мужества.

— Он настоящий пионер, графиня, это лучшая похвала для него.

— Но где же он? Я уже третий день его не вижу.

— Хотя мы и покойны, но осторожность никогда не лишняя, в самое тихое время мы зорко следим за безопасностью дороги, которой идем, а теперь тем более мы должны это делать; он же, как более опытный, отправился разузнать, что творится у неприятеля, чтобы сообщить нам; крепость Эдуард, занимаемая генералом Вебом, всего только в шести милях от Вильям Генри.

— Неужели так близко?

— Да, графиня, теперь вы понимаете, как осторожны должны мы быть.

— А Мишель Белюмер?

— Охраняет нашу безопасность, графиня, во главе двенадцати краснокожих, следя за каждым движением неприятеля, о котором он тотчас же нас предупредит, если заметит что-нибудь подозрительное.

— Благодарю вас, что вы мне разъяснили, в чем дело, я так беспокоилась об этом храбром охотнике.

— Я ему скажу это, графиня.

— Вы мне доставите удовольствие.

Графиня дала заметить, что разговор кончился.

— Мой друг и не подозревает, как я на него лгу, — говорил, уходя, Сурикэ.

На четвертый день, около семи часов утра, когда путешественники, сняв лагерь, готовились уже пуститься в дорогу, совершенно неожиданно, Бог весть откуда, шагах в 200 от развалин Вильям Генри, появилось многочисленное войско канадских ратников, которых сразу можно было узнать по их костюму и по присутствию полусотни воинов гуронов.

Дамы радостно воскликнули, заметив нескольких верховых офицеров во главе длинного ряда солдат.

Когда эти офицеры подвинулись ближе, дамы узнали в числе их маркиза Монкальма, кавалера Леви и графа Меренвиля.

Белюмер шел совершенно свободно в ряду наездников, держась по правую сторону от главнокомандующего, с которым он о чем-то оживленно разговаривал.

Сурикэ исподтишка посмеивался над дамами, которых так легко удалось обмануть, уверив, что Белюмер в окрестностях Эдуарда следил за генералом Вебом, который как милости просил у неба, чтобы французы оставили его в покое.

Взяв Вильям Генри, армия шла медленно, чтобы не отставали утомленные солдаты.

Поэтому Мишелю Белюмеру, знавшему как свои пять пальцев местность, изъезженную им вдоль и поперек, ничего не стоило догнать французов через несколько часов, тем более что он шел, как ходят только краснокожие, прямым путем, оставляя в стороне едва проложенные тропинки.

Он нагнал французскую армию в то время, когда утомленные дневным переходом солдаты, раскинув лагерь и разведя ночные костры, готовили себе ужин.

Спросив, где палатка графа Меренвиля, Белюмер отправился прямо туда.

Но он ошибся, рассчитывая на встречу с графом; Меренвиль был у главнокомандующего, откуда, по словам его слуги, он должен был вернуться очень поздно.

Это было неприятно Белюмеру, но он не смутился и, узнав, где палатка главнокомандующего, быстро пошел к нему.

Главнокомандующий принимал охотно всех желавших с ним говорить, особенно охотников, зная по опыту, как много хорошего и полезного можно от них узнать.

Мишель Белюмер был тотчас введен к нему.

Маркиз Монкальм сидел за столом вместе с графом Меренвилем и кавалером Леви.

— А, — вскричал главнокомандующий, — это наш друг Белюмер!

— К вашим услугам, генерал, — отвечал, кланяясь, охотник.

— Разве вы не были вместе с вашим другом Сурикэ? — с беспокойством спросил граф.

— По дороге на Луизиану.

- Да разве случилось какое несчастье с...
- Успокойтесь, граф, ничего дурного не случилось, напротив, все идет отлично.
- Графиня Меренвиль уже в Красной Палке?
- Нет, мы вернулись обратно.
- Как так?
- О, это длинная история.
- Да? — сказал граф.
- Обедал ты?
- Я так спешил догнать вас, что не ел ничего с самого утра, как только вышел из лагеря.
- Садись и ешь, — сказал генерал, — ты, вероятно, умираешь от голода, мой бедный мальчик.
- Правда, генерал, я голоден, как волк.
- Ивон, скорее еще прибор, — приказал главнокомандующий.
- Однако, позвольте, генерал, я не знаю, должен ли я...
- Ты должен слушаться меня.
- В таком случае, извольте...
- За обедом ты расскажешь свои новости.
- Да, их очень много и самые разнообразные.
- Кто тебя послал ко мне?
- Никто, генерал. Да, никто! Я позволил себе явиться сюда, рассчитывая на встречу с графом, что, к счастью моему, мне удалось.
- Следовательно, ты послан к графу?
- Да, генерал.
- Кем же?
- Сурикэ, генерал, — отвечал охотник, набив полон рот изобильным обедом, который он буквально пожирал, отвечая в то же время на все предлагаемые вопросы.
- Если вас послал Шарль Лебо, значит, дело серьезное.
- Я так же думаю, генерал, — отвечал граф.
- Сами увидите, — рассмеялся охотник.
- Еще вопрос, — сказал генерал.
- Хоть сто, если вам угодно, мой генерал.
- Хороши ли приведенные новости?
- Очень приятные и очень интересные, генерал.
- Когда он пообедает, уведите его к себе, граф.
- Зачем, — прервал граф, — от вас нет тайн.

— Я уверен, — продолжал Белюмер, — что пославший меня Сурикэ не делает никакого различия между вами обоими.

— Почему ты так думаешь?

— Я знаю хорошо моего Сурикэ, просто это его причуда устроить приятный сюрприз графине и сообщить в то же время вам обо всем, что было во время путешествия.

— Вероятно, так, — сказал граф.

— Очень может быть, — поддержал главнокомандующий.

— Я же убежден в этом, прожив четыре года с Сурикэ, я отлично изучил его.

— Мне кажется, Белюмер прав, как вы находите?

— Я уже сказал, что эти новости для вас не должны быть секретом, и вы, Леви, не уходите, останьтесь с нами, — сказал граф, кланяясь кавалеру.

— Граф, — отвечал последний, — я очень тронут вашей любезностью, но, к сожалению, мне невозможно...

— Та, та, та, — сказал главнокомандующий, смеясь, — вы теперь совершенно свободны и сделаете большое удовольствие, если останетесь с нами.

— Я вас прошу не уходить, — говорил граф.

— Мне остается только уступить вам, господа.

— И отлично, — обрадовался главнокомандующий.

— Вы меня огорчили бы, если бы ушли, — добавил граф.

— Ты можешь есть и говорить?

— А также и пить, — рассмеялся охотник.

— Конечно, пожалуйста, не стесняйся, мой мальчик, около тебя две бутылки.

— Я ими уже давно люблюсь, генерал.

— Ну, говори же свои новости, мы ждем.

— Да поскорее только.

— О, если вы хотите скорее все узнать, я готов, — он налил стакан вина. — За ваше здоровье, господа!

Присутствующие поклонились.

Выпив разом весь стакан, он поставил его на стол, говоря:

— Я начинаю, генерал.

— Мы слушаем, мальчик.

— Да, мы все ждем с нетерпением.

Граф, несмотря на уверения Белюмера, был очень непокоен.

Охотник, не заставляя повторять приглашения, начал свой рассказ.

Его необработанная, простая, но крайне образная, дышавшая неподдельным чувством речь увлекла слушателей.

Не отрывая глаз от его губ, они буквально превратились в слух; а он, не забывая ни малейших пустяков, подробно рассказывал все, что только было с минуты отъезда из Дюкенса; когда он заговорил о графе Витре, присутствующие заметно нахмурились, глубоко возмущенные его низкими поступками и подлой изменой.

— Негодяй, — вскричал главнокомандующий, полный негодования и презрения, — это французский офицер! Дворянин, находящийся в родстве с лучшими семействами Франции; он позорит собой все французское дворянство.

— Я это предвидел, — с отвращением сказал граф.

— Ему остается только продаться англичанам, — с убийственным презрением заметил Леви.

— Это бы меня несколько не удивило, — отвечал охотник, качая головой, — уходя из лагеря, он искал пристанища в колонии Нью-Йорк.

— Ты знаешь наверное? — спросил главнокомандующий.

— Он это сам говорил всем нам и сделал, как сказал.

— Почему ты знаешь?

— Мне казалось это невероятным, я думал, что он говорит это в минуту злобы.

— Ну?

— Я захотел убедиться и пошел за ним следом и проводил его до самой английской границы.

— О! — вскрикнули одновременно все слушатели.

Наступило молчание.

— Это очень серьезное дело, — сказал главнокомандующий, — у него есть и государственный корабль, если не ошибаюсь.

— Да, он командует фрегатом «Слава», одним из лучших военных судов Франции.

— В настоящее время, — сказал Леви, — фрегат «Слава» должен стоять на якоре у Луисбурга.

— Нужно, что бы это ни стоило, помешать ему продать этот фрегат англичанам.

— Неужели вы думаете, он забудется до такой степени, что решится на... — вскричал граф Меренвиль.

— На продажу фрегата англичанам, в этом нет сомнения. Англичане, хотя и самые ловкие в мире коммерсанты, но ничего не купят, не посмотревши, но есть две уважительные причины, ради которых они с радостью примут предложение графа Витре и даже дорого заплатят изменнику, не осмотрев корабля.

— Он продаст фрегат вполне уже готовый.

— Да, англичане будут рады, отняв у нас отлично вооруженный и снабженный всем необходимым фрегат; но это не главное, одним фрегатом больше или меньше даже у такой сильной морской державы, как Англия, ровно ничего не значит.

— Да, но вы сами же говорили, что есть две уважительные причины, ради которых англичане войдут в сделку с этим негодяем Витре, — сказал граф Меренвиль.

— Да, я говорил и повторяю, что этот вопрос близко касается англичан, так близко, что если Витре назначит самую бешеную цену, они дадут, не колеблясь.

— Я не понимаю вас.

— Нет?

— Совершенно!

— Это странно, а вы, Леви?

— Признаюсь, что и я не меньше графа теряюсь в догадках.

— О, это не так трудно отгадать, — сказал Мишель Бельюмер.

— О, о! Посмотрим, — сказал главнокомандующий с лукавым видом, — что ты угадал?

— Если позволите, генерал, я с разрешения всей компании скажу, но я повторяю только слова других и не хочу, чтобы меня считали догадливей и умнее, чем я в действительности; нормандцы — честный народ.

— Посмотрим, говори или уж замолчи, болтун, неужели ты думаешь, что мы до завтра будем тебя слушать.

— Я не думаю этого, — смеясь, отвечал охотник, — я хочу только сказать вам то, что слышал от Водрейля, брата губернатора Новой Франции, и капитана корабля французской армии. Не зная о моем присутствии, они, не стесняясь, разговаривали с одним из друзей Дореля, которого вы, генерал, должны знать.

— Да, я его знаю и глубоко уважаю, он крайне честный и неподкупный человек, — однако, продолжай.

— На вопрос Дореля, которого я не слыхал, Водрейль

отвечал так: Канаду до сих пор спасал лишь залив Св. Лаврентия, по которому немислима навигация для людей, не знающих его в совершенстве, и несообразительность англичан, не подозревающих, что есть реки, по которым легко и удобно можно проникнуть внутрь Канады; эти реки знают пока только французские начальники военных судов; но предположите, а в этой несчастной стране можно и даже должно всего ожидать, предположите, повторяю, что один из этих начальников по какой бы то ни было причине продает англичанам свой секрет, а вместе с ним и судно с лоцманами, что тогда ожидает француз?

— Это невозможно, — вскричал Дорель, — подобная измена — подлость, во Франции нет дворян, способных на такую неслыханную низость.

Барон Водрейль пожал плечами и добавил:

— В Канаде все возможно.

— И ужаснее всего то, что изменник может свободно действовать по своему желанию, не рискуя подвергнуться ответственности.

— О! Это немисливо! — вскричал Дорель.

— Вы ошибаетесь. Представьте себе, что судно преследуется неприятелем, от которого оно спасается бегством; но враг не отстает; командир, не видя другого выхода, направляет судно по реке, надеясь укрыться от преследования (это совершенно естественно), но неприятель упорно идет за ним, внимательно следя за всеми маневрами французского корабля; командир — не изменник, он не хотел выдавать своего секрета, но только спасал свой фрегат, был несчастлив, и военный суд оправдает его, хваля его действия, мало того — ему дадут повышение, подобный финал не редкость во Франции, как в морском ведомстве, так и в администрации и магистратуре. Маленькие рыбки всегда остаются в сети, в то время как большие незаметно перегрызают петли невода и уходят в море. Я повторяю слово в слово разговор, который я давно еще слышал.

— Барон Водрейль знает больное место; теперь вы понимаете, господа?

— Вполне! — сказал граф.

— Это ужасно! — воскликнул Леви.

— Господин Белюмер, будьте готовы к трем часам, чтобы вернуться в Вильям Генри.

— Слушаю, генерал.

Он встал и ушел.

— Граф, соберите 500 человек ратников и 50 гуронов, и вы, Леви, поедете с нами.

— Куда прикажете, генерал!

— Мы вернемся в Вильям Генри? — спросил граф Меренвиль.

— Да, я пойду с вами, я хочу видеть Шарля Лебо, поговорить с ним и уверен, что он ждет меня.

— Очень возможно, — сказал Леви, по обыкновению с видом ничего не знающего человека, — я не видал еще никого хитрее его.

— Поэтому именно я и хочу его видеть как можно скорее; будьте так добры, граф, по дороге зайдите в палатку Бурламака, попросите его немедленно явиться в общий зал.

— Хорошо, генерал.

— Я оставлю под его начальством войска и прикажу ему идти не спеша. Спокойной ночи, господа, уже девять часов, в четыре мы выступаем, не забудьте; вы успеете отлично выспаться.

— Не беспокойтесь, генерал, будем готовы, — отвечали оба офицера.

Они встали из-за стола и ушли.

Ровно в четыре часа, как приказывал главнокомандующий, полк выступил по старой дороге к крепости Вильям Генри.

Переход был сделан быстро, через сутки они были уже у крепости.

Главнокомандующий ехал с графом Меренвилем.

Если дамы были счастливы, узнав графа, то сам граф был в восторге от этой встречи.

Графиня бросилась к мужу, но, увидев Шарля Лебо, остановилась и, протянув ему руку, произнесла дрогнувшим голосом одно только слово, но которое осчастливило молодого человека и вполне вознаградило за все труды и неудобства совершенного путешествия.

— Благодарю.

— Да, благодарю, Лебо, — сказала Марта де Прэль, улыбаясь.

Она лукаво погрозила ему пальцем и, заливаясь серебристым смехом, убежала, оставив своего нерешительного поклонника в полном недоумении.

Армия отдыхала недолго в Вильям Генри; около полудня, разделившись на два отряда, солдаты выступили обратно, спеша вернуться в Карильон.

Сурикэ, освобожденный приехавшим графом Меренвилем от неприятной обязанности командующего войсками, поспешил к маркизу Монкальму, от которого не отходил ни на шаг до самой крепости.

Два типа дворян негодяев

Оставим маркиза Монкальма с его друзьями продолжать их путешествие в Карильон и перенесемся в Квебек к Жаку Дусе, исполняющему зараз роль шпиона у Биго, интенданта Канады, и роль модного ювелира.

Был ненастный дождливый вечер, недавно пробило восемь часов; порывистый сильный ветер жалобно завывал в длинных коридорах дома; дождь безостановочно хлестал по окнам; ярко-багровые молнии поминутно сверкали, освещая тяжелые тучи, нависшие над самой землей; гром, затихая на несколько минут, разражался с такой потрясающей силой, что все здания дрожали; воздух был пропитан едким запахом серы.

Вечер был ужасный.

Жак Дусе сидел у ярко разведенного камина, машинально следя глазами за фантастическими формами пылавшего огня.

Ювелир мечтал, но мечты его, как видно, были невеселыми.

Подобно всем одиноко живущим людям, Жак Дусе имел привычку разговаривать сам с собой, произнося очень длинные монологи.

Но в этот вечер, вследствие бури, раздражавшей его нервы, он был скучнее, задумчивее и недовольнее обыкновенного.

— Когда только кончится эта несносная жизнь здесь, — говорил он не громко и не тихо. — Неужели я не увижу больше моей дорогой Бретани? Неужели мне суждено умереть в этой проклятой стране, где каждому ежеминут-

но грозит смерть? Встретив графа Вилена, я думал, что я спасусь от этого ада, что он поможет мне выбраться. Но где он теперь? Что он теперь делает, что с ним? Я положительно ничего не знаю; в письмах он ни слова о себе не говорит, только наводит справки, разузнает через меня о том, что его интересует, и тем ограничивается. Он враг графа Витре. Но за что эта ненависть, вражда, зачем она? Я опять ничего не знаю; он мне не говорит, ничего мне не доверяет.

Жак на минуту остановился, мешая уголья в камине, и затем продолжал совсем уже в ином духе:

— Вместо того чтобы стихать, буря все усиливается, вероятно, до рассвета не перестанет, а может быть, и еще дольше; закат солнца был красный, а это верный признак ненастья, по улицам уже текут настоящие реки от противного дождя; ни пройти, ни проехать немисливо; обещавшие быть у меня, конечно, не придут, если не пришли раньше, когда еще было возможно; теперь и ждать нельзя.

Он опять ненадолго смолк.

— По-видимому, они хотят поговорить о чем-то важном, о пустяках они могли бы и в своих чертогах говорить, но, убедившись, что стены дворца имеют глаза и уши, мешающие им откровенно болтать, они предпочитают мой скромный уголок для своих политических собраний; здесь они смело могут говорить; разве я не раб их? Да, я раб, но я мог бы все слышать и видеть, несмотря на запрещение их, — зло засмеялся ювелир, — как знать, может быть, я и узнал бы много полезного для моего хозяина?

Часы, стоявшие на камине, пробили девять.

— Уже девять! Поздно... не придут!

В эту минуту раздался тихий, чуть слышный звонок.

— Вот они; ясно, не будь очень важного дела, они не пошли бы в такую грозу.

Он встал, зажег свечу, потому что раньше сидел без огня, открыл дверь и стал спускаться по лестнице.

Отворив наружные двери, он увидел перед собой фигуру, завернутую в плащ, с которого ручьем текла вода, точно он сейчас только вышел из реки.

Войдя в комнату, гость поспешил сбросить промокшее платье.

— Граф Витре? — спросил ювелир.

— Я, господин Жак Дусе.

— В такую отвратительную погоду, граф?

— Да, погода плоха, меня чуть два раза не унесло течением потоков, бегущих с гор; хорошо еще, что я надел высокие сапоги, без них не дошел бы; мне все время приходилось идти по колено в воде. А Биго не пришел? — спросил он, осматриваясь кругом. — Я думал, что он давно уже здесь, ему ведь всего несколько шагов пройти; уж не буря ли его испугала?

— Эта адская гроза хоть кого запугает.

— Да, буря ужасная; придет ли он, как вы думаете?

— Я уверен, что придет; сегодня получил записку от интенданта, где он пишет, что, окончив дела, придет, не смотря ни на какую погоду.

— В таком случае он только опоздал. Я знаю, он держит слово.

Болтая с гостем, ювелир подложил дров в камин, стряхнув плащ и выжав шляпу, повесил сушить; затем зажег несколько свечей.

Граф подошел и сел у самого огня, чтобы высушить, если только это было возможно, промокшие насквозь сапоги.

— Инструкции мои исполнены, Жак Дусе?

— Пунктуально, граф; в столовой, смежной с этой комнатой, холодный ужин давно уже ждет вас.

— Отлично, а вина не забыли?

— Вино и ликер — будете довольны.

— Вот за издержки, — и граф протянул кошелек, набитый золотом, который, едва коснувшись необыкновенно ловких рук шпиона, моментально исчез.

— Наш разговор будет продолжителен, мы останемся здесь далеко за полночь, а может быть, и до зари, если буря не стихнет.

— Вы здесь дома, граф!

— Да, но кстати, я имел к вам просьбу, и очень серьезную, предупреждаю вас.

— Для вас я сделаю все, — говорил хозяин заискивающим тоном и низко кланяясь.

— Когда придет Биго и мы перейдем в другую комнату, вы должны уйти совсем.

— Слушаю, граф.

— Не забывайте, что я ненавижу, когда подсматривают или подслушивают.

— Понимаю, граф.

— Если мы останемся целую ночь в вашей норе, то это потому, что нам нужно говорить об очень важных делах.

— Понимаю, граф, вы боитесь нескромности с моей стороны, но здесь вы в полнейшей безопасности.

— Я хотел бы этого, поэтому предупреждаю; если только увижу длинные уши там, где их не должно быть, я обрублю их совсем.

Угроза эта была произнесена таким тоном, что шпион невольно вздрогнул.

— Вы мной всегда будете довольны, граф.

— Я говорю для вашей же пользы, потому что, если вы вздумаете шпионить, я рассчитаюсь по-своему.

— Ничего не боюсь, граф, вы должны меня знать, моя репутация известна, я никогда не интересуюсь чужими делами.

— И отлично делается, это единственное средство избежать неприятностей.

Раздался второй, такой же тихий, замирающий звонок.

— Вот и интендант, — сказал шпион, — он один только может прийти через эту дверь.

Жак взял свечу и пошел навстречу.

Почти в ту же минуту Биго появился на пороге той комнаты, где сидел Витре.

Союзники крепко пожали друг другу руки.

Интендант Канады был в таком же виде, как Витре в первую минуту появления в доме ювелира; он быстро снял плащ и шляпу, которые шпион подхватил, проделывая с ними то же, что и с первой парой.

Биго, по-видимому, был сильно рассержен.

— Что за проклятая погода! — вскричал он. — Нужно быть совсем дураком, чтобы выходить на улицу в такую грозу, ни одной собаки туда не выгонишь.

Граф засмеялся.

— Держу пари, что вы играли и проиграли.

— Черт возьми! Вот уже месяц, как я проигрываю; сегодня меньше чем за час я спустил 200 000 франков из-за этого дурака Мосэ.

— 200 000 — куш большой! — еще громче засмеялся граф.

— Это не считая того, что я проиграл за весь месяц.

— Гм! — не переставал смеяться граф. — Вы знаете пословицу, мой дорогой Биго?

— Какую пословицу? Признаюсь, я плохо знаю пословицы; про которую вы говорите?

— Несчастлив в игре, счастлив в любви.

— О, черт возьми! — вскричал насмешливо Биго. — Как раз кстати эта дурацкая поговорка! Я никогда еще не был так несчастлив у женщин, как последние три недели.

— В таком случае нужно покориться своей участи, это, несомненно, дьявольское наваждение.

— Хуже — гибель, падение!

— Да, не все Монкальмы, только он один везде и всюду одерживает победы.

— Не будем касаться политики до ужина, — сказал интендант Канады, прикладывая палец к губам, — это портит аппетит.

— Правда! К тому же мы не для политики сошлись.

— Понятно! Жак Дусе, — сказал он, обращаясь к шпиону, — сделайте одолжение, я сумею отблагодарить, — он особенно подчеркнул последние слова.

— Я очень счастлив, если могу быть полезным, — отвечал шпион, — даже без вознаграждения, я и так вам многим обязан.

— Я ничего не знаю; я заплачу тебе 500 луидоров.

— Гм! Это хорошая сумма! — вскричал шпион, глаза которого забегали от радости.

Биго улыбнулся.

— Кстати, откуда ты?

— Вы не знаете? Я имел уже честь говорить вам, что я нормандец, уроженец Квебека.

— Да, я забыл, но это не беда! Я принес письмо, довольно серьезное, но оно написано по-английски, и я не могу прочесть, переведи его, пожалуйста, пока мы будем ужинать; ты его кончишь в четверть часа, вот оно, а с ним я обещаю 500 луидоров.

Он подал шпиону письмо и кошелек.

— Я не доверяю моим секретарям.

Жак Дусе взял письмо, попробовал читать, но тотчас же сказал с печальной физиономией:

— Увы, сеньор, я не понимаю по-английски, хотя и говорят, что английский язык — тот же французский, только с плохим произношением, но я положительно ничего не могу разобрать; я так хотел бы быть вам полезен.

— Разве ты не говоришь по-английски?

— Нет, я только немного болтаю по-испански и по-немецки.

— Но не отчаивайся, мой друг, возьми это золото, оно тебя успокоит.

— О, вы слишком добры!

— Ба! Ты зато будешь служить за ужином.

— Как угодно.

Биго лгал, говоря, что не знает по-английски; шпион, в свою очередь, также соврал, назвав себя нормандцем, когда был бретонцем из самого центра Бретани, где говорят на чистом гельском наречии.

Жак Дусе лгал без всякой цели, просто по привычке.

Он совсем не ожидал, что может выйти из его лжи.

— Черт возьми, вы правы, мой дорогой Биго, я хотел отправить его спать, но лучше, если он останется при нас за ужином, понимаете, Жак Дусе.

— К вашим услугам, господа!

Было уже около одиннадцати часов; буря как будто затихла.

Гости встали и перешли в столовую.

Ужин был готов.

В камине горел ярко разведенный огонь, в комнате было тепло.

— Вот, отлично, — сказал Биго, хваля Жака Дусе.

— Всегда к вашим услугам!

— А умеете вы приготовить кофе, Жак Дусе? — спросил граф.

— Да, граф.

— Есть оно у вас?

— Превосходное!

— Браво, приготовьте же нам его!

— Это хорошая мысль, — сказал интендант, — итак, решено, вы нам готовите кофе.

— Прикажете, и все будет сделано!

— Отлично.

Биго наклонился к уху друга и сказал совершенно тихо:

— Мы будем говорить по-английски, и, чтобы быть вполне покойным, что нас не поймут, говорите на гельском наречии, мы оба его отлично знаем.

— Хорошо, — сказал граф, — но счастье наше, что Жак нормандец, будь он бретонец — мы могли попасться.

— Я нарочно спросил, откуда он, я знал хорошо, что он нормандец, да забыл.

И они оба стали говорить на гельском наречии.

Шпион был сильно удивлен, услышав родной язык, на котором разговаривали между собой его гости; он понимал все лучше их самих.

Это доказывает только то, что, хотя осторожность и добродетельна, но, когда ею злоупотребляют, она становится хуже порока.

Скрыв свое удивление и радость, Жак прислуживал друзьям с видом ничего не понимающего.

Между тем как они, вполне убежденные, что их никто не слышит, болтали, несколько не стесняясь, он знал хорошо, что природные англичане даже не знают этого наречия, потому что оно совсем заброшено, им говорят только истые бретонцы.

Интендант первый начал разговор о политике.

— Есть что-нибудь новое? — спросил он, разрезая великолепно страсбургский пирог, который в то время был в большой моде как новинка.

— Очень много, — отвечал граф, подставляя тарелку.

— Посмотрим, в чем дело?

— Сперва у вас нужно спросить, — отвечал граф, — я лежал раненый, меня два месяца не было в Канаде, я ровно ничего не знаю о том, что здесь творится. Расскажите мне в коротких словах.

— Это нелегко, мой дорогой граф, хотя попытаюсь.

— Начинайте, я слушаю. Ваше здоровье.

— И ваше. Положение с каждым днем становится затруднительней: тяжелые условия, которые маркиза Помпадур заставила меня подписать, погубят всю колонию.

— Ого! Вот как!

— Да!

— И нет средства поправить?

— Ни малейшего; я все пробовал, все пытал; колонисты умирают с голоду, нищета ужасная, срок расплаты приближается, а у нас нет ничего; повторяю, колония погибла, и мы вместе с ней.

— Мне кажется, вы стараетесь все представить хуже, чем на самом деле.

— Вы думаете?

— Конечно!

— Нет, мой дорогой друг, я говорил гораздо меньше, чем бы следовало говорить; если бы вы знали, в какую бездну мы обрушились, — вы устрашились бы. Все кра-

дут, начиная с губернатора и меня и кончая смелыми мелкими людишками.

— О! Будь я на вашем месте, я знал бы, что делать!

— И ничего бы не сделали, мой друг, повторяю, нет средства спасти; все приемы ваших моряков хороши только на ваших кораблях, а в нашем бюро никуда не годятся; я завишу от всех этих дураков, они сумели взять меня в руки и крепко держат, сознавая отлично свою силу, и заставляют меня делать по-своему.

— Гм!

— Мои враги сумели пробраться в мое бюро и распоряжаться там, как дома; вы помните письмо к вам, подписанное мною, где мой почерк до того верно был скопирован, что я сам не мог отличить подделку.

— Да, я помню это дело, оно еще до сих пор невесело отзывается.

— Я положительно не мог отыскать фабриканта; я могу сказать только одно: или мои самые секретные бумаги были украдены, или же почерк подделан; но что я могу сделать, в Версале мои враги на все лады кричат против меня.

— Об этом не стоит думать, вы знаете, что маркиза за вас.

И он нервно засмеялся.

— Маркиза мне предана, это правда...

— Вот видите, вы сами сознаетесь?..

— Да, она предана и останется такой до тех пор, пока я могу отсрочить уплату наших долгов или покрыть их, но, если я этого не сделаю, она отвернется от меня тотчас же.

— О, вы ошибаетесь, мой друг, маркиза...

— Она сама мне это писала, своей собственной рукой, мой друг! — вскричал интендант. — Вот оно, читайте...

— Это невероятно, — вскричал граф, — уверены ли вы, что это письмо от нее?

— О, зачем вы задеваете больное место мне, я сам готов сомневаться, что...

— Ну?

— Ну, мой друг, письмо от маркизы, она сама его писала при бароне Водрейле, которому и передали доставить мне лично.

— Действительно, она угрожает вам, но совсем неосновательно, сама не зная почему.

— Извините, это письмо — ответ на мое, я писал маркизе, открывая насколько возможно свое положение.

— И она вам ответила этим письмом?

— Да.

— Вас очернили в ее глазах.

Интендант пожал плечами.

— Ошибаетесь, мой друг, вы не знаете маркизы: это древняя гетера, куртизанка с самой обворожительной наружностью, а сердце у нее черствое. Это прекрасная статуя, которую ни один Пигмалион не мог одушевить. Холодная, эгоистичная, скупая, ненавистная, она ищет только одного золота. Что она будет делать с кучами этого золота? Ничего... Она собирает его, копит... Попробуйте пересчитать богатства этой женщины, которая не имела ровно ничего, когда появилась при дворе. Я знаю ее уже давно. Она считает, и считает лучше всякого купца; ни один фермер не выдержит состязания с ней... О, это бездонная пропасть! Она поглотила богатства целой Канады... А что она с ними сделала? Никто не сумеет ответить. Настанет день — и вы убедитесь, что я не преувеличивал, говорил только то, что было.

— Неужели у вас ничего не осталось от собранных несметных богатств?

— Ничего. Мне едва останется десять миллионов.

— Черт возьми! Многие пожелали бы такой бедности.

— Вы рассуждаете по-юношески: эти деньги не мои, а детские.

— Положим... Но на вашем месте я бы пожертвовал частью их, чтобы получить еще.

— Я думал это сделать...

— Почему же вы не сделали?

— Потому что все мои деньги в Европе. Я их очень выгодно поместил.

— У вас их отберут?

— Ну, едва ли. Они в Англии.

— Поздравляю вас, мой друг. Вы очень умны и догадливы!

— Не чувствуя под собой твердой почвы, я должен был принять меры предосторожности...

— Черт возьми! Это очень уж осторожно.

— А вы принимаете участие в наших делах?

— Зачем же бы я был здесь...

— Это верно. Но что вы сделали?

— Боюсь, что ничего; может быть, потому, что слишком много просил.

— Расскажите.

— Извольте.

— Видели вы генерала Вольфа?

— Ровно три раза.

— Как он вас принял?

— Для того, кому знакомы сдержанность и презрительное высокомерие англичан, его прием хорош.

— Гм... Это уже много значит.

— Он пригласил меня сесть, спросил, что я хочу от него. Я ему сказал, что ради личных выгод я предлагаю ему показать удобный проход в залив Св. Лаврентия, что я берусь провести английскую эскадру до Квебека и даже до Монреаля. Он мне сказал на это: «Квебек ближе, но Монреаль богаче... Я буду тут и там». Тогда я подал ему раньше написанную бумагу. Есть вещи, о которых не любят говорить.

— Да, есть обстоятельства, при которых разговор бывает неприятен.

— Я понял это тогда же.

— Что же было в этой бумаге?

— Кроме изложенных мною вам условий, там было так: генерал Вольф обязывается отправить на кораблях войска со всем их багажом и сира Биго, интенданта Канады, в Англию, в Голландию, в Гамбург, в Ганзу или в какую-нибудь гавань. То же самое было написано и графу Витре, командиру фрегата «Слава», но с оговоркой, что генерал Вольф обязан объявить адмиралу Букегевену, командующему английской эскадрой, что фрегат «Слава» был взят силой, что граф Витре защищался до последней возможности. Наконец, в этой бумаге было обязательство генерала внести вперед 200 000 фунтов стерлингов за то, что ему покажут путь в залив Св. Лаврентия и такую же сумму за фрегат «Слава».

— Я нахожу, что это еще не дорого.

— Вы думаете?

— Конечно... Ведь вы продаете всю Канаду.

— Действительно, я и не подумал об этом.

— Поздравляю вас от всего сердца, ваша бумага бесподобна...

— Несмотря на это, я не получил ответа.

— А вам обещали?

- Да, он обязался.
- А сколько вы мне дадите?
- Два миллиона, как я обещал. Вы знаете, я всегда держу свое слово.
- Очень рад.
- А вы помните, что мне обещали, мой дорогой Биго?
- Я не забыл; я верну вам эти бумаги, но только получив предварительно от вас деньги.
- Отлично. Я боюсь только, чтобы наши мечты не разлетелись.
- Не думаю; англичане не так глупы, чтобы упустить такой удобный случай — получить несколько миллионов фунтов стерлингов. Что составляет шесть миллионов для такой богатой нации, как англичане?
- Все это верно, я с вами согласен; но я пока ничего не вижу.
- Вы быстро хотите... Разве вы не знаете, какие англичане формалисты? Они часто очень долго колеблются, но обыкновенно всегда соглашаются, особенно, если сумеешь вести с ними дело. Какой адрес для ответа вы дали генералу?
- Ваш! Какой другой я мог дать?
- Правда. Это дело очень трудное и крайне щекотливое.
- Еще бы, черт возьми!
- Ну, мой друг, в четыре часа, как раз после обеда, мне принес письмо какой-то метр Кайман из Луисбурга.
- Он сказал верно!
- Вы знаете этого человека?
- Да. Он содержит гостиницу для матросов.
- Он и мне так сказал.
- А письмо?
- Как видно, он ждет большого вознаграждения за него.
- Это меня не удивляет. Метр Кайман из-за пустяков не будет себя беспокоить; его надо щедро вознаградить.
- Я уже думал об этом.
- А письмо? Разве его нет с вами? Надеюсь, вы его не оставили в управлении? В таком случае мы оба погибли.
- Не беспокойтесь, я слишком хорошо знаю моих служащих, чтобы сделать такую неосторожность.
- Значит, оно с вами?
- Еще бы! Да за кого же вы меня считаете?
- Он вынул большой бумажник, набитый бумагами, порылся в них, подал одну, говоря:

— Вот оно! — И, обернувшись к шпиону, спросил: — Кофе готов?

— Уже давно.

— А письмо длинно, граф?

— Несколько строк.

— От кого же оно?

— От генерала Вольфа.

— А! Что он вам пишет?

— Слушайте.

«Генерал Вольф свидетельствует почтение графу де Витре и очень желает переговорить с ним в самом непродолжительном времени; генерал Вольф будет иметь честь ожидать графа в продолжение двух недель в Нью-Йорке». И подписано, — сказал граф, — «Вольф, главнокомандующий британской армией на границах Канады». Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что был прав и что наша партия выиграна. Когда вы отправитесь в Нью-Йорк?

— Завтра с восходом солнца.

— Браво!

— Итак, вы спасены.

— И вы также.

— И получите кругленькую сумму.

— А вы? Шесть миллионов.

— Но у меня столько нужд!

— А у меня?

— Одним словом, надо признаться, что англичане умеют обделывать дела.

— Это верно!

Собеседники взглянули друг на друга и расхохотались, точно римские авгуры.

Гроза между тем стихла, они взяли шляпы, накинули плащи и, выйдя из дома ювелира, пошли по разным направлениям.

Жак Дусе не проронил ни одного слова из этой продолжительной беседы.

Он бросился в кресло, чувствуя, что близок к сумасшествию, не будучи в состоянии дать себе отчета: наяву он или во сне, во власти ли ужасного кошмара; ему казалось, что голова его лопнет, что его мозг не в силах переварить весь этот цинизм, бесстыдство, низость, перешедшие за границу возможного.

Жак Дусе уже по своему ремеслу шпиона не мог отли-

чаться неприступной добродетелью, не мог назваться пуританином, тем не менее он был возмущен — возмущен до глубины души.

— Нет, — воскликнул он, быстро вскакивая с кресла, — я не позволю этим негодяям совершить их чудовищную измену; но надо торопиться, не терять ни минуты; он, вероятно, в форте Карильон; если я его там не застану, мне, по крайней мере, скажут, где его найти; не хочу, не хочу быть участником такого гнусного дела! И эти мошенники называют себя дворянами!!! Бегу!

Жак Дусе завернулся в плащ, оставил коротенькую записку своему смотрителю работ и торопливо вышел из дома.

О том, как двадцать тысяч англичан атаковали форт Карильон и были, к их стыду, отбиты тремя тысячами пятьюдесятью восемью французами

Переход к форту Карильон совершился без всяких замечательных эпизодов; но главнокомандующий, сознавая, что может рассчитывать только на самого себя и больше ни на кого, по прибытии в крепость немедленно разослал по всем направлениям лазутчиков, поручив раззнать планы неприятеля и следить за всеми его движениями.

Монкальм сделал из форта Карильон настоящую крепость, почти неприступную, конечно, с точки зрения тех специальных условий, при которых обыкновенно велась война в Америке.

Форт Карильон обратился в настоящее время в довольно значительный город — Тикондерога; он расположен на высоком и крутом плато, в очень живописной местности, при слиянии двух рек — Шюта и Св. Фридриха.

Для защиты Карильона с фронта были выведены на пространстве 800 сажен ретраншементы, сооруженные из толстых древесных стволов, положенных один на другой.

Перед ними были еще навалены большие, толстые деревья, острые сучья которых должны были играть роль рогаток.

С остальных сторон позиция была защищена реками и фортом Карильоном, так что неприятель непременно

должен был начать со штурма описанных нами укреплений.

Монкальм, Леви и Бурламак имели в своем распоряжении 3058 человек, включая четырехста канадцев под начальством графа де Меренвиля. Монкальм предчувствовал, что неприятель не заставит себя долго ждать, и поэтому не двигался из форта Карильон.

Теперь скажем несколько слов о том, в каком положении находилась тогда колония; материалом послужат нам выдержки из официальных донесений на имя военного министерства.

«Голод усиливается, — читаем мы в письме г-на Дореля от 26 февраля, — народ гибнет от нищеты.

Канадские беглецы скоро четыре месяца не видят ничего, кроме конины и сухой трески. Из них уже умерло более трехсот...»

«На каждого из жителей полагается четверть фунта хлеба в сутки... фунт конины стоит тридцать сантимов; употребление ее обязательно... Солдат получает на сутки полфунта хлеба; на неделю ему выдается: три фунта конины, два фунта трески. С первого апреля, вследствие возрастающего недостатка в съестных припасах, жители получают не более двух унций хлеба в сутки».

«На все страшная дороговизна; фунт пороха стоит четыре ливра. С мая месяца уже почти вовсе нет ни хлеба, ни мяса; фунт говядины стоит двадцать пять сантимов, фунт муки — столько же; тем не менее, — говорит г-н Дорель в письме от 26 февраля, — жители терпеливо переносят все бедствия».

В это время у интенданта Биго праздновали масленицу до самой середины великого поста и вели безумную игру.

Интендант проигрывал по двести тысяч ливров в *trente et quarante*.

Играли не только в Квебеке у интенданта Биго, играли также в Монреале у Водрейля.

Азартные игры были запрещены королевским указом, но это распоряжение нарушалось, несмотря на увещевания маркиза де Монкальма, который сильно возмущался этими скандалами и не без основания боялся, что все денежные средства его офицеров уйдут на картежную игру, принявшую такие опасные размеры.

По счастью, в это время прибыли в Квебек несколько судов, нагруженных мукой и съестными припасами; им

удалось избежать преследования бесчисленных английских каперов.

Благодаря этому счастливому событию, жители стали несколько меньше страдать от голода.

Вот каково было внутреннее состояние колонии.

Теперь мы дадим отчет о положении обеих воюющих сторон, причем будем опять давать извлечения из официальных документов военного архива; весьма полезно, чтобы публика наконец ознакомилась со всеми этими фактами, о которых она, к сожалению, слишком долго не имела понятия.

«При открытии кампании французская армия в Канаде состояла из 5780 человек.

Чтобы раздавить эту горсть солдат, Питт дал сэру Аберкромби, новому генералу, отправляемому в Америку, 22 тысячи регулярного войска и 28 тысяч милиции и, кроме того, приказал организовать резервный милиционный тридцатитысячный корпус.

При таком количестве войска победа казалась обеспеченной за Англией».

Поэтому лорд Уэстерфилд писал своему сыну 8 февраля:

«Нет сомнения, что мы достаточно сильны в Америке, чтобы *проглотить живыми всех французов*, как в Квебеке, так и в Луисбурге; надо только распоряжаться этими силами с умением и энергией...»

Несмотря на голод, на недостаток в боевых запасах и непропорциональность сил, Канада еще не отчаивалась в благоприятном исходе борьбы.

«Мы будем биться, — писал Монкальм, — мы *погребем себя под развалинами колонии*».

Англия готовилась напасть на Канаду с трех пунктов: 16 тысяч должны были действовать против *Луисбурга*; 20 тысяч атаковать форт *Карильон*; 9 тысяч — форт *Дюкенс*.

Все вместе составляло 45 тысяч человек, которым предстояло раздавить не более шести тысяч неприятельского войска; Карильон, против которого высылалось 20 тысяч войска, располагал для своей защиты только 3058 регулярного войска.

Прибавим, что английская армия была в изобилии снабжена всем необходимым, между тем как французы во всем терпели недостаток.

«Военные действия должны были начаться осадой Луисбурга, который считался ключом Канады; как скоро неприятелю удалось бы взять Луисбург, наше сообщение с Францией было бы прервано, неприятель мог закрыть нам все внешние пути сообщения.

Ясно, как важно было для нас сохранить этот пункт».

Таково было политическое и военное положение воюющих сторон при открытии кампании.

Однажды утром Мрачный Взгляд, который, как большинство лесных охотников, предпочитал проводить ночи на воздухе, вместо того чтобы ночевать в форте, разводил огонь, собираясь заняться приготовлением своего скромного завтрака, как вдруг услышал лошадиный топот.

Охотник подвинул к себе ружье и после этой предосторожности стал продолжать приготовление завтрака.

Лошадиный топот быстро приближался; вскоре всадник на довольно хорошей, дорогой лошади въехал на лужайку, которая служила охотнику бивуаком; она была расположена на берегу реки, прозрачные, чистые воды которой, весело журча, бежали по каменистому дну.

— Доброе утро, охотник! — сказал новоприбывший, останавливая лошадь.

Охотник вздрогнул: голос показался ему знакомым; он быстро обернулся.

— Ивон! — вскричал он с удивлением.

— Г-н де Вилен! — вскричал в свою очередь всадник.

— Ей-богу, — сказал, смеясь, охотник, — вот странная встреча! Где тебя носил черт?

— Видите, граф, я не пропал.

— Зови меня Мрачный Взгляд, ты этим мне доставишь удовольствие — мы в пустыне.

— Как вам угодно, граф.

— Как?

— Извините, опять забыл.

— Что ты хотел сказать?

Но в эту минуту, как Жак Дусе, которого читатель, конечно, узнал, собирался отвечать, поблизости раздались выстрелы в разных направлениях; кусты без шума раздвинулись, и в двух шагах от всадника показался раскрашенный и вооруженный индеец.

— О! — воскликнул Жак Дусе, испугавшись, хотя Ивон, как мы уже говорили, не был трусом.

— Не обращай внимания, — сказал Мрачный Взгляд, — это не враг, а друг.

— Тем лучше, — возразил Жак.

— Добро пожаловать, — обратился охотник к индейцу, — садитесь к огню, и ты также; надеюсь, ты не торопишься?

— Нет, — отвечал всадник.

С этими словами он слез с коня, спутал ему ноги, разнул и задал корму; в ту же минуту с двух сторон в лощине показались два лесных охотника; это были Сурикэ и Бесследный, первый нес на плече убитую лань, второй — застреленного дикого гуся.

Они сбросили свою добычу на землю у ног Мрачного Взгляда и дружески пожали ему руку, потом сели к огню рядом с индейцем.

— О! Мы отлично позавтракаем, — сказал, смеясь, Мрачный Взгляд, — у самого главнокомандующего не будет такого завтрака.

— Очень может быть, — сказал Сурикэ.

— Однако помогите же мне, лентяи, — продолжал со смехом Мрачный Взгляд, — иначе мы никогда не кончим, у меня есть отличный картофель, бутылка коньяку и немного «пеммикану», это говядина в порошке.

Здесь следует упомянуть, что картофель, тогда еще не известный во Франции, уже давно вошел в употребление в Америке и пользовался особенным предпочтением у лесных охотников.

— А у меня, — сказал Жак Дусе, которого Мрачный Взгляд представил под именем Ивона, — у меня есть морские сухари, отличный кофе, английский сыр и мех с вином.

— Так это уже не завтрак, а настоящий Валтасаров пир, — воскликнул Мрачный Взгляд, смеясь.

— Настоящий пир, — подтвердил Сурикэ, улыбаясь.

Не прошло и часа, как приготовления были окончены и все сели за стол, т.е. каждый сел на траву, взял тарелку в одну руку, вилку в другую, и таким образом стол оказался накрытым.

Все ели с тем прекрасным аппетитом, который приобретается в пустыне; мех переходил из рук в руки, всякий считал долгом к нему приложиться, за исключением Тареа, который никогда не брал в рот спиртных напитков.

Когда голод был утолен, пирующие зажгли трубки и принялись за кофе.

Еще задолго до Людовика XV охотники Нового Света привыкли прибавлять коньяк к кофе, с той только разницей, что они его не зажигали и не называли «глория».

Когда густое облако табачного дыма окутало охотников, разговор сделался живее.

— Что нового? — спросил Мрачный Взгляд.

— Ничего не знаю, — сказал Сурикэ.

— Я ничего не видал, — сказал Бесследный.

— Где же Белюмер? — спросил Сурикэ.

— Старик пожелал остаться в Эдуарде, — сказал индейский вождь.

— У него на это есть свои причины, — возразил Сурикэ, — не будем ему мешать.

— Итак, все спокойно?

— Слишком спокойно, прислушайся, все молчит, — сказал Тареа.

— Вождь прав, это та тишина, которая предшествует буре.

— И я так думаю, — заметил Сурикэ.

— Так и должно быть, — прибавил Бесследный.

— Гм! — пробормотал Мрачный Взгляд, обращаясь к Жаку Дусе. — Кстати, товарищ, вы еще мне не рассказали, почему я вас встречаю так далеко от Квебека.

Бретонец медлил с ответом и оглядывался кругом.

— Вы не только можете ответить на этот вопрос, но и сообщить мне величайшие тайны в присутствии моих друзей, у нас нет тайн друг от друга, они мне преданы, я им отвечаю тем же; ни одно слово из того, что вы скажете, не выйдет отсюда без вашего позволения.

— Это другое дело.

— Что же нового в Квебеке?

— Есть и кое-что новое.

— Гм! А почему вы так удалились от места вашей деятельности?

— Я все бросил, чтобы исполнить то, что считаю своей обязанностью.

— Это еще мне не объясняет...

— Зачем я здесь?

— Именно.

— Я разыскиваю вас.

— Ну, вы ведь меня нашли.

— Теперь нашел, но не далее как два часа тому назад, я ехал в форт Карильон, чтобы узнать, где вас можно найти.

— Судьба поступила весьма умно, натолкнув вас на меня.

— Судьба всегда умнее, чем о ней думают.

— Вы, вероятно, имеете сообщить мне нечто весьма важное, если решились предпринять такое путешествие.

— Да, нечто важное, очень важное.

— Говорите же, мы вас слушаем.

Шпион, не заставляя себя более просить, рассказал подробно все, что произошло в его доме между Биго и графом де Витре.

— Как! — воскликнул Мрачный Взгляд, услышав имя графа. — Этот проклятый граф жив еще?

— Уверяю вас, что он пользуется превосходным здоровьем.

— Хорошо, оставим это; продолжай, Ивон.

Шпион продолжал свой рассказ; когда он стал описывать удивление, которое испытал, убедившись, что понимает и может говорить по-английски, тогда как прежде, если в его присутствии говорили на этом языке, он не понимал ни слова, Мрачный Взгляд расхохотался.

— Отлично! — вскричал он. — Славную сыграл ты с ними шутку; их погубил излишек предосторожностей; теперь вижу, есть еще Бог, который хранит честных людей.

— Все это прекрасно, — сказал Ивон, — но чем вы объясните то, что я вдруг стал понимать и говорить по-английски, между тем как до сих пор не знал этого языка.

— Очень просто, мой друг.

— Интересно узнать, как.

— Дело в том, что не ты начал понимать по-английски, а они говорили по-бретонски.

— Как так?

— В Англии есть провинция, называемая Валлис, в которой говорят на чистом гельском наречии, которым говорим и мы на нашей родине, в Бретани. Понял теперь?

— Отлично понял, — сказал Ивон, смеясь. — Они захотели всех перехитрить, да и попались.

— Совершенно верно. Но теперь, когда разъяснилось, продолжай.

Шпион вернулся к своему повествованию, которого больше никто не прерывал.

Кончив, он прибавил:

— Я счел своей обязанностью бросить все дела и разыскать вас, чтобы спросить, что я должен делать.

Охотники пришли в страшное негодование; это низкое предательство возбуждало в их душах сильнейший гнев, стыд, презрение к дворянам, аристократам, которые решались так постыдно продать свое отечество неприятелю.

— Что я должен делать? — еще раз спросил Ивон.

— Не теряя ни минуты, мы отведем тебя к главнокомандующему, и ты слово в слово повторишь в его присутствии все, что нам сейчас рассказал.

— О! Будьте покойны, я ничего не забуду.

— Руку, Ивон, я вижу, что ты способен еще на хорошие чувства, твой теперешний поступок искупает многое, ты ведь понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — отвечал Жак с сильным волнением, почтительно дотрагиваясь до руки, которую ему протягивал Мрачный Взгляд, — ваши слова возвращают мне уважение к самому себе; с этого момента я становлюсь другим человеком, и никогда больше, клянусь, вам не придется упрекнуть меня в чем бы то ни было.

— Хорошо, я верю тебе, Ивон, а теперь в путь; мы и так уже слишком запоздали.

Бивуак был брошен, все охотники отправились в форт Карильон, от которого их отделяло небольшое расстояние.

Главкомандующий был занят, он по ландкартам усердно изучал топографию местности, желая в случае атаки воспользоваться всеми выгодами, которые предоставляло ее физическое строение.

Дверь комнаты, где сидел Монкальм, отворилась; на пороге показался сержант Ларутин.

— Что тебе надо? — спросил главнокомандующий.

— Ваше превосходительство, Сурикэ желает вас видеть.

— Разве ты не знаешь, что он может входить без доклада?

— Знаю, ваше превосходительство, но с ним два неизвестных человека, один из которых одет не по-военному.

— Ничего, впусти Сурикэ и его спутников обоих: и штатского, и военного.

В комнату вошли трое.

— Я отыскал письмо вашего отца, любезный Шарль, вы видите, мой друг, что оно не затерялось.

И он передал ему довольно полновесный пакет.

— Благодарю вас, генерал, — отвечал охотник, пряча письмо в карман.

— Что вам угодно?

— Переговорить с вами об одном весьма важном деле. Но прежде позвольте воспользоваться случаем представить вам моего друга, о котором я уже вам говорил. Я надеюсь, что вы не лишите его вашего расположения; он — француз; мы зовем его Мрачный Взгляд, но он носит другую фамилию и может сообщить ее вам только с глазу на глаз.

— Пока с меня довольно вашего прозвища, — сказал генерал, протягивая ему руку, — прошу вас считать меня в числе ваших друзей.

— Вы слишком добры, генерал, — отвечал Мрачный Взгляд с чувством, пожимая руку главнокомандующему.

— Нисколько: друзья Шарля Лебо — мои друзья, я его высоко ценю; друзья его должны быть на него похожи.

— Благодарю вас, генерал, — сказал Шарль Лебо, — вы благородно держите ваше слово; кстати, Мрачный Взгляд пришел к вам не с пустыми руками; послушайте, что он вам расскажет.

— Вы принесли хорошее известие? — с живостью спросил главнокомандующий.

— Увы! Нет, генерал, — возразил Мрачный Взгляд, — но важно, чтобы вы его узнали как можно скорее; говори, Ивон, расскажи все генералу.

Экшпион повторил свой рассказ; генерал слушал, бледнея и хмурясь.

— Это ужасно! — воскликнул он, когда Ивон кончил. — Дворяне, офицеры! — И прибавил голосом, прерывающимся от волнения: — Бедная Франция!

Все молчали; генерал отер со лба холодный пот, потом закрыл лицо руками: он плакал.

Эта благородная, великая печаль обожаемого начальника произвела на присутствующих тяжелое впечатление.

Наконец генералу удалось справиться со своим горем.

— Господа, — сказал он голосом, еще дрожащим от волнения, — ни слова никому об этой ужасной измене; я постараюсь принять меры как можно скорее. Ваше известие разбило мне сердце; тем не менее благодарю вас за то, что вы не остановились перед этой тяжелой обязанностью, благодарю вас, господа, вы можете рассчитывать на меня везде и всегда. — И он сделал жест, которым как будто хотел показать, что желает остаться один; в это

время отворилась дверь, и на пороге появился Мишель Белюмер, измученный, запыхавшийся, с головы до ног покрытый пылью.

— Откуда вы в таком виде? — спросил главнокомандующий. — Вы совсем измучены.

— Да, я сделал немалый путь, немудрено устать, я из форта Эдуарда.

— А! — воскликнул главнокомандующий, и глаза его засверкали. — Какие известия о неприятеле?

— Отличные, генерал.

— Бой?

— Да, генерал, и бой будет жестокий.

— Тем лучше — тем больше славы победителю. Имеете вы сведения?

— Да, генерал, и достоверные, ручаюсь вам.

— Я знаю вас, Белюмер, и знаю вам цену, говорите.

— Генерал... — начал Сурикэ.

— Нет, останьтесь, господа, вы мои дорогие друзья; я желаю, чтоб вы остались.

Охотники и Жак Дусе ответили почтительным поклоном.

— Мы ждем вас, Белюмер.

— Сейчас, генерал; мой рассказ будет короток; у англичан двадцать тысяч великолепного войска; при них — громадный обоз, масса пороху, пушек, всевозможного оружия; никогда не видал я войска, которое могло бы внушить такой страх; у них есть один полк, отличающийся тем, что у солдат панталоны заменены юбками; в этом полку все солдаты наперечет — гиганты. Англичане покрыли страну точно саранча; настроение у них самое веселое; они говорят, что без труда могут разом проглотить всех здешних французов.

— Это еще посмотрим, — сказал генерал, улыбаясь, — знаете ли фамилию их главнокомандующего?

— Знаю, генерал, его прислали из Англии специально для того, чтобы всех нас побросать в море; его фамилия, сию минуту, генерал, у него такая чертовская фамилия, а, вспомнил! Его фамилия — Аберкромби, лорд Аберкромби; он друг английского министра-президента; солдаты говорят, что он отличный полководец, что он ненавидит французов, поэтому выбор и пал на него.

— Что касается меня, я ни к кому не чувствую ненависти; люблю мое отечество, моего короля, и этого до-

вольно для того, чтобы я исполнял мой долг; когда же появится эта страшная армия? — прибавил он тоном, в котором слышалась тонкая ирония.

— Они идут, генерал, и будут здесь завтра с восходом солнца, вот почему я так устал; я должен был торопиться.

— Отлично! Какой дорогой идет неприятель?

— На судах, по реке, генерал; им невозможно было бы двигаться сухим путем с их громадным обозом.

— Верно; вы кончили, Белюмер?

— Да, генерал; надеюсь, что сказанного с вас достаточно.

— Совершенно, друг мой; и я постараюсь воспользоваться вашими сообщениями. Благодарю вас, Белюмер, вы не из тех людей, которых можно вознаградить деньгами, обнимите меня, я могу сказать, что еще никогда более честное сердце не билось в груди гражданина.

И он обнял и прижал к груди охотника.

Белюмер плакал от радости.

— Я буду негодяем, если завтра не дам себя убить, — сказал охотник, смеясь и плача в одно и то же время.

— Запрещаю вам это! — воскликнул генерал, улыбаясь. — Теперь, господа, ступайте отдохните; завтра будет жаркое дело. Лебо, приходите ко мне обедать; вы будете моим ссекретарем на военном совете, который я созываю сегодня вечером.

— К вашим услугам, генерал.

— Я в этом уверен, — сказал генерал, смеясь. — Мое почтение, господа; завтра мы увидимся в пороховом дыму.

Генерал остался один; он написал письмо, потом велел позвать полковника Бугенвиля. Полковник сейчас же явился.

— Полковник, — сказал генерал, — завтра мы должны ждать неприятеля.

— Тем лучше, — сказал полковник, потирая руки.

— Я не хочу лишать вас возможности присутствовать в сражении, это было бы для вас большим огорчением.

— От всего сердца благодарю вас, генерал! — воскликнул полковник Бугенвиль.

— Это письмо вы передадите Дорелю; затем дайте мне слово, что по окончании сражения вы немедленно отправитесь в Квебек.

— Клянусь, что исполню ваше приказание, генерал.

— Хорошо, будьте как можно бдительнее и постарайтесь разузнать, что там делается.

— Будьте покойны, генерал; я знаю, насколько важно, чтобы вы имели все необходимые сведения.

— В том-то и дело. До свидания, увидимся сегодня вечером на военном совете.

— Солдаты и офицеры уже знают, что неприятель близко, и все в восторге.

— Тем лучше, я не боюсь за них, я знаю, что каждый исполнит свой долг.

— Они боятся только одного: как бы неприятель не изменил своего намерения и не повернул назад.

— Этого нечего опасаться, англичане слишком уверены в своих силах и не отступят.

— Дай Бог.

— До вечера, полковник.

Генерал и полковник протянули друг другу руки и разошлись.

На другой день, согласно предсказанию Белюмера, с восходом солнца появился неприятель, и его действительно можно было сравнить с тучей саранчи.

Река Шют буквально покрылась всевозможными судами, которые в общем представляли зрелище живописное, но вместе с тем и грозное.

Неприятелю была приготовлена жаркая встреча.

Англичане не имели ни малейшего понятия о местности, на которой готовились оперировать, пренебрегли самыми обыкновенными предосторожностями, настолько была велика у них уверенность в победе.

Весь маленький гарнизон Карильона собрался за ретраншементами, защищенными с фронта глубокими болотами.

Воюющие стороны посвятили все утро окончанию военных приготовлений.

Около полудня Аберкромби наконец двинулся к французским ретраншементам с быстротою, достойной великой армии.

Английское войско было разделено на четыре колонны, между которыми помещались легковооруженные отряды.

Французы без выстрела подпустили неприятеля на расстояние сорока пяти шагов и тогда открыли сильнейший и губительный огонь.

Отряд, состоящий из сотни лесных охотников и краснокожих под начальством Шарля Лебо, нанес англичанам громадные потери; появляясь беспрестанно там, где их

не ожидали, охотники исчезали, осыпая неприятеля градом пуль.

В продолжение шести часов английские колонны с ожесточением нападали на ретраншементы; они сделали шесть последовательных атак; их упорство разбилось о стойкость французов.

Англичане, которых множество было убито, в десяти-двенадцати шагах от ретраншемента не могли его взять.

Наконец королевский шотландский полк, став во главе колонны, двинулся на приступ; колонна шла решительно и хладнокровно, сохраняя порядок, как на смотре.

Французы, воодушевленные геройской храбростью Монкальма, бились радостно и весело при криках: «Да здравствует король и наш главнокомандующий!»

Французский огонь производил в рядах англичан страшные опустошения; шевалье Леви произвел мастерскую атаку на левый неприятельский фланг; пушки с высоты форта отогнали и рассеяли английскую эскадру на реке Шют.

Когда королевский шотландский полк выстроился, главнокомандующий, смеясь, сказал:

— Дети, неприятель делает последнее усилие; сражение выиграно; примем же этих добрых людей, как они того стоят.

— Да здравствует король и наш главнокомандующий! — было ему ответом.

— Не будем торопиться; не стреляйте без моего приказания.

Королевский полк приближался спокойно, гордо, решительно.

Когда они были в двадцать пять шагах от ретраншемента, полковник их крикнул, маша саблей:

— Вперед! На приступ! На приступ!

Редут замер.

Солдаты молча стояли с взведенными курками.

— Стреляй! — крикнул Монкальм твердым и звучным голосом.

Раздался страшный залп.

Шотландцы на минуту попятились, потом бросились вперед.

Четыре раза пробовали они взобраться на редут; четыре раза были отбиты.

Менее чем в десять минут полк храбрецов и красавцев потерял до 950 человек.

Это равнялось поражению.

Наконец Аберкромби признал себя побежденным и отступил.

Описанная битва была одной из самых ожесточенных и упорных. Неприятель потерял 6 тысяч человек, более четверти своей наличности; почти все офицеры были перебиты или ранены; генерал Гой погиб одним из первых.

Французы со своей стороны потеряли 377 солдат убитыми и ранеными и 37 офицеров. Шевалье Леви, командовавший правым флангом, не получил ни одной раны, хотя его плащ и мундир были во многих местах пробиты пулями. Бугенвиль, менее счастливый, получил рану в голову.

Аберкромби воспользовался темнотой ночи, чтобы прикрывать *свое более чем поспешное отступление*.

Он посадил войско на суда на озере Сан-Сакраменто и вернулся беспрепятственно в форт Эдуард.

Французский главнокомандующий не располагал достаточными силами, и войско его было слишком утомлено, чтобы преследовать неприятеля.

Закончим описание этого сражения извлечением из письма Монкальма на имя маршала де Бель-Исль, тогдашнего военного министра; письмо было написано через два дня после описанной нами блестящей победы.

«...Для себя я попрошу вас исходатайствовать мне у короля позволение вернуться во Францию; здоровье мое слабеет; кошелек истощается; к концу года мой долг казначею колонии дойдет до 10 000 экю; прибавьте к этому постоянные неприятности и противоречия, невозможность приносить пользу и помешать злоупотреблениям — все это вместе заставляет меня горячо умолять его величество оказать мне эту милость, единственную, которой я домогаюсь.

Остаюсь и пр.»

О том, как в доброе старое время умели веселиться дворяне, когда были в хорошем расположении духа

По приказанию Монкальма в форте Карильон были устроены импровизированные госпитали для раненых. К несчастью, оказался полный недостаток в медиках, хирургах и медикаментах.

Некоторые хирурги получили от солдат название мясников и действительно не заслуживали другого имени; что касается медикаментов, то они были в весьма небольшом количестве и крайне дурного качества.

Вот каковы были все учреждения этой несчастной страны, в которой преобладающим деятелем являлось интендантство, занимавшееся бесконтрольным грабительством. Поэтому солдаты говорили, что они предпочитают быть убитыми наповал, нежели попасть в руки этих мясников, так как в этом случае после нескольких месяцев мучений все-таки приходилось умереть.

К концу сражения, во время последней атаки королевских шотландцев, пуля попала в Сурикэ, и он повалился, как сноп.

Мрачный Взгляд в сопровождении Бесследного и Мишеля Белюмера бросился к нему под градом пуль; он поднял молодого человека с помощью своих друзей, взвалил его к себе на плечи и перенес в форт Карильон. Раненый не обнаруживал признаков жизни.

Многие дамы приняли на себя обязанности сестер милосердия; они ходили за больными солдатами и своей до-

бротой, заботливостью, умением, ежеминутным самопожертвованием значительно облегчали страдания несчастных, потерпевших от неприятельских пуль.

Отступление или, скорее, бегство английской армии было так поспешно, что неприятель побросал своих раненых на поле сражения.

Главнокомандующий распорядился, чтобы несчастные, покинутые своими соотечественниками, были перенесены в форт Карильон; это произвело в крепости страшную тесноту, так как потери англичан были громадны: число их раненых было в пятнадцать раз больше.

Монкальм требовал, чтобы не делалось никакой разницы между французами и англичанами.

К сожалению, английские генералы — и это, конечно, не может быть поставлено им в заслугу — не выказали подобной деликатности. Во избежание скопления раненых они с полным равнодушием и, как бы по принципу, оставляли французских раненых на поле битвы, где несчастные добивались и скальпировались индейцами при молчаливом соучастии английских офицеров, в присутствии которых обыкновенно совершались эти чудовищные убийства. Такие гнусные действия следует предавать огласке для того, чтобы они подвергались осуждению истории; мы основываем наши сообщения на официальных данных.

Когда наши охотники достигли форта, неся на руках своего друга, они были встречены у ворот Мартой де Прэль и другими дамами.

— Кого вы несете, друзья мои? — с волнением спросила Марта у Белюмера.

— Одного из наших товарищей, он ранен, — грустно отвечал лесной охотник.

— Кого же? — продолжала девушка.

— Сурикэ, — сухо отвечал Белюмер; его сердили все эти вопросы, так как он был сердечно огорчен положением своего друга.

— Ах! Боже мой! — с грустью вскричала молодая девушка. — Г-на Лебо, не правда ли, господа?

— Увы, да! — отвечал Мрачный Взгляд.

— Проходите здесь, господа, пожалуйста, скорее. О! — прибавила она тихо. — Недаром у меня было тяжелое предчувствие; что, он опасно ранен?

— Не знаю, м-ль Марта, он без сознания.

— Ах! Боже мой! Идите, идите, господа.

Молодая девушка провела охотников в здание, предназначенное исключительно для офицеров. Раненого понесли в помещение Меренвиля; Марта шла впереди; пройдя несколько комнат, она отворила дверь и ввела охотников в прелестную комнату, очевидно, спальню молодой девушки.

— Здесь ему будет хорошо, — сказала она, — я ему уступаю мою комнату и буду сама за ним ходить; не беспокойтесь, уход у него будет хороший, — прибавила она, стараясь удержать слезы.

— Да благословит вас Бог за вашу доброту, — сказал Мрачный Взгляд, — мы знаем, насколько вы добры и потому уверены, что наш бедный друг не будет иметь недостатка в заботливости.

— О! Конечно, — сказала она печально.

— Я немножко доктор, позвольте мне хорошенько исследовать вашего больного.

Молодая девушка поспешила удалиться.

Через четверть часа Мрачный Взгляд снова ее позвал. Раненый лежал в постели.

— Ну? — спросила она с тревогой.

— Успокойтесь, — отвечал охотник, — рана не настолько опасна, насколько я предполагал в первую минуту; в него попало две пули, но они не коснулись важных органов, не проникли глубоко; при хорошем уходе больной поправится, и выздоровление его даже пойдет очень быстро.

— Дай Бог! В уходе он, конечно, не будет иметь недостатка.

— В этом я уверен.

— Но меня беспокоит его обморок.

— Он придет в себя; а пока оставьте его, природа — лучший доктор; она сделала уже свое дело, обморок остановил кровь; я перевязал ему раны, не трогайте перевязок до завтра, я сам приду их возобновить.

— А какие лекарства?..

— Сохрани вас Бог давать ему лекарства; они сделают больше вреда, чем пользы, — с живостью прервал он молодую девушку. — Я приведу завтра индейского вождя, он будет его лечить теми средствами, которые мы обыкновенно употребляем в пустыне.

— И вы не боитесь?

— Я боюсь только одного, — сказал он, смеясь.

— Чего же?

— Я боюсь, чтобы вы не прибегли к этим мясникам, которые имеют бесстыдство называть себя медиками.

— Я буду делать только то, что вы предпишете.

— Тогда дело пойдет отлично, и я вам обещаю, что через десять или, самое большее, через двенадцать дней наш друг будет на ногах; конечно, только при условии, чтобы вы пунктуально исполняли мои предписания.

— Даю вам слово.

— В таком случае мне только остается проститься с вами до завтрашнего утра.

— Я буду ожидать вас с нетерпением.

Охотники простились с м-ль де Прэль и удалились.

— Ну, — проворчал Мрачный Взгляд, — я не беспокоюсь о моем бедном Сурикэ, за ним будут ходить лучше, чем за самим главнокомандующим, если бы он очутился на его месте. О! Любовь чудесный доктор!

Молодая девушка села у изголовья раненого и не сводила с него глаз.

Скоро она начала замечать симптомы близкого возвращения сознания: дыхание стало порывистее, из груди вырвались слабые вздохи, наконец глаза полуоткрылись, но еще не различали ясно окружающие предметы, мысли были вразброд, больной не узнавал самого себя, он снова закрыл глаза, бормоча едва слышным, слабым голосом:

— Марта, милая Марта!

И заснул спокойным сном.

Как ни тихо прошептал больной имя Марты, молодая девушка расслышала его и затрепетала от радости.

— Он меня любит, теперь я уверена. Боже мой! Как я счастлива! Без этого случая я никогда бы не узнала о его любви.

Когда настал час обеда, молодая девушка встала, позвала горничную, на преданность которой вполне могла рассчитывать, посадила ее на свое место и отправилась в квартиру главнокомандующего, где всегда обедало семейство Меренвиля; особым коридором помещение графа общалось с квартирой главнокомандующего.

Во время сражения Меренвиль был постоянно впереди; его плащ был во многих местах пробит пулями, но тем не менее он отделался небольшой царапиной на лбу.

Графиня настояла на том, чтобы он позволил перевя-

зять ему эту царапину; и с завязанным лбом он, по мнению маркиза де Монкальма, необыкновенно походил на амура, маленького шаловливого бога, как выражались в ту эпоху.

Появление м-ль де Прэль произвело сенсацию.

Каждый считал долгом подразнить ее по поводу раненого незнакомца, весьма интересовавшего все общество; но, прибавлялось при этом, м-ль де Прэль должна была еще сильнее им интересоваться, если она даже решилась уступить ему свою комнату.

Марта смеялась на все поддразнивания.

— Прибавьте, генерал, — сказала она с лукавой улыбкой, — что я даже уложила его на свою кровать.

— О, это венец всего! — сказал главнокомандующий.

— Однако счастливому юноше везет, — сказал, смеясь, де Леви.

— Я бы желал быть на его месте, — сказал барон де Водрейль.

— Как! Все это правда? — воскликнула графиня.

— Да, милая мама, — отвечала девушка с шаловливой улыбкой, — и вы на моем месте сделали бы то же самое.

— А! — воскликнула графиня.

— Что за тайна, — протянул нараспев де Леви на мотив из оперы, которая тогда была в большом ходу в Версале.

— Кто же этот счастливый страдалец? — спросил главнокомандующий.

— Вы, господа, любопытнее женщин, — возразила молодая девушка со смехом.

— Пусть будет так, — отвечал ей в тон главнокомандующий.

— Вам непременно хочется знать, кто он?

— Непременно, — отвечал генерал.

— Да, да! — закричали все присутствующие. — Мы сгораем от нетерпения.

— Ну, господа, я не хочу вас больше томить: раненый, о котором идет речь, вам давно знаком, вы все его любите и уважаете, несмотря на то, что он простой охотник.

— Шарль Лебо! — вскричал генерал с испугом.

— Он самый.

Настроение общества мгновенно изменилось: смех и шутки прекратились, уступив место сильнейшей тревоге.

Тогда молодая девушка, отбросив ложный стыд, рас-

сказала просто и искренне все, что произошло; она прибавила, что сочла своей обязанностью поступить именно так в отношении человека, которому семейство Меренвиля многим обязано.

Графиня обняла ее и сказала растроганным голосом:

— Дочь моя, ты хорошо поступила.

— Благодарю вас, милая Марта, — с чувством сказал ей граф.

— Бог благословит вас за то, что вы сделали, м-ль Марта, — обратился к ней главнокомандующий. — Примите благодарность от меня и от наших друзей, мы все в долгу у Шарля Лебо.

Молодая девушка плакала от радости, слыша, какого все были высокого мнения о человеке, которого она любила.

Каждый пожелал его навестить, главнокомандующий вызвался первым.

Но Марта энергично воспротивилась этому намерению; она объяснила, что состояние больного не позволяло ему видеть кого бы то ни было ранее как через два-три дня. Допущены могут быть одни дамы. И она прибавила:

— Дамы будут за ним ходить, между тем как мужчины только вызовут его на разговор, а это замедлит выздоровление.

Общество преклонилось перед таким энергическим заявлением своей воли со стороны молодой особы и примирилось с необходимостью подождать два дня.

Марта, не дожидаясь десерта, извинилась и встала из-за стола — она спешила к своему больному.

Раненый продолжал спать тем спокойным сном, который удивительно восстанавливает силы.

Марта села у его изголовья.

Горничная ушла, она еще не обедала, и, кроме того, ей нужно было приготовить для барышни другую комнату.

Марта приказала постлать себе постель в соседней комнате, которая служила ей уборной.

В восемь часов явился Белюмер с тем, чтобы провести ночь у больного; охотники сговорились по очереди исполнять эту обязанность.

Первое дежурство выпало на долю Белюмера, за ним следовал Бесследный, потом Ивон и, наконец, Мрачный Взгляд.

Молодая девушка не позволила себе отказаться от дру-

жеской помощи, она знала, что больной от этого ничего не потеряет, но поставила условием, на которое Белюмер согласился, чтобы в случае какого-нибудь опасного симптома он разбудил ее, постучавшись к ней в дверь.

Выслушав и приняв все условия, Белюмер с видимым удовольствием приступил к своему дежурству.

Ночь прошла отлично, больной ни разу не проснулся.

В восемь часов утра Марта сменила Белюмера, обменявшись с ним несколькими словами.

Минут через десять после его ухода пришел Мрачный Взгляд в сопровождении Тареа.

Молодая девушка знала индейца и приняла его с улыбкой. Вслед за этим она вышла из комнаты, чтобы они могли заняться перевязкой.

Через четверть часа Мрачный Взгляд опять отворил дверь к ней в комнату.

— Как вы его находите? — с тревогой спросила она охотника.

— Лучше, чем я ожидал; увидите сами.

Марта поспешила войти в комнату больного.

Сурикэ уже сидел, обложенный подушками; бледность его несколько уменьшилась.

— Марта, — пробормотал раненый, увидев молодую девушку, — как вы добры и как я вас лю... благодарю, — поправился он.

Марта улыбнулась.

Голос раненого был тверд; глаза яснее и светлее, одним словом, состояние его было настолько хорошо, насколько могло быть при данных условиях. Марта чувствовала себя счастливой.

— Что надо делать? — спросила она индейца.

— Любить Сурикэ хорошо, ходить за ним хорошо, — улыбаясь, отвечал Тареа на своем оригинальном наречии.

Марта сначала покраснела от этих слов, потом оправилась.

— Не трогать пластыря; давать есть, пить, если хочет есть и пить; нужны силы, чтобы выздороветь.

— А что ему давать есть, если он попросит?

— Давать охотничью пищу, вина, если хочет — привок, кофе не надо. Тареа приходит всякий день утром!

— Отлично, Тареа.

— Хорошо! Не говорить много, спать очень хорошо, оставаться один, друзей не надо: они говорят.

— Будьте покойны, никто не войдет сюда без вашего позволения.

— Очень хорошо!

— А что, его раны не скоро заживут?

— Надо четверть луны.

— Неделю, — перевел Мрачный Взгляд.

— Так скоро! — воскликнула она с удивлением.

— Наши индейские доктора не похожи на других; если он сказал через неделю, так и будет; попадись Сурикэ в руки вашего медика, лечение продлилось бы месяца три, даже четыре; но мы, дикари, — прибавил он, смеясь, — мы признаем только медицину, основанную на природе, и употребляем одни простые средства.

Мрачный Взгляд и индейский вождь приходили навещать больного всякий день в один и тот же час. Выздоровление Сурикэ шло быстрыми шагами; через пять дней он уже встал с постели и мог немного пройтись по комнате.

Тареа позволил допускать к нему посетителей; у больного постоянно сидело несколько человек, чаще всех главнокомандующий и граф де Меренвиль; Марта была недовольна этими постоянными посещениями, но не могла им помешать; она сожалела о первых днях болезни Сурикэ, которые они проводили с глазу на глаз, тогда никто им не мешал открывать друг другу сердце, и время проходило в сладких признаниях. Дело в том, что теперь между ними более не было недоразумений: в лихорадочном бреде молодой человек высказал тайну, которую так долго скрывал. С тех пор они стали жить только друг для друга; кроме их любви, для них ничего и никого не существовало.

Во все времена и на всем земном шаре влюбленные неудержимо предавались и предаются мечтам; поэтому и наша парочка строила множество воздушных замков, на которые стоило дунуть, чтобы они рассыпались, но они ни о чем не думали, ничем не тревожились, все им улыбалось, ведь они любили друг друга! Что на это ответить? Ничего.

Через неделю Сурикэ совершенно оправился от ран и мог бы возобновить свои странствования по саваннам, но Марта попросила его поберечься еще несколько дней и, конечно, ему и в голову не пришло отказать ей; согласие само слетело у него с губ без того, чтобы сознание принимало в этом какое-нибудь участие.

Не говорит ли это решительно в пользу того, что человеческими действиями управляет не ум, а сердце, так как всюду, где замешивается чувство, сердце действует, не ожидая решения мысли.

Вечером того дня, когда Сурикэ дал Марте обещание остаться еще несколько дней на положении выздоравливающего, при нем дежурил или, скорее, с ним беседовал Мрачный Взгляд.

Марта с час тому назад ушла спать. Дружья уже переменили не один предмет разговора, и наконец весь материал, служивший им для обмена мыслей, истощился. Шарль Лебо был очень весел и оживлен.

— Кстати, как говорит наш главнокомандующий, он передал вам письмо вашего отца, которое, кажется, чуть было не затерялось?

— Передал.

— Вы его прочли?

— Нет еще; сознаюсь откровенно, что о нем забыл; мне так много приходится думать о более важных предметах.

— Так; но вам все-таки следует его прочесть.

— Это правда, но когда? Мне все некогда.

— Кажется, в данную минуту вы свободны.

— Правда; мне это и в голову не пришло.

— Следовательно, пользуйтесь случаем, другой, может быть, не скоро представится.

— Я очень рад.

— Где ваше письмо?

— Если не ошибаюсь, оно заперто в моем портфеле.

— А где ваш портфель?

— В кармане моего сюртука, во внутреннем левом кармане; если при таких подробных указаниях вы его не сумеете найти, это будет означать с вашей стороны злой умысел.

— Увидим, может быть, вы его и потеряли: с вас станет.

— Как! Вы позволяете себе предполагать, что я могу потерять отцовское письмо!

— Вы сегодня что-то очень веселы.

— Сам не знаю отчего, я все вижу в розовом свете сегодня.

— Это бывает, вот письмо.

— Гм? Мой достойный батюшка написал мне не письмо, а целую книгу; о чем это он мне так широко вещает?

— Читайте — узнаете.

— Правда, начинаю.

Молодой человек распечатал письмо и расположился его читать, покойно лежа в постели.

Мы передадим своими словами содержание письма, принадлежавшего перу капитана, командира роты ста швейцарцев его величества Людовика XV, постараясь очистить его от всех стилистических украшений, которые затрудняли молодого человека на каждой фразе.

У капитана была младшая сестра; он ее чрезвычайно любил и воспитал с отеческой нежностью.

Вдруг сестра эта исчезла неизвестно куда. С тех пор имя ее не произносилось более в семействе; она умерла для своих; тайна эта хранилась так тщательно, что жена и дети капитана и не подозревали, что у него когда-нибудь была сестра. Но с этого исчезновения характер капитана существенно изменился: веселость и беззаботность уступили место настроению мрачному, печальному, желчному; самые искренние друзья его не могли понять причину такой необыкновенной перемены.

Сестре капитана было шестнадцать лет, и она слыла красавицей; в квартале, где жил капитан, ее прозвали прекрасной швейцаркой; Луизу, так звали молодую девушку, полюбил один из близких друзей капитана, чистокровный аристократ, молодой человек, которому она платила взаимностью.

Капитан в то время еще не был женат; занятый службой, он мало бывал дома, и Луиза часто оставалась одна. Брат хорошо понимал, что такая обстановка не совсем удобна и безопасна для шестнадцатилетней девочки, поэтому он очень обрадовался, когда молодой человек стал у него просить руки его сестры.

Луиза его любила; оба имели хорошие средства; молодой человек мог вполне располагать собой, следовательно, не предвиделось никаких препятствий.

Свадьба была назначена через месяц.

Накануне свадьбы молодой человек просидел у невесты весь вечер до тех пор, пока сам капитан не отправился в Версаль по делам службы.

Луиза осталась одна на попечении старой служанки, у которой на руках она родилась.

Что произошло в эту ночь?

Допросили служанку, она ничего не знала: ее нашли в

кровати, связанную, с завязанным ртом и страшно перепуганную.

Часов в одиннадцать вечера, когда служанка и барышня спали, неизвестные люди взломали двери, проникли в их дом, схватили молодую девушку, не позволив ей даже одеться, и унесли ее, не обращая внимание на ее слезы и крики.

В четвертом часу похитители привели ее назад, бросили на кровать и ушли, заперев дверь.

Соседи, разбуженные в одиннадцать часов вечера непривычным шумом, видели только, что группа дворян, состоявшая человек из двенадцати, вышла в очень веселом настроении из трактира «Ноев Ковчег», который помещался как раз напротив дома капитана; они, не стесняясь, громко разговаривали.

Из их разговора расслышали следующее:

— Рауль скрывается. Ему, чистокровному аристократу, не может, конечно, ни на минуту прийти в голову мысль жениться на простолюдинке, как бы она ни была красива; отбить у него любовницу — богоугодное дело; прекрасная швейцарка слишком хороша, она должна нам принадлежать.

— Да, — сказал другой, — Раулю надо дать урок, в другой раз не будет над нами насмехаться; к тому же я держал пари с Гастоном на десять тысяч луидоров и вовсе не желаю их проиграть; последнее время мне страшно не везет в карты; эти деньги поправят мои обстоятельства.

Слова его были покрыты взрывом хохота.

Вслед за тем дверь была взломана, молодая девушка похищена и отнесена в трактир, где и оставалась до четырех часов утра. Все время из трактира доносился женский крик, покрывавшийся смехом и пением; последнее делалось, конечно, для того, чтобы заглушить крики невинной жертвы.

В четыре часа утра ее отнесли домой; соседи заметили, что, пока ее несли из трактира до дому, она не сделала ни одного движения, не произнесла ни одного звука.

От трактирщика не добились никаких разъяснений, на все вопросы он отвечал:

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Надо полагать, что ему хорошо заплатили и обязали молчать под угрозой смерти.

На одной из ступеней лестницы капитан нашел печать с вырезанным на ней гербом.

Он показал ее жениху, и оба решили умолчать пока об этой находке и искать других доказательств; найденная печать должна была, по их мнению, значительно облегчить эту задачу.

Затем оба отправились в Версаль; капитан подал королю жалобу, которую энергично поддержал его нареченный зять.

Король отнесся к жалобе довольно легко, обещал принять меры к разысканию и наказанию виновных, но скоро забыл об этом деле: у него была новая любовница, которую он обожал, насколько был к тому способен; при таких обстоятельствах мог ли он помнить о несчастье, постигшем капитана его швейцарской роты.

Капитан и молодой человек поняли, что они должны рассчитывать только на себя.

Молодая девушка опасно заболела, но выздоровела, благодаря тщательному уходу; рассудок к ней вернулся, только, как это часто бывает, она ничего не помнила о страшном позоре, который перенесла. Доктор, ее лечивший, сообщил капитану, что она беременна.

Когда молодой человек узнал об этом, он объявил, что желает обвенчаться как можно скорее.

Желание молодого человека было исполнено; несчастное положение Луизы заставило его привязаться к ней еще сильнее; он стал относиться к ней не как к жене, а как к обожаемому ребенку.

Прямо из церкви молодые люди простились с друзьями и отправились в Бретань, в поместье, в котором родился ее муж.

Графиня, так как теперь Луиза стала графиней, произвела на свет девочку. Когда она оправилась, муж уехал в Париж, а оттуда в Версаль; там он отправился к графу Рене де Витре; граф был морским офицером, и только благодаря счастливой случайности оскорбленному мужу удалось застать его дома.

— Милостивый государь, — сказал он графу де Витре, — объявляю вам, что жена моя, которую вы имели низость обесчестить, родила дочь. Как вы думаете теперь поступить?

— Вы сошли с ума, милостивый государь, я не понимаю ни слова из того, что вы говорите.

— Вы лжете; вот ваша печать, я ее нашел на лестнице дома, куда вы ворвались, как ночной грабитель.

— Милостивый государь, — отвечал граф, — вы хотите мне предложить вызов? Так? Очень хорошо; я к вашим услугам, не потому, что я был действительно виновен в легкомысленном поступке, который вы мне приписываете, а потому, что вы оскорбили меня в моем собственном доме.

— Мне все равно, я желаю только вас убить.

— Это мы еще увидим.

Они спустились в сад, окружавший отель графа и взялись за шпаги.

Граф получил очень опасную рану.

— Когда вы выздоровеете, мы будем продолжать, — сказал молодой человек.

— Очень хорошо, — холодно сказал офицер.

Враги расстались.

Когда муж Луизы вернулся в замок, он не нашел своей жены, она исчезла; никто не мог объяснить ему — как и куда.

— Это месть графа Витре, — сказал он.

Ребенок в это время жил у своей кормилицы; молодой граф поручил одному из своих друзей отвезти девочку в дом другого друга, где она должна была воспитываться на правах дочери.

Граф считал нужным действовать очень осторожно и сбить с толку своих врагов, поэтому девочку увезли из Европы.

Прошло два года, в течение которых он не переставал искать свою жену по всей Европе, но поиски его были тщетны.

Наконец ему удалось получить указания, по-видимому, довольно основательные, которые заставили его отправиться в Голландию; там в игорном доме, пользующемся весьма дурной репутацией, он встретился с графом де Витре.

По капризу случая они очутились лицом к лицу; между двумя врагами завязалась сильнейшая борьба, сначала счастье благоприятствовало графу де Витре, затем, когда оно начало ему изменять, он не задумался прибегнуть к крапленным картам; противник его проиграл уже около миллиона ливров, когда заметил, что моряк шулерничал, он бросил ему карты в лицо и назвал его шулером в присутствии всех игроков.

Игроки также заметили плутовство моряка; они заставили его возвратить выигранные деньги и изгнали его из академии, так назывались тогда эти притоны.

Граф де Витре, взбешенный донельзя, ожидал своего противника в нескольких шагах от игорного дома и предложил ему вызов; дуэль была назначена на следующий же день.

Граф обещал привести с собой секундантов, так как его противник не знал ни одной души в Амстердаме.

Враги сошлись, обе стороны дрались с ожесточением.

На этот раз граф Витре опасно ранил своего противника, который упал, потеряв сознание.

Он не знал, сколько времени продлился его обморок, но, когда пришел в чувство, увидел себя на голландском судне, отправлявшемся в Батавию, где он и высадился после семимесячного путешествия.

Несчастный молодой человек провел в Батавии целый год без денег, среди людей, говоривших на незнакомом ему языке и относившихся к нему самым бесчеловечным образом. Наконец ему удалось выбраться из Батавии, благодаря доброте капитана одного французского судна, который сжалился над ним и отвез в Луизиану. Здесь он прежде всего решил написать капитану Лебо, рассказать ему все, что с ним случилось, и описать ему свое жалкое положение; капитан французского судна взялся доставить письмо, и действительно капитан Лебо получил его через несколько месяцев. Он тотчас же отправил своему зятю значительную сумму, которой тот не получил; участь денег оставалась неизвестной: быть может, они затерялись в пустыне.

Капитан Лебо между тем не оставил мысли о мести; напротив, желание это все больше и больше в нем укреплялось; но он понял, что у него были могущественные враги, которые не замедлят его раздавить, если только он обнаружит признаки жизни; капитан притаился, целых пятнадцать лет посвятил он невидимой подземной работе крота, приведшей, однако, к результатам, ужасным для его врагов. Об этом деле давно забыли все, кроме капитана, который продолжал подкапываться под своих противников. Благодаря терпению, хитрости и деньгам, капитану удалось собрать все малейшие подробности о гнусном преступлении, в котором принимали участие пятеро молодых людей, принадлежащих к известнейшим француз-

ским дворянским фамилиям. Все они уже умерли таинственной, необъяснимой смертью, после того как схоронили жен и детей, умерших также от каких-то недугов, неизвестных в медицине; можно было подумать, что над ними тяготеет неумолимый рок.

Но самый виновный из всех, граф Витре, еще оставался в живых; что в этом случае руководило капитаном Лебо, мог объяснить только он один. Когда он, с характеризующим его терпением, закончил собирание данных по этому несчастному делу, он сыграл комедию с «*lettre de cachet*», чтобы спровадить сына в Канаду.

Капитан обожал своего сына, однако же имел достаточно силы воли, чтобы выказать гнев и ненависть, которых совершенно не было в его сердце, и перед отъездом не сделал сына поверенным своих планов; он знал, что бессознательные сообщники — самые лучшие.

Теперь наконец настал час мести — ужасной мести.

Граф Витре ухаживал за прелестной молодой девушкой, аристократкой по происхождению; он любил ее до обожания и уже получил согласие на брак, но свадьба была отложена до его переселения во Францию и, было ли это влияние какого-то бессознательного предчувствия, только граф пожелал венчаться в Гамбурге, где его должны были ожидать невеста и ее родители; медовый месяц молодые собирались провести на берегу озера Леман, в замке, недавно купленном графом.

Все эти планы были в подробности известны капитану.

То длинное письмо оканчивалось следующим лаконичным предложением:

— Сговорись, милый сын, с Мрачным Взглядом; я заранее одобряю ваши общие действия; не забывай, что я подготовлял это мщение целые пятнадцать лет.

О том, как в нашей несчастной колонии горизонт становился час от часу мрачнее

Когда Шарль Лебо окончил чтение этого странного документа, он опустил голову, полузакрыв глаза и глубоко задумался.

Молодой человек был бледен как мертвец; им овладело невыразимое волнение, капли холодного пота выступили у него на лбу, зубы были крепко сжаты, все тело дрожало от нервного озноба.

Мрачный Взгляд исподтишка наблюдал за ним с молчаливым сочувствием; несмотря на напускное спокойствие, легко было заметить, что он чувствует к другу сильнейшее сострадание.

— Это ужасно! — пробормотал молодой человек, задыхаясь от рыданий.

— Да, — отвечал Мрачный Взгляд, — действительно ужасно.

Вслед за тем оба замолчали.

Наконец молодой человек вскочил, широко раскрытые глаза его горели, в его благородной и сильной натуре совершилась реакция; он несколько раз провел рукой по лбу, влажному от холодного пота.

— Я думал, что умру, — сказал он глухим голосом и прибавил после короткой паузы: — Теперь прошло, лучше поскорее все кончить, я невыразимо страдал.

— Да, — отвечал Мрачный Взгляд, — я понял, что вы

должны были испытывать, но молчал; что же мне оставалось делать? Сожалеть о вас и молчать.

— Благодарю вас, любезный друг, — отвечал Шарль, протягивая ему руку.

— Я только должен сообщить вам еще кое-какие разъяснения, но, может быть, лучше...

— Нет, друг, лучше все узнать сразу.

— Хорошо, вы отчасти правы, к тому же я не буду многословен.

— Говорите.

— Граф Рене де Витре не оставался в бездействии в то время, как ваш отец вел свою подпольную работу с отличающим его терпением и упорством. Граф де Витре, в свою очередь, усердно разузнавал об участии того несчастного, которого он вывез в пустыни Луизианы и Канады и бросил там без всяких средств. Он не жалел денег и, благодаря золоту, не только узнал, что его жертвы живы, но и ознакомился с их местопребыванием и образом жизни.

— Но чем вы объясните эту свирепость хищного зверя относительно несчастных, которые, по своему ничтожеству, ни в коем случае не могли угрожать мести, чего он мог от них опасаться?

— Он боялся, а теперь боится более, чем когда-нибудь, чтобы через этих людей не распространились компрометирующие его слухи. Граф собирается жениться на молодой особе из такого семейства, где честь и безупречное поведение всегда ценились выше всего. Такие семьи с каждым днем встречаются реже, но их все-таки больше, чем обыкновенно думают. Семейство, войти в которое стремится граф, занимает очень высокое место среди дворянства, и через него граф может подняться на какую угодно высоту; поэтому он ежеминутно боится, чтобы чья-нибудь нескромность или откровенность не разрушила его карточного замка. Как ни далеко зашло у них дело, но достаточно малейшего пятна на репутацию графа, чтобы родители невесты взяли свое слово назад. Он понимает, в каком он двусмысленном и опасном положении, единственное средство заставить врагов молчать...

— ...закрыть им рот кинжалом.

— Верно, в нашей жизни все тесно сплетается, первое преступление влечет за собой второе, необходимое для того, чтобы его скрыть, и, таким образом, преступник на-

конец стоит по колено в крови; но вы знаете, рано или поздно все раскрывается.

— Да, время лучше всех умеет раскрывать тайны.

— Но что же он будет делать, если его позорные преступления выйдут на свет Божий?

— Он пожмет плечами — что ему за дело? Вероятно, он рассуждает так и довольно логично: моя новая семья защитит меня и скроет мой позор хотя бы для того, чтобы спасти честь своего имени. Но он ошибается, семья эта с презрением выбросит его из своей среды. Впрочем, зачем заглядывать так далеко! Будущность, о которой мечтает граф де Витре, уже не существует для него; его предательство убивает его нравственно, через несколько дней, может быть, все будет для него кончено.

— Дай Бог, — сказал молодой человек с чувством злобы, — но вот чего я не понимаю.

— Чего же?

— Этого предательства.

— Граф почти разорен; измена поправит позолоту его герба.

— Какой низкий расчет!

— Бесспорно, но, к несчастью, у графа нет другого исхода, почва ускользает у него из-под ног; он хватается за соломинку, чтобы спастись; между тем гибель близка; тогда он поступает, как игрок, ставит все на карту, рискует всем своим будущим.

— Он негодяй, он должен понести наказание и понесет его, если Бог нам поможет; наше дело правое, мы страдаем невинно.

— Следовательно, вы согласны со мной и с вашим отцом; вы желаете наказания этому злодею?

— Да, но в известных пределах.

— Не понимаю.

— Я объяснюсь откровенно и ясно, чтобы между нами не осталось ни малейшего недоразумения.

— Пожалуйста, любезный друг.

— Но я еще не знаю, почему вы принимаете участие в этом деле.

— Скоро, любезный Шарль, вы все узнаете.

— Так, пока оставим этот вопрос и сговоримся относительно остального.

— Хорошо.

— Друг мой, — начал молодой человек серьезным го-

лосом, — средние века прошли, мы пережили ту эпоху, когда отцы, умирая, передавали сыновьям продолжение начатого ими мщения и тем делали из них бессознательных палачей; все это было хорошо во времена романсеро; наше поколение — не буду задаваться вопросом, лучше это или хуже, — наше поколение рассуждает и только по зрелом размышлении может решиться на участие в деле, подобном тому, которое требует теперь нашего сообщества, мы хотим не мести, а справедливого возмездия виновному.

— Вы совершенно правы.

— Но, для того чтобы наказание было справедливо, оно не должно карать невинного.

— Конечно.

— Если мы будем слушаться только чувства мести, повиноваться только голосу страсти, мы можем сделаться столь же виновны, как и тот, кого мы собираемся карать; последняя фраза в письме моего отца привела меня в ужас.

— Почему?

— Прочтите эту фразу, мой друг, она ужасна.

И он подал ему письмо, молча указав на то место, которое следовало читать.

— Да! — воскликнул Мрачный Взгляд дрожащим голосом, сильно побледнев. — Возможно ли, чтобы страсть дошла до такого безумия? Ваш отец — человек холодный, строгий, но не изменявший принципам чести ни при каких, самых критических обстоятельствах, решается думать и писать подобные вещи!

— Не значит ли это мстить за гнусное преступление еще более гнусным? В пользу этих несчастных до известной степени говорит то, что они были пьяны, действовали в бессознательном состоянии! Но мой отец!.. Так вернемся к Моисееву закону: око за око, зуб за зуб? Разве мы краснокожие?.. Трудно поверить.

— Благодарю вас за то, что вы во мне не сомневались; клянусь, что никогда подобная мысль не приходила мне в голову, даже в самые тяжелые минуты моей жизни; а между тем никто не имеет такого права мстить ему, как я. Вычеркните эту фразу, чтобы от нее не осталось и следа, ради нашей общей чести.

— Хорошо, друг мой, — сказал молодой человек. — Мы должны быть только судьями, судьями неумолимыми, но справедливыми, даже и относительно этого злодея.

Шарль взял перо и вычеркнул слова, которые их так тяжело взволновали.

— Теперь вы видите, любезный друг, — начал Мрачный Взгляд, — насколько для вас было важно ознакомиться с содержанием этого письма.

— Теперь вижу, но я вам уже говорил, что большинство писем моего отца не заключали в себе ничего, кроме упреков. Самое удивительное в этом деле то, что отец умел так хорошо скрывать существование моей тетки; никто из семьи никогда не слышал о ней ни слова и не подозревал, что она была когда-нибудь в числе смертных.

— Осторожность требовала этой тайны, не следовало возбуждать подозрительности врагов.

— Я готов ехать, когда вы назначите: в форте Карильон нам больше нечего делать, между тем есть место, где присутствие наше необходимо.

— Хотите? Выедем с восходом солнца.

— Немыслимо, милый друг; не можем же мы уехать из форта, не простившись, по крайней мере, с главнокомандующим.

— Правда, я об этом не подумал.

— На рассвете мы простимся с главнокомандующим и отправимся в путь.

Поговорив еще несколько минут, оба охотника заснули. С рассветом они были на ногах.

Марта де Прэль показалась на пороге своей комнаты, свежая, розовая, цветущая.

Мрачный Взгляд улыбнулся ей и добродушно отошел в сторону, чтобы не мешать прощанию влюбленных.

— Вы уезжаете, г-н Шарль? — спросила молодая девушка.

— Я должен ехать, — печально отвечал молодой человек, — я и так пробыл здесь слишком долго; о, если б я слушался только моего сердца, я бы остался еще. Вы не знаете, как мне тяжело расстаться с вами.

— Я могу судить по тому, что чувствую сама, — отвечала она с грустной улыбкой, — но долг не позволяет вам оставаться, надо ему повиноваться. Куда вы едете, мой друг?

— В Квебек, м-ль Марта.

— Слава Богу! Значит, наша разлука будет непродолжительна: мы также через несколько дней отправимся в Квебек. Зайдете ли вы к нам в отель?

— Можете ли вы в этом сомневаться?

— Нет, я знаю: не бойтесь ничего, приходите смело, я переговорю с моим опекуном, вы будете приняты как следует, понимаете?

— Вы ангел.

— Нет, я только девушка, которая вас любит.

— Благодарю вас, Марта; никогда, никто не будет вас так любить, как я.

— Я знаю, и эта уверенность составляет мое счастье, будьте покойны, у меня есть основание предполагать, что мой опекун не откажет вам в моей руке.

— Вы возвращаете мне бодрость, Марта, я уже падал духом, но я вам верю, я уезжаю почти счастливым, ваши слова помогут мне терпеливо ожидать нашего свидания.

— Пора ехать, — сказал, улыбаясь, Мрачный Взгляд.

— Правда, — отвечала Марта, — поезжайте, мой друг, мой жених, и не сомневайтесь ни в чем.

— О, могу ли я сомневаться, — отвечал он с порывом.

Молодая девушка протянула ему руку, он взял ее и страстно поцеловал.

— До свидания! — крикнула ему Марта, порхнула как птичка и заперлась в своей спальне.

— Едем! — сказал Мрачный Взгляд.

— Хорошо, — отвечал он печально.

— Будьте мужчиной, — возразил охотник, — ваше чувство святое, вы будете счастливы, ваша любовь вызывает улыбку у самих ангелов.

— Она так добра и так прекрасна! — пробормотал Шарль Лебо.

— Да, и вы стоите ее любви, ну, едем?

— Да, — сказал Шарль, точно просыпаясь ото сна, — я был так счастлив с ней. Едем!

Он быстрыми шагами вышел из комнаты, как будто желая вырваться из этой атмосферы, опьянявшей его своими нежными испарениями.

Охотники приказали доложить о себе генералу.

— Вы уезжаете, господа? — спросил он.

— Да, генерал, — отвечал Сурикэ, — важные дела, не терпящие отлагательства, требуют нашего присутствия в Квебеке.

— Через несколько дней и я там буду, кругом полное разложение, отечество погибает, нам остается только по-

хоронить себя под развалинами нашей прекрасной колонии.

— Как, генерал, — сказал Шарль с волнением, — вы отчаиваетесь после блестящей победы при Карильоне?

Генерал с горечью улыбнулся.

— В то время как я побеждал и обращал в бегство англичан, они овладели Луисбургом и отняли у нас море, сообщение с Луизианой отрезано; мы пленники в своей собственной колонии, вот в каком положении дела; англичане теснят нас со всех сторон, они располагают шестьюдесятью тысячами войска, мы же можем выставить не более шести тысяч для своей обороны.

— Но в таком случае все погибло! — с отчаянием вскричал Шарль Лебо.

— Почти; изменники достигли своей цели, но я им не доставлю возможности порадоваться капитуляции своих соотечественников, я буду защищаться, мы падём, но после того как встретим врага лицом к лицу.

— Вся Канада встанет на свою защиту.

— Надеюсь! Все, что мы можем — это бороться до последнего издыхания и заставить неприятеля купить дорогой ценой наше поражение. Я рассчитываю на вас и всех ваших друзей, господа.

— Мы будем при вас до последнего выстрела, генерал.

— Знаю и благодарю вас, господа. О! Эти негодяи — Биго и граф де Витре!

— Что касается графа де Витре, — сказал с мрачной энергией Сурикэ, — то предоставьте его нам.

— Хорошо, поручаю его вам, никогда еще не совершалось более постыдной измены.

— Получили вы какие-нибудь известия, генерал?

— Да, и ужасные; судите сами, у меня от вас нет тайн, к тому же скоро и все о них узнают. Граф Рене, Денис де Витре, один из знатнейших французских аристократов, капитан морской службы, командир фрегата «Слава», лучшего судна во всей эскадре, был атакован англичанами; после весьма вялой обороны он позволил неприятелю

* И тот и другой — исторические личности, изменившие отечеству при тех именно условиях, которые читатель находит в нашем рассказе. Не заслуживают ли эти люди быть выставленными напоказ? — (Примеч. авт.)

овладеть фрегатом, тогда как его обязанность было взорвать его на воздух.

— И он сдался?

— Да, как трус; английское судно, атаковавшее «Славу», было гораздо меньше и слабее; это настолько верно, что когда англичане отправятся вверх по реке, чтобы атаковать Квебек и Монреаль, знаете ли, какое судно будет во главе? Фрегат графа Рене, Дениса де Витре.

— Французский дворянин, осыпанный королевскими милостями! Какая низость! — воскликнул Мрачный Взгляд.

— Мы берем на себя обязанность наказать его, генерал; мы уже это обещали и исполним наше обещание.

— Теперь это трудно, если не невозможно; он будет соблюдать осторожность.

— Если, — с горечью заметил Сурикэ, — нам придется отбивать его у англичан, мы все-таки его захватим.

— Клянусь вам, — прибавил Мрачный Взгляд с чувством.

— Я убежден, господа, что вы сделаете все возможное; если вам удастся овладеть графом, вы окажете громадную услугу отечеству; это послужит для всех страшным уроком.

— Во Франции у него много друзей и защитников, благодаря которым он может избежать наказания; поэтому он должен быть судим и казнен здесь, в колонии, в присутствии всего населения Канады и вблизи английской армии, — сказал Сурикэ с лихорадочным жаром.

— Так и будет, — подчеркнул Мрачный Взгляд.

— Хорошо, может быть, это и будет лучше; когда вы едете в Квебек?

— Как только вы нас отпустите, генерал.

— Я приеду в Квебек почти в одно время с вами, и вы мне будете нужны.

— Мы во всякое время к вашим услугам, генерал.

— В таком случае, я вас не задерживаю; вы едете одни?

— Одни, с вашими друзьями, генерал.

— С Белюмером и другими, да? Хорошо, — сказал, улыбаясь, генерал, — вы счастливы, господа; вы свободны как ветер и ни от кого не зависите. Доставите мне удовольствие?

— Что вам угодно, генерал?

— Позавтракайте со мной по-семейному; часом раньше, часом позже — разница невелика.

— Дело в том... — начал Шарль Лебо, смотря на своего друга.

Мрачный Взгляд улыбнулся.

— Я не задержу вас, — добродушно настаивал генерал.

— Соглашайтесь, — сказал Мрачный Взгляд, — а я воспользуюсь этим временем и займусь одним важным делом, которое совершенно упустил из виду.

— Как! Вы отказываетесь от моего приглашения?

— Прошу извинить меня, генерал.

— Нет, нет, я непременно хочу видеть вас у себя за завтраком.

— Простите, генерал, мне трудно согласиться, но если вы так любезно настаиваете... я не знаю, что мне делать; в котором часу будет завтрак?

— Через три четверти часа, самое большое через час.

— В таком случае, я принимаю ваше любезное приглашение и благодарю вас за внимание.

— Полноте! Что за церемонии между солдатами? Итак, решено.

— Решено, генерал.

— Отлично, до свидания.

Охотники вышли.

Это приглашение было любезностью со стороны генерала, которой он хотел доставить Шарлю Лебо возможность еще раз повидаться с Мартой де Прэль и провести с ней лишний час перед отъездом.

Со своей стороны, Сурикэ принял приглашение только потому, что надеялся еще раз увидеть любимую девушку, оба руководствовались одной и той же мыслью.

Раны, полученные Сурикэ при атаке форта, сделали для его романа гораздо больше, чем шесть месяцев, проведенных хотя и вблизи Марты, но при обыкновенных, нормальных условиях; доказательством может служить то, что во время поездки в Луизиану, имея полную возможность говорить с молодой девушкой с глазу на глаз, он не решился признаться ей в любви; его проклятая робость сковывала ему губы.

Если теперь дело так быстро подвинулось вперед, то это потому, что Марта, убедившись в любви молодого человека, сама сделала первые шаги.

У женщин есть какое-то ясновидение, благодаря кото-

рому они, как бы ни были наивны и целомудренны, чувствуют, что любимы.

Слабые зачатки взаимного понимания получили быстрое развитие во время болезни молодого человека, что весьма естественно; молодая девушка повела дело так искусно, что Шарль Лебо наконец ободрился, собрался с духом и... объяснился.

С этой минуты все пошло отлично; Шарль Лебо перешел через Рубикон, отделившись от своей робости, дни проходили как одна минута в разговорах о любви, в спряжении прелестного глагола «любить»; кто из нас реже или чаще не спрягал его в счастливые дни юности, юности, которая продолжается так безумно, в это благословенное время думается только о настоящем; будущее не существует. Таков нерушимый закон природы.

О юность!..

Когда завтрак был подан, г-жа Меренвиль, уже предупрежденная главнокомандующим, вошла в спальню Марты и нашла ее всю в слезах.

Графиня улыбнулась, отерла ей глаза своим платком и сказал на ухо:

— Он еще не уехал, он будет с нами завтракать.

Молодая девушка быстро вскочила, обвила руками вокруг шеи графини, расцеловала ее и, спрятав лицо у нее на груди, прошептала:

— Мама, милая мама!

— Перестаньте же плакать! — сказала графиня с доброй улыбкой.

— Я плачу от радости, мама, — сказала она, смеясь и плача одновременно.

— Поскорее оботри глаза, дитя, и пойдем, нас ждут.

Через пять минут молодая девушка вошла в столовую в сопровождении графини де Меренвиль.

Молодые люди исподтишка обменялись восторженными взглядами, замеченными, впрочем, всеми присутствующими.

Влюбленные, как бы они ни были осторожны, умеют скрывать свое счастье не более пяти-шести дней; занятые только друг другом и не замечая никого из окружающих, они, сами того не сознавая, делают неосторожности, которые их выдают.

Так и случилось с нашими молодыми людьми.

Завтрак прошел не особенно весело; общество было

слишком тяжело настроено; но каждый старался по возможности скрывать свое настроение, чтобы не опечалить остальных и, благодаря общим усилиям, все участвующие вынесли из этого завтрака приятное впечатление.

Наконец настал час отъезда.

Медлить больше было невозможно, надо было ехать.

Генерал дал Шарлю Лебо письмо с поручением лично передать его Дорелю, с которым он был в очень близких отношениях.

Потом началось прощание.

Оно продолжалось недолго.

Все знали, что скоро увидятся в Квебеке.

Охотники простились со всеми присутствующими и вышли из столовой.

Судьба пожелала — судьба всегда на стороне влюбленных, — чтобы в коридоре Шарль Лебо еще раз встретился с Мартой де Прэль.

О чем они говорили?

Ни тот ни другой не могли бы ответить — о чем.

Но они провели пять счастливых минут.

Стук отворяющейся двери заставил прелестную птичку упорхнуть и унести с собой столько счастья, что его бы стало на месяц.

Друзья наших охотников ожидали их. Их было трое: Белюмер, Бесследный и Тареа, последний собирался совершить вместе с ними только часть пути.

Вождь спешил в свое селение, чтобы собрать воинов, которых он отпустил домой после битвы при Карильоне; сам же он оставался в форте до полного излечения своего пациента Сурикэ.

Жак Дусе уехал несколько дней тому назад в Квебек, куда его призывали неотложные дела.

Как ни сильно он доверял своим рабочим, тем не менее его постоянным и весьма основательным правилом было оказывать полное доверие только своему хозяйскому глазу; кроме того, он желал узнать, что поделявают его патроны: Биго и граф Рене де Витре.

При данных обстоятельствах эти два изменника должны были хлопотать особенно деятельно о том, чтобы сохранить вид невиновности и, как принято выражаться в просторечии, выйти сухими из воды.

Путешествие совершилось без всяких препятствий и при самых счастливых условиях.

Война еще не коснулась этой части Канады; все усилия неприятеля были направлены против Квебека и Монреаля; в верхней Канаде было так тихо и покойно, как в мирное время.

На восьмой день пути Тареа расстался с друзьями и отправился в свое селение, обещая им скорое свидание.

Охотники направились к реке Св. Лаврентия и через несколько дней достигли окрестности Бельвю.

Прелестная дача была заперта и пуста; Сурикэ со вздохом проехал мимо и начал разыскивать пирогу, которой обыкновенно пользовался, когда заезжал в эти места и которую прятал перед отъездом в Луизиану.

Он ее так хорошо укрыл от нескромных глаз, что сам мог разыскать только с большим трудом.

Затем, взвалив ее на плечо, он отнес пирогу на берег и спустил на реку; охотники поплыли вниз по течению.

При въезде в Квебек они увидели Бурламака, занятого возведением укреплений на берегу реки.

Путешественники отправились в дом Белюмера; старый охотник всем им предложил гостеприимство.

Мрачный Взгляд имел квартиру в Квебеке, но, по желанию Сурикэ, согласился поселиться вместе с ним.

Обстоятельства требовали, чтобы они постоянно были вместе.

Переодевшись, оба охотника отправились в дом ювелира — они спешили увидаться и переговорить с ним.

Увидев посетителей, Жак Дусе бросился к ним навстречу.

— Приехали?

— Час тому назад.

— И прежде всего ко мне?

— Конечно.

— Пойдемте, я отведу вас в отдельное помещение.

— Разве есть новости?

— Увидите.

Он позвал подмастерье, приказал ему сидеть в лавке и ни в коем случае его не беспокоить, потом пригласил друзей следовать за ним в комнату, уже знакомую читателю по некоторым разыгравшимся там сценам, не лишенным интереса.

Дусе заботливо запер все двери, пододвинул гостям кресла и сел сам.

— Что же нового?— спросил Мрачный Взгляд.

— Много: два друга не далее как вчера оказали мне честь по обыкновению явиться сюда для своих деловых переговоров; но от переговоров они скоро перешли к брани и наконец к обоюдному оскорблению действием: словом, схватили друг друга за горло, как пьяные извозчики.

— Как! Такие неразлучные друзья! — сказал Мрачный Взгляд.

— В том-то и дело, — возразил Дусе.

— Прямо сознаюсь, что ничего не понимаю, — сказал Сурикэ.

— И я также; недурно, если бы вы объяснились толковее.

— Сейчас выведу вас из лабиринта, — смеясь, сказал Ивон, — вот что произошло... Вы, конечно, не забыли, господа, что граф де Витре, по его собственному выражению, предложил англичанам «оказать им содействие».

— Оказать содействие, это прелестно! — воскликнул Сурикэ.

— Да, это действительно весьма удачное смягчение слова «измена», — прибавил Мрачный Взгляд.

— Итак, граф де Витре намерен был оказать свое содействие за кругленькую сумму — десять миллионов; Биго нашел, что он продешевил.

— Об этих условиях вы нам уже сообщили, — сказал Сурикэ, — из десяти миллионов два предназначались Биго.

— Верно.

— Ну?

— По-видимому, возражения Биго показались основательными графу де Витре и заставили его призадуматься; словом, вместо того чтобы продать себя и свой фрегат со всеми боевыми запасами и орудиями за десять миллионов, он потребовал двенадцать миллионов французских ливров и, кроме того, два миллиона за исполнение каких-то морских технических специальных условий, которые несколько не касались г-на Биго.

— Черт возьми! Славный коммерческий расчет! Славная цифра, я поздравляю с этими условиями г-на де Витре, когда буду иметь честь с ним встретиться, — сказал Мрачный Взгляд с едкой иронией.

— Г-н Биго пожелал получить четыре миллиона вместо двух первоначальных.

— Интендант знает свое дело.

- Черт возьми! Что сказал граф?
- Он отказал безусловно.
- Само собою разумеется, — насмешливо заметил Сурикэ.
- Тогда они начали ругаться и в конце концов схватили друг друга за горло, однако через несколько минут перестали драться; граф предложил мировую сделку.
- Какую?
- Граф соглашался прибавить к двум выговоренным миллионам еще один, но с условием.
- С каким?
- Тут я ничего не понял.
- Ничего, все-таки продолжай, — сказал Мрачный Взгляд с оттенком горечи, — вероятно, мы пойдем, в чем дело.
- Право, не знаю, господа.
- Продолжай, говорят тебе.
- Извольте. Граф вдруг сказал Биго: вы знаете Фулонскую бухту.
- Конечно, — отвечал интендант, — она с четверть версты повыше Квебека.
- Верно.
- Но с какой стати вы мне говорите об этой бухте? Что мне за дело до вашей бухты?
- Она вас близко касается.
- Так объяснитесь.
- Сейчас.
- Бухта охраняется?
- Да.
- Отрядом?
- В триста человек.
- Солдат?
- Двадцать человек солдат, остальные милиционеры.
- Отлично; кто командует постом?
- Вергор де Шамбон, флотский капитан.
- Ваш друг, если не ошибаюсь?
- Может быть.
- Этот капитан, не правда ли, тот самый Вергор де Шамбон, который, будучи комендантом форта Босежур, сдал его без боя англичанам?
- Он самый.
- Отлично! Так это делается само собой.
- Что делается само собой?

Граф де Витре расхохотался.

— Не разыгрывайте невинности, вы меня отлично поняли.

— Может быть, я и пойму вас, если перейдем к вопросу о тех деньгах, знаете?

— Прекрасно! Я только что собирался вернуться к этому вопросу.

— Возвращайтесь к нему скорей, дело будет лучше.

— Хорошо, — возразил граф, — туда вы и должны явиться за получением миллиона, о котором идет речь.

— Это глупая шутка, — сказал Биго, пожимая плечами.

— Я не имею привычки шутить, когда говорю о деле, — сухо возразил граф.

— Наконец, вы смеетесь надо мной! — с гневом сказал интендант.

— Нисколько, — сказал граф ледяным тоном.

— Вы говорите серьезно?

— Как нельзя более серьезно.

— Гм! — промычал он, колеблясь.

— Хотите берите, хотите нет.

— Хорошо, я согласен, — сказал он угрюмо.

— И вы не забудете моих требований?

— Я понял.

— Я хорошо знал, что мы в конце концов сговоримся.

— Вы так действуете...

— На что вы жалуетесь? За маленькую поездку и свидание с дорогим другом вы получите три миллиона ливров; другие на вашем месте не заставили бы себя так долго просить, — сказал граф со смехом.

— Хорошо, не будем больше об этом говорить; могу ли я теперь рассчитывать на вашу аккуратность?

— Даю вам честное слово офицера и дворянина.

— Право, этот граф де Витре достоин кисти художника, — иронически заметил Мрачный Взгляд.

— И этот человек осмеливается говорить о чести! — сказал Сурикэ. — Да он сумасшедший, которого надо посадить на цепь, понимает он, что такое честь!

— Что ответил г-н Биго?

— Хорошо, я вам верю, — ответил Биго.

— Не забудьте, что я вам сказал.

— Ничего не забуду.

— Так будьте покойны.

— Когда я должен явиться к Фулонской бухте за получением денег?

Граф задумался на несколько минут.

— В ночь с 12-го на 13-е сентября, в 11 часов вечера.

— Почему так поздно?

— Я думаю, вы сами знаете.

— Правда, я дурак.

— Сами себя так называли, — возразил граф со смехом, — кстати, не забудьте захватить зажженный фонарь.

— Вместо сигнала? Очень хорошо, будет сделано, ничем не надо пренебрегать.

— Все? — спросил Сурикэ.

— Да, больше они не сказали друг другу ни слова, интендант поклонился графу, который холодно отдал ему поклон, и вышел; через некоторое время и граф последовал за своим сообщником, с тех пор я их не видал.

— Как, граф де Витре рискнул показаться на улице в Квебеке?

— Ему нечего было бояться, он был переодет флотским офицером и совершенно неузнаваем.

— Благодарю вас, — сказал Сурикэ.

— Поняли вы последнюю часть разговора?

— Не совсем, — улыбаясь, ответил Сурикэ.

— Я так и знал, — сказал бретонец.

— Хорошенько разузнавай обо всем, Ивон, — сказал Мрачный Взгляд, — положение дел серьезное.

— Я знаю.

— Как только что-нибудь услышишь, приди нам сказать; мы живем в доме Белюмера.

— Будьте покойны, обо всем вам сообщу.

— Хорошо, теперь спасибо и до свидания.

Охотники вышли, но, чтобы не привлекать к себе внимания, избегали больших улиц, выбирая глухие переулки.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил Мрачный Взгляд, когда они вышли на улицу.

— То же самое, что вы! Вероятно, тут опять скрывается какое-то гнусное дело.

— Да, это подозрительное число... Фулонская бухта...

— Этот фонарь, зажженный в качестве сигнала... все вместе сильно пахнет изменой, любезный друг; эти два человека великие негодяи, а капитан, которого они хотят завербовать в свою тайну, знаете вы его?

— О! Что касается капитана, он не заставит себя долго убеждать; доказательством служит его деятельность во время командования фортом Босежур, — сказал со смехом Мрачный Взгляд. — Я думаю, нам следует уведомить об этом деле главнокомандующего.

— Я имел уже это намерение, любезный друг; но не надо действовать необдуманно, мы должны сообщить главнокомандующему только самые положительные и точные сведения.

— Конечно.

— Прежде всего следует сменить командира Фулонской бухты.

— Да, это очень важно.

— А если бы мы могли захватить г-на Биго в тот момент, когда он запустит руку в мешок, вот было бы славнo! — сказал Мрачный Взгляд.

— Да, но не забудьте, что Биго имеет поддержку в лице Водрейля.

— Значит, они оба равно виновны.

— Вот почему, если даже они будут пойманы на месте преступления, главнокомандующий не осмелится применить к ним закон во всей строгости.

— К несчастью, это верно, вот до чего мы дошли.

— Мы с вами бессильны против зла, нам остается опустить голову и грызть наши удила.

— Да, изменники высоко держат голову, а честные люди принуждены молчать и преклониться перед горстью бандитов, поддерживаемых в Версале фавориткой короля.

— О женщина!.. Что будем делать?

— Совершим сначала прогулку к Фулонской бухте и, когда соберем достаточно сведений, отправимся к главнокомандующему и все ему расскажем.

— Он нам поверит?

— Конечно, он нас знает.

Вспомнив, что они на улице и их могут подслушать, друзья замолчали и молча дошли до квартиры.

О том, как Биго совершил прогулку, принесшую ему три миллиона, но тем не менее остался ею неудовлетворенным

Кампания в 1759 году по своему плану ничем не отличалась от других подобных кампаний, т.е. и на этот раз англичане напали на Канаду сразу с трех различных пунктов.

Генерал Вольф во главе одиннадцатитысячной армии должен был из Луисбурга, уже принадлежавшего англичанам, идти на Квебек с флотом, состоящим из двадцати больших судов, десяти фрегатов и восемнадцати судов меньшего размера, с экипажем в 18 тысяч человек.

Генерал Амгерст, преемник Аберкромби, получил приказание спуститься к Монреалю по озеру Шампленьи и реке Ришелье с отрядом в 1200 человек и соединиться с армией Вольфа.

Генерал Придо с той же армией, с которой удалось взять форт Дюкенс, должен был подвинуться к озерам, занять Ниагару, отрезать сообщение с Луизианой, спуститься по озеру Онтарио и реке Св. Лаврентия и присоединиться к двум другим армиям; здесь они намеревались окружить и истребить всю французскую армию. Против выступало 40 000 человек, которые могли рассчитывать на поддержку 20 000 резерва.

Французы, кроме милиции и незначительного числа

краснокожих, могли выставить 5500 человек регулярного войска.

Индейцы, видя, что дела французов идут плохо, отказывались им помогать, несмотря на заключенные союзы; только индейцы-католики остались им верны до конца.

Таким образом, в обороне тяжкая роль предназначалась милиции.

Водрейль призвал к оружию все мужское население страны в возрасте от 16 до 60 лет.

Духовенство приглашало всех граждан принять участие в общей молитве о даровании победы отечеству; храбрые канадцы отнеслись с таким энтузиазмом к делу обороны своей страны от чужеземных завоевателей, что за оружие брались двенадцатилетние мальчики рядом с восьмидесятилетними стариками; дома остались одни женщины и дети.

Таким образом, собрались под ружьем до 15 000 человек, весьма годных для предстоящей оборонительной войны; почти все были искусными стрелками.

Население Канады заключало в себе тогда 82 000 душ; почти этой же цифре равнялась и неприятельская армия, наводнившая нашу колонию.

С самого начала война эта приняла характер грандиозной эпопеи, напоминая гомеровские поэмы.

Факт беспримерный в истории, что армия, численно равная населению страны, должна была употребить для ее завоевания не менее двух лет.

Французские силы были расположены следующим образом.

Правую позицию занимал капитан Понто, посланный к Ниагаре с отрядом в 3000 человек, и де Корбиер, которому было поручено окончание укреплений в Фонтене.

Делакорн во главе 1200 человек защищал озеро Онтарио.

В центре, у озер Сен-Сакраменто и Тамплиен, находился Бурламак, имея в своем распоряжении 2600 человек.

Левая позиция была занята Монкальмом, де Леви и Бугенвилем, у них было 14 000 человек, 1600 присланных из Франции, 600 туземного войска, 1400 канадцев, 918 индейцев и 200 человек кавалерии.

Эти генералы намеревались с описанными силами защищать Квебек против армии Вольфа.

Местом сбора всех армий в случае поражения был Монреаль.

Джемс Вольф, генерал-майор британской армии, был еще молодой человек; ему было тридцать два года, он рано начал заниматься науками, которым предался с огромным рвением, и вел всегда строгий, серьезный образ жизни.

Он выказал такую неустрашимость и даровитость при взятии Луисбурга, что генерал Амгерст, донося о победе министру, приписывал ее целиком храбрости молодого генерала.

Питт произвел его в генерал-майоры и думал, что в этом пылком полководце, обожаемом солдатами, нашел наконец ту личность, которая была необходима для счастливого окончания слишком затянувшейся войны.

Действительно, трудно было противопоставить Монкальму более достойного соперника.

В то время как на всех пунктах территории совершалось приготовление к началу военных действий, из Квебека выехали два всадника, никем не замеченные, и весело и беззаботно пустились в путь.

Они были очень довольны, что им удалось выехать из Квебека, не возбудив ничьего любопытства.

Эти два охотника были Сурикэ и Мрачный Взгляд.

Расстилавшаяся перед ними обширная равнина давала возможность видеть далеко вперед, но кругом нельзя было заметить ни души.

Всадники разговаривали шепотом, что было скорее делом привычки, нежели предосторожности, так как они хорошо знали, что некому их подслушивать.

— Итак, — сказал Мрачный Взгляд, — мы едем?..

— Посетить Фулонскую бухту, да, друг мой, — прервал Сурикэ.

— Вы совершенно неожиданно решились предпринять эту... не прогулку, а скорее, рекогносцировку.

— Верно, мы именно сделаем рекогносцировку, и вы правы, говоря, что я пришел к этому решению совершенно внезапно.

* Я заимствую все эти официальные и исторические сведения из труда г-на Досье, озаглавленного «Канада под владычеством французов». К сделанным уже заимствованиям я прибавлю и многие другие, необходимые для точности рассказа. — (Примеч. авт.)

— Конечно, час тому назад вы об этом и не думали.

— Правда.

— Что же вас заставило вдруг переменить намерение? Вы вообще не из тех людей, которые, как флюгер, вертятся, куда подует ветер.

— Совершенно верно, любезный друг, если я изменил мое намерение, причиной была встреча с одним лицом.

— Хорошо, с кем же?

— С Биго, главным интендантом; я столкнулся с ним нос к носу, выходя из отеля главнокомандующего, которого, прибавлю в скобках, не застал дома.

— Он очень занят?

— Да.

— Но почему же встреча с Биго заставила вас сегодня же отправиться к Фулонской бухте?

— Я еще не сказал вам, что многоуважаемый интендант был на лошади, тогда как он никогда не ездит верхом.

— И это вас заинтересовало?

— Признаюсь.

— Было из-за чего хлопотать.

— Боже мой! Мне захотелось узнать, куда направляется этот достойный муж верхом на коне.

— Так он нас опередил?

— Нет, он еще заехал к Водрейлю.

— Вот тоже личность, к которой я не чувствую симпатии.

— Понятно; но, скажите, вы не боитесь, что, увидав нас, многоуважаемый интендант махнет назад в Квебек?

— Это мы предупредим; вон в той чаще можно будет спрятаться.

— Разумеется, там много дичи, а мы ведь выехали на охоту.

Направо от дороги довольно большое пространство поросло густым лесом; столетние деревья были окружены кустарниками, образовавшими почти непроходимую чащу; тут же по каменистому руслу бежал прозрачный ручей, вытекавший из группы беспорядочно нагроможденных утесов.

Осторожные охотники углубились в эту чащу и спрятались так искусно, что их нельзя было увидеть, даже подойдя к ним очень близко.

— Зачем все эти предосторожности? — спросил Мрачный Взгляд.

— Не знаю, — отвечал, улыбаясь, Сурикэ. — Бог знает, что может случиться.

— Черт возьми! Вы к чему-то готовитесь?

— Друг мой, — возразил Сурикэ, — с таким человеком, как интендант, нужно быть ко всему готовым.

— Мне кажется, вы преувеличиваете.

— Может быть, но я так уверен в необходимости предосторожностей, что положил две пули в мой патронташ.

— Ну, так вы знаете что-нибудь такое, чего мне не сообщаете.

— Уверяю вас, нет, любезный друг, — сказал Сурикэ. — Разве у нас есть секреты друг от друга?

— Извините, но ваше поведение так странно, что я ничего ровно не понимаю.

— И я также; но у меня есть какое-то необъяснимое, ни на чем не основанное предчувствие.

— Что бы то ни было, — отвечал, смеясь, Мрачный Взгляд, — но вот показался предмет наших желаний, и мы скоро узнаем, что нас ожидает.

— Если он проедет прямо, тогда нечего и говорить, но если он здесь остановится, это будет подозрительно, как вы думаете?

— Я думаю, вы правы; ваш вывод настолько логичен, что против него ничего нельзя возразить.

— Посмотрите, он, наверное, свернет себе шею, если будет продолжать беспрестанно оборачиваться назад; что за черт! Почему он так вертится?

— Или он боится, что за ним следят, или ждет кого-нибудь, — захохотал Сурикэ.

— Очевидно, так, — пробормотал Мрачный Взгляд, — я начинаю тоже думать, что дело нечисто.

— Терпение... Он от нас на расстоянии выстрела, и мы сейчас узнаем, в чем дело.

В это время послышался особенного рода свисток; показался человек, бросился в лес, потом обернулся к интенданту, поднял правую руку, очевидно в виде сигнала, и исчез в чаще очень близко от того места, где сидели наши охотники недвижимо и притаив дыхание.

Положение становилось критическим.

Но лица их оставались спокойны, ни один мускул не дрогнул; для этих людей всякая опасность была своего рода развлечением.

Прошло несколько минут; кругом царствовала полная тишина.

Наконец послышался лошадиный топот, интендант остановился у опушки леса и сошел с лошади.

Незнакомец, который его там ожидал, вышел из чащи, взял лошадь интенданта за повод, увел в глубь леса, потом привязал, разнуздав предварительно, для того чтобы она могла пастись свободно, и возвратился к интенданту.

— Давно вы приехали?

— Сию минуту.

— Одни?

— Один, мне никого не нужно, — отвечал незнакомец с сильным английским акцентом, — разве я не старинный лесной охотник, я знаю все тропинки отсюда до Нью-Йорка.

— Кто вас ко мне послал?

— Вы сами знаете.

— Может быть, я знаю, но желаю все-таки слышать от вас; я вас не знаю, надо быть осторожным, если меня здесь застигнут, я пропал.

— Правда.

— Но, кстати, осмотрели вы хорошенько лес?

— Нет, не осматривал.

— Какая неосторожность!

— Не было времени.

— Хорошо, но если кто-нибудь спрятался в кустах.

— *By god!* Кто здесь спрячется? Французам есть и без того, за кем гоняться, да вы никого не видали, когда ехали. И я также.

— Гм, — пробормотал интендант, по-видимому, мало успокоившись, — но осторожность никогда не лишняя.

— Позвольте вам заметить: если бы, вместо того чтобы препираться неизвестно о чем, мы приступили к делу, все было бы давно кончено.

— Вы отчасти правы.

— Я думаю, *by god!* Я послан к вам от лорда де Витре по приказанию генерала Вольфа, которому служу.

— Хорошо, что вы мне скажете?

— Ничего; я только должен передать вам письмо и довольно тяжелую связку бумаг, очень драгоценную, по словам лорда де Витре; поэтому я обращался с ней чрезвычайно бережно.

— Граф, следовательно, не явится на назначенное им свидание?

— Ничего не знаю; я только послан, чтобы передать вам бумаги, и очень тороплюсь; меня ждут в другом месте по крайне важному делу; вы все узнаете из письма; лорд де Витре приказал мне получить с вас расписку в получении письма и пакета, которые я вам вручил.

С этими словами он открыл патронташ и вынул три связки банковских чеков, связанных вместе.

— Лорд де Витре говорит, что эти бумаги — деньги и составляют значительную сумму.

— Действительно, — сказал интендант, задрожав от радости, — но как нам написать расписку, у меня нет с собой ни пера, ни бумаги, вы не согласитесь вернуться со мной в Квебек?

— Ни за что на свете, *by god!* Французы меня задушат! Но не беспокойтесь, в моей сумке есть все, что нужно.

— Э! Да вы человек осторожный.

— Это необходимо, — отвечал тот, пожав плечами.

— Письмо я прочту позже, когда успокоюсь, а теперь пересчитаю чеки.

— Как хотите.

Биго написал расписку в получении письма, которую лесной охотник спрятал в грязный кошелек и положил в карман; интендант принялся считать чеки.

— Верно! — радостно воскликнул он.

— Теперь мне надо идти.

— Сейчас.

Он положил связки около себя на траву, написал расписку и подал ее охотнику, который ее опустил в карман.

Но когда Биго протянул руку за связками чеков, он с ужасом увидал, что они исчезли.

Он машинально обернулся: перед ним стоял человек в маске, с пистолетами в обеих руках.

Интендантом овладел такой ужас, что он потерял сознание.

Захваченный врасплох охотник был в одну секунду повален на землю и связан.

— Славно сыграно, — сказал он со смехом, — по-моему мнению, вы отлично сделали; старикашка, который там обмер, был прав, говоря об осторожности, теперь вы, вероятно, пустите мне пулю в лоб?

— Ошибаетесь, мы знаем, что вы расположены к французам и спасли нескольких от смерти.

— Конечно, делаешь, что можешь, мой прадед был француз, эмигрировавший после отмены нантского эдикта; так вы меня не убьете?

— Напротив, через пять минут вы будете свободны, идите себе на все четыре стороны.

— На каких условиях?

— На одном!

— Говорите.

— Отдайте нам ваши депеши.

Охотник покачал головой.

— Вы требуете, чтобы я изменил чести; после такого поступка я не решусь показаться на глаза генералу; лучше умереть.

Охотники обменялись вопросительными взглядами.

— Вижу, — добродушно сказал Сурикэ, — вы честный человек; оставьте у себя ваши депеши, но отдайте нам обе расписки.

— А я вам дам вместо них тоже расписку, которая поставит вас вне всяких подозрений, — добавил Мрачный Взгляд.

— Правда?

— Даю вам слово.

— Хорошо, я согласен; до этих денег мне нет никакого дела, но я не хочу, чтобы меня подозревали в обмане.

Франциска, так звали незнакомца, немедленно развязали, и он отдал обе расписки Сурикэ.

— Теперь моя очередь, — сказал Мрачный Взгляд и в несколько минут написал следующий документ:

«Я, нижеподписавшийся, объявляю, что Франциск, лесной охотник, находящийся на службе у генерала Вольфа, передал г-ну Бигу, интенданту Канады, три связки банковских чеков, по миллиону каждая, что г-н Биго выдал ему расписку в получении от графа Рене де Витре письма и трех миллионов ливров, составляющих его вознаграждение за участие в позорной измене упомянутого графа де Витре. Прибавляю для полного оправдания Франциска, что я пожелал силой отнять у Биго письмо и три миллиона ливров.

Подпись.

Подписавшийся имел честь ужинать в Луисбурге с упомянутым графом де Витре. 9 сентября 1759.

Расписка дана в окрестностях Квебека, где я из засады

напал на Франциска и г-на Биго, который от страха потерял сознание».

— Вот ваша расписка, — сказал Мрачный Взгляд, передавая ее Франциску.

Охотник прочитал этот странный документ.

— Гм, — заметил он, — славно вытянется нос у него-дя, когда я передам ему эту записку.

И он от души расхохотался.

— Уверяю вас, что он не будет смеяться. Доброго пути!

— До свидания, благодарю вас.

Сделав несколько шагов, он вернулся.

— Еще одно слово, — сказал он.

— Говорите, друг.

— Ведь нельзя ручаться за то, что может случиться? Правда?

— Верю; что вы хотите сказать?

— Я не видел вашего лица и, следовательно, не буду в состоянии вас узнать.

— Да, это было бы трудно.

— Но мы можем же когда-нибудь встретиться.

— Вполне возможно.

— Ну, если я вам понадобится и, конечно, буду в состоянии вас расслышать, вам стоит только закричать: «В лесу, под Квебеком!» — этого довольно.

— Спасибо, друг; не забудем.

— А теперь дайте мне руку и прощайте.

— Счастливого пути!

На этот раз охотник ушел не оборачиваясь.

Через пять минут он исчез из виду.

— Что нам делать с Биго? — спросил Мрачный Взгляд.

— Оставим его здесь пока, на обратном пути мы его захватим.

— Если еще найдем здесь.

— Надо торопиться, — сказал Мрачный Взгляд, — мы и так запоздали; Белюмер и Бесследный, вероятно, сильно беспокоятся о нашем исчезновении.

— Вы правы, поскачем, к тому же мы уж близко от бухты.

Охотники уехали, совершенно не заботясь об участии интенданта.

Через десять минут они были в Фулонской бухте.

Там их ждали Белюмер и Бесследный.

— Вы очень опоздали, — сказал Белюмер.

— Нас задержали по дороге, — отвечал Сурикэ.

— После вам все расскажу, — весело заметил Мрачный Взгляд.

— Кто вас задержал и зачем? — продолжал Белюмер.

— Здесь не место об этом говорить, — сказал Сурикэ, — имейте немного терпения.

— Да вы ничего не потеряете, если подождете, — подтвердил Мрачный Взгляд таинственным тоном.

— А! — с удивлением воскликнул Белюмер.

— Это верно, — продолжал Мрачный Взгляд.

— Хорошо, подождем, — смеясь, отвечал Белюмер.

— Самое лучшее, что вы можете сделать.

Бесследный не произнес ни слова; он был вообще молчалив и обладал еще другим превосходным качеством — отсутствием любопытства.

— Раз уж мы здесь, осмотрим местность.

— Местность убийственная, — сказал Белюмер, — солдаты умирают от скуки; они здесь только и делают, что едят, пьют и курят.

— Гм, — заметил Мрачный Взгляд, — отличная жизнь; я желал бы быть на их месте, им прекрасно живется.

— Все-таки осмотрим местность, она меня интересует; до солдат мне нет никакого дела — хотят скучают, хотят веселятся.

— Вы правы, — сказал Белюмер.

В эпоху, о которой у нас идет речь, пункт, обозначенный на карте под именем Фулонской бухты, был совершенно неизвестен даже жителям Квебека, вблизи которого находилась бухта.

Фулонская бухта представляла собой маленький заливчик, очень извилистый, неглубокий, окаймленный скалистыми берегами и настолько закрытый со всех сторон, что его почти невозможно было заметить со стороны реки.

Сурикэ нахмурил брови.

— Гм, — пробормотал он сквозь зубы, — место как раз подходит для тайной высадки.

— Что вы об этом думаете? — спросил Мрачный Взгляд.

— А вы? — спросил Сурикэ.

— Мы, вероятно, думаем одно и то же.

— Что именно?

— Я нахожу, что выбор пункта превосходный.

— Для ночной высадки, не правда ли?

— Да.

— Но нужно хорошо знать залив и иметь хорошего лоцмана.

— Де Витре укажет им дорогу.

— Да, этого надо бояться.

— Наверно; если бы у нас была пирога...

— У меня есть, — сказал Белюмер.

— Давайте ее сюда, и едем как можно скорее.

Сурикэ заметил, что нигде не было караульных; можно было свободно ходить всюду, не натолкнувшись ни на одного часового.

Охотники сели в лодку под предлогом рыбной ловли; никто не обратил на них внимания.

Биго выбрал комендантом этого поста лицо, с которым был давно знаком.

Как только Сурикэ очутился в лодке, он начал снимать план бухты со всеми ее извилинами, потом измерил глубину; глубина везде была достаточная для того, чтобы поднять фрегат среднего размера.

— Я так и подозревал, — сказал Сурикэ.

Рыба была всюду в изобилии, охотники наловили ее столько, что нельзя было предположить, что они занимались чем-нибудь, кроме рыбной ловли.

Сурикэ положил план в карман, намереваясь закончить его по возвращении в Квебек.

Высаживаясь на берег, они встретились с комендантом поста.

Он расхаживал по берегу, отталкивая ногой попадавшие валуны с меланхолическим и скучающим видом.

Увидав охотников, он пошел к ним навстречу и раскланялся.

— Удачная была ловля? — спросил капитан.

— Чудесная, — отвечал Сурикэ.

— Уступите мне немного рыбы?

— Мы не торгуем рыбой, г-н комендант, — отвечал Сурикэ, — мы занялись ловлей отчасти для развлечения, отчасти для того, чтобы запастись провизией, которая в Квебеке чрезвычайно дорога.

— Очень жаль, что вы не можете уступить мне штуки две-три; я жду к обеду одного знакомого и не знаю, чем его покормить.

— Ничего не значит, г-н комендант, мы не торгуем ры-

бой, но с большим удовольствием можем предложить вам выбрать для себя те экземпляры, которые вам понравятся.

— Что же вы обо мне подумаете, если я приму ваш подарок?

— Мы подумаем, что нам удалось вывести из затруднения порядочного человека; и я, и мои друзья будем очень рады.

— Не отказывайтесь, г-н комендант, у нас рыбы больше, чем мы можем съесть при всем желании, как она ни вкусна.

— Господа, вы так любезно предлагаете мне ваш подарок, что я боюсь оскорбить вас отказом.

— Давно бы так, — со смехом заметил Белюмер.

— Далеко вы отсюда живете? — спросил Сурикэ.

— В двух шагах; видите вон ту избушку, немного в стороне от других.

— Так мы отнесем вам рыбу на дом.

— Это слишком любезно, господа, и я только с одним условием могу согласиться принять еще это одолжение.

— С каким условием, г-н комендант?

— Мы выпьем за наше общее здоровье стакан коньяку.

— За ваше здоровье и за посрамление англичан, — сказал Мрачный Взгляд.

Капитан сделал гримасу, но любезно прибавил:

— Как вам угодно.

Охотники в сопровождении коменданта дошли до хижины; ее внутреннее убранство было роскошно и со вкусом.

Капитан усадил охотников и позвал вестового.

Вестовой прибежал на зов.

— Луи! Подайте нам того коньяку, знаете?

— Знаю, капитан, — отвечал солдат.

— Когда подадите коньяк, выберите несколько рыб из невода.

— А главное, не церемоньтесь, Луи, — сказал вестовому Белюмер, — и не бойтесь, смело выбирайте самые лучшие.

— Слушаюсь, — отвечал солдат.

Бутылка не замедлила явиться, капитан наполнил стаканы.

Чокнулись.

— Господа, благодарю вас за любезность и пью за ваше здоровье.

— И за посрамление негодяев англичан, — сказал Белюмер, — я гонюсь именно за этим тостом.

— Вы правы, — сказал капитан с улыбкой, скорее напоминающей гримасу, — не знаю, как я о нем забыл. За посрамление англичан!

— И да здравствует Монкальм! — воскликнул Белюмер с энтузиазмом.

Сурикэ поставил стакан на стол и встал.

Товарищи последовали его примеру.

В это время появился вестовой, он нес четыре чудесных рыбы.

— Г-н комендант, — сказал Сурикэ, — мы не хотим долго злоупотреблять вашим любезным гостеприимством, позвольте вас поблагодарить и проститься с вами: нас ждут в Квебеке.

— Жалею, что вы так торопитесь, господа, но долг — прежде всего; если вам надо, уезжайте; еще раз благодарю вас.

Охотники простились и ушли.

— У него славный коньяк, — сказал Белюмер.

— Да, — заметил Мрачный Взгляд, — но он ему, вероятно, показался горьким после тоста за посрамление англичан.

— В самом деле, он скорчил странную гримасу, — сказал старый охотник, хохоча, — тем хуже для него; зачем он так благоволит к англичанам.

— Дай Бог, чтобы и англичане, и капитан получили должное возмездие! — сказал Мрачный Взгляд.

— Аминь, — от всего сердца прибавил Сурикэ.

Охотники расхохотались.

Затем Сурикэ рассказал друзьям о своей встрече с Биго и о том, что между ними произошло.

Смех возобновился.

— Что с ним теперь случилось? — спросил Бесследный.

— Это меня вовсе не касается, — сказал Мрачный Взгляд.

— Ба! Да он, может быть, еще там, — сказал Белюмер.

— Где?

— Да в лесу.

— Не думаю, — возразил Бесследный, — прошло столько времени.

— Это правда, — сказал Сурикэ, — однако же я надеюсь найти его там, где мы его оставили.

— Нет! Нет! — закричали охотники.

— Мне кажется, я прав, — возразил Сурикэ, — я хорошо знаю Биго; он, как все воры, малодушен и труслив; он, как заяц в басне Лафонтена, боится тени своих собственных ушей.

— Вероятно, он попросил какого-нибудь прохожего развязать его.

— Гм! — воскликнул Белюмер. — Если даже он остался там, где вы его оставили, надеюсь, вы ему не покажетесь.

— Зачем же я буду прятаться? — спросил Сурикэ.

— С вашей стороны это было бы большой неосторожностью.

— Да он меня не видел, я был в маске.

— И мы старались изменить наши голоса, — прибавил Мрачный Взгляд.

— Все равно будьте осторожны.

— Хорошо! Уж предоставьте мне действовать; я вас прошу только об одном.

— В чем дело?

— Вы должны подтверждать и одобрять все, что я буду делать и говорить. Согласны?

— Ей-богу, я согласен! — воскликнул Белюмер.

— Была не была! Рискую! — сказал Бесследный.

— Вы сообразите, ведь это факт, что мы приезжали сюда и ловили рыбу; в случае надобности мы можем опереться на свидетельство самого коменданта здешнего военного поста.

— Верно! — сказал со смехом Белюмер.

— И потом, ведь нас четверо?

— Тогда как Биго имел дело только с двумя.

— Значит, дело чисто, и нам, кажется, нечего бояться, — сказал Бесследный, хохоча от души, — это будет презабавно.

— Не правда ли?

— Еще бы.

— Будет отличная комедия, — заметил Мрачный Взгляд.

— Но прежде чем продолжить наши подвиги, дайте мне прочесть письмо графа де Витре; оно, может быть, включает в себе разрешение той загадки, над которой я уже давно бьюсь.

Сурикэ пошарил в своей охотничьей сумке и вынул оттуда письмо.

Биго еще не успел его распечатать, охотник не без церемоний сделал это за него. Он подозвал своего спутника, и оба, отойдя немного в сторону, принялись читать.

Письмо было следующего содержания:

«Любезный Биго.

Посылаю вам это письмо с доверенным человеком, его зовут Франциск; он лесной охотник и находится на службе у генерала Вольфа.

Свидание, которое я вам назначил в ночь с 12 на 13 сентября, не может состояться; надеюсь, вы довольны, вы ведь такой трус. В эту ночь я буду у Фулонской бухты, меня там ждут дела более важные, чем беседа с вами; тем не менее, так как для того, чтобы сохранить хорошие отношения с друзьями, необходимо с ними аккуратно рассчитываться, я посылаю вам с охотником Франциском три связки банковских чеков, по миллиону каждая; теперь я вам ничего более не должен; потрудитесь вручить подателю расписку в получении письма и, главное, трех миллионов.

Главнокомандующий, которому я передал ваше желание выехать отсюда на его корабле, буквально отвечал мне в следующих выражениях:

«Скажите г-ну Биго, что он вор, изменник и негодяй, если он осмелится ступить на палубу моего корабля, я без суда и расправы, прикажу его повесить на мачте».

Что вы об этом думаете? Англичане не отличаются вежливостью; это — пробел в их воспитании, которое в остальных отношениях не оставляет ничего желать; но они ужасно любят высказывать правду в слишком резкой форме.

Прощайте, любезный Биго, очень вероятно, что мы более не увидимся.

Свидетельствую вам мое почтение, насколько вы его заслуживаете.

Прощайте.

Граф Рене, Денис де Витре и капитан французского флота.

Луисбург. 9 сентября 1759».

— Что вы скажете об этом послании? — спросил Мрачный Взгляд.

— Я скажу, что нельзя быть более дерзким и более насмешливым.

— Самое странное, — возразил Мрачный Взгляд, —

что в своем восторге от того, что ему представилась возможность издеваться над своим другом, он совершенно упустил из виду, что все оскорбления, которыми он его осыпает, с двойной тяжестью падают на его же голову; граф, по-видимому, этого совсем не замечает.

— Тут нет ничего необыкновенного, разве когда-нибудь бывает иное? Из этого вы можете заключить, насколько неполна наша организация.

— К несчастью, — подтвердил Мрачный Взгляд, пожимая плечами.

— Теперь возвратимся к нашим товарищам.

— Кстати, вы нашли решение загадки?

— Конечно, а вы?

— Я — нет.

— Значит, вы умышленно закрыли глаза, любезный друг; оно так и сквозит во всем письме с начала до конца.

— Вы шутите.

— Нисколько! Припомните-ка параграф.

— Какой?

— «В ту ночь я буду у Фулонской бухты, у меня там будут дела более важные, чем беседы с вами». Теперь поняли?

— Ей-богу, не знаю, как я ухитрился не понять этого места, поразительного по своей ясности; наше предположение оправдывается, т.е. англичане сделают попытку высадиться у Фулонской бухты.

— Теперь более нельзя сомневаться, и сам граф будет служить им лоцманом.

— Очевидно, этот негодяй проникся непримиримой враждой к своему отечеству, которое к тому же осыпало его милостями; за свои позорные деяния он уже давно бы должен был сгнить в одном из казематов Бастилии.

— У нас всегда так, все зависит от протекции и личного благоволения.

— А вон и лес! Там ли еще наш пленник?

Они поехали быстрее, болтая о разных пустяках.

Подходя к лесу, они слышали жалобный голос, который звал их к себе.

— Ну, что я вам говорил? — сказал шепотом Сурикэ. — О, я знаю подлую душу этого человека.

— Кто там? — закричал Мрачный Взгляд.

— Несчастный, умоляющий вас о помощи.

— Поглядим, — сказал Сурикэ.

— Берегитесь, — сказал Мрачный Взгляд, — может быть, это ловушка; наши враги так хитры.

— Не бойтесь ничего, — продолжал жалобный голос, — я один и не могу сделать никакого движения.

Охотники вошли в лес.

Биго сидел на траве, он весь посинел и дрожал; глаза его блуждали, язык отказывался служить.

— Боже мой! Я, кажется, не ошибаюсь! — воскликнул Мрачный Взгляд с отлично разыгранным удивлением. — Вы — г-н Биго, главный интендант?

— Увы, да! — отвечал он томным голосом. — Вы не ошиблись.

— Но что же с вами случилось? Надеюсь, вы не рассердитесь на этот вопрос.

— Со мною случилось нечто ужасное, я сделался жертвой искусно расставленной ловушки.

— Как, средь бела дня и почти под самым городом? — спокойно спросил Сурикэ.

— Увы, да, милостивый государь.

— Как вы рискнули без провожатого отправиться за город, когда в стране так неспокойно?

— Конечно, я поступил неосторожно, но мог ли я ожидать, что подвергнусь нападению злодеев?

— Без сомнения, вы этого не могли предвидеть.

— Я отправился верхом за город, чтобы подышать свежим воздухом, я чувствовал в этом потребность.

— Потребность совершенно естественная, — иронически заметил Мрачный Взгляд.

Интендант посмотрел на говорившего: охотник добродушно улыбался.

Биго подумал, что он ошибся, и продолжал рассказ.

— Я задумался и ехал, не смотря по сторонам, как вдруг моя лошадь остановилась, я поднял голову: человек в маске держал мою лошадь за повод; я осмотрелся кругом и увидел несколько вооруженных и замаскированных человек, которые молча меня окружили; не могу вам сказать, сколько их было; я протянул руку, чтобы выхватить пистолет, но был в ту же минуту схвачен и отнесен сюда.

— Вот странное происшествие, — серьезным голосом заметил Сурикэ.

— Действительно, очень странное; злодеи меня ограбили дочиста и не оставили мне даже и зубочистки.

— Извините, милостивый государь, но мне кажется,

ваш галстук заколот булавкой с дорогим бриллиантом, а на указательном пальце у вас ценный солитер.

Интендант покраснел, что-то пробормотал, но тотчас же оправился.

— Разбойники их не заметили, а может быть, и не знали цены этим вещам, — отвечал он уже совершенно хладнокровно.

— Возможное дело, — сказал Белюмер.

— Они поступили честно по незнанию, — сказал Мрачный Взгляд, — вы не должны ставить им это в вину.

— Как же все это произошло? — с любопытством спросил Сурикэ.

— Когда они отняли у меня деньги, один из них ударил меня прикладом по голове, я упал, потерял сознание; когда я пришел в себя, вокруг меня никого не было.

— Вы не рассмотрели, кто были ваши грабители?

— Во-первых, они были в масках, а во-вторых, сознаюсь вам, что я был так поражен, что ничего не видел и не слышал.

— Жаль, — сказал Сурикэ, сохраняя полное хладнокровие, — таким образом, вы не можете надеяться отплатить вашим злодеям.

— Это правда, но я уже рад, что негодяи оставили меня живым.

Видно было, что интендант Биго не стеснялся подкрашивать истину, когда считал это нужным.

Наступила маленькая пауза.

Охотники задумались.

Интендант исподтишка с беспокойством наблюдал за ними; он боялся, чтобы они не бросили его в лесу.

— Теперь, когда мы выслушали ваш «рассказ», — сказал Сурикэ, подчеркивая слово рассказ, — говорите, что вам от нас нужно.

— Они мне не верят, — пробормотал сквозь зубы интендант, — и они правы. Я хотел произвести впечатление, да и заврался, как дурак.

Облегчив себя этим диалогом с самим собой, он ответил:

— Я прошу вас проводить меня до Квебека.

— Мы к вашим услугам, г-н интендант, но можете ли вы держаться в седле?

— Кажется, могу, если вы мне поможете влезть на лошадь.

— С удовольствием.

Мрачный Взгляд пошел за лошадыю.

— Нет, эти разбойники были добрые люди, — сказал он со смехом.

— Почему? — спросил интендант.

— Потому что, вместо того чтобы увести вашу лошадь, они ее крепко-накрепко привязали, чтобы она не могла оторваться.

— Они, конечно, поняли, что лошадь понадобится своему хозяину, когда он захочет вернуться в Квебек.

Охотники хохотали не стесняясь.

Интендант чувствовал себя все менее и менее ловко; он понимал, что над ним смеются.

Бесследный и Белюмер подняли его, посадили на седло и всю дорогу поддерживали, один — справа, другой — слева, иначе он, наверное, не удержался бы в седле. Его моральное и физическое состояние было самое жалкое: трудно отнестись равнодушно к потере трех миллионов; самый твердый человек не мог бы перенести такого удара без сильнейшего волнения.

Ехали шагом и достигли Квебека перед самым заходом солнца.

Охотники пожелали проводить интенданта до его отеля, так как он был не в состоянии доехать один.

Там они сдали его с рук на руки прислуге и, отказавшись от всех предложений интенданта, поспешили домой.

— Какой негодяй! — с отвращением произнес Мрачный Взгляд.

— Меня особенно возмущает его подлая трусость, — сказал Сурикэ. — Вы пойдете со мной?

— Куда?

— К главнокомандующему. Должны же мы дать ему отчет о нашей экспедиции.

— Обязаны. Я пойду с вами; к тому же мне интересно узнать, что скажет Монкальм.

О том, каким образом генерал Вольф, несмотря на превосходство своих сил, проиграл сражение при Монморанси

В начале девятого часа Сурикэ и Мрачный Взгляд, согласно своему намерению, подошли к отелю главнокомандующего.

Дверь была заперта; Сурикэ постучал, швейцар отворил.

— Вы к г-ну главнокомандующему? — спросил швейцар, который знал посетителей.

— Да, — отвечал Сурикэ, — мы желаем его видеть.

— Вы знаете, г-н Лебо, генерал готов принять вас во всякое время, но сегодня — невозможно.

— Разве есть что-нибудь новое?

— Да, новостей достаточно, господа, но дело не в этом.

— А в чем?

— Генерала нет дома.

— А! Но он скоро вернется?

— Не могу вам сказать; знаю только, что последние десять дней генерал не бывает дома, он надзирает за постройкой укреплений.

— Так что же ты не сказал нам этого с самого начала? — воскликнул Мрачный Взгляд.

— Да вы об этом не спрашивали!

В то же время сержант Ларутин подошел к двери отеля.

— Ей-богу! Господа, — весело воскликнул он, — генерал не может вас принять ввиду того, что его нет дома.

— Знаете вы, где он?

— Его превосходительство будет очень счастлив вас видеть, потому что он очень огорчен, что так долго вас не видел.

— Вы опять пойдете к главнокомандующему?

— Неукоснительно, г-н Лебо.

— Далеко это?

— С помощью компаса вы употребите на ходьбу не более двадцати минут, как раз столько времени, сколько нужно, чтобы выкурить добрую трубку.

— Если это так близко, мы пойдем с вами. Надеюсь, мы вам не помешаем? Нам непременно нужно видеть генерала как можно скорее.

— Ах! Черт побери! Как вы можете мне помешать. Мне это чувствительно приятно, несказанно, как кружка водки в горле.

— Идем.

— В путь. Тем не менее, однако, мы не долго пройдем, даю вам в этом расписку.

С этими словами охотники в сопровождении сержанта быстрым шагом отправились по направлению к городским укреплениям.

— Однако, — с удивлением воскликнул Мрачный Взгляд, — что это за чучело, которое говорит на каком-то непонятном наречии?

— Которого он и сам не понимает.

— Этот достойный муж — отличный солдат, всей душой преданный генералу, несмотря на свою эксцентричность (слово это считается новым, но оно уже было известно в колониях и заимствовано от англичан, которые давно его ввели в употребление), он совсем не глуп, но, к сожалению, ему пришлось провести полтора года в Версале, в гарнизоне; с тех пор он усвоил себе этот язык и убежден, что так именно говорят при дворе.

— Забавный субъект.

— Когда генерал в хорошем расположении духа, он по целым часам забавляется его разговором.

— Да и стоит.

Сержант сказал правду — через двадцать минут они достигли реки. На берегу кипела усиленная деятельность,

солдаты, под руководством офицеров, работали со сверхъестественным рвением.

Ларутин очень искусно провел охотников через лабиринт строящихся укреплений; найти здесь дорогу было нелегко.

Сержант остановился перед хижинкой, построенной из досок и древесных ветвей; это был род шалаша, вроде тех, которые себе строят дикари.

— Здесь, — сказал сержант.

Он слегка постучал в дверь.

— Войдите, — послышался звучный голос генерала.

Посетители вошли в шалаш.

— Вот славный сюрприз! — вскричал генерал, увидев охотников. — Добро пожаловать, господа! Где вы столько времени пропадали?

Сурикэ хотел отвечать.

— Подождите, — перебил он с живостью, — держу пари, что вы трудились для меня.

— Ей-богу, так, генерал, — сказал Сурикэ, — мы работали для вас и можем вас порадовать сюрпризом.

Генерал засмеялся; он был не один, охотники увидели Дореля.

Дорель ласково поздоровался с Шарлем Лебо, которого очень любил.

— Обедали вы, господа?

— А вы, генерал? — улыбаясь, спросил Мрачный Взгляд.

— Нет еще, не было времени.

— Так мы вместе пообедаем, и за десертом я расскажу, что мы сделали.

— Отлично, мы прекрасно проведем вечер.

— Надеюсь, — заметил Сурикэ с тонкой улыбкой. — Но над чем это вы так деятельно трудитесь?

— Водрейль, — отвечал генерал, — упустил из виду пустую вещь: он забыл возвести на берегу реки траншеи и батареи.

— Чем он оправдывается?

— Тем, что у него не было денег в кассе; но и у меня нет денег, однако я соорудил отлично укрепленный лагерь; и меня очень стесняет недостаток средств; не знаю, как обернуться, чтобы закончить укрепления, но я надеюсь на провидение.

— И не без основания, генерал: мы вам принесли денег.

— Вы?

— Мы.

— Да, каких-нибудь сто или пятьдесят тысяч ливров, и то не знаю, как вы их добыли; вы только богаты сердцем, друг мой, а мне нужно, по крайней мере...

— Ну сколько, генерал?

— По крайней мере, миллион.

— В таком случае успокойтесь, генерал, мы вам принесли три миллиона.

— Три миллиона! Вы бредите?

— Нет, генерал, вы скоро в этом сами убедитесь.

— Но как вы?..

— Нет, генерал, не лишайте мой рассказ его главного интереса; я обещал все рассказать за десертом, и, право, мое повествование стоит того, чтобы его подождать.

— Хорошо, я потерплю, — отвечал генерал, смеясь.

— Ваше превосходительство! — сказал сержант, появляясь на пороге.

— Велите подавать.

— Ваше превосходительство, извольте только садиться за стол: обед подан.

— Господа, идемте в столовую, я умираю с голоду.

— И от любопытства, — прибавил Дорель с тонкой улыбкой.

— Я не отрицаю. Помните, любезный Дорель, что я вам говорил не далее как нынче: когда придет Лебо, все изменится, он мне приносит счастье.

— Верно, — отвечал Дорель.

— Господа, пощадите, — хохотал Сурикэ.

Когда подали кофе, генерал обратился к Сурикэ.

— Уф! Теперь я доволен! — смеялся он. — Да и голоден же я был.

— Вы можете сказать: мы были голодны, потому что мы все набросились на еду, как несчастные, потерпевшие кораблекрушение.

Общий хохот был ответом на эту остроту.

— Возьмите сигару, милый Шарль, рекомендую — настоящие гаванские; да помните, что за вами рассказ.

— Да, генерал, — отвечал молодой человек, — давши слово, держись; я готов начинать, к тому же рассказ не длинен.

— Очень жаль, лучше, если б он был длинен; после хорошего обеда — кофе, хорошая сигара, занимательный

рассказ; что же может лучше быть для пищеварения? Правда?

— Правда, вы только забыли о дружеской компании, — отвечал Дорель и засмеялся.

— Верно, я виноват, прошу извинить, начинайте, Шарль, мы ждем.

— Сию минуту, — сказал молодой человек.

Чтобы сделать свой рассказ понятнее для генерала и Дореля, Шарль начал издавека, т.е. с разговора между Биго и графом де Витре, который был подслушан Жаком Дусе в тот вечер, когда, чтобы скрыть от шпиона смысл своей беседы, они прибегли к валлийскому или, лучше сказать, гельскому наречию, не подозревая, что Жак Дусе был чистокровный бретонец; последний понял весь их разговор от слова до слова.

Этот комический эпизод сильно насмешил аудиторию.

Когда хохот стих, молодой человек продолжал свой рассказ, он пересыпал его такими остротами, рисовал все такими яркими красками, что возбудил в слушателях сильнейший интерес и веселость; при этом он не забыл ни одной подробности, передавая все случившееся с буквальной точностью. Он кончил, все смолкли.

— Вот странное сплетение обстоятельств, — сказал наконец генерал, потирая руки. — Восхитительно! Все устроилось как нельзя лучше.

— Да, признаюсь, — сказал Дорель, — желал бы я видеть, какую плачевную рожу скорчил Биго.

— Вы не можете представить, как он был хорош, просто достоин кисти художника, в особенности, когда нам рассказывал — а мы знали отлично, как все произошло, — о ловушке, в которую нечаянно попал, и о своей храбрости.

— Что мы будем делать с этими деньгами? Как вы думаете, Дорель?

— Оставим их у себя, они ни в каком случае не должны быть возвращены интенданту. Не забудьте, что эти миллионы — награда за участие в измене; сомневаться в том, что это английские деньги — невозможно, в доказательство у нас есть расписки.

— Вот они, — сказал Сурикэ, подавая генералу расписки, — а вот и связки денег, — прибавил он, выкладывая чеки на стол.

— Не доводите щепетильность до крайности, друг мой;

дело это законное и честное, у вас нет средств для ведения войны и организации обороны. Биго и Водрейль на ваши справедливые требования отвечают только «у нас нет денег»; наконец, сами англичане приносят нам гораздо больше вреда своими деньгами, нежели войском; они подкупают изменников, чтобы таким образом нанести нам поражение, мы захватили эти деньги — награду за предательство — и конфискуем их в свою пользу; это не наше право, это наш долг, мы не должны поступать иначе. Войну нельзя вести на ореховые скорлупки, нужны деньги, воспользуемся же английским золотом, чтобы одолеть врага, не будем простаками.

— Я согласен, любезный друг, — отвечал главнокомандующий, — вы меня убедили; когда в этом случае говорит такой человек, как вы, т.е. воплощенная честность, он не может не быть правым, я соглашаюсь с вашим мнением; деньги, предназначенные в уплату за измену, пойдут на издержки по укреплениям, которые, клянусь вам, не удастся взять англичанам.

— Давно бы так! Теперь вы говорите, как настоящий воин; да, друг мой, сам Бог спасает вас в данную минуту.

— Правда, — сказал генерал.

— Шарль Лебо, неподкупная честность которого нам давно известна, — прибавил Дорель, — конечно, не поступил бы так, если бы хоть минуту сомневался в законности своего поступка.

— Я был не прав, друг мой, сознаюсь; вы и Шарль правы; не будем больше об этом говорить; дело решено, спрячьте только эти расписки, которые впоследствии могут понадобиться.

— Чтобы оформить дело, вы дадите Лебо квитанцию, подробно мотивированную; он передаст ее мне, а я ему выдам расписку для его обеспечения, ведь так, кажется, следует сделать, Шарль?

— Совершенно так, генерал, — с поклоном отвечал молодой человек.

Генерал позвал сержанта и приказал ему принести все нужное для письма.

— Не забудьте выписать прописью сумму три миллио-

* Сделка эта между главным интендантом и Денисом де Витре исторически достоверна; расписки, сохранившиеся у Дорея, много содействовали к обвинению этого негодяя.

на и изложить исторические обстоятельства, при которых деньги эти были конфискованы.

— Будьте покойны, любезный друг, я ничего не забуду.

— Чем я могу отблагодарить вас, любезный Шарль?

— За то, что я исполнил мой долг? — отвечал тот, улыбаясь.

— Нет, за все услуги, которые вы продолжаете мне оказывать.

— О! — сказал Мрачный Взгляд. — Я знаю, чего он желает.

— Чего же? — с любопытством спросил генерал.

— А это дело очень щекотливое; вы, кажется, ему нечто обещали?

Сурикэ покраснел, как помидор, и не знал куда деться от смущения.

— Вспомнил! Дорель, вы не знаете, Меренвиль в Квебеке?

— Разве вы забыли, что его командировали в помощь Буганвилю?

— Так, так, опять забыл! Я вам дам письмо к моему двоюродному брату, если увидите его раньше меня.

— Хорошо, — сказал Дорель.

Молодой человек горячо пожал руку генералу, который ответил ему улыбкой.

— Прощайте, мой друг, и извините, что я так долго забывал о моем обещании.

— О, генерал! Извиняться передо мной? Кстати, — сказал он, чтобы переменить предмет разговора, — по поводу Буганвиля, который, кажется, маневрирует немного выше Квебека; по моему мнению, вам следует предупредить его, чтобы он обратил внимание на Фулонскую бухту; там, кажется, можно ожидать английского десанта, т.е. я даже этого наверное ожидаю.

— И вы правы, благодарю вас, я уведомя Буганвиля, чтобы он принял меры. Дорель, пошлите ему письмо с нарочным.

— Будьте покойны, я ничего не забуду, все сделается хорошо и вовремя. Теперь позвольте с вами проститься, поздно, а у меня еще много дела; вы все мне сказали, ничего не забыли?

— Нет, любезный друг.

— В таком случае потрудитесь приказать, чтобы мне подали лошадей.

— Извините, г-н Дорель, я забыл передать вам нечто, — сказал Сурикэ.

— Что именно?

— Снятый мной план Фулонской бухты.

— О, да. Это весьма важно.

— К счастью, я вспомнил вовремя, вот он, — прибавил он, подавая план.

— Благодарю вас, — сказал Дорель, — завтра он будет передан Буганвилю.

— Позвольте мне и моему другу проводить вас до дому.

— С величайшим удовольствием, господа.

— Нет, стойте, — живо перебил их генерал. — Пришли сюда, сами виноваты; я вас арестую, мне нужно рассказать и показать вам массу интересных вещей, друзья мои; я вас не выпущу, ночуйте у меня, здесь есть все, что нужно, не беспокойтесь.

— Нам всегда хорошо у вас, генерал.

— Как любезно вы выражаетесь, точно в Версале, — смеялся генерал, — но все-таки не так изысканно, как Ларутин.

— Да, — сказал Дорель, — это — совсем особый жанр.

— Он очень интересен, — заметил Мрачный Взгляд, — я никогда не видал ничего подобного.

— Да, его фразеология настоящая, я очень люблю этого чудака, он меня развлекает, когда на меня находят порывы отчаяния. Эй, Ларутин, где вы? — закричал генерал.

— Здесь, неукоснительно, ваше превосходительство, я осмелился смиренно ожидать отъезда г-на Дореля; лошадь стоит спокойно, хотя она очень горячего нрава.

— Я говорю вам, что это перл, теперь таких не делают.

— Жаль, — сказал Мрачный Взгляд с насмешливой улыбкой.

— Все готово, — сказал Дорель, — пора ехать.

— Увижу ли я вас завтра?

— Не знаю, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы у вас побывать; не приду — значит, не мог; разумеется, если случится что-нибудь очень важное, я брошу все дела и прибегу.

— Согласен.

— До свидания, господа, покойной ночи.

— И вам также, — отвечали охотники.

Пожав всем руку, Дорель вышел, сел на лошадь и уехал.

— Что за чудесный человек и какой преданный друг, право, если бы я не встретил еще две-три такие же благородные личности, я бы умер с горя в этой ужасной стране, где одни дикари и бесстыдные воры.

— Вы слишком строги, генерал.

— Нет, куда бы я не обернулся, везде одни мошенники.

После этого разговора охотники отправились спать.

На другой день Монкальм сам разбудил их рано утром; они поспешно вскочили и вмиг были одеты.

Генерал желал вместе с ними осмотреть земляные работы.

Они отправились.

Мы уже говорили выше, что Водрейль ничего не сделал для укрепления Квебека на случай атаки; вал оставался недоконченным, город был совсем не подготовлен к обороне.

Как ни поздно познакомился главнокомандующий с этим положением вещей, он успел прикрыть город укрепленным лагерем, для которого выбрал отличную позицию.

Река Св. Лаврентия защищала его ретраншементы с фронта.

Слева они опирались на реку Монморанси, протекавшую по дну глубокого оврага.

Справа ретраншементы сообщались с Квебеком посредством моста через реку Сен-Шарль.

Для усиления позиции построено было несколько редутов.

Укрепленный лагерь был назван по имени деревни Бонор, расположенной в его центре.

Охотники были в восторге; они не могли понять, каким образом удалось генералу при полном отсутствии денежных средств возвести такие чудесные сооружения в такой короткий срок.

По их мнению, это был баснословный подвиг.

— Много можно достичь, — сказал, улыбаясь, генерал, — опираясь на походный патриотизм и любовь солдат; теперь, если только неприятель даст мне время, я, благодаря вам, милый Шарль, сделаю и многое другое; пойдемте завтракать.

— Скоро вы ожидаете атаки?

— Удивляюсь, что генерал Вольф еще не появился; мои лазутчики уже давно известили меня, что англичане

располагают огромными силами и все готово к выступлению.

— Черт бы их побрал! — воскликнул Мрачный Взгляд.

— Беда невелика, — возразил Сурикэ, — вы также готовы.

— Постараюсь приготовить им хорошую встречу, — сказал, улыбаясь, генерал. — Если англичане не появятся сегодня, то завтра они уже будут здесь наверняка; не знаю почему, мне все кажется, что я увижу их сегодня же.

— Предчувствие! — шутливо заметил Шарль Лебо.

— Ничего больше, — отвечал ему в тон главнокомандующий.

Этот несвязный разговор велся во время завтрака.

Собеседники допивали кофе, когда в комнату вбежал Ларутин, очевидно, очень взволнованный.

— Эге! — воскликнул генерал, подливая коньяку в чашки своих гостей. — Что с вами, сержант? Говорите короче.

— Слушаю, ваше превосходительство! Англичане прибыли, вся река покрыта их судами.

— Вы не ошиблись, сержант?

— Нет, ваше превосходительство, они идут в боевом порядке.

— Ну, что я вам сию минуту говорил? — сказал, улыбаясь, главнокомандующий.

— Вы были правы, генерал, — отвечал Шарль Лебо.

— Допьем кофе и пойдем поздравим их с приездом, — сказал генерал, сверкая глазами.

Согласно своему первоначальному плану, генерал Вольф начал военные действия со стороны реки Св. Лаврентия.

Сержант Ларутин не ошибся: из города уже можно было рассмотреть длинные ряды английской армии и их многочисленные суда.

Силы их состояли из двадцати судов, двадцати фрегатов, на которых было до двадцати тысяч экипажа и более десяти тысяч сухопутного войска.

Граф Рене де Витре, разыгравший давно подготовленный фарс, который состоял в том, что англичане после фиктивного сражения овладели его фрегатом, указывал путь грозной эскадре.

Мы уже говорили выше, что англичане не торговались

с этим негодяем и щедро заплатили за его измену отечеству.

Французский фрегат графа де Витре был во главе эскадры, за ним, немного поодаль, тянулись английские корабли.

Прежде чем открыть военные действия, генерал Вольф обратился к французам с воззванием, предлагая им сдаться.

Тон воззвания был дерзким и довольно неизящным.

«Его величество король, мой повелитель, справедливо раздраженный против Франции, вознамерившись нанести удар ее гордости и отомстить за все оскорбления, причиненные английским колониям, решил отправить в Канаду огромные военные силы... Цель его — лишить Францию значительных владений, которыми она пользуется на севере Америки».

Читая текст этой прокламации, нетрудно представить себе, какие она возбудила чувства в рядах французской армии и среди населения; разумеется, она не имела никакого успеха.

Во втором манифесте генерал Вольф жалуется на то, что население Канады «не отнеслось с должным вниманием» к его воззванию.

Он прибавлял, что теперь намерен применить к ним законы войны в самой суровой форме и что войска его получили приказание не щадить ни жизни, ни имущества жителей.

Вообще и прежде англичане в войне с нами отдавали предпочтение способу ведения войны, принятому дикарями и флибустьерами, в котором главную роль играла измена; в случае надобности они даже подсылали к нашим офицерам убийц.

Сначала генерал Вольф пытался различными уловками заставить Монкальма выйти из-за его ретраншементов, но все усилия были напрасны. Тогда он высадился у мыса Леви и, установив батареи, начал бомбардировать Квебек, разрушил почти до основания нижний город и беспощадно опустошил окрестности.

Тысяча четыреста домов были сожжены.

Монкальм не двигался со своей позиции.

Генерал Вольф выходил из себя, но это не подвигало дело.

* Смотри «La Belle Riviere» того же автора.

По плану, составленному главнокомандующим, генерал Амгерст должен был соединиться с генералом Вольфом под стенами Квебека, но он был задержан на пути.

В ожидании прибытия вспомогательных сил генерал Вольф расположился лагерем налево от реки Монморанси, рядом с селением, носившим странное название «Ангел Хранитель», окопался кругом и решился наконец действовать.

31-го июля он двинул войска, 118 пушек загрели против французов.

Часть английского войска начала сильную атаку против лагеря Бонор со стороны реки Монморанси, а генерал Вольф с главными силами пробовал овладеть ретраншементами со стороны реки Св. Лаврентия.

Но Монкальм не спал. Даже не пуская в ход всего своего войска, французский генерал действовал так удачно, что англичане были отбиты по всей линии.

Кавалер Леви делал чудеса и оказывал громадные услуги делу французов, которые не могли противопоставить и десяти орудий ста восемнадцати английским пушкам.

Но солдаты не теряли мужества, они бились, весело подшучивая над англичанами.

Как и в Карильоне, Сурикэ стал здесь во главе приблизительно двухсот лесных охотников.

Эти храбрецы перебили из ружей всех артиллеристов, находящихся при орудиях.

Генерал Вольф, потерпев последнее поражение от горстки охотников и понеся большие потери, был принужден со стыдом отступить в свой лагерь.

К довершению беды, он тогда же получил известие, что генерал Амгерст не может с ним соединиться, будучи остановлен на пути полковником Бурламаком.

Генерал Вольф приходил в бешенство; несмотря на свое самомнение и гордость, английский главнокомандующий был вынужден сознаться, что эти французы, которых он, по-видимому, презирал, задавали ему немалую работу и что при подавляющем превосходстве своих сил он до сих пор еще нанес весьма незначительный вред маркизу Монкальму.

— Ну, — сказал Дорель, — г-да англичане побиты?

— Надеюсь, не в последний раз, — отвечал главнокомандующий.

— И я на то же надеюсь, а грозная у них была артиллерия!

— Сто восемнадцать орудий.

— А у нас?

— Десять.

— И генерал Вольф потерпел поражение?

— Полнейшее.

— Воображаю, как он взбесился.

— Говорят, он все бесится.

— И есть из-за чего, не правда ли?

— Разумеется.

— Каким образом сладили вы с этой страшной артиллерией?

— За это взялся Шарль Лебо со своими охотниками, ружейными выстрелами они перебили всех артиллеристов, которые были при орудиях.

— Славно!

— А вот и мой друг Шарль! — весело вскричал генерал.

— Позвольте поздравить, генерал, — радостно начал Сурикэ.

— Позвольте поздравить вас, господ охотников, — перебил главнокомандующий, — англичане разбиты, благодаря вам и шевалье Леви. Вы привели в удивление и восторг всю армию вашей невероятно искусной стрельбой и хладнокровием.

Сурикэ пришел в сопровождении тех четверых друзей, с которыми редко расставался.

Это были — Белюмер, Бесследный, Мрачный Взгляд и индейский вождь Тареа.

— Вы пришли ко мне с просьбой?

— Да, генерал.

— Хорошо, в чем дело?

— Отпустите нас.

— Как? Но...

— Извините, генерал, только на несколько дней.

— У вас опять какие-нибудь коварные замыслы?

— Точно так, генерал.

— В чем дело?

— Мы хотим захватить друга Биго.

— А! Графа де Витре, не правда ли?

— Да, генерал.

— Но вы уже упустили зверя, друг мой.

— Почему вы так думаете, генерал?

— Потому что кампания 1759 года окончена; граф де Витре будет себе спокойно сидеть со своими друзьями англичанами и не сойдет на берег.

— Если бы я смел, генерал, я бы мог многое вам на это возразить.

— Говорите, говорите, любезный друг, я всегда готов вас выслушать.

— Так как вы позволяете, я вам скажу, что, хотя мы, французы, считаем кампанию законченной нашей славной победой, генерал Вольф думает иначе, не позже как послезавтра он попытается вытеснить вас из вашей неприступной позиции.

— Может быть, но...

— Извините, генерал, еще одно слово. Несмотря на поражение, генерал Вольф, благодаря своему флоту, — полный хозяин наших рек; он поднимется вверх по реке, выше Квебека, и вы не будете в состоянии ему помешать; затем, когда он убедится в безуспешности всех попыток вытеснить вас из лагеря, он займется исследованием берегов и найдет один пункт, весьма удобный для высадки; может быть, место это уже и найдено при помощи графа де Витре.

— Ваши выводы вполне логичны, — задумчиво сказал главнокомандующий, — и тогда...

— Мы подкараулим графа де Витре и захватим его в плен.

Генерал задумался, устремив глаза вдаль.

— Поезжайте, мой друг, — прервал наконец свое молчание главнокомандующий, — может быть, вам удастся захватить этого негодяя.

— Я сделаю все возможное, генерал.

— Что касается того, что вы мне сказали относительно Вольфа, так, вероятно, и будет; но я не просплю, не беспокоюсь; к тому же Буганвиль получил инструкции; он не дастся в обман англичанам, как бы они ни были хитры или как бы ни старались казаться такими.

— Дай Бог, — сказал Шарль.

— Не знаю почему, но я вдруг почувствовал приступ сильнейшей тоски — мне кажется, я вас больше не увижу.

— Что вы говорите, генерал? — воскликнул Сурикэ с принужденным смехом.

— Простите меня, любезный друг, поезжайте и, главное, возвращайтесь скорее: я буду тосковать и беспокоиться, пока вы не вернетесь.

И, махнув рукой в знак прощания, генерал торопливо вышел в другую комнату.

Присутствующие были поражены.

— Судьба! — пробормотал охотник и горестно вздохнул.

Оставшись без свидетелей, генерал бросился на кровать и зарыдал. Он страдал ужасно, ему казалось, что у него что-то порвалось внутри.

Смерть маркиза Монкальма, битва при Квебеке

Генерал Вольф, взбешенный поражениями, которые ему нанес Монкальм, несмотря на превосходство его сил, хотел во что бы то ни стало блистательно отплатить ему.

К несчастью, все атаки на лагерь при Боноре были тщетны; английский генерал послал за графом де Витре и заперся с ним вдвоем.

Несколько часов длился разговор между генералом и изменником; наконец дверь квартиры главнокомандующего отворилась, и граф вышел, сияющий.

Негодяй дополнил свое предательство, указав англичанам тот пункт на берегу, немного выше Квебека, где они могли высадиться без всякого риска.

Еще раз англичане должны были одержать жалкую победу благодаря своему золоту.

Пункт для высадки, на который указал граф де Витре, была Фулонская бухта, где французский ренегат уже давно все подготовил так искусно, что англичанам оставалось только беспрепятственно высадиться и идти на Квебек.

Окончив разговор с изменником, Вольф приказал приготовить эскадру к бою.

Мы уже говорили, что английский флот не мог встретить сопротивления.

У французов было только несколько военных кораблей, которые оставались в Монреале, не смея выйти из

этого убежища, так как им неминуемо грозила опасность попасть в руки англичан без всякой пользы для своих соотечественников.

В различных перипетиях этой войны, неоднократно пятнавшей себя изменой, французский флот играл довольно загадочную роль; за немногим исключением, он оказался ниже своего призвания, по неумелости или по какой-нибудь другой причине, но он не выполнил своей задачи и обманул всеобщие ожидания.

Человек, решившийся продать англичанам прекрасную французскую колонию, был капитаном флота его королевского величества.

Было десять часов вечера 12 сентября 1859 года; луна светила как днем.

Два человека с меланхолическим видом расхаживали по берегу у того места, где высокие утесы защищают доступ в Фулонскую бухту, и пристально наблюдали за движениями английского флота.

Один из наблюдавших был во флотском капитанском мундире; это был капитан Верюр-Дюшамбон, комендант поста.

Второй был помощник интенданта, присланный Биго.

— Итак, — сказал капитан, — сегодня ночью?

— Да, — отвечал помощник интенданта, — чтобы в этом убедиться, стоит только проследить, что делают англичане.

— Скажу вам откровенно, что я совсем не понимаю их движений.

— Между тем это так просто.

— Вы думаете? — насмешливо спросил капитан.

— Конечно, — отвечал тот с апломбом, характеризующим людей, ничего не понимающих в военном деле. — Но, — прибавил он, — мне пора вернуться к г-ну Биго; приняли вы все необходимые меры? Нужно избегать всяких недоразумений, которые могли бы неожиданно усложнить дело.

— Все готово. Я выбрал четырех часовых, на них можно положиться, они будут глухи и слепы.

— Это значит, что они не увидят англичан и, главное, ничего не услышат.

— Они окликнут англичан, когда уже будет слишком поздно, и удовлетворятся всяким паролем.

— Отлично, а остальные солдаты?

— Они пьяны и просят.

— Наконец — вы?

— Я лягу сейчас же после вашего отъезда, меня захватят в постели.

— Отличная идея! Но меня все-таки беспокоят ваши часовые.

— Не беспокойтесь, англичане их просто перестреляют. Надо, — прибавил он гаерским тоном, — чтобы и г-н Бигго, и я были вне подозрения; для этого приходится прибегнуть к крайним мерам, но что делать? Честь — прежде всего.

Негодяи пожали друг другу руки и спустились с крутизны.

Помощник интенданта сел на лошадь и ускакал по направлению к Квебеку.

Что касается капитана, он исполнил свое обещание и действительно лег в постель.

Через пять минут он спал богатырским сном.

Говорите после этого о сне невинности!

Помощника интенданта ожидало нечто другое.

Едва он пустил лошадь галопом, как из-за утеса вышел человек, схватил его лошадь за повод и сшиб его с седла.

К счастью для себя, он не упал, а прямо стал на ноги, не будучи трусом, он выхватил пистолет и спустил курок.

Выстрел был дурно направлен: пуля не убила того, кому предназначалась, незнакомец отделался царапиной.

Помощник интенданта схватился за другой пистолет, но противник сдавил ему руку, отнял у него оружие и, взяв его дуло, нанес ему страшный удар по черепу.

— Изменнику — изменническая смерть! — воскликнул незнакомец голосом, в котором слышались ненависть и презрение.

Интендантский чиновник упал с раздробленным черепом, не издав ни одного звука.

Он умер на месте.

Из темноты выступило вперед несколько человек.

— Ну!

— Скончался.

— Царство небесное.

— Аминь, — повторили остальные сдавленным голосом.

— Бросьте труп этого негодяя в ров, уберите лошадь — она нам, вероятно, понадобится.

Оба приказания были немедленно исполнены.

— Теперь вернемся на место.

— Идем, — отвечали остальные.

Все четверо — их было четверо, и все они уже знакомы читателю — отправились в засаду, где не только ночью, но и среди бела дня невозможно было открыть их присутствие.

— Вы грустите, друг мой, — сказал один из них, обращаясь к своему соседу.

— Я чую измену, — отвечал тот, качая головой.

— Но ведь Буганвиль получил предостережение.

— Да, я его предупреждал, но знаете, что он мне ответил? Не вмешивайтесь не в свое дело; я сам знаю, как поступать.

— Как, он сказал это вам, Шарлю Лебо?

— Да, любезный друг.

— Странно.

— Нет, вполне логично; сохрани меня Бог сомневаться в честности и патриотизме Буганвиля.

— Это правда; он благородный, достойный человек, но я не могу понять, почему он вам так грубо ответил.

— Поразмыслите — поймете, любезный друг.

— Однако же...

— Друг мой, — прервал он его, улыбнувшись странной улыбкой, — Буганвиль, подобно другим, имеет некоторые слабости, он честолюбив, кичится своим аристократическим происхождением и поэтому не может постичь, каким образом простой охотник, проходимец, извините за выражение, сделался другом маркиза Монкальма, который слушает его советов; словом, я стал ему поперек дороги.

— Как? Он способен на такую мелочность?

— Разве, — резко ответил Шарль, — вы не знаете, что дворяне сотворены из другого, лучшего материала, чем мы, простые смертные? Поверьте, Буганвиль собирается совершить какую-то непроходимую глупость; выражение резко, но подходит к делу.

— Я сильно этого боюсь, — сказал Мрачный Взгляд. — Однако чем же мы можем помочь?

— Ничем; мы не должны выходить за пределы нашей роли; мы здесь для того, чтобы захватить графа де Витре, остальное нас не касается.

— Правда: всякий знай свое дело.

— Тем более что наше дело само по себе довольно трудно.

— Совершенно верно.

— Посмотрите кругом, не кажется ли вам, что мы в пустыне?

— Да, в этой тишине и неподвижности есть что-то страшное.

— Потому что с одной стороны нас окружает измена, а с другой — неуверенность в своих силах, невежество, неспособность, сомнение; наше дело безвозвратно проиграно. Неспособные и те люди, о которых я вам только что говорил, приносят нам гораздо более вреда, нежели изменники; изменники, раз с них сорвана личина, перестают быть опасными; между тем как невежды и честолюбцы никогда не остановятся; они ничего не понимают, ничего не хотят слушать и идут все вперед, сами не зная куда. Но вот мы и пришли, больше ни слова, будем ждать сигнала.

Все, что говорил Сурикэ, было верно.

Монкальм дал в распоряжение Буганвиля отряд в три тысячи человек, поручив ему наблюдать за движениями неприятеля. Но Буганвиль не сумел разгадать планы английского генерала, он обнаружил недостаток дальновидности и бдительности и позволил английскому генералу обойти себя; неприятель очень искусно обманул его относительно настоящих целей своих движений.

Между тем Дорель и Шарль Лебо вовремя успели предостеречь Буганвиля и даже указали ему на Фулонскую бухту, как на предполагаемое место высадки неприятеля.

Буганвиль сделал следующий вывод: эти господа имеют сведения, слишком подробные для того, чтобы они могли быть верны.

И, совершенно забыв о полученных предостережениях, он надеялся поразить всех неожиданным удачным шагом. Чтобы ввести в заблуждение Буганвиля, генерал Вольф поднялся по реке Св. Лаврентия до мыса Красного, в трех лье от Квебека.

— Я этого ожидал, — сказал Буганвиль, потирая руки.

И приказал отряду разбить лагерь на предстоящую ночь.

В эту самую ночь, ночь на 12-е сентября, английский генерал, утомив французов беспрестанными движениями взад и вперед, поплыл вниз по реке и спустил на воду

шлюпки, предназначенные для десанта войска на неприятельскую территорию.

Де Витре в качестве проводника находился в первой шлюпке.

Но тут случилось странное событие.

Граф де Витре ступил на берег, он махал шпагой, приглашая англичан следовать за собой.

Луна зашла минут десять тому назад, мрак был полный, англичане ринулись на крутизну, но предводителя уже не было с ними.

Звучный голос графа, раздававшийся минуту тому назад, внезапно смолк. Англичане думали, что он впереди, и бросились за ним.

Вот как произошло дело.

В тот момент, когда граф де Витре обернулся, чтобы ободрить солдат, чьи-то руки неожиданно его схватили, зажали ему рот и столкнули в углубление, образовавшееся в соседней скале.

Все это произошло так быстро, что никто ничего не заметил.

Граф, которого схватили за горло, не успел произнести ни одного звука; его моментально связали, заклепали рот и обернули в плащ.

Мрачный Взгляд навьючил его себе на плечи, и все четыре охотника бегом пустились по направлению к Квебеку.

Пробежав полдороги, они остановились отдохнуть против того леса, с которым читатель уже знаком; по сигналу, данному Сурикэ, человек тридцать индейцев выбежали из леса и окружили охотников.

— Изменник схвачен! — вскричал вождь Тареа.

— Мы вам принесли его, вождь.

— Хорошо! А трудно было с ним справиться?

— Напротив, очень легко, — сказал Сурикэ.

И он рассказал вождю, каким образом совершилось похищение.

— Хорошо! Верно, бог белых его не хочет больше знать.

— Вероятно; человек этот совершил слишком много преступлений, чтобы рассчитывать на милосердие.

— Злодей! Он продал своих друзей и братьев, как медведей или бобров; он стоит индейской казни.

— Да, и он ее не избегнет, клянусь вам; вы не забыли о наших условиях?

— Тареа не обмануть.

— Я верю вашему слову, вождь, знаю, что вы честно его сдержите, но вы могли предположить, что, быть может, я изменю свое решение, не бойтесь, мое решение непоколебимо, что бы ни случилось.

— Хорошо! Брат мой говорит, как умный человек, что он говорит, то и делает, хорошо! Время идет!

— Вы правы, вождь, уносите этого негодяя, мы скоро будем в вашем селении.

— Хорошо! Мы уходим, скоро увидимся.

В несколько минут индейцы соорудили род носилок, бросили на них пленника, потом вытянулись гуськом по обычаю индейцев и двинулись почти бегом по направлению к стране Великих Озер.

Минут через пять индейцы исчезли из виду.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Белюмер.

— Отправляйтесь как можно скорее к главнокомандующему, передайте ему, что случилось, и скажите, что мы захватили изменника.

— А вы? — спросил Мрачный Взгляд.

— Я отправляюсь к Буганвилю.

— Несмотря на то, что между вами произошло?

— Друг мой, в такие ужасные моменты всякий патриот обязан забыть обо всех мелочах и думать только о спасении отечества.

— Вы, как всегда, правы, любезный друг, ступайте с Богом; от души желаю вам успеха; наше положение почти безвыходно.

— Не надо терять надежду до конца; мы не знаем, что нас может ожидать в будущем. До свидания, пожалуйста, не мешкайте.

— До свидания, мы не будем терять ни секунды.

Друзья пожали друг другу руки. Охотники скорым шагом направились в Квебек.

Сурикэ проводил их глазами, потом вздохнул и в свою очередь пустился в путь; он спешил к мысу Красному, где Буганвиль расположился лагерем на ночь.

Теперь вернемся к англичанам и расскажем, что произошло у Фулонской бухты.

Англичане взобрались на скалистый берег, столь удобный для обороны, и натолкнулись только на четырех часовых, которых закололи штыками и сбросили в море.

Не будь измены, французы могли без особого труда не допустить английской высадки.

Комендант поста был найден в постели и взят в плен вместе со всеми солдатами.

Верюр-Дюшамбону не было до этого никакого дела; он получил деньги за сдачу Фулонской бухты, положил их в карман и сдержал слово, данное англичанам.

13-го сентября утром английские колонны показались у высот Авраама, у самых ворот Квебека.

Несмотря на быстроту, с которой охотники принесли во французский лагерь известие о высадке англичан, оно явилось слишком поздно.

Монкальм, рассчитывая на прикрытие Буганвиля, никак не ожидал атаки со стороны Квебека.

После победы при Монморанси большая часть канадских милиционеров разошлась по домам и занялась жатвой, таким образом, армия Монкальма значительно уменьшилась.

Кроме того, восемьсот человек было отдано в распоряжение кавалерии де Леви и три тысячи сопровождало Буганвиля.

Вследствие этого главнокомандующий мог выставить против неприятеля не более четырех тысяч пятисот человек, с которыми он и решился атаковать пять тысяч англичан, уже выстроившихся в боевые порядки с орудиями впереди. Благоразумие требовало подождать возвращения Буганвиля. Буганвиль был в четырех лье от Квебека, когда он в девять часев утра узнал от Сурикэ, что англичане высадились у Фулонской бухты.

Свидание этих двух людей было весьма типично, как бы выразились в наше время.

— Г-н Лебо, — сказал Буганвиль, протягивая ему руку, — простите меня, в этом деле я вел себя как дурак, как настоящий болван! Вы же были правы; о, если бы я не был ослеплен.

— Вы себя слишком утруждаете, г-н Буганвиль, — отвечал Сурикэ, с чувством пожимая протянутую руку, — мое появление здесь уже доказывает, что я все забыл и думаю об одном — о спасении колонии.

— Только об этом мы и должны думать. Я сейчас ускоренным маршем отправляюсь с моими солдатами на помощь главнокомандующему, еще не все потеряно.

— Дай Бог, чтобы это было так.

Через пять минут Буганвиль двинулся ускоренным маршем на помощь главнокомандующему.

Враги маркиза Монкальма, т.е. Биго, главный интендант, Водрейль, губернатор колонии, и все приказные строки, которым так от него доставалось всякий раз, как они попадались к нему под руку, единогласно обвинили его в том, что он поторопился атаковать неприятеля, не дожидаясь Буганвиля, спешившего к нему с подкреплением.

Монкальм был слишком искусный и, главное, слишком опытный боевой командир, чтобы совершить такую грубую ошибку; только ненависть его врагов могла возвести на него подобное обвинение.

Но истина не замедлила обнаружиться, и действия каждого были оценены по достоинству.

Поспешная атака не только не была ошибкой со стороны главнокомандующего, но необходимо вызывалась обстоятельствами.

Англичане, заняв высоты Авраама, приобрели возможность господствовать над всеми окрестностями Квебека.

С лихорадочной поспешностью начали они окапываться и укрепляться на этих высотах.

Нужно было не более двух часов, чтобы успеть сделать неприступной эту позицию, очень сильную уже по своим природным свойствам; Монкальм не должен был этого допускать.

Буганвиль получил известие о высадке англичан в девять часов утра и, как бы он ни торопился, ему было физически невозможно прибыть на поле сражения ранее одиннадцати или даже половины двенадцатого.

Ждать два часа — значило дать англичанам возможность собрать все свои силы и прочно укрепиться на занятой позиции.

Необходимо было немедленно выбить их из позиции и оттеснить к подошве горы.

Но задача эта была крайне трудна для французов: им приходилось взбираться по склонам плоскогорья под убийственным огнем неприятеля, от которого некуда было укрыться.

Монкальм не колебался: он дал знак начинать бой и стал во главе передовой колонны.

Первая встреча воюющих сторон была ужасна: бой сейчас же перешел в рукопашную, началась работа штыков.

Атака и оборона заслуживали удивления.

Французы были вынуждены отступить.

Монкальм, уже раненый, решился попытать новую атаку; войско выстроилось и начало взбираться по склону плоскогорья под страшным огнем.

Неожиданно Монкальм упал, пораженный насмерть; он был весь изранен; обожавшие его солдаты поспешили его поднять и унесли, чтобы он не попался в руки неприятеля.

Войска пришли в невообразимое смятение и обратились в бегство; под влиянием какого-то панического ужаса солдаты, не помня себя, расстроили ряды и, заботясь только о своем спасении, не слушая никого, бежали куда попало.

Не участвовали в бегстве только те храбрецы, которые несли главнокомандующего, прикрывая его своими телами, как щитом.

Англичане не двинулись со своей позиции.

Это позволило солдатам, несшим генерала, донести его до отеля в Квебеке.

Все собравшиеся горько оплакивали кончину великого полководца, отличавшегося беспримерной добротой, простотой и преданностью долгу.

Хирург осмотрел раны генерала и объявил, что не понимает, как еще можно было жить при таких ужасных ранах.

— Я с радостью умираю, — сказал генерал, обращаясь к своему двоюродному брату, полковнику Меренвилю, который, также сильно раненый, забыл о своих страданиях и оплакивал непоправимую потерю, понесенную Францией. — По крайней мере, — прибавил главнокомандующий, — я не увижу англичан в Квебеке.

Ночь прошла довольно спокойно. Шарль Лебо прибыл вместе с отрядом Буганвиля; он имел длинный и интересный разговор с главнокомандующим.

На другой день, на рассвете, генерал скончался, по-видимому, без особых страданий.

Лицо его приняло спокойное и улыбающееся выражение.

Солдаты опустили его тело в яму, пробуравленную бомбой; могила эта, достойная войны, казалось нарочно вырытой по размерам труп генерала.

Но почему англичане оставались за своими окопами и не спешили воспользоваться победой?

Произошел странный факт, факт почти единственный

в истории, оба главнокомандующие — французский и английский — были убиты во время атаки.

В ту минуту, когда генерал Монкальм упал смертельно раненый, один из лесных охотников, сопровождавших генерала, не кто иной, как Мрачный Взгляд, решился отомстить за его смерть.

Генерал Вольф с высоты рентраншементов отдавал приказания солдатам; Мрачный Взгляд увидел его, зло улыбнулся, схватился за карабин, раздался выстрел: английский главнокомандующий упал, пораженный насмерть.

Сбежавшиеся офицеры и солдаты бросились к нему, подняли и поспешно отнесли его в палатку.

Он уже потерял сознание.

Обморок продолжался долго; наконец генерал раскрыл глаза.

— Как наши дела? — спросил он слабым голосом.

— Генерал, — отвечал генерал Амгерст, который не отходил от умирающего, — мы победили, французы бежали.

— Ну, я умираю счастливым, — сказал он с чудной улыбкой, повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Он умер.

Смерть генерала Вольфа была для англичан таким же несчастьем, как для французов смерть генерала Монкальма.

Шарлю Лебо и Мрачному Взгляду нечего было больше делать в Квебеке; смерть Монкальма возвращала им свободу действий; они решились как можно скорее покинуть город.

В доме Меренвиля сильно были огорчены смертью Монкальма, которого все обожали. Когда Шарль Лебо приказал о себе доложить, его немедленно приняли.

Граф Меренвиль полулежал в качалке, окруженный членами своего семейства; разговор шел о недавно понесенной потере; говорили о том, кем заменить покойного.

Раны графа де Меренвиля, за исключением одной, были не опасны; самая серьезная из них уже начинала заживать; выздоровление составляло только вопрос времени и требовало известной доли терпения.

Марта вышла поздороваться с охотником; Шарль ей сказал несколько слов, доставивших, по-видимому, большое удовольствие молодой девушке.

— Скоро увидимся, не правда ли, г-н Шарль? — спросила она.

— Да, м-ль Марта, вам об этом говорил ваш опекун?

— Да, но он мне ровно ничего не объяснил, — возразила она с прелестной улыбкой.

— А! — сказал он, чтобы что-нибудь ответить.

— Не будете ли вы словоохотливее, г-н Шарль, — нарочно настаивала Марта.

— Увы! Я бы очень желал, м-ль Марта, удовлетворить ваше любопытство, к несчастью, это невозможно.

— Невозможно? Почему же?

— По очень простой причине, м-ль Марта.

— Позвольте ее узнать.

— Я сам ничего не знаю.

Марта сделала самую лукавую мину.

— Вы смеетесь надо мной, г-н Шарль?

— О! М-ль Марта, как вы можете предполагать?..

— Я не предполагаю, я уверена в том, что говорю.

— Вы жестоки, м-ль Марта, вы злоупотребляете выгодами вашего положения.

— Не разыгрывайте невинность; извольте мне отвечать.

— На что, м-ль Марта?

— На вопросы, которые я вам буду предлагать.

— Предлагайте.

— Не обращайтесь внимания на то, что она говорит, — сказал, смеясь, граф Меренвиль, — остерегайтесь ее, она вас околдует.

— О! — вскричала Марта. — Такое оскорбление требует примерной кары.

— Вы слишком любопытны, Марта, — продолжал тем же тоном граф, — молодая девушка должна быть сдержаннее.

— Если вы будете меня бранить, я расплачусь, и вы будете виноваты.

— Когда мы вас должны ждать, граф? — спросил Сурикэ.

— Дня через четыре, через пять, т.е. в конце этой недели.

— Опять секреты, — вскричала молодая девушка, нетерпеливо топнув ногой.

— Нет, м-ль Марта, я в отчаянии от того, как складываются обстоятельства; дело, которое нас занимает, совсем не то, что вы думаете; мне необходимо ваше присут-

ствие; я на него надеялся, думал в нем почерпнуть хоть немного мужества, а вас не будет.

— Что вы говорите, г-н Шарль? Могу ли я не быть там, где я вам нужна; вы этого не должны думать, — с волнением проговорила она.

— Вы правы, я этого и не думаю, но ваше любопытство приводит меня в отчаяние.

— Хорошо, г-н Лебо, — вскричала молодая девушка, вдруг переменив шутливый тон на серьезный, — я не буду стараться узнать вашу интересную тайну, посду куда хотите, не говоря ни слова, не позволяя себе ни малейшего возражения.

— Это уже слишком, м-ль Марта, вы идете из одной крайности в другую.

— Я хочу, чтобы вы меня простили.

— Что я буду вам прощать? Вы знаете, вы для меня все; я вас люблю больше всего на свете.

— Правда? — вскричала она, вся сияющая.

— Вы сомневаетесь?

— Нет, — сказала она с прелестной улыбкой, — я скорее буду сомневаться в себе самой.

— Слава Богу! Теперь я вас узнаю, м-ль Марта.

— Вы слишком снисходительны к этому лукавому бесенку, — смеясь, сказал граф де Меренвиль.

— У, злой опекун, — вскричала она, смеясь и целуя его.

— Вот она всегда так делает, — жаловался граф, — как тут устоять?

— Я уж не пробую сопротивляться, м-ль Марта, — тем же тоном отвечал юноша.

— Однако поздно, уходите.

— Это верно; гоните меня, а то я буду сидеть.

Обменявшись еще несколькими словами, охотник простился, Марта проводила его до двери и при расставании, после любовного «до свидания», подставила ему лоб, который он почтительно поцеловал.

В которой каждый получает вознаграждение по заслугам

Прошло три недели после несчастного сражения при Квебеке, война возобновилась и велась со стороны французов с мрачной решимостью, со стороны англичан — с озлобленностью; они негодовали на то, что называли упорством французов.

Но уже несколько дней зимние холода принудили воюющие стороны остановить важные операции и занять зимние квартиры.

Несколько всадников эскортировали повозку, запряженную двумя мулами: один спереди, другой сзади.

Человек двадцать милиционеров служили конвоем путешественникам.

Несмотря на прекращение военных операций, а может быть, именно по этой причине, толпы бродяг, не принадлежащих ни к какой национальности, ни к какой партии, разбойничали по дорогам, нападая на одиноких путешественников.

Но этому каравану нечего было бояться, их было слишком много, чтобы разбойники отважились на нападение.

Был сильнейший мороз, о котором мы, французы, не имеем понятия, но который составляет особенность Канады, мороз, прохватывающий холодом до мозга костей.

Путешественники, видимо, спешили к месту своего назначения; к сожалению, дорога была отвратительная, а местами даже непроходимая.

Тем не менее незадолго до захода солнца путешественники увидели лачужки, составляющие индейское селение; еще прежде, чем его увидеть, их обоняние известило их о близости жилищ краснокожих, вследствие обычая последних оставлять разлагаться на свежем воздухе трупы некоторых любимых вождей; тела в этом случае кладутся на особые, нарочно устраиваемые подмо-стки.

— Кажется, мы не ошиблись дорогой, — сказал один из всадников, по-видимому, предводительствующий караваном.

— Как, вы в этом не уверены, любезный граф? — сказал всадник, ехавший по левую сторону.

— Извините, я дурно выразился, — продолжал граф, — я отлично знаком с этой местностью и бывал здесь, может быть, сотню раз, но всегда летом; вот почему теперь я с трудом узнаю эти места.

— Постарайтесь, однако, не заблудиться; это для нас крайне важно, граф, — возразил другой всадник, привскочив на седле, — видите, нам угрожает метель: если она нас застигнет, мы погибли.

— Может быть, — сказал граф со смехом, — но успокойтесь, ничего подобного с нами не случится.

— На этот раз вы уверены, любезный граф.

— Стоит взглянуть вперед, чтобы убедиться в справедливости моих слов, — весело возразил граф.

— Взглянуть куда, говорите вы?

— Разве вы не видите, вон толпа индейцев с Сурикэ во главе; они едут нам навстречу; смотрите сюда, — сказал он, указывая рукой в сторону, противоположную той, куда продолжал смотреть его товарищ.

Действительно, довольно значительное число индейцев приближалось к путешественникам, которым готовилась почетная встреча.

Подъехав на довольно близкое расстояние, они огласили воздух криками радости и исполнили род музыкальной фантазии.

— Хорошо ли вы доехали, граф?

— Превосходно; кажется, мой нарочный приехал вовремя.

— Да, граф, вчера, до восхода солнца.

— Это доказывает, что он ничем не развлекался по дороге.

— Слишком холодно.

— Это правда.
— Есть новости?
— Много.
— Какие?
— Вы не знаете?
— Откуда же я узнаю?
— Вам ничего не говорили в Квебеке?
— Вы знаете, что я уже давно в холодных отношениях с господами интендантами.

— Я говорю не о них, граф, имеете ли вы понятие о Жаке Дусе, ювелире?

— Я с ним познакомился в Карильоне, откуда он уехал по делам в Квебек, с тех пор я его больше не видал.

— В таком случае, я ошибся.

— Жак Дусе здесь?

— Разве он вам сказал?

— Ничего, граф, я его об этом не расспрашивал.

— Ну, так что ж?

— Я думал, вы знаете...

— Что? Объясните, мой друг.

В это время они подъехали к селению.

— Посмотрите направо, — сказал Сурикэ.

Граф посмотрел.

— Ваш отец, — вскричал он с величайшим удивлением, — здесь! Это странно!

— Не правда ли? Со времени ужасного несчастья, постигшего его сестру, он жил только для мщения, теперь он не выдержал, подал в отставку и отправился в Канаду. Он приехал через Новый Орлеан, имел уже несколько свиданий со своей сестрой, представил меня ей; с его приездом бедная женщина ужасно упала духом, не знаю, что между ними произошло.

— Мой друг, ваш отец человек крутой; трудно на него иметь влияние.

— К несчастью, это совершенно верно; скажите, что делать?

— Надо действовать осторожно и надеяться на успех.

— Я совсем потерял надежду. Отец привез с собой одного знакомого, который, несколько лет тому назад, сыграл со мной шутку, довольно дурно его рекомендующую. Фамилия его Лефериль, он отставной капитан, служил когда-то в Пуату; он было по-прежнему повел со мной речь, желая узнать, такой ли я простак и так ли наивен,

как прежде, но я его сразу вывел из этого заблуждения, и он расстался со мной страшно взбешенный.

— Хорошо сделали.

— Но человек этот предан отцу телом и душой.

— Что из этого? Вы теперь не мальчик, имеете свои интересы и убеждения, которые нельзя не принимать в расчет.

— Вы совершенно правы; я не позволю обращаться с собой, как с ребенком.

Путешественники остановились перед большим «калли», построенным под наблюдением Сурикэ; он состоял из двенадцати комнат, хорошо расположенных, непроходных, все комнаты были отдельные, меблированные со вкусом и, главное, хорошо вытоплены; будущие обитатели этого калли легко могли себе представить, что они в Квебеке; дело в том, что в числе прибывших была Марта, и молодой человек желал, чтобы после такого ужасного путешествия она имела весь необходимый комфорт.

Молодую девушку проводили прямо в ее комнату, где ее ожидала Свет Лесов.

— Вы уже знакомы, — с волнением сказал Марте молодой человек. — Это сестра моего отца и, следовательно, моя тетка; она очень несчастная женщина; поговорите с ней, м-ль Марта, вы, наверное, ее полюбите за ее доброту, а ваше расположение будет для нее большим счастьем.

— Мы уже знакомы, — отвечала молодая девушка. — Я полюбила вас с первого взгляда, — прибавила она, обращаясь к несколько сконфуженной женщине и, подойдя к ней, крепко ее поцеловала.

— Вы ангел, — сказал Шарль, целуя руку Марты.

— Да, — отвечала она, смеясь, — сегодня я ангел, а в ваше последнее посещение я была бесенок.

— Это говорил ваш опекун, я ему не верил, — со смехом отвечал Шарль.

Затем он раскланялся и ушел.

Тареа отлично справлялся со своей ролью гостеприимного хозяина относительно бледнолицых; он выказывал врожденную деликатность, удивлявшую приезжих.

Кавалер Леви, новый главнокомандующий, пожелал непременно сопровождать графа Меренвиля.

— Это посещение индейского племени будет нам полезно, — сказал он.

Генерал и граф имели каждый отдельную комнату; хижина, служившая им помещением, вся из дерева, представляла в своем роде чудо искусства; при каждой комнате была отдельная ванная; все было устроено с величайшим вкусом и роскошью, недоступною в пустыне; в этом-то и заключалось чудо; строители, по-видимому, облекли в действительность волшебные грезы тысячи и одной ночи.

К хижине примыкала зала совета, построенная на пятьсот человек с лишком.

Был уже довольно поздний вечер; генерал принимал главных индейских вождей, которых ему представлял Та-реа.

Он обошелся с ними ласково, много расспрашивал, и вожди ушли, очарованные его обращением; генерал предложил им присутствовать на суде, чтобы ознакомиться с правосудием белых.

В то же самое время, в той же хижине происходила другая сцена: возобновление знакомства между сыном и отцом после долгой разлуки.

По-видимому, свидание это было таким, каким ему следовало быть, но на самом деле оно имело крайне холодный характер.

Капитан Лебо не узнавал сына; ему казалось, что сын его сильно вырос физически и еще более нравственно; он предчувствовал, что найдет в Шарле скорее противника, нежели союзника, когда граф де Витре сядет на скамью подсудимых.

Напрасно старался капитан расспрашивать сына насчет его намерений; он потерпел такое же поражение, какое уже испытал от Мрачного Взгляда, которого несколько раз принимался допрашивать, т.е. ровно ничего не узнал.

— Понимаете ли, — сказал капитан, оставшись наедине с обычным поверенным всех своих тайн, — понимаете, я ничего не могу добиться ни от сестры, ни от графа де Вилена; они не высказываются, но я чувствую, что они враждебно отнесутся к моим планам.

— Может быть, вы ошибаетесь, мой друг; они поразмыслят и согласятся с вами; ведь, в сущности, чего вы от них ожидаете? Чтобы они помогли привести в исполнение ваш план мщения?

— Больше ничего.

— Все устроится, увидите.

— Я этого очень желаю, но больше всего меня озабочивает мой сын; он сделался хладнокровен, методичен, неузнаваем; прежде, когда с ним говорили о делах, глаза его начинали беспокойно бегать и моргать, и это выводило из терпения всех, кто имел с ним дело, теперь глаза его приняли выражение твердости, проницательности, они полны огня; словом, Шарль смотрится человеком, который знает себе цену и всегда сумеет настоять на своем, вы согласны со мной?

— Друг мой, я хотел возобновить с ним знакомство, но сразу увидел, что теперь он сильнее меня, и, черт меня побери, если я когда-нибудь опять с ним заговорю.

— Ага! Он вас отделал?

— Да.

— Хорошо, но со мной не может быть ничего подобного, он мой сын, и я сумею...

— Позвольте мне сделать вам небольшое возражение.

— Говорите, мой друг, я знаю, что вы дадите мне хороший совет.

— Припомните, что вам говорили о вашем сыне в Квебеке; припомните, как его осыпали похвалами, даже враги отдают ему справедливость и уважают его; он оказал громадные услуги колонии, был очень близок к покойному Монкальму, который, говорят, смотрел на все его глазами; он любим и опирается на покровительство всех, кто пользуется значением в колонии; даже дикари его друзья и исполняют все его желания, теперь ваш сын — человек в полном смысле слова, не ссорьтесь с ним, поверьте мне; к тому же он больше всех способствовал вашему мщению, он захватил графа де Витре среди английской армии. Вы нападаете на него, тогда как обязаны ему благодарностью; к тому же вы жестоко с ним поступили, пожертвовав им в интересах вашей ненависти. Повторяю, если вы вступите с ним в борьбу, это будет столкновение глиняного горшка с железным котлом, которое не принесет вам чести; он одним словом заставит вас замолчать.

— В том, что вы говорите, много правды, но...

— Извините, — прервал его Лефериль, — еще одно слово, если позволите.

— Говорите, друг мой.

— Заметьте, г-н Лебо, что ваша сестра, г-жа де Вилен, и ваш сын пришли к одинаковому мнению без всякого

предварительного соглашения и что я также разделяю их взгляд. Как бы месть ни была законна, она теряет все свои преимущества, когда является подражанием позорным деяниям врага, на которого она направлена, Моисеев закон не признается ни одним цивилизованным народом.

— Может быть, вы и правы, но мое решение непоколебимо, я не хочу. Как!.. После того как я похитил эту женщину и отвез ее в Новый Орлеан, я попросту отпущу ее и скажу: я ошибся, уезжайте, до приятного свидания; полноте, это было бы пошло.

— Будущее покажет, кто из нас прав.

— Будь, что будет: клянусь вам, я не отступлю ни на одну пядь.

— И дурно сделаете; вы раскаетесь, но слишком поздно. Впрочем, как хотите; я вас предупредил, исполнил свой долг, теперь мое дело сторона, я умываю руки.

Лефериль встал, пожал капитану руку, и друзья разошлись по спальням.

На другой день с восходом солнца все население деревни было на ногах.

Судом председательствовал кавалер Леви, главнокомандующий французской армией.

Когда сержанту, которого новый главнокомандующий взял к себе на службу, удалось восстановить тишину, генерал встал.

— Господа, — сказал он, — все мы, собравшиеся здесь, знакомы с языком наших союзников; исключение составляют только двое, о дамах я не говорю; они не будут присутствовать на этом заседании, цель которого наградить достойных и покарать виновного. Я счастлив, что принужден покарать только одно лицо, а наградить четверых. Эти четверо вполне заслужили почетные отличия, которые им, по своей неизреченной справедливости, дарует его величество, наш все милостивейший король, Людовик XV. Первый из награжденных — Тареа, великий сагамор гуронов. Подойдите, вождь!

Вождь встал и подошел к генералу.

— Сагамор племени гуронов, вы всегда были честны, храбры и верны нашему королю; через мое посредство он дарует вам пятьсот ружей, пятьсот фунтов порошу, пятьсот шерстяных одеял и столько же ножей для скальпирования; ваш великий белый отец этим не ограничивается, его подарки будут, конечно, драгоценны для ваших вои-

нов, но ваш великий белый отец предлагает вам еще почетную награду для ношения.

Нагнувшись к вождю, сохранявшему во все продолжение речи полную неподвижность, он произнес:

— Король делает вас кавалером ордена святого Людовика, — и надел ему на шею ленту с крестом св. Людовика.

Вождь поклонился, поцеловал крест и отвечал:

— Отец, ты знаешь, что мы, красные люди, не так умны, как вы, белые, но в наших жилах течет красная кровь. — Голос вождя немного дрожал вследствие усилий, с которыми он старался преодолеть волнение и сохранить в присутствии своих воинов напускное бесстрашие. — Гуроны любят своего великого белого отца, что бы ни случилось, гуронские воины останутся ему верны, пока наш белый отец им не скажет: ступайте в ваши селения, мне вас больше не нужно; я отвечаю за свой народ, ты знаешь, отец, что слова, которые испускает моя грудь, идут прямо от моего сердца; мой язык не лжет. Благодарю, отец, благодарю за себя, благодарю за моих воинов.

Генерал дружески пожал вождю руку и сказал:

— Вождь, вы во всякое время можете получить от меня подарки, которые ваш великий белый отец поручил мне вам передать.

— Благодарю моего отца; как только кончится военный совет, я пришлю за этими драгоценными подарками.

— Когда хотите, вождь, все готово.

Тареа поклонился и вернулся на место.

Краснокожие не могли налюбоваться на своего вождя; они с восторгом и гордостью рассматривали его крест.

— Г-н Лебо, лесной охотник, прозванный Сурикэ.

Молодой человек стал напротив генерала.

— Г-н Лебо, честь имею вам объявить, что в силу почтеннейших просьб, с которыми обратились к его величеству, нашему все милостивейшему королю г-да де Монкальм, Дорель, барон де Водрейль и многие другие, его величество жалует вас кавалером ордена св. Людовика и 4000 ливрами ежегодной пенсии с правом для вас после смерти передать ее детям.

Из всех присутствующих один капитан Лебо позеленел от злости: он оставил службу, не получив этого отличия, которого добивался всю жизнь.

Генерал повесил крест на петлю мундира молодого че-

ловека, не скрывая, что это доставляет ему большое удовольствие: как и все, кто знал Шарля Лебо, он его искренне любил и не менее других настаивал на том, чтобы он получил вполне заслуженную награду. Молодой человек хотел удалиться на свое место.

— Подождите минуту, прошу вас; у меня есть к вам два письма, вот они: одно от Академии надписей и изящной словесности, в котором вас уведомляют, что вы назначены членом-корреспондентом этой академии; второе — от Главного Президента Парижского парламента с уведомлением, что ваше имя опять внесено в список адвокатов, и просьбой как можно скорее возвращаться в Париж, где вас ожидают с величайшим нетерпением.

— Благодарю вас, генерал, за ваши приятные известия, но долг и признательность удерживают меня здесь; с вашего позволения, генерал, я останусь в Канаде, конечно, если не произойдет вдруг какой-нибудь важной перемены и не будет заключен мир с англичанами.

— Благодарю вас за ваше благородное намерение; я знал ваш ответ заранее и очень счастлив, что не обманулся.

Молодой человек вернулся на свое место.

Потом генерал вызвал Бесследного.

Храбрый охотник был этим немало удивлен: он предполагал, что все его геройские поступки были очень обыкновенными.

Он получил крест св. Людовика и 4000 ливров пенсии, переходящей к его детям.

Бесследный буквально обезумел от радости.

Восторг его был тем сильнее, что он совсем не ожидал такого сюрприза.

Генерал встал и сказал:

— Теперь очередь Мишеля Белюмера, но он отправлен с поручением величайшей важности и, конечно, еще не успел вернуться.

— Здесь, генерал, — раздался звучный голос с едва заметным оттенком насмешки, — к вашим услугам, генерал.

— Как, вы уже вернулись? — с удивлением вскричал генерал, увидав, что Белюмер выходит из толпы.

— Когда знаешь, что предстоит сделать доброе дело и спасти невинного, ноги идут необыкновенно быстро и не страшно никакое препятствие; я слетал туда и назад менее чем в месяц; правда, я шел прямой дорогой, как хо-

дят индейцы; ехал на лошадях, когда представлялась возможность, опускался по рекам в пирогах; таким образом я беспрепятственно и без всяких приключений прибыл в Новый Орлеан; вернулся я на контрабандном судне, которое высадило меня в Квебеке.

— Значит, все благополучно?

— Все кончилось благополучно, генерал, и согласно вашему желанию.

— Дайте мне отчет в нескольких словах.

— Слушаю, генерал: по приказанию правительства Луизианы молодая девушка была похищена с корабля, на котором ее держали как пленницу, и передана в руки правительства; к ней отнеслись с величайшим почтением; на другой день должен был сняться с якоря один бременский корабль; его наняло для себя знатное семейство графа Рошмора, состоящее из отца, матери и дочери; все они ехали в Дьепп; правительство обратилось к Рошмору, отцу, с ходатайством о молодой девушке; как только граф Рошмор узнал фамилию прелестного ребенка — ей только восемнадцать лет, — граф, говорю я, не только согласился взять ее на свой корабль, но и обязался отвезти прямо к родным. Молодая девушка плакала от радости и благодарила меня, как будто я сделал что-нибудь необыкновенное; она было хотела всунуть мне в карман сверток золота, но вы понимаете, генерал, я, конечно, отказался; тогда она меня поцеловала, как отца; и это имело на меня такое действие, что я разревелся, как теленок; вот и все, генерал; а! нет! простите; губернатор передал мне письмо для вручения вам; вот оно, теперь уж все, генерал.

— Благодарю вас, Белюмер; вы спасли честного и храброго воина, которого я не хочу называть; движимый страстью — безумной страстью мщения, — он без вас стал бы преступником; надеюсь, теперь он поймет, что за преступление нельзя мстить еще худшим преступлением, притом направленным на существо ни в чем не повинное.

— Я тут ни при чем, генерал, я ничего не сделал.

— Да, — отвечал, улыбаясь, генерал, — я знаю, вы все так привыкли поступать хорошо и благородно, что потеряли счет своим подвигам. А теперь, когда мы уже порешили, что вы не имеете права на награду, я объявляю вам, что его величество жалует вам крест св. Людовика и

3000 ливров пенсiona, которые будут выдаваться и вашим детям.

— Как?! — вскричал пораженный охотник. — Я, простой охотник, получаю офицерскую награду?! Наверное, я этим обязан Сурикэ!

И он расхохотался, радостно потирая руки.

Генерал надел на него крест.

Все охотники наперебой поздравляли своего старого друга; они от души радовались, что почетное отличие выпало на долю этого достойного человека, вполне и давно его заслужившего.

Под конец этой сцены капитан Лебо, видя, что все так долго им лелеянные планы разом рушились в тот самый момент, когда он уже считал успех обеспеченным, почувствовал, что он близок к сумасшествию; сердце его раздиралось безумными страстями; с лицом, искаженным злобой и ненавистью, он вышел незамеченным из зала заседания.

По знаку генерала сержант Ларутин начал восстанавливать спокойствие в публике и после неимоверных усилий достиг своей цели.

Генерал встал.

— Господа, — сказал он, — теперь я исполнил приятную часть моей обязанности: я от имени короля наградил людей, которые хорошо служили его величеству королю Франции; теперь, также от имени короля, я приступаю к суду.

И, обращаясь к сержанту Ларутину, он сказал:

— Велите ввести графа де Витре.

Сержант Ларутин вышел.

Глубокое молчание водворилось в собрании, заключавшем в себе по крайней мере пятьсот человек.

Все взоры обратились к двери, через которую должен был войти граф де Витре.

Вскоре послышались мерные и тяжелые шаги, дверь отворилась.

Ропот пробежал по тесным рядам присутствующих, потом снова водворилось молчание, глубокое и мрачное.

Граф де Витре был окружен взводом, состоявшим из флотских солдат, милиционеров и гуронских воинов.

В сопровождении этой свиты он подошел и стал против генерала; по приказанию своего начальника солдаты немного отошли и образовали полукруг по обеим сторонам преступника.

Лицо графа было мертвенно-бледно, но осанка по-прежнему высокомерна, выражение лица насмешливо; глаза сверкали; он скрестил руки на груди и ждал с презрительной улыбкой на губах.

— Вы, — начал главнокомандующий, — граф Рене, Денис де Витре, барон де Кастель-Моруа, капитан флота его величества короля Франции и кавалер ордена св. Духа, отвечайте.

— Все это верно, но для чего вся эта комедия? — сказал он, презрительно пожимая плечами.

Генерал сделал вид, что не слышал дерзкого ответа, и продолжал с невозмутимым хладнокровием.

— Вы обвиняетесь в измене: во-первых, дознано, что вы провели неприятельскую эскадру через незнакомые извилины и мели фарватера реки Св. Лаврентия; во-вторых, вы указали им пункт для десанта на нашу территорию и служили сами проводником при высадке англичан у Фулонской бухты; вы были арестованы при совершении последнего преступления; военный совет имеет все доказательства вашей двукратной измены. Что вы скажете в свое оправдание?

— Ничего, я тем упрощу вам задачу, — отвечал он со смехом.

Генерал продолжал спокойно, невозмутимо:

— Военный совет, заседавший в Бопорте, приговорил вас к повешению.

— К повешению?! — запальчиво закричал граф. — К повешению?! Меня, дворянина?!

— Вы более не дворянин; дворянство выбросило вас из своей среды как лицо, недостойное принадлежать в этому сословию.

Граф сделал движение как бы для того, чтобы рвануться вперед, глаза сверкали магнетическим блеском, густая пена выступила по углам рта, все его тело дрожало и конвульсивно вздрагивало; им овладело невыразимое бешенство; но, вероятно, рассудив, что сила не на его стороне, он остановился.

— Делайте что хотите, — гордо произнес он, — за вами право сильного.

— Введите профоса, — холодно сказал генерал.

Вошел профос.

— Совершите обряд лишения дворянства над подсудимым, — сказал главнокомандующий.

Граф де Меренвиль сорвал с графа офицерский крест св. Людовика и орден св. Духа и передал их генералу.

Тогда профос приступил к церемонии лишения дворянства: ударом топора он разбил щит с гербом подсудимого, изготовленный нарочно для этого случая, и куски щита были немедленно сожжены, двумя ударами молота он разбил его шпоры.

Совершая это, профос говорил громким голосом:

— Щит этот носит герб изменника; шпоры эти принадлежат изменнику, этот жалкий изменник в данную минуту не более как преступный простолюдин, и с ним будет поступлено, как с простолудином; французское дворянство, обесчещенное им, изгоняет его из своей среды именем его величества короля, первого из дворян и главы французского дворянства.

Затем профос отошел назад.

— Позовите одного из тех храбрых моряков, которые были так бессовестно проданы неприятелю.

Вошел флотский солдат.

— Этот мужественный солдат, — начал дрожащим голосом генерал, — находился на фрегате «Слава», которым командовал изменник; он и многие другие бросились за борт, рискуя погибнуть в волнах, предпочитая лучше умереть, нежели содействовать измене своего начальника; тем, кто не последовал их примеру, достались плен и оковы. Ваше имя, достойный воин!

— Бутондор, генерал.

— Бутондор, разжалуйте подсудимого; он более не достоин носить военный мундир.

— Благодарю вас, генерал, за себя и за моих товарищей.

Бутондор через голову снял с графа офицерскую шпагу, ударил его шпагой по бедрам и переломил клинок; потом сорвал эполеты и ударил ими преступника по щекам.

Негодяй испустил крик ярости.

— Вот шпага изменника, — говорил солдат, — вот эполеты изменника.

Срывая с него одну пуговицу за другой, он продолжал повторять те же слова.

Дошла очередь до шляпы; моряк сорвал кокарду, опять ударив ею графа по щекам, потом ударом приклада по бедрам заставил его упасть на колени и сказал:

— Армия по примеру дворянства выбрасывает из своей среды этого жалкого изменника.

— Готовьтесь отправиться в Квебек, где вас повесят в присутствии всей армии и всего населения, которое вы так бесовестно продали.

Тареа и Шарль Лебо встали и просили права слова.

— Говорите, господа, — сказал генерал.

— Генерал, — сказал Шарль Лебо, — сагамор гуронов и я имеем обратиться к вам с одной и той же просьбой, позволите ли вы мне говорить за себя и за моего друга?

— Конечно, — отвечал генерал, — я даже думаю, что так будет лучше; прошу вас, говорите, г-н Лебо, я вас слушаю.

— Генерал, — сказал Сурикэ, — в Канаде существует обычай, по которому всякий пленник составляет собственность того, кто его захватил в плен; обычай этот прочно установился и касается, главным образом, всех краснокожих и лесных охотников; до сих пор их привилегии еще никогда не были нарушены.

— Они не будут нарушены и теперь, г-н Лебо, — любезно отвечал генерал.

— Знаю, генерал.

— Так вы требуете выполнения одной из этих привилегий?

— Так точно, генерал.

— Потрудитесь мне напомнить, в чем дело.

— Подсудимый был арестован в ночь с 12-го на 13-е сентября, посреди неприятельской армии.

— Это мне известно.

— Но, может быть, вы забыли или не знаете, кому удалось арестовать изменника.

— Постойте, не вам ли, г-н Лебо?

— Да, генерал, но я был не один; меня сопровождали три известных вам лесных охотника, они здесь, и человек двадцать гуронских воинов под начальством сагамора Тареа.

— Все это совершенно верно; следовательно, вы требуете исполнения вашей привилегии.

— Да, генерал, — отвечал охотник.

Генерал, по-видимому, был в раздумье.

— Человек этот приговорен к смерти военным советом.

— Он будет казнен сегодня же, генерал.

— И ничего не выиграет от перемены, — сказал Мишель Белюмер, который любил всюду немного сунуть свой нос, — краснокожие страшно против него настроены и намерены обойтись с ним по его заслугам.

— Мне необходимо тотчас же отправиться в Квебек.

— Приговор будет немедленно приведен в исполнение, — возразил охотник. — В чем должна состоять казнь, я не знаю; краснокожим принадлежит право определить ее.

— Он в хороших руках, — прибавил со смехом Белюмер.

— Я не могу нарушить ваши привилегии, г-н Лебо; делайте с этим человеком что хотите.

Тареа дал знак; четыре воина схватили экс-графа и связали его.

— Я приговорен к повешению, — кричал несчастный, — никто не имеет права изменять род казни.

— Негодяй — трус, как все шпионы, — с отвращением произнес генерал, — он испугался физических мук.

Несмотря на крики и проклятия изменника, гуроны потащили его за собой, и долго еще слышались его яростные вопли.

Генерал принял приглашение на обед, с которым к нему обратился граф де Меренвиль.

Марта не могла скрыть сильнейшей радости при виде своего жениха, украшенного крестом св. Людовика.

— Ну, поцелуй же его, — добродушно сказал граф, — и поблагодари генерала.

— О! С величайшим удовольствием, — сказала она, подставив лоб главнокомандующему, до которого тот коснулся губами.

Потом она бросилась в объятия жениха, смеясь и плача в одно и то же время.

Сели за стол.

— Признаюсь, — сказал генерал Шарлю Лебо, — я вам весьма благодарен: вы избавили меня от крайне тяжелой обязанности.

— Я подумал, генерал, что вам будет неприятно, чтобы не сказать больше, везти этого человека в Квебек и вешать его в присутствии всего населения и армии; всегда следует избегать подобных зрелищ для народа; разумеется, вы ничего не имеете против того, чтобы избавиться от исполнения такого тяжелого служебного долга.

— Без сомнения, я думал об этом почти с ужасом.

— Я перебрал все мои адвокатские ресурсы, ища, чем бы вам помочь, и наконец нашел, но благодаря Тареа.

— Я вижу, вы будете моим другом, как были другом покойного генерала, о котором мы не перестаем сожалеть.

— Верьте в мою давнишнюю преданность, генерал.

— Благодарю вас, — отвечал генерал, пожимая ему руку, — надеюсь, вы скоро вернетесь в Квебек; вы так необходимы.

— Как только мы окончим дело, которое нас здесь задерживает, мы опять к вашим услугам, генерал.

— Хорошо; помните, вы дали слово, — сказал главнокомандующий.

— Вы можете положиться на мое слово, генерал.

Через час главнокомандующий выехал из селения, где оставлял одних друзей; Тареа дал ему проводниками четырех надежных воинов.

Незадолго до полудня в зале совета собралось многочисленное общество.

На этот раз присутствовали две дамы: Свет Лесов и Марта де Прэль; они сели поодаль. Напротив них поместились Мрачный Взгляд, капитан Лебо и Жак Дусе.

Капитан Лебо так изменился, что его трудно было узнать: в один час он постарел на двадцать лет; он выходил из себя от отчаяния, видя, что его жертва ускользнула из его когтей.

Шарль Лебо председательствовал на собрании, по правую руку его сидел Тареа, по левую — Бесследный, потом Мишель Бнлюмер и, наконец, по праву старшинства и заслугам главные гуронские вожди, составлявшие великий совет гуронского племени; они расположились кругом специально выкопанной ямы, посреди которой горел священный огонь совета.

Тареа встал и вежливо поклонился охотникам.

— Приветствую моих братьев, посетивших наше селение; они будут присутствовать при великом и справедливом суде; мы будем судить бледнолицего, и, для того чтобы наш суд не был пристрастен, приглашаю вас, бледнолицые братья, призываем вас соединиться с нами в этом совете; мы предложили разделить с нами председательство Сурикэ, самому любимому и самому справедливому из всех бледнолицых, населяющих высокие и низкие страны. Хорошо ли я говорил, могущественные наши гости?

Тареа поклонился и сел на свое место.

Согласно индейскому этикету, Сурикэ подождал несколько минут, потом встал и отвечал следующее:

— Сагамор и главный вождь грозного племени гуронов,

благодарю вас от себя и от имени моих братьев; пленник этот принадлежит вам; но по своему беспристрастию вы поняли, что справедливость требует, чтобы этот бледнолицый, отвергнутый своим народом, судился нами, так как мы должны покарать его за несколько преступлений, до которых нет дела белым судьям.

Произнеся эту речь, Сурикэ вернулся на свое место.

Через минуту сагамор сделал знак гашесто, публичному глашатаю гуронского племени.

Глашатай подал вождю большую «трубку мира» и уголек, чтобы ее зажечь.

Вождь совершил все предписываемые его религией обряды в честь Ваконды, имеющие целью умиловить бога; затем «трубка мира» два раза обошла всех присутствующих.

По окончании этой церемонии водворилось довольно продолжительное молчание; наконец вождь сделал знак гашесто; тот поклонился и вышел из зала.

Вожди и охотники зажгли трубки и молча курили.

В зале царило тяжелое молчание.

Отворилась дверь, и в комнату вошел преступник, крепко связанный, только ноги его были оставлены для того, чтобы он имел возможность их передвигать.

Десять воинов сопровождали подсудимого.

Странно было смотреть на экс-графа: он потерял человеческий облик; судорожно подергивающееся лицо выражало отвратительную трусость и малодушие; глаза горели мрачным огнем; широко раскрытый рот вздрагивал; все тело дрожало; голос стал беззвучным и не повиновался ему.

— Я желаю быть повешенным, — сказал он тем однозвучным тоном, которым говорят сумасшедшие.

— Если подсудимый будет продолжать говорить, когда его не спрашивают, ему завяжут рот, — холодно прервал его Сурикэ.

Несчастный замолчал.

— Кто здесь является обвинителем этого человека? — спросил Сурикэ.

— Я, Лебо, капитан роты ста швейцарцев его величества.

— И я, — сказал, вставая, Мрачный Взгляд, — я граф де Вилен.

— И я, — в свою очередь, заявил ювелир, — прошу

считать меня свидетелем: меня зовут Ивон, — сказал Жак Дусе.

— За вами право слова, капитан Лебо, — сказал Сурикэ.

Мы не будем повторять тот тяжелый рассказ, который уже подробно передали из предыдущих глав.

Дамы рыдали и содрагались от ужаса по мере того, как перед ними разворачивался целый ряд позорных преступлений.

Граф Меренвиль, сидевший между ними, старался насколько возможно их утешить и ободрить.

Подсудимый, казалось, не слышал ничего из того, что говорилось; он опустил голову на грудь и стоял мрачный и угрюмый, не протестуя ни одним словом на все накапливавшиеся против него обвинения. Один раз он подал голос: это было тогда, когда граф де Вилен стал читать некоторые секретные бумаги подсудимого, и в особенности, когда граф де Вилен объявил, что экс-граф де Витре заплатил миллион ливров одному авантюристу за убийство шести человек, от которых пожелал отделаться.

Изменник вдруг выпрямился, глаза его налились кровью, у рта показалась пена.

— Это ложь, — вскричал он, — клянусь, что этот человек солгал!..

Граф де Вилен улыбнулся, подошел к подсудимому и уставил на него пристальный взгляд.

— А! — сказал он грозным голосом. — А! Мое обвинение — ложь, ты клянешься, что я солгал.

— Да, да, — бормотал тот глухим голосом, точно во сне.

— А! — возразил граф. — Хорошо! Так ты забыл Луисбург, дом Каймана и Матье, с которым ужинал.

— Теперь я нашел тебя, проклятый демон, ищущий моей гибели! — И он сделал движение, чтобы броситься на графа, но потерял равновесие и упал на руки солдат, которые его поддерживали. Я хочу его убить! — продолжал он кричать. — Это демон, я хочу его убить.

Между тем граф де Вилен взял обеих женщин за руки.

— Вот м-м Луиза Лебо, которую ты обесчестил и на которой я женился, чтобы покрыть ее позор; вот твоя дочь, которую я назвал своей; ты желал ее похитить, как похитил мою бедную Луизу. Она обязана своим спасением графу де Меренвилю; ты сам заплатил мне за то, что-

бы я убил его, этих двух женщин, Сурикэ и еще нескольких ни в чем не повинных лиц; но я следил за тобой, несчастный, и Господь, олицетворение добра и справедливости, тебя покинул: умри же как собака, умри обесчещенным и презираемым всеми, кто тебя знал.

Обе женщины, рыдая, бросились в объятия графа де Вилена.

Преступник казался оглушенным неожиданностью; но вдруг он выпрямился, лицо его прояснилось, и он расхохотался каким-то металлическим смехом, тяжело отозвавшимся на нервах присутствующих.

Он потерял рассудок.

Дело принимало неожиданный и крайне серьезный оборот: сумасшедшие очень уважаются индейцами; Шарль Лебо бросил тревожный взгляд на Тареа.

Но вождь сейчас же сообразил, в чем дело, и одним словом вывел всех из затруднения.

— На костер этого жалкого труса! Он притворяется безумным и думает, что ему удастся нас обмануть; пусть же он умрет в муках!

Преступника тотчас же схватили и привязали к столбу; припадок безумия, на минуту его охвативший, прошел, к несчастью для него, потому что в течение девяти часов он подвергался жесточайшим пыткам.

Но граф умер так, как жил, не выразив ничем раскаяния в своей преступной жизни, умер как собака, согласно предсказанию Жоржа де Вилена.

.....
.....
.....
.....

Несмотря на многие выгоды своего положения, дело англичан медленно продвигалось вперед; им понадобилось еще два года для того, чтобы наконец отнять у французов Канаду.

В течение этих двух лет французы вели себя героически; уступая требованиям де Водрейля, генерал де Леви был вынужден сложить оружие и распустить милицию; англичане старались всеми возможными средствами привлечь на свою сторону население, и потому милиционеры остались собственниками своих домов.

Но все эти любезности принесли англичанам мало пользы.

Бесследный и Мишель Белюмер сговорились с другими лесными охотниками и рабочими, и в одно прекрасное утро дома их оказались покинутыми своими обитателями, унесшими с собой двери, окна, всю мебель и всю домашнюю утварь.

Остались только те, кого удерживали дома слишком значительные интересы.

Таким образом, первоначально осталась четвертая часть промышленного населения, но впоследствии выселось и еще значительное число рабочих: им было трудно ужиться с англичанами, последние слишком давали им чувствовать тяжесть своего владычества.

Со временем из смешения французских эмигрантов и индейцев образовалось то энергическое племя, которое после продолжительной войны свергло английское иго и основало республику Красной Реки, принудивши англичан признать самостоятельность новорожденного государства.

Меренвиль продал за бесценок все свои земли в Канаде и переселился со своим семейством в Луизиану, куда за ним последовали граф де Вилсн с женой и приемной дочерью и оба Лебо.

В самом непродолжительном времени была весело отпразднована свадьба Шарля и Марты де Вилсн. Все их родные и друзья душевно радовались этому событию, которое пришлось тем более кстати, что все они нуждались в душевном отдыхе после стольких потрясений.

Через несколько дней капитан Лебо отправился во Францию — он хотел провести остаток дней в Марлоке, своем родном городе.

— Мне не нужно большого состояния, — сказал он сыну, — возьми эти шестьсот тысяч ливров, я не знаю, что с ними делать, и прости меня за все зло, которое я тебе сделал; я сознаю наконец, что был не прав относительно тебя и себя самого; ненависть — дурная советчица, сын мой, а месть всегда обещает больше, чем она может дать.

Он вздохнул со слезами, обнял сына и уехал в сопровождении своего друга Лефериля.

Через два года Шарль Лебо узнал о смерти отца от нотариуса, который сообщал ему также о семистах тысячах ливров, завещанных в его пользу покойным.

Герои нашего рассказа были наконец настолько счастливы, насколько это допускается человеческим разумом.

Шарль Лебо несколько раз ездил в Париж и жил там по несколько лет; тогда-то написал он свои записки, посвященные, если не ошибаюсь, великому герцогу Курляндии. Записки эти составляют два маленьких тома, украшенных гравюрами; в настоящее время они представляют библиографическую редкость.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Читатель знакомится с некоторыми из главных действующих лиц этой правдивой истории 7

ГЛАВА II

Профиль нашего героя 22

ГЛАВА III

«Lettre de cachet» 36

ГЛАВА IV

Авантюрист поневоле 55

ГЛАВА V

Глава несколько серьезная, но прочитать ее необходимо для уразумения последующих событий 71

ГЛАВА VI

Где снова является граф Рене де Витре и засыпает против воли 90

ГЛАВА VII

Французская армия отправляется разыскивать английские силы 105

ГЛАВА VIII

Где положение становится затруднительным . . . 120

ГЛАВА IX

Где вполне обрисовывается фигура Сурикэ 134

ГЛАВА X

Сдача фортов Шуежена 148

ГЛАВА XI

Граф де Витре просыпается 162

ГЛАВА XII	
Граф де Витре получает луч надежды	176
ГЛАВА XIII	
Что произошло у порогов Лося между Мрачным Взглядом и Сурикэ	190
ГЛАВА XIV	
Витре все еще ищет, но ничего не находит	204
ГЛАВА XV	
Где подготавливаются важные события	217

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I	
Как путешествовали по Канаде во время владычества французов	231
ГЛАВА II	
Сурикэ начинает подозревать, что Марта де Прэль интересуется им	242
ГЛАВА III	
Нигамон думает, что ему удалось устроить выгодное предприятие	254
ГЛАВА IV	
Ужасные четверть часа для Нигамона и его войска	267
ГЛАВА V	
Как граф Рене де Витре встретил Сурикэ и что из этого произошло	280
ГЛАВА VI	
Как Сурикэ был приятно поражен, узнав о желании г-жи Меренвиль вернуться обратно в Канаду	294
ГЛАВА VII	
Сурикэ делает приятный сюрприз графине Меренвиль	306
ГЛАВА VIII	
Два типа дворян негодяев	318

ГЛАВА IX

О том, как двадцать тысяч англичан
атаковали форт Карильон и были, к их стыду,
отбиты тремя тысячами пятьюдесятью восемью
французами 331

ГЛАВА X

О том, как в доброе старое время умели
веселиться дворяне, когда были в хорошем
расположении духа 345

ГЛАВА XI

О том, как в нашей несчастной колонии
горизонт становился час от часу мрачнее 360

ГЛАВА XII

О том, как Биго совершил прогулку,
принесшую ему три миллиона, но тем
не менее остался ею неудовлетворенным 377

ГЛАВА XIII

О том, каким образом генерал Вольф,
несмотря на превосходство своих сил,
проиграл сражение при Монморанси 396

ГЛАВА XIV

Смерть маркиза Монкальма,
битва при Квебеке 411

ГЛАВА XV

В которой каждый получает
вознаграждение по заслугам 424

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 14

Редактор *Э. Пономарева*

Корректоры *Ю. Диамент, А. Ключикова*

Компьютерная верстка *А. Мынко*

ЛР №030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 11.08.94.

Формат 84 x 108 1/32 Бумага тип. № 2. Печать высокая.

Усл.печ.л.23,52. Уч.-изд. л. 25,63.

Тираж 30 000 экз. Заказ 1300

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,

Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета в АООТ «Ярославский полиграф-
комбинат» Комитета Российской Федерации по печати.

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Scan Kreyder - 27.11.2017 - STERLITAMAK

